

ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

Николай
Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Николай Долгополов
ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ-3

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2021

ИНФОРМАЦИЯ
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Долгополов Н. М.

Легендарные разведчики-3 / Николай Долгополов. — М.: Молодая гвардия, 2021. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1868).
ISBN 978-5-235-04651-1

Новая книга известного автора посвящена 100-летию создания отечественной внешней разведки ИНО — ПГУ — СВР. Главная ее особенность: новые, только что открытые герои, в основном разведчики-

нелегалы. Некоторых из них, а также их жен и боевых спутниц автор знал лично. Вы познакомитесь с Героем Советского Союза Михаилом Васенковым, ушедшим в разведку еще во второй половине 1970-х, с Героями России Юрием Шевченко и Виталием Нетыксой и несколькими другими выдающимися разведчиками, чьи подвиги буквально до последних месяцев были под грифом «Совершенно секретно», узнаете имя первого послевоенного Героя Советского Союза среди разведчиков. Специально для этой книги частично рассекречены личное дело великого Кима Филби и добытые им важнейшие документы. Вам будет представлен таинственный нелегал из Берлина, работавший под оперативным псевдонимом «Топаз», о котором знаменитый генерал Маркус Вольф (и он присутствует в этой книге) говорил, что его настоящее имя никогда не будет предано огласке, а автор приводит откровеннейшую исповедь этого фантастического разведчика. В Шотландии автор общался с прототипом Джеймса Бонда — сэром Фицроем Маклином, который под прикрытием дипломата работал в Москве еще в 1930-е годы и закончил свою успешную деятельность в 1990-х годах.

16+

© Долгополов Н. М., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

100-летию ВЧК — ПГУ — СВР посвящается

ЗАЩИТА ОТ ВНЕШНИХ УГРОЗ

Дорогие мои читатели! Многих героев книги «Легендарные разведчики-3» мне выпало счастье знать лично.

Со скепсисом отношусь к разного рода юбилеям. Не мое это — подгонять подвиги под даты. Но не под эту. 20 декабря 1920 года была создана советская внешняя разведка — ИНО, потом переименованная в Первое главное управление. В новой России — это Служба внешней разведки.

Хотим мы того или не очень, однако все мы с ней связаны, возможно, и не подозревая об этом. Именно внешняя разведка тихо, неброско, без шума во многом обеспечивает безопасность страны, где мы проживаем. Это она защищает Россию и нас от внешних угроз. А они, тут и убеждать никого не надо, никуда не исчезли.

Когда за «Легендарными разведчиками-1» последовали благожелательно принятые вами «Легендарные-2», был не уверен, последует ли продолжение. Не потому, что иссяк запас настоящих героев разведки. Их — немало, но, как и положено, многие еще не раскрыты.

А хотелось рассказать о славных и героических людях. Незаметных, терпеливых, преданных, мужественных, очень рискованных. Со всеми, без единого исключения, общаться приятно, радостно. Порой приходит невольное ощущение: они выше, чище, образованнее. До героев разведки мне, нам еще тянуться и тянуться.

Открывает занавес старейший чекист России Борис Игнатьевич Гудзь — это самые истоки, времена Феликса Дзержинского, Артура Артузова, организация и становление предтечи внешней разведки — ИНО. А при начальнике разведки военных лет Павле Михайловиче Фитине наша разведка знала все. Вот только имя и дела Фитина по разным причинам подзабылись. Что же, давайте обязательно вспомним.

О многих соратниках Абеля–Фишера, Вартаняна, Филби ... известно не просто немного, а мало, совсем мало. И директор Службы внешней разведки Сергей Евгеньевич Нарышкин понял это и в начале 2020 года, сняв гриф секретности, раскрыл имена нескольких наших выдающихся разведчиков.

С изумлением понял: с некоторыми из них уже знаком, о других слышал от их близких. Готовя десять лет назад книгу о первом Герое Советского Союза среди разведчиков-нелегалов Геворке Андреевиче Вартаняне, встречался с его соратником — полковником Юрием Шевченко. Он много чего поведал о Вартаняне и о себе. Горжусь, что присутствовал на торжестве, когда Юрию Анатольевичу, пусть и вдали от наших глаз, президент Владимир Путин вручал Звезду Героя. И теперь в «Легендарных разведчиках-3» о Юрии Анатольевиче Шевченко можно рассказать гораздо подробнее.

Тогда же состоялся разговор с Героем Советского Союза нелегалом Михаилом Анатольевичем Васенковым. Это интервью, полагаю, в силу разных причин единственное, которое дал в своей жизни Васенков, предлагается вашему вниманию.

Еще до этого судьба свела с полковником-нелегалом Тамарой Ивановной (фамилии не знал), которая рассказывала о своем учителе — знаменитой разведчице Африке де лас Эрас. Упомянула полковник — без особых подробностей — о муже, вместе с которым на десятилетия ушла в разведку. Теперь имя генерала, Героя России Виталия Вячеславовича Нетыксы раскритиковано. И рассказ не просто полковника-нелегала Тамары Ивановны, а Тамары Ивановны Нетыкса кажется мне настоящим признанием в любви к недавно ушедшему из жизни мужу-Герою.

Как переживала во время наших прежних встреч еще один полковник Людмила Ивановна Нуйкина, что не может раскрыть имя мужа-нелегала, к сожалению, скончавшегося. А в этой книге Виталий Алексеевич Нуйкин и его славные дела представлены относительно подробно.

Не сочтите нескромным, но именно в «Легендарных разведчиках-3» в первый раз приведено имя Владимира Горового. Вряд ли оно,

суперзасекреченное, вам встречалось. Мы познакомились и случайно, и не случайно: выступали перед школьниками, кадетами. И только тогда до меня дошло: а ведь Владимир Ильич Горовой — это первый среди всех разведчиков Герой Советского Союза послевоенной эпохи. Глава, скорее главка о нем, небольшая. Зато открытие Героя все-таки произошло.

Но это далеко не все тайны, раскрытые в «Легендарных разведчиках-3». Мы уж точно первыми за послевоенные 75 лет сможем заглянуть в один из томов личного дела Кима Филби и перелистать несколько страниц. По распоряжению директора СВР с десятка документов «Топ сикрет», добытых великим Филби, снят гриф секретности. Теперь они перед вами.

Впервые познакомьтесь с биографией сержанта Бориса Иванова из Вологды, который еще в начале войны полностью обставил абвер в радиоигре «Хозяин», а потом дорос до первого заместителя начальника всей отечественной внешней разведки. Решился рассказать о старом знакомом, тогдашнем дуайене внешней разведки генерал-лейтенанте Вадиме Алексеевиче Кирпиченко. Именно он был наставником первого директора Службы внешней разведки академика Евгения Максимовича Примакова. А еще дружил, что не менее важно, с президентом Египта Гамалем Абдель Насером и со многими лидерами стран Ближнего Востока.

За те почти три десятилетия, что пишу о разведке, мне была предоставлена честь общения со многими ее героями. Среди них Виталий Коротков и Георгий Санников. Обоим — за 90. Виталий Викторович, которого считаю кладезем знаний, помог понять, кто же такая на самом деле Ольга Чехова — родственница великого Чехова, киноактриса рейха, любимица Гитлера. И к тому же наша разведчица? Или нет? А Георгий Захарович, хотя в наши 2020-е годы в это сложно поверить, гонялся еще после войны за бандеровцами. Их ловили, перевербовывали, обращали в нашу веру или уничтожали — рассказ очень жесткий, самокритичный — оттого и ценный.

Разведка немыслима без помощи друзей. Мне посчастливилось в течение нескольких лет находиться в контакте с генералом Маркусом Вольфом. Он человек везучий, и я наудачу носил в своем кошельке визитную карточку генерала с написанными им от руки номером мобильного телефона и электронным адресом. Созданная Вольфом Служба внешней разведки ГДР считалась лучшей, или одной из лучших, в мире. В главе о Маркусе — и он, и целая галерея его феноменальных агентов. Кроме одного — «Топаза», самого ценного, о котором, как уверял меня Вольф, время говорить еще не пришло. Однако время идет и летит. Недавно «Топаз» приезжал в Москву. И искренне надеюсь, что наша долгая и откровеннейшая беседа с разведчиком Райнером Руппом, он же «Топаз», и его женой, оперативный псевдоним «Бирюза», не останется вами незамеченной.

И для меня самого удивительно, но уж так получилось, что был лично знаком с двумя шпионами, против нас работавшими. Шотландец Фицрой Маклин, прототип агента 007 Джеймса Бонда, начинал еще в середине 1930-х годов под дипломатическим прикрытием и продолжал аж до середины 1990-х. Волею обстоятельств пригласил меня сначала в шотландское Глазго, а потом и в свое поместье. А вот другой человек, с которым я около пяти лет трудился во Франции, не приглашал никуда. Мы сидели с ним рядом на посольских собраниях, оба были заядлыми теннисистами, но я и предположить не мог, что он — завербованный английский агент, который на моих глазах, сбежав из Парижа, предал всех, кого только мог. Как это произошло? Прочитаете и узнаете.

Разведка немыслима без мифов. И в заключительной главе я пытаюсь разъяснить, что здесь ложь, вымысел, а что — правда. Помогает в этом дочь писателя Юлиана Семенова, которого без сомнения признаю отцом-основателем целого литературного направления, к которому и себя причисляю.

Благодарю вас, мои дорогие читатели, за внимание к книге, за интерес к разведке, вступающей во второй век своей славной, сложной, порой непредсказуемой истории. Счастлив, что мы по-прежнему вместе. Кто знает, быть может, нам еще предстоит новые встречи и новые открытия?

Ваш Николай Долгополов,

дважды лауреат литературной премии Службы внешней разведки

СТАРЕЙШИЙ ЧЕКИСТ РОССИИ:

БОРИС ИГНАТЬЕВИЧ ГУДЗЬ

Бригадный комиссар ЧК Борис Гудзь скончался в 2006-м на 105-м году жизни.

Мы познакомились с ним за два дня до его столетия. Пришел в ЧК в 1923-м. Участвовал в знаменитой операции «Трест», когда чекисты, создав мифическую подпольную организацию монархистов, семь лет дурачили лютых врагов из эмиграции, которые в результате фактически прекратили диверсионную работу против СССР. Под фамилией Гинце возглавлял легальную резидентуру в Токио. Вернувшись домой, больше года координировал работу группы Рихарда Зорге — «Рамзая» в Японии.

Уволенный из ЧК в 1938 году «за связь с врагами», он чудом избежал ареста. И сразу пересел за руль автобуса, возившего народ по маршруту Белорусский вокзал — Черемушки.

Его не пощадили, а забыли. И лишь в конце 1960-х вспомнили, «простив» несуществующие грехи. Для начала пригласили консультантом четырехсерийного фильма «Операция “Трест”», ставшего одним из пионеров советских телевизионных сериалов. Борис Игнатьевич даже сыграл крошечную роль — молодого чекиста Борю Гудзя.

Потом стали приглашать на Лубянку, внешняя разведка выделила ему заботливого помощника, который до сих пор вспоминает, как ему повезло и сколько от Бориса Игнатьевича он всего услышал.

Гудзь был последней инстанцией и ставил точку в возникавших спорах по поводу давних исторических событий, почти все участники которых или были уничтожены ежовским молохом, или уже ушли. А он, когда было ему уже за 100, в третий раз женился и на 103-м году катался на лыжах, спрашивая у меня, брать ли в санаторий свои, скоростные динамовские, или бегать на убогих санаторных.

Не уставал от моих бесконечных вопросов. Третья жена, Татьяна Демьяновна, степенная и очень спокойная женщина лет семидесяти, смотрела на меня порой с укоризной. Гудзь тихонько признавался: «Все время повторяет: Борис Игнатьевич, давайте заканчивайте эти дела. Я ей: а жить как? Чтобы жить, надо работать. И потом, эта работа придает мне на второй сотне лет жизненную энергию. Я должен работать».

Наверное, была в этом и еще одна причина наших постоянных встреч, его абсолютной безотказности. Жил Гудзь не небогато, а бедно. И эта бедность коробила меня. Видя, как подается чай с простеньким дешевым печеньем, я предложил делить гонорар за наши совместные публикации поровну. Бригадный комиссар согласился. Все было по-честному: порой без него мне было невозможно разобраться в некоторых чекистских хитросплетениях 1920-х годов.

Операция «Трест», одним из участников которой был Гудзь, потрясала и запутывала обилием имен и оперативных псевдонимов, к тому же постоянно меняющихся. И почему в начале оперативной игры с нашей стороны было так много поляков? Гудзь спокойно объяснял: а кем был Дзержинский? Он успел скорее даже не перевербовать — обратить в свою пролетарскую веру многих соотечественников, поначалу сражавшихся на другой стороне. Чрезвычайке были нужны, и очень срочно, профессионалы. Усилий и, главное, познаний своих сотрудников, только-только осваивающих работу контрразведчиков и разведчиков, явно не хватало. А польские товарищи приходили на Лубянку с одной фамилией, потом меняли ее на вторую, иногда и третью. Порой казалось, что Борис Игнатьевич ошибается в именах: да, сначала был Кияковский, потом почему-то ставший Стецкевичем. Я переспрашивал, он терпеливо объяснял. И чтобы мне окончательно не запутаться в этом лабиринте, Гудзь без всяких лишних просьб вычертил разноцветными карандашами несколько таблиц с линиями, как он говорил, всех действующих лиц «Треста». И еще посоветовал поменьше читать «нынешних авторов, пишущих об этой операции и берущих материалы с неба».

Уже после смерти Бориса Игнатьевича мне попала статья серьезного историка, полковника отставника, в которой тот жестко критиковал своего собеседника Гудзя за то, что он брал деньги за консультации. Стало обидно за них обоих. У беспощадного полковника была своя

честно заслуженная военная пенсия: если разок и заплатил, то наверняка на бедном старике не разорился. Гудзь в свои под 100, а потом и за 100 лет боролся за правду и раскрывал ее. В этом возрасте трудиться ему было наверняка сложнее, чем военному писателю-моралисту. Знаю это, потому что в конце первого года нашего с Борисом Игнатьевичем сотрудничества он обратился ко мне с честной просьбой: не всегда успевают за моими вопросами, нельзя ли оставлять их у него за несколько дней до беседы, чтобы он мог лучше подготовиться. Что скажешь, настоящий профессионал.

Мы проработали с Борисом Игнатьевичем — он, истый чекист, предпочитал трудиться в поздние вечера — четыре года. Я, типичный жаворонок, уезжал от него на последнем поезде метро со станции «Спортивная», а встречавшая дома жена передавала: звонил Гудзь, просил перезвонить. И он мне разъяснял, проверял и перепроверял.

Многое сделав, мы многое не успели. Взались было за книгу о Менжинском. Гудзь хотел издать новую, честную биографию преемника Дзержинского, но... Не публиковать же мне пару написанных вместе и вчерне глав, раскрывающих наши современные широко закрытые глаза. Это было бы как-то нечестно.

На похороны Гудзя в самом конце декабря 2006 года, которые прошли там, где хоронят многих чекистов, собрались десять человек, считая нас с писателем Теодором Гладковым. Зато все мы услышали прощальный залп почетного караула в честь бригадного комиссара.

Стараясь не изменять манеру повествования Гудзя, приведу лишь несколько эпизодов, рассказанных Борисом Игнатьевичем в откровенной трактовке и от первого лица. Записывал все наши многочасовые беседы на диктофон. К некоторым из них я подступился лишь в январе 2020-го.

А начали мы, понятно, с классической операции ЧК под названием «Трест». Слово Борису Игнатьевичу Гудзю.

«Трест» — хрестоматия разведки

Чекисты семь лет морочили голову верхушке белой эмиграции, создав в СССР подставную монархическую организацию. Думаю, я единственный участник операции «Трест», доживший до XXI века. Помощником Дзержинского, что мне некоторые приписывают, я никогда не был. Но помню детали, которые, возможно, не знал никто.

Вообще вся операция началась с Якушева — бывшего статского советника, специалиста, работавшего на советскую власть, однако скептически к ней относящегося. Скептически — не больше. И чекистам во главе с Артузовым удалось даже не перевербовать, а привлечь его на нашу сторону. Доказать, что все в прошлом, возврата к монархии нет и быть не может. А вот подставную монархическую организацию создать надо, чтобы не дать разгореться новым страстям, предотвратить террористические акты со стороны белой эмиграции. Так что в какой-то мере спасти и ее, ибо белый террор обречен на поражение, а чем ответят

на это красные, вам, гражданин Якушев, объяснять не надо. И Артузов попал в точку.

Потом включился в операцию «Трест» наш сотрудник Стецкевич. Мелькнул и исчез. Но возник Стырна. И вошел в операцию одним из главных действующих лиц. Окончил классическую гимназию. Был студентом естественного факультета Московского университета: может, прошел курс-другой. Прекрасно знал литературу. Участвовал в школьных спектаклях. Тоже имеет значение: Артузов, Якушев, Стырна — все играли в юности в любительских театральных постановках. Были они немножко и артисты.

Я и со Стырной был хорошо знаком. Нас свел Артузов. Но первый раз показался я ему слишком молодым, посчитал, что рано мне, мальчишке, в ЧК. А немного попозже, через несколько лет, все сошлось.

Александр Александрович Якушев приходил к Стырне домой. Жил тот в паршивеньком домишке в две комнаты. Домик уж давно как снесли. Квартира в отдельных эпизодах операции «Трест» превращалась в явочную. А в ней, кроме шкафа с книгами, ничего и не было: стол, кровать, три стула. Здесь же жила старушка-бабушка — мать его жены, Александры Ивановны, нашей сотрудницы, работавшей машинисткой в Особом отделе КРО. Домик был как бы семейным. Понимаете, возникли среди чекистов, вовлеченных в операцию «Трест», свои отношения. Помимо прочего, ходили мы все в один кружок по изучению марксизма-ленинизма.

И были все мы молоды. Стырне, когда вступил в операцию «Трест», исполнилось 26 лет. И в этом возрасте он руководит 47-летним действительным статским советником Якушевым. И тот, бывший генерал, его слушает, в разговоре с Артузовым хорошо отзывается: «Умный и культурный молодой человек. Настоящий интеллигент». И от себя добавлю: стойкий, выдержанный, говорит прекрасно.

Стырна в Первой мировой войне не участвовал. Вроде и опыта военного никакого, а как себя проявил в разведке! Какое соотношение возраста: в СССР совсем молодые люди, а на той стороне опытные, столько всего прошедшие и испытавшие боевые белые офицеры. Наши учились, развивались очень быстро. Перенимали, если требовалось, манеру поведения, стиль белых, набирались знаний. И как работали молодые чекисты, воспринявшие уроки Дзержинского, если вся эта публика, за кордоном собравшаяся, им поверила!

Инициатор операции Артузов чуть не с отличием окончил петербургский Политехнический институт, был совершенно сформировавшимся высококлассным инженером. Учился на кафедре металлургии профессора Грум-Гржимайло — известнейший человек, он сразу предложил Артузову остаться в институте, подобрал для любимого ученика должность конструктора по металлургии. Послал его на практику на уральские заводы. И Артур Христианович уже во второй половине 1930-х откровенно горевал: почему я не занялся тогда

любимым делом? Артузов был исключительно скромным человеком. И самокритичным. Ошибок своих не скрывал даже от молодых, которые еще только учились у него работать.

Был Артузов-Фраучи гражданином России и одновременно Швейцарии. Я думаю, сознательно не сдал в посольство свой паспорт. Предчувствовал, что пригодится. Не хотел, чтобы его настоящая фамилия Фраучи светилась в новой России. И наши российские разведчики под фамилией Фраучи работали за рубежом с его настоящим швейцарским паспортом.

Артузов, Стырна — интеллектуалы. Потому Стырну в наступившие тяжелые годы чисток потихоньку отстранили, и перестал он быть помощником начальника контрразведки. Назначили куда-то на Урал. Перевели в Иваново. С бандитизмом бороться ему было сложно. Не та хватка. Он же не оперативник, а разведчик.

Судьба Стырны — трагична, его, как и Артузова, расстреляли. Жена Стырны Александра Ивановна умерла в тюрьме. Сын их приемный был человечком неполноценным. Тогда чекисты, ответственные работники брали из приютов, детских домов приемышей. И Стырна взял мальчика, бурята по национальности. Парень был неудачным. Воспитанию не поддавался, хотя и поступил в авиационный техникум. Что с ним стало после смерти родителей — неизвестно. Вот как сложилась судьба.

А Якушева забрали раньше всех, еще в 1934-м. Обвинили черт-те в чем, дали десять лет. После тюрьмы отправили «шпиона» в лагерь, где бедный Александр Александрович протянул три года. И молодые умирали от мучений, от несправедливости, от голода. Как там ему приходилось, ответственному работнику наркомата и нашему верному помощнику? Якушев скончался в возрасте шестидесяти лет в феврале 1937 года. Я узнавал потом причину смерти. В деле написано: инфаркт. Может и так. Осталось у него трое детей. Конечно, реабилитировали Якушева, хотя и поздновато, уже после XX съезда.

Один из немногих основных участников операции «Трест», избежавший гонений, ареста и казни, это генерал-квартирмейстер царской армии и генерал-лейтенант Рабоче-крестьянской Красной армии Николай Михайлович Потапов. Не все знают, что до революции разведка как раз и относилась к квартирмейстерской службе. Так что включение в операцию генерала, добровольно перешедшего на сторону революции еще в 1917 году, вполне логично. Использовали Потапова нечасто, в основном в крупных мероприятиях, когда надо было показать пробравшимся в СССР (с нашей помощью) белым офицерам, что верхушка РККА только и ждет свержения советской власти. И Потапов с его еще той, гвардейской, выправкой, благородными манерами с ролью военного руководителя Монархистской организации справлялся прекрасно. Как было ему не поверить. Потапов дожил до 1946 года, скончался в Москве и был с воинскими почестями похоронен на Новодевичьем кладбище.

Теперь о противниках. Был такой агент Опперпут. Получал от нас деньги, но небольшие, для шикарной жизни, которую он вел, ясно, не хватало. Была у него крыша: он — нэпман.

Я ему еще в 1923 году передавал доллары — из рук в руки. Заглядывал к нему несколько раз на старую квартиру в Серебряном переулке, а он весь такой льстивый, услужливый, заискивающий. Человек для меня неприятный, дел с ним иметь не хотелось. Спрашивал: «Расписки не надо?» Никаких расписок я с него не брал. Давал что-то долларов 200. Другой бы поблагодарил — и все. А этот чуть не сгибался в поклоне. Было ему 32 года. Успел повоевать в мировую — опытный вояка.

И когда проверять «Трест» были посланы из Парижа Мария Захарченко-Шульц и ее муж капитан Георгий Радкевич, мы этого Опперпута активно использовали. Захарченко с мужем нелегально перешли польскую границу — и сразу к нам. Надо было где-то парочку селить, якобы укрывать.

Мы их убедили: нельзя вас держать в одном месте — конспирация. И оказались они в отрыве друг от друга. Так что советоваться, обсуждать ситуацию сложно. А чтобы было еще сложнее, Захарченко то и дело постоянно перевозили с квартиры Опперпута на конспиративную дачу.

Почему я в курсе этих деталей? Потому что Владимир Андреевич Стырна привлек к работе в «Тресте» жену своего ближайшего друга по гимназии — Марию Ивановну К., которую я прекрасно знал. А ее мужа Стырна превратил в хозяина явочной дачи, на которой трестовики-чекисты позже тайно принимали Сиднея Рейли и устраивали в честь шпиона банкет. Мария Ивановна из дворянской семьи, училась, если память не изменяет, в Институте благородных девиц. Но была человеком глубоко советским. И Стырна придумал ей легенду: она контрреволюционерка, опекает и охраняет Марию Захарченко-Шульц, чтобы не сделала посланница руководителя Русского общевойскового союза (РОВС) Кутепова какого-то неловкого шага, не провалилась. Ведь та ничего о жизни в СССР не знала, как держаться в нашей среде, представления не имела. И К. должна была приучать гостью к обстановке.

Когда Шульц находилась в Москве, то жила в квартире Опперпута. Сблизились. Рядом жена и маленькая дочка хозяина. Но ни Марию, у которой брак с Радкевичем был третьим, ни Опперпута это никак не смущало. А Опперпут — невероятный хам. Жена у него, как прислуга, стирала Захарченко белье. А он при супруге этой Марии чуть ноги не мыл.

К. возмущалась: «Какой подлец! Насквозь подлец!» Стырна доложил Артузову. Очень уж гнилой человечешко. А если об измене Захарченко узнает Радкевич? И как повернется, если узнает? А Артур Христианович: «Вижу, что подлец. Но он наш агент. Черт с ним и с его подлостью. Он нам пользу приносит». Так что К. со своим женским чутьем лучше

кого бы то ни было уловила подлинный характер этого мерзкого человека.

Сначала Захарченко пыталась диктовать свои условия. Ведь «Тресту» нужны деньги. Однако их получение из-за границы возможно лишь с оживлением работы организации, ее активной деятельности, которая мыслилась не иначе как только путем террора. Да и сам террор у них, у белых, является наилучшим способом получения денег.

А Якушев Александр Александрович все время одергивал: «Вы нам сорвете всю работу этим вашим террором. Не надо никакого террора. Потому что это — насилие. И за ним аресты, расстрелы заложников. Черт знает что! Вы что, шутите?» Захарченко не сдавалась, все время жала, настаивала: террор, только террор. Установка у нее была простая: «Это подымет настроение наших здесь и за границей».

И тогда, как впоследствии рассказывал на лекции на курсах ГПУ Артузов, «комедию решили разыграть мы». Непростая комбинация: как будто бы создано течение, стоявшее за террор. Во главе поставили Опперпута. Он и Захарченко — «за», Якушев и другие солидные люди — «против». В заграничных кругах пошли споры — приниматься за террор или не приниматься.

А мы Марию посадили на рынок, где у нэпмана Опперпута своя палатка. Там, как внушили Захарченко, явка. Действительно, приходили к ней изредка люди с Лубянки, что-то передавали. А вместо террора она торговала чайниками, кастрюльками. На долгий период сторонницу террора из игры вывели.

Захарченко была противником идейным. Это вам не Опперпут. Еще в 1926-м повторяла: «В “Трест” я вложила все свои силы. Если это оборвется — жить не буду». И не лгала.

Изредка выбиралась, с нами посоветовавшись, из СССР в Париж, потом, доложив там обстановку, возвращалась. Все эти переходы границы — под контролем, в Петербурге местное ГПУ обязательно в курсе всех ее перемещений. Через Станислава Адамовича Мессинга, руководителя петербургской ЧК, и его заместителя Шарова нашли пограничника Тойво Вяхи. Тот по приказу начальства, зная, какую опасность Захарченко представляет, переводил ее через границу. Иногда, чтоб показать, как трудно к нам пробраться, бедняга Вяхи эту Захарченко на спине своей таскал. Хорошо хоть дамочка была нетяжелая. Достоверность разыгрывалась полная. В Петербурге работали хорошо. Шаров, правда, грубоват, а Мессинг — умница, потом стал зампредела всей ЧК, курировал иностранную разведку. Да, и его расстреляли. Якобы он участвовал в группировке, выступавшей против Ягоды.

В эмиграции в «Трест» по-прежнему верили. Но весной 1927 года Опперпут ушел. И как. Раньше, несмотря на неоднократные просьбы, этого агента мы за границу не пускали. В этот период Артузов, безмерно занятый, немного отошел от руководства операцией «Трест». Был еще

Ольский, один из руководителей КРО, тоже причастный к операции, но и его на месте не было. Куда-то отлучился. Понимаете? Это говорит о нашей слабости. Народу не хватало. Большое сложное дело шло успешно. И какая ерунда: Артузов в командировке, Ольского тоже нет на месте. Это называется потерей головы. Такое бывает с каждым, даже опытным человеком. Случилось и с Артузовым.

Опперпут решил действовать через нашего сотрудника Федулеева, который жил в общежитии чекистов. Пришел к нему, настаивал на встрече с Артузовым. Тот объясняет, что Артур Христианович не может, у него другие дела. Много дел. Но Опперпут требовал, чтоб Артузов его принял по сложнейшему вопросу. И Артузов перед своим отъездом в командировку Опперпута принял, наверное, на конспиративке.

Потом Артузов рассказывал на лекции: «Зная, что в силу разных обстоятельств я остался один, Опперпут завел разговор о терроре. Он выдумал некую финскую террористическую группу. Уверял, что нащупал ее в Петербурге, куда и едет Захарченко для перехода границы для встречи с Кутеповым. Просил разрешения поехать вместе с ней, проводить, конечно, не до границы, а до вокзала. И потом поработать по финской террористической группе. И здесь я дал маху, согласившись на поездку Опперпута в Ленинград с Захарченко-Шульц. Там Опперпут сыграл на своей любви к ней. “Профессор” (видимо, пограничник Тойво Вяхи. — *Н. Д.*) имел инструкцию на переправку только одной Шульц, а об Опперпуте заданий никаких не имел. Чтобы бежать, Опперпут предложил свои услуги для помощи Шульц при переходе границы. Просьбу поддержала Шульц, которой Опперпут еще по дороге в Ленинград сознался в своей работе на ГПУ. Ни за кордоном, ни на границе он от нас никогда не бывал. Подлец, а человек решительный. Подойдя на границе к проволочному ограждению, помог Захарченко перетащить чемоданы. И вдруг перепрыгнул через проволоку и ходу. “Профессор”, имея инструкцию о переходе только одной Шульц, погнался за Опперпутом, но было поздно. Представьте мою досаду, когда я получил телефонный разговор Мессинга о бегстве Опперпута.

А через день приходит телеграмма от Стырны. Смысл такой. У посла Эстонии в России Бирка был родственник, кажется, племянник — тоже Бирк, работавший в Москве в посольстве. Мы его завербовали. Он уехал за границу, но продолжал работать на нас. Стырна как раз выехал на встречу с ним и узнал от того, что Опперпут занял у посла Эстонии 20 тысяч рублей».

Перед бегством Опперпут написал жене записку: «Я ухожу. Ты еще узнаешь, какого я размера авантюрист». Украл у нее, бедной, единственную ценность — какое-то жалкое колечко. И эта расписка попала к нам. А судьба его жены неизвестна. Я ее искал и не нашел. Столько страшных событий и перемен: чистки, 1941 год, война, было

уже не до этого. У меня есть фотокарточка их маленькой дочки — что с ней стало, тоже неизвестно. Думаю, они где-то остались, прижились.

Вспоминаю об Опперпуте с омерзением. С момента передачи известных ему данных о «Тресте» операция провалилась. У меня и заявление его, в западных газетах напечатанное, сохранилось. Послушайте: «Организация “Трест” является характерной легендой так называемой мнимой антисоветской организации, созданной контрразведывательным отделом ОГПУ. Создана в январе 1922 года сотрудником Кияковским, возглавлялась помощником начальника контрразведывательного отдела Владимиром Андреевичем Стырной под фамилией Василий Владимирович Козлов. Фамилия Кияковского — Стецкевич. Секретным сотрудником КРО являлся Лонговой, выполнял роль под фамилией Денисова. Лонговой вел группу так называемых евразийцев».

Поясню о евразийцах. Их группа якобы действовала в составе «Треста». В некотором смысле представляла собой левое течение, которое признавало даже возможное использование советского аппарата в монархических интересах. После этого первого короткого сообщения Опперпут составил подробнейший доклад.

Вот так после семи лет «Трест» лопнул. Дзержинского уже не было — умер. И поставленный ему на смену Менжинский, и Артузов переживали: что скажет Сталин? Он об операции, конечно, знал. Читал перехваченные письма, изучал документы. Мог в своем стиле и пригвоздить: «Лопухи! Мы создали “Трест”, мы дурим голову Кутепову... А ваш сбежавший на Запад агент — провокатор и сволочь».

Доложили Сталину о провале. Боялись, а он вдруг: «Ну и хорошо. Хватит. Так вы раздули операцию, что за границей идут слухи — еще две недели и советская власть держится на нитке, прямо сейчас рухнет». И тут он был прав. За эти годы так все расплзлось, покатались по миру такие слухи, что капиталисты отказывались заключать с советским правительством договора. Скоро большевикам — конец.

Ягода с давних пор третировал Артузова по ряду причин. Рассказывать об этом слишком сложно. Сразу же после «Треста» Артур Христианович получил «на вид» — единственное партийное взыскание за всю жизнь с формулировкой «упустил врага народа, который убежал». Не самое большое партийное взыскание: было же столько заслуг.

Допустил ошибку — и наказание по службе: Ягода освободил его от должности начальника контрразведки и сделал помощником начальника секретно-оперативного управления. Это — явное понижение.

Артузов моей семье, мне — человек дорогой, мы состояли пусть и в дальних, но родственных отношениях. И в ЧК меня, мальчишку, пригласил он. Мой самый большой оклад — 150 рублей, а сапоги генеральские стоили 40. И еще мы паек получали. Но не сказал бы, что мы, чекисты, жили лучше, чем строевые командиры. Что важно, так это паек. И чтобы вы поняли, есть тут одна история.

Артур Христианович Артузов, будучи особо уполномоченным Особого отдела, в 1919 году у нас бывал. И уговорил мою маму пойти заведующей столовой Особого отдела. Убеждал: «Антонина Эдуардовна, соглашайтесь. Повар наш — по-моему, жулик. Жиры каким-то образом вытаскивает, нам они не попадают. Он нас обедает». Вот так — повар обедал чекистов. И Артузов просил маму: «Мы знаем вас как честного человека. Хотим, чтобы вы навели порядок, чтобы бригада поваров знала, что вы не воруете». И мама согласилась: «Пойду. Но с одним условием. Получаю два честных пайка каждый день. Уношу и семью кормлю». Артузов обрадовался: «Согласен». И доложил Генриху Ягоде, который тогда был управляющим делами и всем хозяйством ведал. Мама проработала там некоторое время. И я носил оттуда ее сумки. Приходил в назначенное время и домой с двумя бидончиками с супом и с кашей.

Когда мама возвращалась домой, жаловалась: «Повар точил длинный нож и смотрел на меня так... Боюсь, зарежет». Повара потом убрали.

А мама допустила ошибку. Случайно натолкнулась в коридорах Лубянки на голодного доходягу. Пожалела, достала ему из сумки кусок хлеба. Охрана сразу же заметила, моментально доложила коменданту, тот к Артузову, а он в командировке. И комендант пожаловался его заму. И мою маму тут же посадили. Суровы были нравы и времена.

Пошли выяснения. Маме поверили, что никакого злого умысла не было, дала горбушку только из жалости. Приехал Артузов, быстренько маму освободил. Но дней пять она в тюрьме просидела. Вот вам деталь, пусть к делу и не относящаяся.

Это говорит о том, что Артузов очень доверительно относился и к моей матери, и к моему отцу. У меня сохранилась характеристика, данная Артузовым моему отцу при вступлении в персональное пенсионерство. Очень хорошая характеристика. И я с ним запросто: ведь я же его крестник. Если он хотел меня обязательно впихнуть в операцию «Трест», то, как вы думаете, как он ко мне относился? К молодому человеку, которого он знал как себя.

А Опперпута упустили, по-моему, в марте. Он вернулся в СССР нелегально. Тут уж он меж двух огней. Кутепов послал в Москву и Питер сразу несколько групп террористов: террор и только террор. Если бы вздумал вдруг Опперпут играть в двойную игру, та же Захарченко и ее муж моментально прихлопнули бы. Все, кто к нам пробрался, находились где-то рядом, все были готовы взрывать, нападать, убивать. И посыпали тогда, в 1927-м, эти удары.

От Опперпута и его группы хотел Кутепов быстрого теракта. Их взрыв на Лубянке должен был дать сигнал остальным диверсантам: начинайте. Мог Опперпут в Москве сразу же на кого-то напороться. А что, террористом быть легко? Да еще известному нескольким чекистам. Ему приказали, он выполнял.

Взрыва не получилось. В Москве Опперпут и Захарченко-Шульц еле ушли от погони, и стали они и молодой офицер Петерс прорываться

на Запад. Чувствуют, что втроем бежать трудно. Решили: Опперпут должен оторваться и пойти своим путем, Петерс — останется с Захарченко. Но потом и они разошлись. И каждый из них попал в окружение, не дойдя до границы. Прошли они не так далеко, окружили их за Смоленском. Захарченко застрелилась. Опперпут крикнул «сдаюсь». Но обстановка создалась такая, что попал он под пулю. О судьбе Петерса точно не скажу. Кажется, тоже был убит. Радкевич бежал. Но когда его уже за городом, в Подмосковье, взяли в кольцо, он застрелился.

После гибели Захарченко в июне 1927-го эмиграция перевозила Марию Владиславовну как героиню, мученицу, непонятно за что убитую большевиками. А та — жестокая террористка и бездушная женщина. Приходилась ли, как поговаривали, племянницей главе РОВСа Кутепову, точно не скажу, может и сплетня. Но дамой была известной. Офицер старой армии, участница Первой мировой войны. Да такая, что солдаты на нее смотрели снизу вверх, удивлялись, до чего смелая. А в Гражданскую, как рассказывали, расстреливала из пулемета пленных красноармейцев.

В телевизионном сериале «Операция “Трест”» Марию Захарченко сыграла Людмила Касаткина. И сыграла плохо — показала истеричной щепетильной дамочкой. А она — железная женщина, несмотря на свой малый рост и хрупкую комплекцию.

Считается, что операция «Трест» закончилась в 1927 году. Но террористические группы переходили границу до 1929-го. Наносили урон, их ловили. Бессмысленные взрывы, жертвы... Я тогда был уже в шестом отделении и работал по борьбе с терроризмом в слившихся воедино контрразведывательном и особом отделах.

Отзвуки операции «Трест» докатились до 1930-го, когда сотрудники ОГПУ похитили в Париже руководителя Русского общевойскового союза — РОВС — генерала Кутепова. Да, заманили в ловушку — и на наш корабль. Это — правда. Но его не убивали. Умер сам на корабле уже на подступах к советским берегам. Руководство было очень недовольно: прохлопали руководителя по существу всей военной эмиграции, и какие же вы ему условия создали, если случился сердечный приступ...

Но сколько Кутепову уже было? Сорок семь и какие переживания. Его, генерала, еще до этого похищения так обманули. Как мальчишку водили за нос, заставив поверить в «Трест». Тут есть от чего разболеться измученному сердцу.

Потом через пять лет, уже при Ежове, похитили его преемника генерала Миллера. Это совершенно другая история. Его привезли живым. Шло следствие. Суд был военно-полевой. Он был, конечно, расстрелян. А вы что думали: такой деятель, враг, и его помилуют?

А окончательную точку поставили уже во время Великой Отечественной войны. История длинная. Во время первых же

террористических атак РОВСа в 1927 году белый офицер Ларионов взорвал бомбу в здании партийного клуба Ленинграда. Люди собрались на лекцию о классической литературе: один убит, двое ранены тяжело, у двадцати трех легкие раны. И Ларионов, один из тех немногих, кто ускользнул. Наверняка перешел границу и из нашего поля зрения выпал. Но через несколько лет имя это стало проходить по другим делам. Значит, жив. Выясняется, что спелся с фашистами. В 1941 году служил он, уже кровью повязанный, в гитлеровской армии. Потом у изменника Власова. И никак не могли на него выйти.

И тут есть две версии. По одной — попал Ларионов в плен. Поняли, кто он. Судили как предателя, террориста, убивавшего своих еще в 1927-м, и расстреляли его. Версия вторая. Из плена каким-то образом улизнул. Подался к американцам и работал на них до самой старости, до последнего дня. Скончался в Мюнхене в 91 год в конце 1980-х. Какая версия верна — утверждать не берусь. Ни одного документального подтверждения найти не смог.

Вот здесь, думаю, и закончился «Трест».

Как погиб знаменитый террорист Борис Савинков...

Бориса Савинкова мы заманили в СССР в августе 1924-го и арестовали в Минске. Верховный суд приговорил его к расстрелу, который заменили на десять лет. И Савинков покончил с собой. Произошло все прямо на Лубянке на пятом этаже в кабинете заместителя начальника контрразведывательного управления Романа Пиляра, между прочим, урожденного немецкого барона Ромуальда Пилляра фон Пильхау. Не знаю, как он пришел в революцию. Может, через своего двоюродного дядю Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Моя комната на пятом этаже выходила прямо на Лубянскую площадь, а кабинет Пиляра — во двор, во внутреннюю часть. Была раньше в помещении дверь на балкон. Дверь заделали, и подоконник соорудили низенький. Так, приступочка сантиметров восемьдесят.

Я это знаю точно, мы с моим другом Гришей Сыроежкиным сидели в одном кабинете, стол к столу, и он уже на следующий день с перекошенным лицом рассказывал, как все это произошло: Савинков в нервном состоянии ходил и ходил по кабинету. Подошел к окну, глянул вниз и пошел, пошел. А Гриша сидел в кресле рядом. Сразу кинулся к нему. Сыроежкин — бывший профессиональный борец, одна рука слабая, в схватке поврежденная. Ему бы схватить Савинкова здоровой рукой. Не получилось. Ему кричат: «Гришка, ты сам туда улетишь». А он держал, но выскользнул Савинков. Не смог удержать. Или лети на смерть с ним вместе.

Было действительно два акта о самоубийстве. В первом — об обнаружении в крови самоубийцы спиртного. И второй — никакого спиртного нет. И о первом акте не говорили, замолчали. Конечно, Савинков был подшофе. При вскрытии нашли в нем чуть не литр

алкоголя. Перед этим его возили, и не в первый раз, в ресторан, сидели, выпивали. О самоубийстве Савинкова сразу все сотрудники узнали. Товарищи же, никуда не скроешься.

При Ежове Сыроежкина посадили в тюрьму и выколотили из него показание, что он толкнул Савинкова во двор из окна. Вы подумайте! И он подписал это: сознательно выкинул. Я читаю показания и за голову хватаюсь. Это же ужас. Сыроежкина расстреляли. Да, он был боевиком. Первый орден получил еще при мне. Сражался в Испании и получил за это второй орден. Вернулся домой, и в 1938 году арестован. А расстреляли его в 1939-м за участие «в антисоветском заговоре НКВД», а чтобы этого дурацкого обвинения не показалось мало, еще и за «связь с врагами народа». Утром осудили, вечером — пустили ему пулю в лоб.

А жена Савинкова несмотря ни на что выжила. Была она выслана в далекие сибирские края. Прекрасно знала языки и, изменив фамилию, хорошо, конечно по местным представлениям, устроилась. После ссылки ей разрешили жить в Симферополе. И работала она переводчицей. Ее нашел писатель Василий Ардаматский, он как раз трудился над книгой «Возмездие» о Савинкове и его провале. Приехал в Крым в командировку, а кто-то, знавший круг интересов моего доброго знакомого Василия Ивановича, его ошарашил: а вы знаете, в нашем городе живет жена вашего главного персонажа, только фамилию изменила. И они встретились.

Вообще Ардаматскому везло. В Лондоне общался с Локкартом — английским шпионом, работавшим в первые годы советской власти под прикрытием дипломата. Представляете? Это же еще в СССР, когда на такие контакты смотрели строго.

Сидней Рейли: расстрел в Сокольниках

Сиднея Рейли обработал руководитель фиктивного «Треста» Александр Александрович Якушев. Тот — опытный разведчик, лис. А бывший статский советник Якушев в этой игре — новичок. Но получил специальное задание: завлечь Рейли в СССР.

Его в ЧК напутствовали Артузов и Стырна: «Александр Александрович, вы понимаете, какое это дело? Все зависит от вас. Предстоит вам большая задача — заманить в СССР Сиднея Рейли. Нельзя не перегнуть, но нельзя и недоработать. Это ас разведки. Мы не говорим вам — добиться любой ценой. Вы сами сумеете сделать так, чтобы все было абсолютно правдоподобно, аргументированно».

А статский советник Якушев так вник и освоил нашу работу, что уже сделался чекистом, думал, как обработать этих людей вместе с Артузовым. Оказался он величайшим артистом. В фильме «Операция “Трест”» я, между прочим, был его научным консультантом, Якушева играет прекрасный артист Горбачев. Так вот, Якушев в актерском мастерстве ему не уступал. Якушев встречался с Кутеповым, был на randevu у великого князя Николая Николаевича, возглавлявшего всю

эмиграцию. У Врангеля был. И всех провел! Лишь один бывший чин из белой контрразведки не выразил ему особого доверия. Врангель тоже отнесся слегка скептически. Остальные — стали после этих личных встреч доверять. Особенно Кутепов. Был он очень в «Тресте» заинтересован. Якушев ему предложил то интереснейшее дело, в которое он хотел поверить. И поверил. Хотя тот самый контрразведчик ему осторожно подсказывал, что «дело подмоченное». Но психология сыграла свое. Кутепов мечтал о возвращении, а тут ему открывают такие перспективы. Отказаться трудно.

Якушеву в той командировке в Выборг повезло. Захарченко — в тяжелом гриппе, с ее мужем тоже что-то такое. Но был представитель белого генерала Кутепова в Выборге Бунаков. И еще до приезда Якушева Бунаков обрабатывал Рейли: надо поехать, увидеть все своими глазами. Тот отказывался. Как раз в эти дни он должен был отправиться в Америку, там дела, уже и билеты на пароход в кармане, вернусь и тогда — к вам. Какое «к нам»: происходило все это осенью, зимой перейти границу даже через хорошо подготовленное и не раз проверенное окно сложно.

И как раз в этот момент прибывает в Выборг Якушев. События развиваются с быстротой молниеносной. 25 сентября устраивается встреча с Рейли. Тот доволен: специально ради него выбрался из Страны Советов руководитель крупной подпольной организации. Не могло не польстить. Обсуждаются вопросы чрезвычайной важности. Рейли щедр на советы, к которым явно прислушиваются. Но Якушев иногда деликатно дает понять: не все из них, действительно профессиональных, применимы на большевистской почве, которая со времен пребывания в России Рейли претерпела изменения. И Якушев приглашает Рейли встретиться на месте с людьми, которые в тяжелейших условиях борются с большевиками. Сидней Рейли честно признается, что очень хотел бы, но надо ехать в Америку.

И тогда Якушев бросает козырь: «Скажите, мистер Рейли, каким временем вы располагаете?» Рейли откровенен: 30 сентября, уже через несколько дней, из французского порта Шербур отчаливает в Америку его корабль. Александр Александрович делает паузу, задумывается, словно что-то вспоминая: «Послушайте, брат знакомого вам господина Бунакова за четыре дня обернулся отсюда, из Выборга, по нашему “окну” в Питер, Москву и обратно. И все в порядке. Вы за четыре дня можете отсюда, из Выборга, по нашему “окну” на границе — сразу в Питер, потом в Москву и обратно. Давайте так: сегодня 25-е, 26-го мы с вами переходим границу, 27-го мы в Петербурге, 28-го — в Москве. 29-го вы уже здесь. Неужели при такой благоприятной ситуации, которую мы можем обеспечить, вы не решитесь использовать момент самому увидеть все, что мы делаем там?»

Надавил Александр Александрович на тонкие струнки в душе опытного разведчика. Подтекст читался: «Ну что, трусишь?» И Рейли

сломался: «Согласен. Еду с вами». Тончайшая работа Якушева. Заманили, подурили голову, дали Рейли высказаться, и точка — попался. Вот как искусно разложил игру статский советник.

Рейли арестовали на квартире Опперпута в Москве. До этого поехали на дачу по Казанской дороге в подмосковном Краскове, где до революции жили люди богатые. Дома с тех старых времен сохранились. Одна из дач в Краскове ли, в Малаховке, какая разница, там близко, была полностью оборудована как конспиративка. Встретились с «трестовцами». Были Якушев, Опперпут, наш человек — хозяин дачи К. и еще два—четыре сотрудника. Настоящих контрреволюционеров не приглашали. Все лыком шиты.

Закатили банкет. И несколько расслабившийся «гость» выступил с изложением своей террористической программы. Убеждал, что террор — единственное оставшееся средство борьбы: «Мы должны быть как народовольцы, только в обратную сторону. Те тоже убивали генерал-губернаторов, чтобы привлечь народ, поднять настроение. Довести до кипения. И мы должны так же. Иначе все лопнет. А ударим — и там, в другом месте — в Европе, к нам по-иному станут относиться. Пусть коэффициент безопасности в России приблизится к нулю».

Приехали с дачи в Москву. Ведь Рейли должен был около полуночи уезжать скорым поездом в Питер. Тот полностью спокоен, организации доверял. В лицо его в СССР вряд ли кто знал: не появлялся он у нас с 1918 года. На пути с дачи даже написал кому-то открытку, бросил в почтовый ящик: «Я в Москве. Сидней». И наши ее сразу из ящика — в дело английского шпиона.

Приехали на квартиру на Маросейке, чтобы перед поездом отдохнуть, перекусить. И тут шпиону объявляют: «Вы арестованы». У Рейли оружия никакого нет. Об этом заранее позаботились: «Вдруг, ну на крайний случай, проверка документов или проверка в поезде, а у вас, господин Сидней, револьвер». Как тут было Рейли не поверить так трогательно заботившимся о его безопасности. А все люди в квартире сидят вооруженные. Никуда не денешься.

Рейли после ареста артачился, занял позицию: «О моем аресте станет известно высоким кругам в Англии. Вы со мной шутки не заводите». Он не догадывался, что наши разыграли историю с перестрелкой на границе, чтобы спрятать концы. Показали газету: «Почитайте — вы же убиты. Вот: Сидней Рейли опознан и убит при переходе границы. Вас нет». Тут очень смело повел себя наш пограничник Тойво Вяхи, не раз участвовавший в таких операциях. Когда Рейли шел оттуда, то перетаскивал его на нашу сторону на спине. Хотели мы Рейли показать, что опасно, но вот какие на нас работают люди. Кстати, после того как разыграли всю эту комедию на обратном пути с переходом границы, объявили, что Вяхи тоже «погиб в перестрелке».

Рейли не сразу, но довольно быстро стал вести себя по-иному. Сказал: согласен вам помогать в меру своих возможностей. Но агентом вашим

быть не могу — я же английский офицер. Если мое выступление может иметь какой-либо вес, то могу выступить и везде буду говорить в пользу Советской России. Но легально. Мы с вами это обдумаем. Вот такой контекст.

Еще в 1918 году Рейли был у нас приговорен к расстрелу. Но сбежал. И при появлении на территории РСФСР приговор должен был быть приведен в исполнение. На территории он появился, решение — в силе, надо исполнять. Его несколько раз возили на загородные прогулки в Сокольники, в лес. И ликвидировали. Мне известно, кто приводил приговор в исполнение. Был среди них и Григорий Сыроежкин. Рейли выстрела не ждал. Приговора ему не зачитывали, старались не пугать, не тащить куда-нибудь, вроде как-то облагородить. Неожиданно ему выстрелили в спину.

Тело захоронили во дворе ВЧК. Не знаю, где сейчас его останки. Во время «перестройки» там велись гигантские работы, все перестраивали.

Теперь о национальности Рейли. Многие считают, что он одесский еврей. Ничего подобного, если и был, очень возможно, как я полагаю, евреем, то не одесским. Много на сей счет легенд, называют его Розенблюмом. На допросе же показал, что отец — англичанин, мать — русская.

Жена Рейли подняла настоящий хай. В очень резких тонах написала письмо британскому премьер-министру. Обвиняла, что послали в СССР ее мужа, и теперь она требует ответа от британского правительства. Письмо дошло. Но ответили от имени премьера за скромной подписью его секретаря, что никого никуда не посылали, поехал мистер Рейли в чужую страну сам, добровольно, и потому никакой помощи оказать его семье возможности не имеют.

Ленин был смущен, а Дзержинский целовал даме руку

Еще раз: не был я помощником Дзержинского. Но видел его на партийных собраниях и много раз встречался с ним при входе или выходе, потому что входили через одно крыльцо. Встречал его в лифте: он — на третий этаж, я — на пятый. Вел себя Феликс Эдмундович скромно. Я приветствовал, он всегда отвечал, глядя в глаза.

Был однажды такой случай. Я поднимался на свой пятый, и из лифта на третьем этаже, где находился его кабинет, как раз вышла ехавшая со мной очень почтенная дама. Несовременная, по виду — из-за границы. А он как раз вышел встречать ее у лифта. И Дзержинский сгибается, берет ее руку, чуть приподнимает и целует. Сопровождает гостью по коридору. Была это представительница польского Красного Креста мадам Симпаловская, которая при Пилсудском помогала опекать арестованных в Варшаве коммунистов. А у нас была Пешкова Екатерина Павловна. Она курировала, заботилась о сидящих в Советской России арестованных поляках. И полячка имела официальное удостоверение,

дававшее право в любое время посещать тюрьмы, оказывать соотечественникам материальную помощь под нашим контролем. Такой вот существовал обмен. И Дзержинский с ней общался: она же таким образом помогает и сидящим в Польше нашим.

Многие считают, будто Дзержинский был железным, не улыбочивым, ершистым — не подступись. А он иногда так хорошо улыбался. И над собой подтрунивал. Когда удалось заманить Шульгина в СССР и белоэмигрант написал свою книгу, то Феликс Эдмундович смеялся: он, председатель ВЧК, должен редактировать книгу белогвардейца и депутата Госдумы, который рассказывает, как он нелегально побывал в СССР, обведя чекистов вокруг пальца. Хохотал над тем, как это все удалось. Шульгин поверил во все, что мы ему рассказывали и показывали.

А в одну из годовщин ВЧК группа товарищей и друзей Дзержинского устроила вечеринку в честь нашего юбилея. С течением времени беседа приобрела несколько общих и менее организованный характер. Кажется, заместителю председателя ВЦИКа Варлааму Аванесову пришла в голову коварная мысль предложить Феликсу Эдмундовичу произнести спич на тему для него особенно неожиданную — о любви к женщине. На одно мгновение Феликс Эдмундович как-то сконфуженно улыбнулся, попытался уклониться. Да и все мы никак не представляли Дзержинского, декларирующего на такой лирический предмет. Но колебание его было недолгим. Он встал и произнес совершенно исключительную по теплоте, искренности и жизнерадостности речь о женщине-товарище, друге, жене, которая в революционной борьбе идет в ногу с нами, мужчинами, которая зажигает.

Ездил к сыну и жене в Швейцарию. Супруга работала в постпредстве СССР в Берне. О поездке к жене Софье и сынишке Яну знал и, думаю, организовывал ее Свердлов Яков Михайлович, был он тогда председателем ВЦИКа и отправил вместе с Дзержинским своего зама Аванесова. Конечно, были официальные паспорта и все прочее. Свердлов напутствовал: «Феликс Эдмундович, только держитесь. Я буду болеть, что вы там находитесь. Мне будет очень тяжело. Желаю вам успеха». И все прошло нормально.

Вскоре вывезли семью в Москву.

Потом сын Ян Феликсович работал в ЦК партии. Умер в 1960-м скоропостижно, как и отец. В 49 лет остановилось сердце.

Я и Ленина видел. Выступал он на Первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию. Этот съезд организовывала Крупская, а фактически — мой отец, который был помощником и консультантом Надежды Константиновны по внешкольным делам. Он работал по ликвидации неграмотности в России. И отец мне накануне сказал: «Пойдем, Борис, со мной. Будет выступать Владимир Ильич». Я пошел в Дом союзов, занял место в пятом или шестом ряду, ждал. Там многие собрания проходили. Двери в фойе, которое идет параллельно залу, были

открыты. Чтобы зайти в зал, надо подняться по лестнице и пройти дальше по фойе, миновать двери на входе в общий зал — и вход на сцену, в президиум, через небольшую комнату. И я видел, как люди поднимались в президиум.

Сначала выступал Луначарский. Оратор он был замечательный. Мы его слушали разинув рты. Вдруг раздаются хлопки, которые из речи наркома просвещения никак не вытекали. Оказывается, люди в зале увидели через открытые двери, что пришел Ленин. Начали вставать и аплодировать. Луначарский вытаращил глаза, спросил: «В чем дело?» Ему из президиума: «Анатолий Васильевич, Ильич приехал». Луначарский оборачивается, и с той стороны входит Владимир Ильич Ленин с картузом в руке и поднимается на сцену. А я сижу в пятом ряду и вижу Ленина, который не понимает, кому аплодисменты — Луначарскому или ему. И он садится не в президиум, а на ступеньки. Луначарский все понял, быстро к Ленину навстречу, помог встать, посадил его в президиум. А у Ленина такое выражение, что он сорвал выступление Луначарского. И тут суэта, овации, все встают, и Ленин с речью, которая всем известна, она во всех собраниях сочинений. И я в тот же день об этом написал, в ЧК это вывесили, чекисты о выступлении узнали.

Ленин говорил хорошо. Не так, как Луначарский, который выступал красочно. А у Ленина — просто, из души. Какие там бумажки. Луначарский тоже без всяких бумажек.

Шаламова не выдавал

Больной для меня вопрос. Писатель Варлам Шаламов был уверен, даже писал, что я «выдал его чекистам». Но как можно! Моя сестра была за ним замужем. И в те времена, если что случалось с близкими или даже дальними родственниками, страдали все. Что ж я, хотел, чтоб арестовали сестру? Когда взяли Шаламова, и мою любимую сестру сразу посадили, выслали в Чарджоу, где она, бедная, мучилась до 1946 года. А меня вскоре после ареста шурина исключили из партии и выставили из ЧК. Ну подумайте, неужели мог я сам сломать жизнь себе и родственникам? Единственная правда, что особой привязанности у нас с Шаламовым никогда не было и быть не могло.

Страшная мясорубка, ужасные годы

Сталин не доверял своим. Еще во второй половине 1920-х считал, что много чекистов уходило на Запад. Неправда. Не много. Ничуть не больше, чем в последующие годы.

Я работал в то время, когда условия были другие, не как при Ежове. А при этом — страшная мясорубка, ужасные годы. До этого — нужная всем, нормальная работа. Для чего все мы это делали? Боролись за выживание страны. Да, открывали дела. Но не выколачивали показания

какими-то физическими способами воздействия, чтобы услышать потом только то, что приказано от них услышать.

А потом — ежовщина. Но первым начал все это Ягода. Выдвинули его на пост генерального комиссара государственной безопасности. И против него выступили с протестом настоящие чекисты — Ольский, Мессинг...

Ягода через Кагановича передал, что надо об этом обязательно доложить Сталину. Мол, завелись здесь гнильцо, интеллигентщина, которые не понимают, что такое классовая борьба. А классовая борьба — это когда из вас выколачивают, что вы шпион польский, немецкий да еще и французский. Теоретики доказывали: курс верен, ведь по мере укрепления социализма растет и классовая борьба.

Должен я вам сказать: классовая борьба действительно ожесточалась: решался крестьянский вопрос. Как быть с крестьянами? Город уже социалистический, а деревня — еще индивидуальная, плюс укреплялись нэпманы: торгуют, наживаются. Как быть? 1929 год — «великий перелом», создавали колхозы. Десять процентов крестьян — зажиточные. Их записали в кулаки. В деревне — разлом, противоречия: эти — за колхоз, те — против. И каждый середняк хотел сделаться богаче, по принятой тогда формуле — стать кулаком. Захотел? Получай.

Пошли жесточайшие чистки. Я очень волновался за Артузова. В то время я уже был совершенно оторван от органов: уволен и исключен. Последняя моя должность — помощник начальника Второго отдела Разведывательного управления. Это — армия. Оттуда меня выгнали за связь с врагами народа. Ушел на гражданскую службу в автомобильное хозяйство, попал в шоферы. С ЧК — полный разрыв. Видел Артура Христиановича в последний раз, когда он уже был уволен из Разведупра и работал в архиве, занимаясь историей ВЧК. Сидел в крошечной комнатке, бодрился, убеждая меня и себя, что лучше его эту историю никто не напишет, и страшно переживал. Понимал, что его ждет, хотя на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года, после которого ежовщина уж совсем разгулялась, его имени не упоминалось, обошли. И он однажды на выступлении выдал: «Ко мне слишком мягко отнеслись».

Липовые ежовские дела опрокидывали всю работу Артузова. Был Артур Христианович им оболган. Ежов криком исходил: все ваши дела, все ваши «Тресты» и прочие легендарные организации — это все пристанища настоящих шпионов, и вы пользовались ими как прикрытием, чтобы заниматься шпионажем.

А о том, что Артузов арестован и расстрелян, я узнал от его первой жены — Лидии Дмитриевны. 21 августа 1937 года приговорили к расстрелу и тут же привели то, что называлось приговором, в исполнение.

Часто задумывался, особенно раньше. Почему меня, дружившего с таким количеством врагов народа, Ежов и компания оставили в живых, не тронули?

Могу ответить только так: уничтожали таких, как Артузов, а не какого-то Бориса Игнатьевича Гудзя.

Снова вернулся в ту жуткую эпоху, когда недавно, уже в этом, XXI веке, открылись архивы, и я нашел дело моего товарища по заграничной работе в Японии Ивана Ивановича Шебеко. Когда я приехал в Токио, резидентом был он. Его должны были отозвать. Но Ивана Ивановича, с его согласия, сделали моим помощником. Потом меня отозвали, и он опять стал резидентом.

В 1939 году, уже при Берии, вызывают его в Москву и выколачивают из него шпиона. И спрашивают: а тот, что был до вас, — тоже шпион? Да, и он шпион. Шебеко расстрелян, а меня даже в ОГПУ не вызывали, хотя из органов был уволен. Но могли же меня найти, я ж не иголка. Жил в Москве и не под чужой фамилией.

Иногда я рассматриваю фотографии, на которых товарищи по работе. Этот остался жив. Этот покончил жизнь самоубийством. Этого расстреляли. И этого тоже. Это такой же, как Тойво Вяхи, якобы помогал диверсантам переходить к нам через «окна», только работал на западной границе, — Крикман. Он остался жив. Это резидент в Берлине — расстреляли. Этот — не знаю. Этот — тоже не знаю. А это — я и еще трое ребят. Один, справа, — брат Карина (известного руководителя разведки, которого расстреляли. — *Н. Д.*). Также работал в КРО. Расстреляли. Вот вам картина — страшная. Очень страшная.

Как прожить долго

Совет этот записан на 102-м году жизни Гудзя.

— Не пил, не курил. Привык пить чай. А если уж кофе, то только слабый и до пятидесяти лет: болит сердце — не болит, все равно уже вредно. Лучше пить только слабый. В 1920-е годы пить кофе у нас, в чекистской среде, считалось признаком разложения.

Один раз, где-нибудь в 1925-м или 1926-м, опьянел и с тех пор — только по рюмке красного на Новый год и 20 декабря на День чекиста. Режим простой: овсяная каша, геркулес. Всегда предпочитаю быть на ногах. Катался на велосипеде до 80, водил машину до 90. Мне за 100, но хожу на лыжах, летом много гуляю. Нельзя попусту раздражаться и по собственной воле разрушать собственные же нервы.

(От автора. Приведу лишь наиболее известные имена разведчиков, до 100 лет доживших и от нас ушедших:

Борис Игнатьевич Гудзь — 104 года.

Герой России Алексей Николаевич Ботян, нелегал — 102 года.

Михаил Исаакович Мукасей, нелегал — 101 год.

Иван Георгиевич Старинов — 100 лет.)

ПРИ НЕМ РАЗВЕДКА ЗНАЛА ВСЁ:

ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ ФИТИН

Дело начальника внешней разведки Павла Михайловича Фитина, возглавлявшего службу в военные годы, долго ждало своего часа. Все или почти все его подчиненные были рассекречены, стали известными, несколько человек даже успели получить звания Героев Советского Союза, присвоенные в середине 1990-х, а Фитин так и оставался под грифом «Сов. секретно».

Успехи внешней разведки в годы Великой Отечественной войны феноменальны. А в 1953 году генерал-лейтенанта Фитина уволили из органов «по служебному несоответствию». Причина в том, что ему часто приходилось идти против течения.

Роковой день в истории

Днем тяжелого испытания для Фитина стало 17 июня 1941 года. 33-летний начальник внешней разведки докладывал Сталину о предстоящем нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. К вождю он прибыл вместе с наркомом госбезопасности Всеволодом Меркуловым.

Фитин представил Иосифу Виссарионовичу подробный доклад с главным выводом: война на пороге. Начальник разведки лично и полностью ручался, что нападение Германии на СССР в ближайшие несколько дней неминуемо. Сведения получены от вернейших источников из Германии — «Корсиканца» и «Старшины». 16 июня 1941 года группа, рискуя быть выданной, направила это сообщение на имя начальника разведки. Сообщение подтверждалось и множеством других донесений, оперативных сводок и сообщений, четко изложенных Фитиным.

Сталин даже не предложил подчиненным сесть. Правда, и сам не присел, а расхаживал по кабинету, куря трубку. Воспринял доклад болезненно. После его окончания внимательно посмотрел на Фитина и вынес вердикт. Он был трагичен не только для Павла Михайловича, но и для нашей армии, и, как оказалось уже через несколько дней, для всей полностью подчинявшейся его воле страны.

Почему не поверил разведке? Да потому, что привык больше доверять себе. Доклад противоречил твердо сформировавшимся в его упрямой голове стратегическим планам и потому раздражал. Не мог предположить, что его обманет какой-то там Гитлер. Ведь пакт с ним был заключен, и как раз накануне доклада Фитина, 14 июня ТАСС выступило с заявлением, в котором опровергались все слухи «о близости возможной войны между СССР и Германией» и подчеркивалось, что «по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и СССР».

Чья это была ошибка? Только не Фитина. Да, немцы не раз меняли дату нападения на СССР. И поэтому разведка, следуя за событиями, тоже сообщала о том, что Гитлер начнет войну то 15 мая, то в первой декаде

июня, а в последних шифровках из Берлина и Токио значилась совсем иная дата — 22 июня.

Для недавнего назначенца Фитина такая реакция Иосифа Виссарионовича могла закончиться потерей не только должности, но и гораздо хуже — головы. Меркулов человек опытный, мог бы доложить и сам. Но предпочел предоставить это Фитину.

О сигналах, поступивших в нашу разведку и предупреждавших, что война с Германией совсем близко, можно написать целую книгу. Сталин их упорно, сознательно игнорировал. Били тревогу и «Кембриджская пятерка» во главе с Кимом Филби, и Рихард Зорге.

Держу в руках уникальнейший документ: шифровку «Красной капеллы». Я бы назвал ее показательной. Не поверить приведенным данным, переданным в Центр, мог лишь человек, маниакально веривший, что Гитлер на обман не способен. Таким убежденным в честности фюрера оказался Иосиф Сталин. Строгим, недовольным голосом Иосиф Виссарионович спросил: что это такое? И Павел Фитин взял на себя не только труднейшую, но и опаснейшую миссию — возразил вождю. В то время мало кто мог решиться на такое. Фитин решился.

Сам Павел Михайлович так описывал последовавшее объяснение:

«Не без большого внутреннего волнения я сказал, что материалы надежные, получены от надежных источников и что информация их, которую получали раньше, подтверждается. Сталин закурил трубку и заявил: “Никому из немцев, кроме Вильгельма Пика (один из руководителей немецких коммунистов. — *Н. Д.*), верить нельзя. Но если вы считаете надежными, перепроверьте”. Направили запрос о подтверждении. За время, что продолжалась вся эта волокита, из Финляндии, Италии и Польши поступили три телеграммы от наших нелегалов: война начнется 22 июня! В некоторых шифровках время указывалось уже с точностью до часа».

Спустя 30 лет Фитин писал:

«Благодаря наличию агентуры с большими разведывательными возможностями в таких странах, как Германия, Англия, США, Чехословакия, Болгария, Франция и некоторых других, с конца 1940 года и до нападения Германии на Советский Союз в Управление поступали данные, которые говорили о том, что Германия, захватив тринадцать европейских стран, готовится к нападению на СССР. Например, наш резидент в Праге сообщал о перебросках немецких воинских частей, техники и другого военного снаряжения к границам Советского Союза. Аналогичные сведения поступали и от других резидентов. Естественно, наиболее важная информация направлялась нами в три адреса: И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову...»

Знаменитая детская писательница Зоя Ивановна Воскресенская, а в то время лейтенант госбезопасности Зоя Рыбкина, так вспоминала день 17 июня 1941 года:

«Нашей группе было поручено проанализировать информацию всех зарубежных резидентур, касающуюся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Из многих источников мы получали сведения о том, что гитлеровцы вот-вот развяжут войну. Даты начала военных действий фашистской Германией назывались разные, но все сходились в одном: война против Советского Союза начнется в самое ближайшее время. 17 июня 1941 года я с волнением завершила этот документ. Обзор агентурных данных с приведенным выше выводом начальник разведки Павел Михайлович Фитин повез в тот день лично Сталину».

Следующие четыре дня прошли в напряженном ожидании неминуемого. В ночь на 22 июня 1941 года Павел Михайлович не спал, мучился, ждал. И не предчувствие, а точная оценка обстановки не обманула: разбуженный ранним воскресным утром телефонным звонком из Кремля, он знал, о чем ему сообщит дежурный: напали немцы. Да, Гитлер начал войну.

Через несколько часов он уже подписывал задания-шифровки, направленные во все легальные и нелегальные резидентуры советской разведки. Это был первый из 1418 дней Великой Отечественной войны.

Из Сельхозакадемии в разведку

А ведь еще за несколько лет до войны трудно было представить более далекого от разведки человека, чем Павел Фитин из села Ожогина, мало кем слышанной Шатровской волости Шороховского района Ялуторовского уезда Тобольской губернии. Крестьянский сын 1907 года рождения пошел, что естественно, в земледельцы.

Он всегда и во всем следовал примеру отца, Михаила Илларионовича. Прямо генерал-фельдмаршал Кутузов. Фитин-старший верил в советскую власть безгранично, сомнений в ее правоте не ведал. Был готов положить жизнь за Советы и чуть не положил, когда ему, организатору одного из первых на тобольской земле колхозов, пришлось схлестнуться в 1921 году с кулацкой бандой. Его отряд комбеда — коммунистической бедноты — был разгромлен, Фитина взяли в плен. Он едва спасся от расстрела.

Ну а сын Павел вступил в комсомольцы. Он нравился сверстникам: всегда отстаивал своих, если считал, что поступают с ними несправедливо. Вскоре двадцатилетний вожак — уже один из руководителей волостного комсомола. Помогал сельским комсомолятам получать образование. Выбивал для них места в институтах, куда крестьян брали не слишком охотно.

Да и сам отправился в 1928 году по комсомольской путевке, и не куда-нибудь, сразу в Москву, в гремевшую на весь Союз Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Конечно, собирался после учебы вернуться домой.

С практикой выпускнику Паше Фитину повезло. Инженера-конструктора сельхозмашин отправили на новенький Сталинградский тракторный завод, построенный по последнему слову не советской, а американской техники.

Можно считать, что здесь впервые практикант-дипломник пусть и косвенно, однако столкнулся с будущей чекистской профессией. По просьбе трудящихся города Сталинграда завод был назван в честь Ф. Дзержинского. Так состоялось знакомство, понятно заочное, с Феликсом Эдмундовичем. И второе. Американцы, помогавшие в строительстве, никак не могли понять, почему эти русские так настаивают на избыточной прочности кранов, которые смогут поднимать не пять тонн — вес обычного трактора, а все 40. Но каприз удовлетворили, чем помогли уже в 1932 году (год запуска завода) перейти к секретному производству танка «Т-26», о чем Фитин, конечно, был в курсе. В самые суровые дни Сталинградской битвы танки выезжали из ворот тракторного завода и сразу вступали в бой с немцами.

Вернувшись в Москву, Фитин узнает о неожиданном для себя распределении. Выпускника Сельхозакадемии направляют не на производство, а в «Сельхозгиз» — Всесоюзное сельскохозяйственное издательство. Надо было срочно наладить выпуск не только журналов о сельском хозяйстве, но и брошюр о последних новинках советской сельскохозяйственной техники. А они пошли в колхозы конвейером. Надо же кому-то пропагандировать наше родное советское сельское хозяйство. Да и зарубежный опыт изучать, выпуская продукцию на заданную сельхозтему в переводе с иностранного.

И, как пишет в своей статье в «Российской газете» директор Службы внешней разведки России Сергей Нарышкин, «Павел Фитин в редкие свободные часы усердно учил английский и немецкий языки». Очень важная ремарка.

Пять лет размеренно шагал Фитин по карьерной лестнице, добравшись до должности заместителя главного редактора «Сельхозгиза». Он, как всегда, многое успевал. Ему доверяли, избрав секретарем партийной организации. Надо было расти, одного технического образования, это Фитин и сам чувствовал, стало не хватать. И в 1937 году, по-прежнему вкалывая в издательстве, Павел Фитин поступил в Московский институт востоковедения. Однако долго там поучиться не довелось.

Вдруг крутое, вроде бы совершенно нелогичное, изменение места работы: Фитина приглашают в органы НКВД. Почему? Кому конкретно он приглянулся? Чем заслужил такое доверие? Точных ответов на эти вопросы нет. Можно лишь констатировать, что Павел Фитин из того комсомольского призыва, объявленного в органы после безжалостных расстрелов, чисток и разжалований, которым подверглась ЧК в середине 1930-х. Многие в биографии самого молодого в истории начальника внешней разведки так и останутся загадкой.

Но, как бы то ни было, взлет Фитина выглядит фантастически.

28 марта 1938 года он уже работник госбезопасности. За два года учебы в Центральной школе НКВД в Москве он в числе восьмисот «призывников» должен был получить все навыки разведчика. Но приближающаяся война, это в разведке чувствовали острее, чем во всяких ЦК, торопила.

А работать в органах было некому. И 50 слушателей, лучше всех зарекомендовавших себя за полгода учебы, были в октябре того же 1938-го откомандированы в ШОН — Школу особого назначения — на спецподготовку.

Но парторгу курса Центральной школы НКВД Фитину было уготовано перескочить и через этот служебный порог: он сразу назначается оперативным уполномоченным 5-го разведывательного отдела НКВД.

Два с половиной месяца — и в январе 1939-го он уже не младший лейтенант запаса, а майор государственной безопасности и заместитель начальника отдела, в котором только что приступил к работе.

И время для майора помчалось еще быстрее. Вскоре Политбюро ЦК утвердило Павла Фитина начальником 5-го отдела.

13 мая 1939 года последовало невиданное назначение: Павел Михайлович Фитин в 31 год становится начальником уже всего отдела ИНО. По-теперешнему говоря — Службы внешней разведки.

Почему? Да потому, что к тому времени после ежовских и других чисток личный состав Наркомата внутренних дел уменьшился неимоверно. Нужны были новые люди. Часть прежней когорты действительно запятнала себя преступлениями против невинных, другая лежала в земле, некоторые отбывали срок по тяжелейшей 58-й статье в лагерях, кое-кто из уволенных пересиживали опасное время на дачах. Наступил в истории разведки период, когда опустошенные репрессиями иностранные резидентуры в течение 121 дня не передали в Центр ни единой информации. Работать и в Центре, и за кордоном было некому.

И на первые роли выдвигались молодые ребята, как Павел Фитин. Он почти сразу вызвал доверие у многих ровесников, пришедших в органы вместе с ним, и недоверие нескольких выживших и еще остававшихся в рядах старых чекистов: не был он своим в этой среде. Но шаг за шагом, операция за операцией пропадало, исчезало недоверие, уступая место глубочайшему уважению.

Знаменитый Павел Судоплатов, «уложивший» украинского националиста Коновальца, а затем разработавший покушение на Троцкого, недовольно качал головой, глядя на Фитина. Но только до того самого партийного собрания, на котором «новая метла» товарищ Берия предложил исключить его из партии. Все сотрудники — старые и новички — мгновенно проголосовали «за».

— Значит, воздержавшихся нет? — переспросил ведущий собрание.

— Есть, — раздался спокойный голос, и все увидели поднятую руку нового начальника управления Фитина.

Вступить за человека, которого вот-вот объявят врагом народа? Фитин совершенно спокойно ответил: о товарище Судоплатове слышал много, лично не знаю, о проступках, в которых его обвиняют, мне судить сложно. И легендарный Павел Анатольевич остался в заветных рядах всего лишь с выговором, качая головой на этот раз не в знак осуждения, а удивленно. Такой птенчик и сразу против Лаврентия Берии?

Может быть, даже нарком, тасовавший чекистские кадры как карточную колоду, задумался, надо ли увольнять вот такого энергичного, смелого и принципиального.

В этой неброской смелости и был весь Фитин. Спокойный, рассудительный, никогда не теряющий самообладания, с искренним уважением относящийся к людям и пытающийся понять каждого, даже тех, кого и понять-то было сложно. По понятным причинам он не принадлежал ни к одной профессиональной группировке чекистов, невольно складывавшихся на протяжении многих лет совместной работы. И в ИНО НКВД поняли: пришел настоящий начальник.

Фитин против Гитлера

Наследство, полученное новичком, скудно. Из более чем четырехсот разведчиков в рядах НКВД осталось 285 человек. Зарубежные резидентуры практически парализованы. Вызванные из них в Москву опытные разведчики в лучшем случае уволены из органов, в худшем — и в большинстве — расстреляны.

В фашистской Германии прервана связь с ценнейшим и единственным нашим агентом в гестапо Вилли Леманом (оперативный псевдоним «Брайтенбах»). Война на пороге, и немец не понимает, куда внезапно исчезли русские. На какое-то время иссяк поток сообщений из Великобритании от «Кембриджской пятерки». Откуда знать Леману и Филби, что их советские кураторы арестованы или расстреляны. И так — во всех странах потенциальных союзников и явных противников.

И все-таки молодой руководитель Павел Фитин начинает не с нуля. Выжившие, в разведке оставшиеся, его принимают. И дело не в привычной дисциплине. Прошедшие тяжелые испытания люди понимают: ими руководит душевный, болеющий не только за дело, но и за них человек. Его принципиальность и вера в своих поражают.

Да, пришел новичок. Но он хочет учиться. Работает по 16 часов в сутки, но каждое утро перед работой к нему приходит преподаватель немецкого языка.

Фитин правильно определяет первейшую угрозу. Война придет из гитлеровской Германии. Основное внимание ИНО уделяет Третьему рейху. И Павел Михайлович учит язык будущего противника не зря. Из статьи директора СВР Нарышкина, на которую я уже ссылался в этой

главе, стало известно, «что в мае — июне 1940 года Фитин ездил в спецкомандировку в Германию. Результаты этой поездки до сих пор остаются засекречены».

Зато известно иное. В стране главного противника действует уже не один разведчик, как это было до Фитина, а 13. Осенью 1940 года возобновлена связь с антифашистами. Сообщения руководителей «Красной капеллы», действовавших под псевдонимами «Корсиканец» и «Старшина», бесценны. Это заслуга заместителя резидента в Берлине Александра Короткова. Будущий руководитель советской нелегальной разведки, а тогда, незадолго до прихода Фитина, из рядов уволенный и лишь благодаря собственной настойчивости на Лубянку вернувшийся, посылается в Берлин. И картина чужих военных приготовлений будто на ладони. Ее дополняет Вилли Леман, на которого в сентябре вышел тот же Коротков, на отправке которого в Германию с особыми функциями настоял Фитин.

По инициативе Фитина возрождаются прервавшиеся отношения с Филби, Маклином, Кернкроссом, Бёрджессом, Блантом... Они информируют Советы о закулисных маневрах Черчилля, об истинных намерениях Великобритании, пересылают письма Гитлера.

Умелая агентура приступает к работе в США, Болгарии, Турции, Иране. В этих не захваченных Гитлером странах разведка действует особенно эффективно. Это и по ее инициативе советские войска входят в Иран прямо накануне планировавшегося там профашистского переворота.

Руководят резидентурами и опытнейшие асы разведки, и новые молодые кадры, пришедшие вместе с Фитиным. Подбор людей практически безошибочен. И вскоре закордонная разведка заработала на полную мощь. За рубежом в четырех десятках стран трудятся более двухсот разведчиков, и это не считая нелегалов. К прежним агентам, застывшим было в бездействии, добавляются новые — пришедшие добровольно «инициативники» и завербованные в основном на идеологической основе.

Всего год пролетает с назначения Фитина, а сколько сделано. И даже подозрительно относившийся к работавшим в зарубежье Сталин сменил гнев на милость: группе чекистов в мае 1940 года присуждены государственные награды.

А Фитин получает орден Красного Знамени месяцем раньше, как и Павел Судоплатов, представление на которого готовит сам Фитин. До прихода Павла Михайловича героя разведки едва не записали во враги народа, а теперь прикрепляют к груди орден Красной Звезды и назначают заместителем Фитина. Сложился тандем, слаженно работавший по разным направлениям до конца войны.

Как это получилось? Великие способности? Стечение обстоятельств? Удачливость? Да! И все слилось воедино в нужном человеке в тяжелейший для страны момент. Надвигалась большая война, разведка

требовалась — что воздух. Некогда было размышлять, как он будет управлять новичками и опытными чекистами. Надо было создавать, руководить.

В этом человеке, вышедшем из села Ожогина, чувствовалась некая терпеливая крестьянская мудрость. Иногда Сталин ставил грозные, порой оскорбительные резолюции на фитинских докладах. В пору всеобщего послушания, когда любое слово не то что «против», а просто не «за» могло закончиться лагерем или чем похуже, Павел Михайлович терпеливо собирал новые данные, тщательно изучал донесения разведчиков и агентов. И смело, нет, не перечил, а подтверждал правоту разведки и свою.

А 5-й отдел (внешняя разведка) теперь называется 1-е Управление, прообраз будущего Первого главного управления (ПГУ) и Службы внешней разведки (СВР). Дело не в смене названия. Фитин укрепляет Управление новыми кадрами, его подчиненные получают гораздо больше возможностей для самостоятельного свободного маневра.

И все это не стихийные придумки Павла Михайловича. Он действует четко по разработанному им и опытными соратниками плану, который представил за два месяца и два дня до начала войны наркому Лаврентию Берии.

Он не был мягким и податливым, но, превратившись быстрее быстрого в опытного руководителя, четко руководил разраставшимся секретным хозяйством.

Информации в 1-е Управление поступает все больше. Некоторые подчиненные Фитина полагают, что создание им информационной аналитической группы связано с тем, что начальнику не под силу проанализировать все донесения и на их основе принять верные решения. Ничего подобного. Похожий сектор без названия работал и в середине 1930-х, однако исчез. После чисток сотрудников в нем не осталось. Действительно, одному Фитину, пусть и с опытнейшими заместителями, иногда было сложно отделить зерна от плевел. Поток информации возрастал. Сведения подчас поступали противоречивые, не совпадали с переданными из других источников. Это особенно касалось стратегических планов рейха и мало кому понятной позиции Великобритании. Новая, с каждым днем усложнявшаяся ситуация требовала работы аналитиков. Такими и были возглавивший группу опытный разведчик Павел Журавлев, руководитель отдела, работавшего по Германии, и Зоя Рыбкина.

Позже, в 1943 году, когда усилий горстки людей становится недостаточно, группа преобразовывается в аналитический отдел. Первым руководителем, точнее исполняющей обязанности, становится Елена Модржинская (оперативный псевдоним «Марья»), за несколько дней до нападения Гитлера на СССР точно передававшая информацию из Варшавы о планах немцев.

Кстати, с майором госбезопасности Модржинской, потомственной дворянкой, Фитину порой приходилось жестко спорить. До конца жизни своей она была уверена, что «Кембриджская пятерка» — подстава британской разведки. Свои донесения об этом с суровыми выводами и предложениями Елена Дмитриевна вкладывала в личное дело Филби. Киму окончательно поверили только после победы на Курской дуге. Его с Кернкроссом информация о планах вермахта полностью подтвердилась. Фитин с облегчением вынул листочки с обвинениями из папки Филби. И аналитики могут ошибаться. А их начальник Фитин права на ошибку не имел.

Перед битвой на Курской дуге его разведчикам, не только из Британии, но и из других стран, удается сообщить в Центр с точностью до часа о начале планировавшейся гитлеровцами операции.

В первые месяцы работы Фитин почувствовал: молодой разведке нужны опытные кадры. Трудно было без них, работавших за кордоном, знавших языки, умевших находить нужные источники, а также выход из сложнейших ситуаций. Но только не из той, в которой они оказались сами. Сколько невинных, оклеветанных ушли безвозвратно. Многие, осужденные по страшной 58-й статье, мучились в тюрьмах и лагерях. Некоторым, непонятно за что из ЧК выброшенным, «посчастливилось» не сложить голову, работая инженерами, переводчиками, стрелками охраны. Их, выживших, требовалось срочно возвращать в разведку.

Существует несколько версий их чудесного возвращения. Будущий Герой Советского Союза и легендарный партизан Дмитрий Медведев на второй день войны написал об этом Берии. И друг Медведева, имевший доступ к наркому, положил переданное письмо прямо на стол Лаврентия Павловича.

Павел Судоплатов полагал, что решающую роль здесь сыграл именно он. Лично доложил Берии о необходимости привлечения в военное время к работе уволенных и осужденных. Циник Берия даже не расспрашивал, виновны ли те, за кого хлопочет ставший его любимцем Судоплатов. Лишь осведомился, действительно ли они нужны. И проситель ответил твердым «да».

Мне же ближе иное объяснение. Наверное, и письмо Медведева, и просьба Судоплатова свою роль сыграли. Однако настоящим инициатором возвращения посаженных и оклеветанных стал Фитин. Без его убедительной настойчивости, веры в искреннюю честность чекистов старшего поколения вернуть их было бы невозможно. Решающее слово в обращении к Берии осталось за ним — начальником разведки.

Первым из старой когорты появился на седьмом этаже Лубянки Яков Серебрянский. За ним не пришлось идти далеко. Приговоренный 7 июля 1941 года к расстрелу «английский и французский шпион» был помилован и в августе доставлен на руках прямо из лубянского подвала на рабочее место. Сам, избитый, тяжело болевший, идти не мог. Вернули с подмосковной дачи строптивного Медведева. Отозвали с завода

инженера, а до этого лучшего радиста НКВД Вильяма Фишера, в будущем известного под псевдонимом Абель. «Простили» настоящего Рудольфа Абеля, подрабатывавшего охранником на складе. Оказали доверие блестящему вербовщику Арнольду Дейчу...

А тех, что не освободили, расстреляли осенью 1941-го, когда сдача Москвы казалась вероятной.

Был у Фитина дар предвидения. До войны и в первые ее месяцы советское руководство было убеждено, что фашисты обязательно применят химическое оружие. Возможно, эти намерения сорвались как раз потому, что разведка заранее о них узнала. И поднятая по всему мира волна остановила Гитлера.

Но Фитин каким-то шестым чувством почуял по обрывочным донесениям, что и немцы, и союзники взялись за изготовление чего-то совсем нового, разрушительного. И уже осенью 1941 года, когда вермахт стоял в одном танковом броске от Москвы, во все резидентуры ушла шифровка: немедленно сообщать любую информацию обо всем, связанном с работой над созданием разрушительного оружия — атомной бомбы. Первыми почти одновременно отозвались Дональд Маклин и Джон Кернкросс из «Кембриджской пятерки». Да, такая работа ведется в США и Великобритании, а Кернкросс даже прислал полный текст доклада специально созданного в Англии «Уранового комитета».

Тогда о том, что при изготовлении атомной бомбы применяется уран, никоим образом не могли догадываться даже специалисты из разведки. И поэтому некоторые сообщения, например о добыче в Норвегии каких-то странных ископаемых для чудо-оружия, были восприняты в Москве с определенным недоверием. Думали, что дезинформация: запугивают немцы, стращают. Но Фитин понял, что дело серьезное. Разведка всю свою мощь сосредоточила на добыче атомных секретов.

Фитин создает группу научно-технической разведки. Ее возглавляет Леонид Квасников. Бывший инженер, он пришел в разведку в 1938 году. И Павел Михайлович понимает: знания этого специалиста из его 5-го отдела могут, должны пригодиться. 1 мая 1940 года Квасников назначается начальником 16-го отделения. Не все даже из близкого Фитину круга поняли, чем будет заниматься небольшая группа, каждый из членов которой получил инженерное образование. Так по собственной инициативе Фитин создал научно-техническую разведку, которой потом выпадет задача провести вместе с оперативными сотрудниками одну из удачнейших (а я считаю — самую удачную) в истории мировой разведки операцию «Энормоз»: добыть из разных стран сведения об атомном оружии.

Фитин доверял Квасникову, считавшему, что создание бомбы может завершиться не через двадцать лет, как его убеждали многие, а уже через два-три года. Первому управлению удалось получить точнейшую информацию: немцы работу свертывают, зато союзники, не ставя СССР в известность, предпринимают громадные и успешные усилия в этом

направлении. В 1943 году Квасников — заместитель резидента в Нью-Йорке по научно-технической разведке. Не счесть материалов, добытых в США по атомной тематике. И первое советское «изделие», так называли для конспирации атомную бомбу, успешно испытано не в 1955-м, как предсказывали американцы, а в августе 1949 года. Не расставляя разведку и науку по призовым местам, можно сказать, что их совместная деятельность спасла нашу страну от возможного поражения в грядущей Третьей мировой, которой, благодаря и Фитину, не последовало.

Его роль в операции «Энормоз» до конца не признана. Даже когда в первой половине 1990-х корифеям атомной разведки присвоили звания Героев России, о Фитине как-то не вспомнили.

Ну а в феврале 1943 года Павлу Фитину присвоено звание «комиссар государственной безопасности 3-го ранга». То есть, служи он в армии, к нему бы обращались как к генерал-лейтенанту.

В конце войны почуял он неладное в отношениях с американцами и англичанами. И контакты фашистских бонз, задумавших после заключения сепаратного мира пойти вместе с США и Англией против СССР, были сорваны. Тут сыграли свою роль и донесения из Швейцарии, и развившийся профессиональный нюх, позволявший не ждать, не отбиваться от наседавших англосаксов, а предотвращать удары. Любопытно, что в «Семнадцати мгновениях весны» роль Фитина играет не молодой человек, которым Павел Михайлович и был в войну, а солидный грузноватый актер. Кстати, и отчество, непонятно зачем, персонажу поменяли.

Нельзя недооценивать роль Сталина, Молотова, всей советской дипломатии в успешном проведении Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций. Союзники, с которыми велись переговоры об открытии Второго фронта, о будущем Германии и Европы, о вступлении СССР в войну с Японией, дивились провидческому дару советских переговорщиков. Черчилль с Рузвельтом только раскрывали рты, а наши уже знали, о чем пойдет речь, и были готовы к ответу. Затрагивался вопрос, от решения которого зависела судьба СССР, Великобритании, США, а также всего мира, и советские дипломаты со скрупулезным знанием деталей выдвигали свои собственные тезисы по любой проблеме, которая должна была бы заставить их врасплох.

Но сейчас-то, не умаляя ничьей гениальности, давайте признаем: Сталину и его ближнему окружению разведка преподносила не чуть ли, а буквально на блюдечке горы добытой информации, сообщала о скрытных намерениях союзников. Сценарии переговоров были заранее составлены, действие и наше противодействие разыгрывались не как, а именно по нотам.

Фитин, которому в начале войны было немногим за тридцать, вырос к концу Великой Отечественной не просто в высокопрофессионального разведчика, а в стратега. Он очень многое умел, а сколько всего и обо

всех знал и должен был знать по роду своей сугубо засекреченной деятельности!

По-моему, Фитин и занял высшую ступень в разведывательной иерархии во многом благодаря своему скромному, не показному упорству. Будь он кадровым военным, прошедшим суровую школу, сил, а может и мужества, не хватило бы. Муштра выбила бы из него самостоятельность. А так ему верили и разведчики, и генералиссимус с маршалами. Почему не верить, если ошибался он крайне редко? Да, вероятно, Фитин был исключительно удачлив. Без этого разведчику не обойтись. Недаром существует выражение: сильный, а вот не фартовый. Фарта хватало. Но это был именно тот самый фарт, завоеванный на ходу приобретаемыми профессиональными знаниями, умением общаться с людьми, находящимися как в верху, так и в самом низу служебной лестницы. Фитин никого не предавал и никого не отдавал, даже тех, кто совершал ошибки. И это ценили.

Кстати, Фитин, работая в Центре с зарубежными резидентурами, подписывал задания оперативными псевдонимами «Виктор» и «Старик». А «Старику»-то к началу войны исполнилось всего 33 года. Павел Михайлович успешно возглавлял внешнюю разведку все годы войны. Генерал-лейтенант встретил День Победы в полном и заслуженном фаворе у командования.

Тем неожиданнее было отстранение П. М. Фитина от должности начальника Первого главного управления Министерства государственной безопасности СССР. Приказ датирован 15 июня 1946 года.

Опала

Почему? Ясно, что Фитина хотят убрать подальше от Москвы. С явным понижением назначают заместителем уполномоченного Министерства госбезопасности в Советскую оккупационную зону в Германии. Затем, в 1947-м, перебрасывают в Свердловск заместителем начальника областного Управления ГБ. С 1951 по 1953 год Фитин — министр госбезопасности Казахской ССР. 16 марта 1953 года возвращен в Свердловск начальником Управления Министерства внутренних дел по Свердловской области.

Некоторые опытные биографы объясняют это тем, что именно в Свердловске ковался военный потенциал Советского Союза, находились важнейшие военные заводы. И кому, как не Фитину, быть рядом? А в Казахстане шли испытания наших бомб. Звучит не слишком правдоподобно. А что трудился как всегда на высшем уровне, свидетельствует врученная в 1950-м медаль «За боевые заслуги».

Но 16 июля 1953 года Павла Михайловича освободили от должности, вызвали в Москву, заставили давать объяснения. Потом взяли под следствие. Фантастически тупое решение. Что это было? Возможно, его сочли человеком из близкого окружения Берии. Если так, то ошибка

произошла катастрофическая. Никогда любимцем Лаврентия Берии Фитин не был. Допускал ли он промахи в работе? Естественно, но не крамольные.

Человека, под руководством которого были добыты секреты атомной бомбы, собирались заклеить врагом народа. К счастью, не заклеили, не арестовали, однако в ноябре уволили из органов с глупейшей формулировкой «за служебное несоответствие». Генеральских звездочек не сорвали, государственных наград не лишили. А в пенсии отказали: прошел всю войну, а выслуги лет гений разведки не имел. Некоторое время прославленный разведчик оставался безработным.

В 1954 году снисходительно доверили пост главного контролера в Министерстве государственного контроля СССР. А когда организацию в 1957-м ликвидировали, Павел Михайлович еще год проработал в заменившей Госконтроль Комиссии советского контроля при Совете министров СССР. Функции ее были размыты, одно название звучит лозунгом с любовью выпестованной Хрущевым бюрократии.

Но «наш» Никита Сергеевич на этом не угомонился. Было в Фитине нечто, что пугало необразованного советского главаря. Говорю же, знал он немало. А грехов за главным коммунистом водилось много. С лета 1958 года и до выхода на трудовую скромную пенсию генерал-лейтенант в отставке — директор фотокомбината Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Разведчик высочайшего класса не обижался на судьбу. Или не показывал виду, что обижается. Он сделал все, что мог, что дали совершить.

Некоторые друзья от него отвернулись. Хотя какие это друзья. С истинными своими товарищами Вильямом Фишером — Рудольфом Абелем, генерал-майором Василием Зарубиным и генерал-лейтенантом Виталием Павловым встречался постоянно. Не забывали его и уральские земляки. Рассказывают, что с удовольствием играл в теннис на летних динамовских кортах на Петровке. И узнававшие его игроки, ждавшие своей очереди, уступали начальнику разведки право выйти на корт.

Как же все-таки причудливо сложилась судьба Павла Михайловича Фитина. Очень откровенно и трогательно рассказал мне о его последних годах член Совета ветеранов УФСБ России по Свердловской области Евгений Дементьев. Его брат служил с Фитиным в Свердловске, дружил с ним и после опалы, встречался долгие годы в Москве.

— Каким был Фитин? Доступным, понятливым, улыбчивым, умел слушать и слышать, — говорит Дементьев. — Он сразу вошел в нашу жизнь не начальником, а другом. Была у него какая-то жилка, было умение дружить, понимать, чувствовать. И потом, человек он был необычный. Кто тогда в 1953-м слышал о спорте? А Фитин был не только болельщиком, он заставил весь личный состав заниматься спортом и так поднял наше свердловское «Динамо». Но главное не в этом. Люди считали за честь служить у него. Знали о его военных подвигах? Не уверен. Но уважали. А потом вдруг неожиданное увольнение.

Что произошло, почему уволили? Вопрос для меня понятный. Изложу свою точку зрения. Фитина не любил Хрущев. Он как раз тогда пришел к власти. Считал Павла Михайловича человеком Бериин. Никак он не мог понять, что не все, как он сам, должны состоять в каких-то группировках, быть при ком-то. И Фитин моментально попал во враги народа.

— *Не слишком ли сильное обвинение?*

— Разве только обвинение? Находился даже под следствием. Слава богу, что еще так отделался. Потом переехал в Москву, работал на разных должностях, пока наконец не обосновался на должности начальника фотолаборатории Союза обществ дружбы с зарубежными странами.

— *Да я в курсе. Но, боже мой, как мелко для генерал-лейтенанта, героя войны.*

— А вы знаете, мне казалось, что Павел Михайлович был и этим доволен. Не то слово, что смирился, а просто нашел работу, как следует наладил деятельность всей этой маленькой лаборатории, выпускал продукцию, доставал фотопленку, кстати, иногда подбрасывал ее и брату, и мне тоже. Так до конца и отработал на этой должности.

— *Евгений Петрович, как вы думаете, почему у Фитина не так хорошо сложилось в личной жизни? Были и разводы, и расставания...*

— Ну, не знаю. В Свердловске они были близки со знаменитой конькобежкой Риммой Жуковой. Но когда случилась с Павлом беда, Римма как-то сразу отошла.

— *Они развелись?*

— Нет, брак был гражданский, даже разводиться не пришлось.

— *Но чего испугалась Римма Жукова, знаменитая и прославленная чемпионка и рекордсменка мира? Ей-то чего было бояться?*

— Как чего? Была близка с врагом народа. В то время можно было и загреметь. Но я о другом. К сожалению, Павел Михайлович Фитин — человек, который сделал для государства очень-очень много, был необоснованно забыт.

Павел Михайлович Фитин умер в Москве 24 декабря 1971 года. Самый молодой в истории начальник разведки не дожил до 64-летия четырех дней. На памятнике на Введенском кладбище выбита лаконичная надпись: «Генерал-лейтенант Фитин Павел Михайлович».

И признание

21 июня 2016 года в Екатеринбурге на улице Вайнера состоялось торжественное открытие памятной доски земляку-уральцу Павлу Михайловичу Фитину. Она установлена на здании Управления ФСБ России по Свердловской области.

В октябре 2017 года на территории старинного особняка, что находится в самом центре Москвы на Остоженке, возле здания Пресс-бюро СВР России был открыт памятник начальнику внешней разведки

в годы Великой Отечественной войны. Автор скульптуры Андрей Ковальчук.

Сняты документальные фильмы о Фитине. О нем рассказано в книге Александра Бондаренко, вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Приходило пусть запоздалое, но признание.

Сейчас в честь Фитина называют улицы и горные пики. В феврале 2020-го постановлением Московского правительства проезд с поэтическим именем № 5063, что неподалеку от штаб-квартиры Службы внешней разведки в Ясеневе, получил название «Улица Павла Фитина». А одна из вершин хребта Соудор, что в Республике Северная Осетия—Алания, превратилась из безымянной в гору Павла Фитина.

На торжественные мероприятия приглашаются потомки генерал-лейтенанта: внук Андрей Анатольевич Фитин и правнук — Павел Андреевич, названный в честь прадеда.

Хорошо, что, задержавшись на десятилетия, имя Павла Михайловича Фитина заняло достойное место не только в истории внешней разведки, но и в исторической летописи нашей страны. Думаю, восстановить справедливость помогли постоянные усилия Службы внешней разведки. В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и 100-летия российской разведки Фитину оказаны почести, соразмерные его заслугам перед Родиной.

Историческая справедливость восстановлена. Но как обидно, что не получил при жизни Фитин своей славы. Не удостоен честно заработанного звания Героя. Не вошел в нашу историю еще раньше. Почему такое незаслуженно долгое, недостойное забвение? А сколько маршалов, вспомните Жукова, отправленного в Свердловскую область в 1947 году одновременно с Фитиным, были сосланы куда подальше в послевоенную эпоху. Люди умные, мыслящие нестандартно, они много знали и могли. Этого и боялись. Славно, что полузабытые имена героев медленно, однако выплывают из небытия. Среди них и имя Павла Михайловича Фитина.

ДЕНЬ АНГЕЛОВА:

ПАВЕЛ НИКИТИЧ АНГЕЛОВ

Как выяснилось полвека спустя, наш институтский преподаватель полковник Павел Никитич Ангелов оказался атомным разведчиком, добывшим для СССР секрет производства урана. С такой фамилией — и в разведку?

Военный перевод преподавался в Московском государственном институте иностранных языков имени Мориса Тереза весьма серьезно. На последних курсах два дня занятий из шести отдавались на переводческом факультете этому непростому предмету. Учили нас офицеры с богатой военной практикой. В конце 1960-х — начале 1970-х

годов оставалось среди них и немало участников Великой Отечественной войны, увешанных боевыми орденами.

У этих преподавателей было не сачкануть, да и попытаться разжалобить наших полковников было глупо. Может, потому и военный перевод студенты-переводчики осваивали твердо. Во мне до сих пор сидят все непростые английские и американские военные термины. Разбуди и сейчас посреди ночи, допрошу на английском взятого в плен или сумею перевести характеристики чужого оружия тех времен. Пусть этого в жизни ни разу и не потребовалось, но потерянным временем занятия военным переводом не считаю.

Тем более что преподаватель был у нас отличный — полковник Павел Никитич Ангелов. Китель — в орденских планках. Подтянутый, всегда выбритый, на инязовских вечерах иногда появлялся в штатском и отличался от коллег по военной кафедре непривычной для тех лет элегантностью.

Учебные группы были небольшие, человек по семь-восемь. Мы приветствовали полковника, он аккуратно вешал китель, переворачивал стул, усаживался к нам лицом. И шла работа только на английском, бывало, часов по шесть в день. Язык полковник знал отлично.

Мы участвовали с ним, как бы сказали сейчас, в ролевых играх. Особенно нравилось допрашивать Ангелова, выступавшего в роли англоязычного офицера. Он хитрил, сбивал нас с толку. Хотя сам же и учил, что по «их» уставу ради спасения жизни плененный американец имеет право ответить на некоторые интересующие фронтовую разведку вопросы, так что надо жать и дожимать.

Переводчики — особые люди, убежденные, что их профессия самая лучшая (на что замечу: вот уж нет!). Даже молодые пытались разобраться в нюансах языка. И, не сговариваясь между собой, мы решили, что английский у нашего полковника какой-то не такой. Акцент необычный, даже не американский, чем-то отличающийся от привычного.

В нашем институте задавать лишние вопросы было не принято. Проявишь чрезмерное любопытство и окажешься, как говорили только в Инязе, а не в Англии, *unabroadable* — то есть не имеющим права выезда за границу или, короче, невыездным. Но мой друг, однокашник К., еще в студенческие времена награжденный боевой медалью за смелые переводы под выстрелами на высотах израильско-египетской границы, узнал тайну произношения полковника.

Наш преподаватель в конце войны служил в военной разведке. И якобы его, нелегала, внедрили в Канаду под видом болгарина. Ведь и Ангелов скорее фамилия болгарская. Работа по атомной проблематике шла успешно. На связи молодого офицера-нелегала было несколько серьезных источников, а один — очень важный. Этот североамериканский ученый, возможно, и передал Ангелову некие секреты, связанные с атомной бомбой.

И все бы было хорошо, если бы предатель из посольства не попросил убежища у американцев. Над многими нашими агентами — верными друзьями — сгустились тучи. Вот и ученого, который помогал Ангелову, арестовали.

А советский нелегал сбежал. Добрался до морского порта как был — в домашних тапочках. Нашел корабль под серпастым флагом, поднялся на борт, и судно тотчас отчалило.

Конечно, после нескольких лет работы в Канаде у полковника остался неслыханный нами (откуда же в ту пору?) канадский акцент.

С годами удалось выяснить: есть в этой инязовской легенде и доля правды. Старший лейтенант Ангелов работал в военном атташате при посольстве СССР в Канаде с августа 1943-го. В 1945-м ему удалось возобновить прерванную связь с действительно важным источником — английским ученым-атомщиком Аланом Нанном Мэем. Тот вступил в компартию Великобритании в 19 лет и, обратите внимание, в 1933 году окончил в Кембридже тот же Тринити-колледж, что и члены «Кембриджской пятерки» во главе с Филби. Случайное совпадение?

Алана Мэя завербовал в начале 1942 года будущий Герой России Ян (Янкель) Черняк. Обязан дать пояснение. Во многих наших и зарубежных изданиях имя Мэя Алан пишется с двумя «л». Это ошибка. В Оксфордском словаре, на который равняются все солидные исследователи (не только разведки), четко написано «Алан» с одним «л».

Полгода сын литейщика Мэй исправно передавал в Лондоне информацию, связанную с получением плутония, Черняку. А чертежи уранового котла с подробными разъяснениями основных принципов работы позволили советским ученым избежать бесчисленных ошибок, американцами и англичанами допущенными.

В январе 1943 года Мэя, физика не из рядовых, перевели в монреальскую лабораторию, которой руководил известный исследователь Джон Кокрофт.

Американцы приглашали к себе в Штаты англичан и великие умы из других стран с четко поставленной целью. Считали, что в развороченном бомбардировками Лондоне, да и вообще в Британии, работа над атомной бомбой ни к чему не приведет, и Англию в этой гонке они опередили настолько, что бриттам их уже не догнать. А главное, чего в конце концов янки и добились, смертельное оружие должно было быть создано на их территории и ими же первыми использовано.

И они перетасили в Северную Америку кого только могли. Теперь как-то забыто, что ученые из не тронутой кровопролитными битвами Канады принимали активное участие в Манхэттенском проекте. Работы велись сразу в нескольких канадских городах, на которые за годы Второй мировой не упало ни одной бомбы. Там было спокойно, тихо, и условия для физиков всех мастей создали идеальные.

Но и живя в Канаде, Алан Мэй сумел сохранить связи с английскими коллегами, трудившимися над теми же атомными проблемами и искавшими те же их решения в Великобритании и Штатах. Несмотря на секретность, ученые переписывались, обменивались новостями на лишь им понятном языке физики. А уж кто-кто, а Мэй понимал его превосходно, схватывая на лету любой намек на некую находку, открытие или неудачу. Да и в исследовательскую лабораторию Монреаля стекалась информация с заводов Оук-Риджа и из суперзасекреченного центра Лос-Аламоса.

Американцы вплотную приблизились к цели. Мы — гнались за ними. И в феврале 1945 года в легальную резидентуру ГРУ в канадской столице Оттаве пришла шифровка из Москвы: «Срочно восстановить связь с доктором физики Аланом Мэем — специалистом по расщеплению ядра».

Однако в конце войны некогда преданный агент под оперативным псевдонимом «Алек», присвоенным ему еще Черняком, больше не горел желанием сотрудничать с Советами. От встреч под всяческими предложениями уклонялся.

И тогда резидент приказал взяться за дело «Бакстеру», он же Павел Ангелов.

Место работы физика было в резидентуре известно. Но идти, звонить туда или поджидать Мэя у входа в монреальскую лабораторию казалось рискованным. Любой, связанный с атомными разработками, мог находиться под контролем канадских спецслужб. В резидентуре подозревали, что за физиками приглядывают и американцы, чувствовавшие себя в Стране кленового листа как дома.

И Ангелов понял: придется наведаться прямо на квартиру Мэя. Прием для военной, да и для любой другой разведки, берегущей себя и своих источников, совершенно не характерный. Но решался вопрос скорейшего, почти любой ценой создания советской атомной бомбы, и порой приходилось идти напролом.

А для начала Ангелов незаметно покинул Оттаву и добрался до Монреаля. Позвонил «Алеку» по домашнему телефону и объяснил: прибыл из Европы и привез подарок от старого, вам хорошо знакомого друга. Встретились утром у Мэя.

Представившись «Ником», Ангелов протянул «Алеку» вещественный пароль. Он был прост: пачка сигарет с названием фирмы, которую Мэй обговаривал заранее еще с Черняком.

Мэй ничего не имел лично против «Ника». Позже, в воспоминаниях, признавался, что пришедший к нему человек был вежлив, сдержан в проявлении эмоций. И еще очень хорошо говорил по-английски. О чем читать лично мне было приятно. Ведь слушатель Павел Ангелов, уже имевший высшее образование, в первые годы войны окончил специальные курсы Института военных переводчиков. Не Иняз, а все равно родственное учебное заведение.

Но разговор поначалу никак не складывался. Мэй упирался, говорил, что и так много сделал, а сейчас чувствует, что попал под колпак контрразведки. Может, действительно устал, был полностью «выжат». Но он изредка приглашался в засекреченные места, где в США и Канаде создавали атомную бомбу — от огромной научно-исследовательской лаборатории в Чикаго до маленьких городишек. По всему миру у него оставались друзья-атомщики, с которыми он ухитрялся поддерживать дружеские контакты. Как же нужен был Алан Мэй советской разведке!

Шла война, в которой все средства давления допускались и поощрялись во имя достижения победы. И Ангелов, действуя очень решительно, порой даже пренебрегая дипломатией, «уговорил» Мэя. Выходить из игры сейчас никак нельзя. «Ник» дал слово, что о связях «Алека» никогда не станет известно. Если они оба будут работать осторожно, «Ник» обеспечит безопасность Мэя.

Отступать тому было некуда. Согласился, спросив, какой помощи ждут от него советские физики. Слово «советские» «Ник» вроде бы пропустил мимо ушей. Но отлично понял намек и сразу ответил, что прежний товарищ из Лондона и его друзья благодарят за важные сведения по атомной проблематике. И чтобы и дальше продолжать также успешно, было бы желательно, чтобы Мэй приготовил к следующей встрече список тем по атомной бомбе, к которым имеет доступ. Предложение «Ника» понравилось Мэю конкретностью. Да и сам визитер, несмотря на молодость, внушал уважение. Что ж, пришлось физику подавить терзавшие его опасения. Договорились встречаться в Монреале.

С мая по сентябрь 1945 года прошло четыре встречи. Ангелов тщательно готовился к каждой. Заранее четко формулировал вопросы, продумывал линию поведения, старался, чтобы беседы продолжались не больше 20 минут, максимум — полчаса. Ангелова радовала пунктуальность англичанина: тот никогда не опаздывал, на вопросы отвечал коротко и конкретно.

И вскоре Алан передал Павлу ценнейшие сведения: общие данные по Манхэттенскому проекту, фамилии ученых и точные адреса американских атомных заводов и лабораторий. А затем молодой офицер получил от агента и срочно переправил в Центр доклад о ядерных исследованиях урана-233 и урана-235. Москва сочла этот документ ценнейшим.

Уран — вот что интересовало разведку и советских физиков. И Мэй «по поручению руководства» своей исследовательской лаборатории осмотрел атомный завод в американском Чикаго. Огромный интерес вызвала информация «Алека» о строящемся новом урановом заводе в Чок-Ривер. Потом, дважды на уже запущенный объект проникнув, вернее посетив его с разрешения своего канадского начальства, он составил детальное описание предприятий, на которых обогащали уран.

Другая информация, добытая Мэем, тоже заслуживает упоминания. К прежним сведениям об урановом котле, переданным еще в Лондоне, добавился доклад знаменитого итальянского физика Энрико Ферми. В 1944 году он стал гражданином США, получив полное и неоспоримое право заниматься изготовлением атомной бомбы в секретнейшей лаборатории Лос-Аламоса. К тому же, будучи научным консультантом нового президента США Трумэна, он отвечал именно за военную часть атомных исследований. В докладе Ферми не только описывался принцип работы уранового котла, но и приводилась его схема.

На встрече с Мэем в июне 1945 года «Ник» получил множество документов. Из них стало понятно, что работы по созданию атомной бомбы близки к завершению. О чем свидетельствовала и схема устройства смертоносного оружия. Среди всего переданного было и особо интересовавшее Москву описание устройства для разделения урана и плутония.

Другая задача, поставленная Центром, виделась практически невыполнимой: добыть образцы обогащенного урана. «Алек» справился и с этим. Передал Ангелову 162 микрограмма образца урана-235 в виде окиси в фольге. Образец Мэй выкрал из монреальской лаборатории. Из Монреаля старлей доставил их в Оттаву.

Авиасообщения между Канадой и СССР открыто не было. И заместителю резидента по оперативной работе подполковнику Павлу Мотинову пришлось проделать долгий путь. Сначала вылететь с ураном (!) в Нью-Йорк, а уже оттуда в Москву.

Дальше попахивает легендой. Риск был смертельный: Мотинов (псевдоним «Ламонт») прятал ампулы в своем поясе. Прямо на летном поле осторожно вручил драгоценность руководителю военной разведки, лично его встречавшему.

Тут и подъехала черная машина с шторками. Из окна появилась протянутая рука, взяла ампулы, и машина исчезла. Подтверждено и задокументировано: образцы попали к куратору советского атомного проекта маршалу Лаврентию Берии. Чтобы понять величайшее значение «урановой посылки», сравним две цифры: 162 микрограмма и 70 микрограмм. Именно столько получили наши ученые во главе с Игорем Курчатовым на следующий день — 5 ноября 1945 года.

А работа Ангелова с «Алеком» продолжалась. Мэй по просьбе своего куратора составил список ученых-атомщиков, которые могли при определенных условиях пойти на контакт с советской разведкой. Объяснил «Нику», что после успешного июльского испытания американцами атомной бомбы в Аламогордо англичане решили продолжить самостоятельную работу над оружием. Судя по этому, Штаты не собирались делиться с друзьями-бриттами технологией изготовления «изделия». В августе 1945 года после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки дважды на встречах с Ангеловым Мэй сообщал об оценке учеными результатов этих ударов.

Центр был доволен. Просил передать агенту и его куратору, что информация представляет большую ценность.

«Ник» переснимал документы, сидя в машине. Казалось бы, нервозность, спешка, но рука старшего лейтенанта ни разу не дрогнула: все фото получались отличного качества. Мэй соблюдал все меры безопасности. А из наших о существовании ценнейшего источника под оперативным псевдонимом «Алек» кроме Ангелова знали лишь двое: резидент Николай Заботин и его первый заместитель Павел Мотинов. Павел Ангелов, выросший в классного профессионала, не допустил в работе с ученым ни единой ошибки. И не их с Мэем вина, что 5 сентября 1945 года нежданно грянуло. Хотя так ли нежданно?

Проницательный проверяющий ГРУ полковник, в будущем генерал-лейтенант, Михаил Абрамович Мильштейн, еще в июне 1944 года инспектировавший работу канадской резидентуры, дал резкую оценку «Кларку» — лейтенанту-шифровальщику Игорю Гузенко. Опытному полковнику, кстати, в 1930-х трудившемуся шифровальщиком, не пришлось даже напрягаться, чтобы понять: тот постоянно пьет. И до предела жаден, что при неблагоприятном стечении обстоятельств может обернуться бедой. В беседе с Мильштейном Гузенко чего-то боялся, а чего-то не понял из его ответов и проверяющий. Чувствовал полковник, что Гузенко неискренен, что он чего-то недоговаривает. И, вернувшись в Москву, сразу предложил отозвать из Канады опасного при такой работе парня.

В Оттаве приказ немного помуржили. А затем резидент военной разведки полковник Николай Иванович Заботин добился его отмены. С Заботиным, наладившим отличную работу резидентуры и за два последних года награжденным орденами Боевого Красного Знамени и Отечественной войны I степени, спорить не стали.

Теперь не узнать, как складывались отношения между Ангеловым и Гузенко. У меня впечатление, что Павел Никитич видел людей насквозь.

В конце концов в августе 1945 года на личный шифр Заботину пришел твердый приказ нового начальника ГРУ генерал-лейтенанта Кузнецова: срок командировки Гузенко закончился, он срочно отзывается домой, замена готова.

Как говорится, ему о нем же: шифрограмму принял сам Гузенко. Он почему-то имел доступ и к шифру резидента. 5 сентября лейтенант Гузенко бежал, прихватив с собой больше сотни секретных документов. Он тотчас передал их канадцам вместе с шифрами и кодами. Хуже того, предатель был и криптографом. Зная принципы работы своих коллег, мог попытаться рассекретить и другие советские шифры.

А наши, как и всегда в подобных случаях, обратились с просьбой к канадскому правительству «задержать Гузенко и его супругу и без всякого суда передать их совпосольству для депортации в СССР». За первой нотой последовала вторая. В них утверждалось, что Гузенко

украл при побеге деньги диппредставительства. Неужели ожидали получить иной ответ, чем «о месте пребывания Гузенко канадским властям ничего не известно»?

Сначала о том, почему побег Гузенко стал возможным.

Играя в 1970-е годы за сборную советского представительства в одной азиатской стране, я первое время удивлялся странной заботе о нашем высоченном нападающем. Молодого молчаливого парня привозили в спортзал в не по рангу классной машине. К нам в раздевалку его вводили двое здоровенных ребят, а сразу после игры они же его и выводили, не дав даже попить абджу — пивка после очередной победы.

Секрет раскрыл любитель спорта — шофер посла: «Ну, ты совсем. Это же шифровальщик. Не знаю, как его вообще отпускают». Как доказала жизнь, тот случай был действительно исключительным. Ни в одной стране, где довелось потом побывать, такой вольности не допускали. Шифровальщик — это святая святых разведки. По понятной причине он невольно знает все. И не то что жить, снимая квартиру в городе, а просто выходить за железную калитку посольства ему категорически запрещается даже с женой. Парами или лучше в еще более широкой компании — пожалуйста, но редко, очень редко. Селили только на посольской территории в квартиры, как правило маленькие, ибо в больших живет начальство. Таков закон.

Соблюдался он и в Канаде. Но жену резидента Заботина раздражал постоянный, что днем, что ночью, плач маленького сынишки Гузенко. И тогда любящий муж-резидент поселил в 1943 году начальника шифровального отдела в городе. Что он там делал, с кем общался? Может, были к лакомому, вожделенному для любой спецслужбы кусочку вербовочные подходы? Не могли не заметить те, кто этим интересовался, жадности Игоря и его жены.

А Гузенко-«Кларк», что, впрочем, бывает далеко не только среди шифровальщиков, старался угодить своему начальнику, часто с удовольствием или уж без оного, выполняя все совсем не служебные пожелания-приказы резидента и его супруги.

Сложившиеся отношения полного доверия зашли слишком далеко. По строгим правилам некоторые секретные документы подлежат уничтожению. Не знаю, как сейчас, а раньше их сжигали. Заботин перепоручил это неприятно-дымное занятие «Кларку». И Гузенко, отобрав нужные, хранил их у себя. А с тех, что по-прежнему оставались в работе, снимал копии. Сам признавался: еще с сентября 1944-го, значит, целый год, готовился попросить политическое убежище. Наиболее ценные документы прятал на снимаемой городской квартире в определенном порядке: загибал уголки, чтобы моментально, не теряя времени, выхватить их из толстой стопки.

Резидент и два его зама хранили в сейфе личные дела на канадских агентов. Гузенко легко подобрал шифр к сейфу. Это понятно. Невероятно другое: как, для чего завели дела? Ведь это категорически запрещено!

И личный шифр резидент Заботин передал услужливому шифровальщику вопреки всем запретам. Так что, прочитав приказ об отзыве домой, предатель знал, что делать.

Все эти грубые нарушения подтвердила специальная комиссия, созданная по приказу Сталина. Некоторые члены комиссии предлагали уничтожить Гузенко. С предателями в те годы не церемонились. Могла настичь его пуля советского ликвидатора. Но генералиссимус запретил, и строго. Не время. Да и дело слишком громкое, на весь мир.

Теперь о последствиях предательского побега.

С Заботиным поступили по всей строгости. В первом акте — извинились перед канадцами «за личную инициативу резидента». Во втором — отозвали в Москву, где суд приговорил его, супругу и сына к тюремному заключению. С резидентом понятно. С его супругой — относительно. А за что сына?

Николай Иванович Заботин отсидел до 1953 года и вышел из лагеря на свободу только после смерти Сталина. Красный командир, служивший в РККА с 1921 года и ставший разведчиком, поселился где-то на российской окраине, на границе с Финляндией. В 1957 году скончался. Только недавно о нем вспомнили.

Как обидно. Где-то жалко. Заботин и его коллеги создали в Канаде широкую агентурную сеть. И так глупо, ни на чем, оступились, погорели.

А переправленный из Канады в США, а потом снова вернувшийся в Канаду подонок Гузенко, 1919 года рождения, скончался в 1982-м. Смешно читать, что ушел из-за хронического алкоголизма. Совершить такое и прожить 62 года. Поселился в пригороде Торонто, наделал еще семерых детей. Его до смерти таскали по пресс-конференциям и международным сборищам, на которых он обличал, клеймил, привычно строил из себя борца против коммунизма.

А канадцы проверяли всё «Кларком» украденное. Это на вопросы полковника Мильштейна он отвечал немногословно. А тут разговорился. Все пять месяцев, что держали его после побега канадцы, вспоминал, добавлял, выдавал.

Стали понятны масштабы деятельности советской разведки, особенно атомной, не только в Канаде, но и в США, Англии да и в некоторых других странах. Волна, точнее девятый вал этого предательства докатился до нейтральной Швейцарии, где по гузенковской наводке арестовали Рудольфа Ресслера (оперативный псевдоним «Люци»), считающегося самым результативным агентом Второй мировой войны и работавшего против Гитлера на Англию, США, Швейцарию и СССР.

Пишу все это и думаю: куда же завело меня повествование об одном из любимых преподавателей Павле Никитиче Ангелове?

А куда завел подлец Гузенко Павла Ангелова, наших агентов в Канаде да и всю советскую разведку? По-моему, не было у нее в XX веке провала чувствительнее этого. Особенно пострадала раскиданная по миру атомная сеть. Она была фактически разгромлена.

Прибывшему в 1948 году в Северную Америку советскому нелегалу «Марку», известному под фамилией Абель, пришлось ее восстанавливать. Но успешно начавшаяся работа не была выполнена до конца — и тоже из-за предательства.

В Канаде произошла полная катастрофа. Данные о количестве арестованных советских агентов разнятся, не совпадают. Остановимся на цифре 19. Прибавим пятерых американцев и англичан, среди них и Алана Нанна Мэя. 11 наших друзей получили различные тюремные сроки. Один отделался штрафом. Вину еще двенадцати, несмотря на все потуги Гузенко, доказать не смогли из-за отсутствия прямых улик.

Полностью нераскрытым остался единственный наш помощник. Кто скрывался под оперативным псевдонимом «Элли», неизвестно и сегодня.

Так что при первой встрече с Ангеловым Мэй волновался не зря. Думал, все закончилось благополучно, в сентябре 1945 года уехал в родную Англию, читал лекции в Лондоне.

Но в марте 1946-го его арестовали. 1 мая на суде Алан Мэй отверг вину и обвинения в предательстве. В своей речи заявил: «Я всем сердцем уверен, что действовал во имя обеспечения победы над нацистской Германией и Японией и ради дальнейшего использования атомной энергии в мирных целях». Ему дали 10 лет.

По советским источникам — в 1953 году, а по британским — в конце 1952 года за примерное поведение Мэй был выпущен на свободу. Как ни считай, отсидел шесть с половиной лет. Попал в «черный список» с запретом преподавать в британских учебных заведениях.

Зато уже в 1953 году женился и поселился в Гане. Читал лекции, занимался исследованиями в области физики и создал музей науки.

В 1978 году вернулся в Кембридж. Хотя еще в 1945-м Мэй собирался порвать отношения с русскими, он никогда не раскаивался в содеянном. Возможно, именно чувство выполненного долга помогло ему забыть о тюремных мучениях и выпавших на его долю испытаниях. Жил он в согласии с собой и своими пацифистскими идеалами. Дай бог каждому добраться в жизни до 91 года. Мэй скончался от воспаления легких 12 января 2002 года в Кембридже, откуда начинался его путь в науку. И, думаю, в разведку тоже.

Предсмертное письмо Алан Нанн Мэй составил в декабре. Опубликовано оно согласно его воле в 2003 году в газете «Гардиан». Ученый и наш друг признавался, что не жалеет о своей деятельности в годы войны.

Ясно, в чем разница между Мэем и Гузенко. Шифровальщика сгубила жадность. А Мэй работал на нас бескорыстно. Привожу отрывок из воспоминаний Мэя в моем переводе: «Как больно мне было действовать так, как велела совесть. Я пошел по этому пути, чтобы внести свой искренний вклад в спасение рода человеческого и его безопасность. Не было в этом никакой моей личной выгоды. Лишь однажды вопреки моему желанию я получил некое количество, не помню какое, долларов».

Всё правда. Павел Ангелов буквально всунул их «на всякий случай» упиравшемуся Мэю. Наверное,годились.

Были же святые люди...

А тогда уже капитан Павел Ангелов вынужден был срочно покинуть Канаду. Ясно, что ни в какую заграничную командировку выехать больше не мог. Оперативная карьера с блеском завершена, хотя Ангелову от этого было не легче. Работал в ГРУ. Потом преподавал у нас.

И совсем не походил на обиженного жизнью человека. Не чинуша и бюрократ, а настоящий полковник. С ним можно было и просто поговорить, и посоветоваться. Павла Никитича избрали парторгом. На этом посту можно было зарываться и зарывать. А полковник помогал.

Однажды в сентябре меня, дурачка-четверокурсника, вызвал на военную кафедру грубый педант-подполковник. Языкам он был необучен, занимался другими делами. Разговор получился короткий, типа: ты чего нарушаешь? Хочешь на всю жизнь стать невыездным? Сделаем. Не понимал я, в чем провинился, где проштрафился.

Выяснилось: виноват по уши. Подрабатывая летом после третьего курса гидом-переводчиком в Интуристе, дал адрес туристам-американцам. И не свой домашний, что категорически запрещалось, а родного института. Вот парочка старичков-туристов и написала мне. Благодарили за интересные экскурсии и хорошо проведенное в Москве время. Письмо попало на военную кафедру, и, как пообещал подполковник, объяснительной запиской мне было никак не отделаться. Сидевший в уголке Ангелов разговор, вернее хамский рев, услышал, незаметно махнул мне рукой: давай садись, не спорь.

И я по приказу грубияна тут же принялся писать объяснительную. А потом подполковник ушел читать лекцию, как вести себя с иностранцами. Павел Никитич подошел ко мне, подсказал, что надо обязательно не только повиниться, но и понятными для подполковника словами изложить: дал адрес не просто американцам, а верным коммунистам, друзьям СССР, которые и поблагодарили меня за то, что еще лучше узнали страну. Читай между строк: и при моем участии. «И не спорь с этим, не нашим, — приказал он. — Дождись, приветствуй по уставу, обратись с просьбой выслушать и вручи бумагу».

Что я и сделал. Был прощен! Хотя и отруган по всей строгости никем не писанных, однако действовавших законов. Правда, на практику в зарубежье меня после четвертого курса для профилактики, чтоб знал, не пустили. Не беда, поехал на пятом курсе.

Мне кажется, Ангелов сыграл определенную роль в моей судьбе. А может, я и ошибаюсь. Вглядывался он в своих студентов внимательно.

После пятого курса, вместо того чтобы вместе со всеми сдавать государственные экзамены и защищать диплом, послали меня, переводчика, в третий раз за полгода в капиталистическую страну (по тем временам — рекорд!) в трехнедельную командировку со сборной по парусному спорту в классе «Звездный». Гоняли по фантастическим

озерам — в Венгрии, в Югославии. А на двухнедельную закуску — в Италии на озере Гарда на чемпионате Европы.

Вернулся в Москву, переполненный впечатлениями (побывал даже на родине Монтечки и Капулетти — в Вероне) и с мотками фирменной итальянской шерсти, которые отдал счастливой маме.

Сдавал государственные экзамены и защищал диплом в гордом одиночестве. Но был готов, поборол привычный мандраж, поверил в себя. Последним был военный перевод. Вдруг пришел принимать его сам Ангелов. Мы проработали с ним минут сорок. Горжусь его оценкой больше, чем остальными «отл.».

Прошло уже полвека, но я и сейчас помню, как мы приветствовали полковника Ангелова им же в нас и вдолбленным: «Dress right dress. Ready front! Eyes left! Comrade colonel»...

ПЕРВЫЙ ГЕРОЙ: ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ГОРОВОЙ

Полковник Владимир Горовой — первый Герой Советского Союза из послевоенной разведки.

Еще не так давно рассказывать о нем было нельзя. И только совсем недавно полковника внешней разведки в отставке Владимира Ильича Горового рассекретили. Пока частично. Хотя звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» № 11276 ему было присвоено закрытым указом 47 лет назад, еще 21 декабря 1973 года, за выполнение сложнейшего задания в США, в результате которого советской разведке стали известны строго секретные данные.

— «Золотую Звезду», орден Ленина и Грамоту о присвоении звания мне вручили только после возвращения из заграникомандировки, да и то не сразу. Они хранились в сейфе у председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова, — рассказывает Владимир Ильич. — Первоначально мне их только показали во время отпуска и поздравили с наградой. Почему? По соображениям безопасности. Звание было присвоено человеку, ведущему активную работу с группой ценнейших зарубежных агентов. Опасно! Сведения могут как-то просочиться.

— *Вы ведь приехали из Штатов в отпуск в феврале 1974 года. Вам до этого сообщали о награде?*

— Нет, я ровным счетом ничего не знал. Но через несколько дней после приезда позвонили с работы и предупредили, что вечером за мной придет машина. Зачем — ничего не сказали. Да это и не принято. В назначенное время вышел на улицу — у подъезда стоит автомобиль, но необычный, с антенной на крыше. А в ней начальник Первого главного управления (внешней разведки) Владимир Александрович Крючков. Меня это удивило, так как подробнейший доклад о работе я ему уже сделал. Сел: «Добрый вечер» — «Здравствуйте». Поехали. Крючков молчит, потому что рядом шофер. Приехали на площадь Дзержинского к зданию Комитета государственной безопасности. Тут я подумал, что,

наверное, вызвали, как всегда по приезду в отпуск, на доклад к председателю КГБ Андропову, хотя он должен был состояться позднее. И уже перед кабинетом Андропова Крючков приостановился и говорит: «Мы приехали, чтобы объявить вам о награждении вас высшей наградой страны. Сейчас Юрий Владимирович сам вручит ее».

Я присел в приемной, подумал: «Надо будет что-то сказать». Обязательно скажу, что, мол, спасибо, но это награда не только мне, а всей нашей разведке. Я просто как ее маленький винтик делал, как мог, свое дело. Захожу. Андропов у стола. Радужно поздоровался, сесть почему-то не предлагает. Подошел к сейфу и достает из него три алые коробки. «Ну, Горовой, поздравляю, вот твоя награда. Тебе присвоено звание Героя Советского Союза»...

Сказать, что я был удивлен, значит ничего не сказать (после слов Крюčkова подумал, что это, наверное, орден Ленина). Бережно открыл коробочки, полюбовался на «Золотую Звезду» и орден Ленина, прочел грамоту. Начал было ответное обращение, но Андропов, улыбаясь, махнул рукой: «Оставь. Награда дана конкретному человеку за конкретную работу». После теплой непродолжительной беседы спрашивает: «Посмотрел? Ну и хорошо. Давай сюда». Кладет коробки обратно в сейф, поворачивается, протягивает руку. Я в недоумении: «Подождите, а как же...» А он: «До тех пор, пока ты работаешь по этому делу, да еще там, награда будет лежать в моем сейфе. Когда окончательно завершишь работу, тогда свою “Звезду” и получишь». Поэтому получил я эти награды лишь через несколько лет.

— *Когда вам вручили их официально?*

— Официального вручения не было. Такая вот служебная необходимость. А засекреченность самого факта награждения длилась почти полвека.

— *Вы работали фактически полностью автономно. А кто тогда писал представление?*

— Представление по указанию Крюčkова писал Красавин Андрей Васильевич, умнейший чекист, — начальник специально выбранного второстепенного неоперативного отдела, на который в строжайшей изоляции от всех других подразделений разведки было возложено руководство операцией.

Объяснялось это тем, что краеугольной задачей в выполнявшемся задании было обеспечение максимально возможной секретности. Конкретно о существовании ведущейся работы знали помимо резидента в Вашингтоне и его заместителя всего три человека: председатель КГБ Андропов, начальник Первого главного управления Крючков и Красавин. Иногда Крючков ставил в известность в общих чертах своего первого заместителя и начальника американского отдела, в том числе на случай принятия каких-либо срочных решений при его длительном отсутствии. В какой-то степени о наличии ценных источников, но без всякого доступа к их установочным данным, знали также заместитель

Красавина и специально подобранный, не сменяемый на протяжении многих лет сотрудник отдела, выполнявший некоторые обязанности по делу. В аппарате разведки по разным причинам (по большей части из-за несоблюдения требований секретности) случаются нарушения режима жесткого ограничения доступа к совершенно секретным делам лиц, не имеющих к ним прямого отношения. Но в данном случае благодаря максимальной зашифровке никто ничего не знал до тех пор, пока Крючков через много лет сам очень сжато, не раскрывая деталей, не рассказал об этом. Но вообще-то надо сказать, что в Центре ряд сотрудников, обеспечивающих техническое, финансовое и канцелярское сопровождение, а также перевод, аналитическую обработку и реализацию, в том числе передачу в другие ведомства материалов, поступающих даже от самых засекреченных и ценных источников, неизбежно получают, хотя и в ограниченной мере, некоторое представление о их содержании. Не менее сложно полностью зашифровать ведение какой-то важной операции и в резидентуре.

— *Владимир Ильич, вам сейчас сколько лет?*

— 13 ноября 2020-го будет 88 лет: человек достаточно пожилой.

— *А в США вы когда приехали?*

— В августе 1969-го. Точнее — 11 августа.

Знакомство

Встретились мы лет пять назад, в общем-то случайно. Или не совсем случайно. Когда приглашают выступить в институте или в школе на уроке памяти, никогда не отказываюсь. Как выяснилось, и Владимир Ильич тоже. А это сближает.

Поехали на встречу на метро. Горовому его лет не дашь. Держится бодро, шагает размашисто. Загорелый. На лацкане — Звезда Героя.

Поговорили со школьниками. Они ребяташки хорошие, но мало что о нашей истории знают. И мы с Владимиром Ильичом согласились: мы нужны, чтобы рассказать, помочь. Был в 1990-е период, когда держали в неведении, от истории отвращали. И попали в яму. Что ж, надо наверстывать, пока не поздно. Или поздно уже?

Выступал Владимир Ильич уверенно. Рассказал кратко о себе, о значении деятельности разведки: учился в московском Инязе, потом четыре года службы в ГДР переводчиком. По возвращении в 1959 году пригласили в разведку. Дали время подумать, но он согласился сразу: «Почетная работа — защищать страну, раздумывать было не о чем». Закончил знаменитую (теперь) 101-ю школу, которая сейчас Краснознаменная академия имени Ю. В. Андропова. Владеет немецким, английским, французским. Для 1950-х, когда и единственного иностранного языка разведчику хватало, явление нечастое. Затем была командировка в одну из африканских стран. И если кто-то думает, будто Африка — это где-то на задворках разведки, то ошибается. Против них мы не работаем. Суть в том, что там нередко пересекаются интересы

наши и главного противника — так тогда называли американцев. Сейчас они — «коллеги» и «партнеры».

Потом командировка в США, в Вашингтон. Прослужил там долго, дольше обычного срока, под легальным посольским прикрытием. Вел разведывательную работу. Мне подумалось: и еще какую, если дали Героя. А вот за что дали, никаких деталей. Но геройская звездочка Горового впечатление производит. Нас слушали, задавали вопросы. Кажется, еще не вся память потеряна и отшиблена?

Так мы и познакомились.

Командировка Владимира Ильича Горового в Вашингтоне пришлась на период, получивший название «разрядка» и наполненный важными событиями в советско-американских отношениях и в развитии международной обстановки. После длительного острого противостояния, особенно в свете Карибского кризиса 1962 года, появились сдвиги в смягчении напряженности между нашими странами. Состоялся обмен государственными визитами на высшем уровне: президента США Ричарда Никсона в СССР в 1972 году и генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева в США — в 1973-м. Наметились существенные подвижки в решении наиболее значимых проблем, велись сложные переговоры, завершившиеся подписанием договоров по противоракетной обороне и по ограничению стратегических вооружений. Было заключено несколько различных соглашений в области двусторонних отношений. Интенсивно готовилось к подписанию Соглашение по безопасности и сотрудничеству в Европе (1968—1975). В 1973 году разразилась война «Судного дня» между коалицией ряда арабских государств и Израилем, вызвавшая острое противостояние между Западом и СССР и резкий, вплоть до угрозы применения силы, отпор со стороны советского руководства. Необходимо было постоянное, точное и детальное информационное освещение хода событий. Условия международной обстановки требовали от советской разведки обеспечить руководство СССР достоверной секретной информацией по всем этим проблемам для принятия верных взвешенных решений.

В этот момент наша разведка располагала исключительными по своей важности источниками для получения столь нужных сведений. Но для максимального использования их возможностей и во избежание в случае провала серьезных негативных последствий для всего процесса наметившейся разрядки работа с ними требовала обеспечения всемерной безопасности, предельной осторожности и максимально возможной зашифровки. Ее выполнение было поручено Владимиру Ильичу.

И длился этот период долгих 13 лет.

Далее была работа на руководящей должности в центральном аппарате разведки. Затем последовали еще две заграничные командировки, в том числе одна длительная, пришедшаяся на период лихих девяностых, а в промежутке между командировками — преподавание на курсах

усовершенствования руководящего состава в Академии внешней разведки имени Ю. В. Андропова.

После выхода в отставку Владимир Ильич живет в Москве. Ведет общественную работу. Он член правления Межрегиональной общественной организации «Клуб Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы города Москвы и Московской области» и председатель секции Клуба по ЦАО Москвы, председатель Совета мужества и отваги Общероссийской организации «Офицеры России» и член президиума Общероссийского движения «Сильная Россия».

Имеет награды: медаль «Золотая Звезда», орден Ленина, орден Красного Знамени, медаль «За отвагу», ведомственные награды «Почетный сотрудник государственной безопасности», «За заслуги» и другие.

Вот пока и всё...

Но я верю, что точка не поставлена. Вместо нее — многоточие. Потому что поведать, поверьте, есть о чем. Но разведка, как и подготовка и публикация рассказов о ее Героях, требует терпения.

ЖАРКОЕ ЛЕТО В БЕЙРУТЕ:

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЕРФИЛЬЕВ

В понедельник, 30 сентября 1985 года в Бейруте произошло небывалое по тем временам событие. Террористы захватили четырех советских заложников. Все четверо — работники нашего посольства.

О том, как проходила уникальная операция по их освобождению, подробно расскажет в этой главе полковник запаса Службы внешней разведки Юрий Николаевич Перфильев. Но прежде, чем дать ему слово, попробую обрисовать сложнейшую обстановку, сложившуюся в этой части Ближневосточного региона.

Гражданская война в Ливане, превратившаяся в кровавую мясорубку, продолжалась уже десятый год. Многочисленные противоборствующие силы боролись за свои интересы и контролировали захваченные земли, не допуская туда врагов настоящих и вымышленных. В ход пускались все средства, которые только могли принести, нет, не победу, а смерть противнику. Палестинцы и ныне не угомонившаяся «Хезболла», запрещенная в РФ; еще существовавшие тогда коммунистические отряды боевиков, больше похожие на анархистов, и друзья, которые, как полагали в СССР, сражались за правое дело; хорошо вооруженная сирийская армия и самые разные силы шиитов, мусульман, которые постепенно отступали под ударами дисциплинированных сирийцев. Артобстрелы, бои, иногда переходившие в рукопашную, террористические акты. И даже похищение иностранных заложников. Но только не советских.

СССР, в середине 1980-х еще могучий, ухитрявшийся умело маневрировать и находить общий язык с самыми разными

группировками, возвышался над этой бойней неприступной скалой. Нас уважали, а если и ненавидели, то старались глубоко запрятать неприязнь, чтобы не показать, не испортить отношений пусть с нелюбимым, однако признанным авторитетом. А еще русских боялись. На Ближнем Востоке СССР по-прежнему признавали неприкасаемым.

И вдруг похищение четырех советских заложников в Бейруте. Дальше слово Перфильеву.

— *Юрий Николаевич, как вы оказались в Ливане? И под каким прикрытием там трудились?*

— Был советником посольства, возглавляя при этом нашу резидентуру. Разведчики США и Англии действовали на Ближнем Востоке с активностью необычайной. Это настолько беспокоило Центр, что с 1975 года нам, в том числе и мне, поручили работать не только по Ливану, но и по всему Ближневосточному региону против главного противника — американцев и англичан.

— *Но, насколько наслышан, четырех наших граждан похитили совсем не они...*

— Шел десятый год гражданской войны. В сентябре 1985-го на севере страны велись ожесточенные бои между мусульманскими экстремистами, группировками Ливана и сирийскими подразделениями. Участвовали в столкновениях и палестинские отряды. Положение палестинцев, ливанских мусульман было крайне тяжелым, безнадежным. И, как нам стало известно чуть позже, именно у палестинцев возникла идея: надо бы воздействовать на Сирию с помощью Советского Союза. Как? Взять в заложники советских граждан. И потребовать от нас нажать на Сирию, чтобы та выпустила палестинцев и тех, кто в тот момент был с ними, из котла. Иначе, это было понятно всем, разгром палестинцев и мусульманских группировок неминуем.

— *Вот уж действительно — решение... Ведь в те годы отношения с Палестиной у них были хорошие, чтобы не сказать дружеские.*

— При той помощи, которую СССР оказывал арабским странам, отношения были исключительно хорошими. Вот почему захват заложников оказался громом среди ясного неба. А ведь до этого советских дипломатов пытались похитить несколько раз. Мы осознали чуть позже, что то были именно попытки похищения, а не просто стремление неизвестных вооруженных людей угнать или отобрать у советских машины, как нам поначалу представлялось. Но нашим удавалось бежать, спрятаться. А 30 сентября 1985-го похищение все-таки состоялось.

— *Вы помните, кого похитили?*

— Еще бы. Секретаря консульского отдела Аркадия Каткова, работника торгпредства Валерия Мырикова, посольского врача Николая Свирского и атташе посольства Олега Спирина. Находились они в разных частях города. Свирский и Катков ехали в одной машине, Мыриков и Спирин — в другой. А похитили как под копирку:

блокировали, взяли на мушку автомата, а когда 32-летний мидовец Аркадий Катков выкрикнул нечто вроде «Бежим, Коля!» — то сразу получил автоматную очередь в ногу.

— *Так он же пытался спастись. Что еще оставалось делать?*

— Бедняга Аркадий. Ясно было, что террористы пошли на вооруженный захват, а он в тот момент проявил определенную нервозность, закричал. И перевозбужденные захватчики тут же ответили выстрелом.

— *Как вообще в таких ситуациях поступать? Ведь нервозность здесь вполне естественна.*

— Проще сказать, чем сделать. Ну, нужно соблюдать максимум спокойствия, потому что бежать от пяти автоматов — несерьезно. Вас остановят. Вот и экстремисты остановили Аркадия таким роковым для него способом. Позже у Каткова началась гангрена. Лечить его и не думали. Бандиты Аркадия расстреляли, причем зверски. Всадили множество пуль. И повязали кровью всех, кто был замешан в этом деле. А потом тело Каткова выбросили возле руин разрушенного стадиона в Бейруте. Полиция его нашла и сообщила в посольство.

— *В то время такое похищение было наверняка воспринято в Москве как нечто из ряда вон выходящее. Ведь советских не похищали.*

— В Ливане нет, а в Афганистане, куда в 1979 году вошел наш ограниченный контингент, выкрали одного из бывших помощников премьер-министра Косыгина. Вообще-то наших похищали и раньше, но вскоре отпускали, да еще с извинениями: перепутали с американцами или англичанами. Однако этот захват в Бейруте был явно запланирован, осуществлен с жестокостью. На Ближнем Востоке он стал первым для нас террористическим актом такого рода. В Москве случившееся в Бейруте восприняли именно как событие чрезвычайное. Во-первых, надо освободить своих. Во-вторых, если оставить без ответа, это откроет дорогу для новых терактов. Заработали, как мы теперь выражаемся, все ветви советской власти. Центральный комитет использовал свои возможности, МИД — свои. Работали военные, разведрезидентуры ряда других стран. Один из сотрудников Центра был немедленно прикомандирован к Арафату, чтобы вести с ним постоянные переговоры об освобождении. Через Москву пошли обращения к лидерам разных государств — к королю Иордании, в Иран, Ливию... Просили помочь, выяснить, но в ответ лишь слова сочувствия, смутные обещания и никаких конкретных шагов.

А непосредственные действия по освобождению вела наша резидентура в Бейруте, к которой были, разумеется, подключены и возможности посольства. Привлекли местную полицию. Сразу после похищения обратились к лидерам Прогрессивной социалистической партии Ливана и коммунистам. Да, это была командная, общая, четко организованная государственная работа.

Очень помог тогда Валид Джумблат. Его отца, лидера соцпартии, убили террористы. И когда в 1985 году они угрожали захватить посольство СССР в Ливане, Валид сразу примчался на помощь. Его танки взяли посольство в кольцо, а хорошо вооруженные бойцы подразделений Джумבלата демонстративно показали, что готовы отразить любые атаки экстремистов.

Люди Джумבלата вывели и на след похитителей. Удалось выяснить: группа «Силы Халида ибн Аль Валида», названная в честь непобедимого сподвижника пророка и взявшая на себя ответственность за захват, вряд ли существует. Может, она вымышленная? Заказчик и вдохновитель похищения «Хезболла».

— *Какие конкретно требования выдвигали террористы?*

— Требовали срочно повлиять на Сирию. Ее армия вот-вот должна была разгромить боевиков «Хезболлы». И похитители заявили: если Россия не воздействует на Сирию и столкновения на севере Ливана и вокруг Триполи не будут прекращены, то через сутки начнется отстрел ваших заложников. Требовали, чтобы СССР выступил третьей силой. И наши попросили сирийцев пока не наступать на почти что разбитую «Хезболлу». Те просьбу выполнили. Но сообщили, что в похищении участвовали и палестинцы, которые даже после выполнения одного из их главных требований отпускать советских и не собирались.

— *Вот они, наши ученики и друзья.*

— Удалось выяснить и несколько имен — оперативных псевдонимов похитителей. Один, по кличке «Хадж», попал в руки наших друзей. Они с ним не слишком церемонились, обошлись с бандитом без дипломатии. Даже сирийцы были поражены: оказалось, «Хадж» в свое время охранял самого Арафата.

Прошел почти месяц, террористы выдвигали новые и новые условия. Надежд, что освобождение придет само по себе, не оставалось. И мы старались побыстрее установить, кто наших ребят удерживает и где.

— *Как сумели похитить — теперь понятно. Но вот как ухитрились вывезти и прятать в течение целого месяца — это совсем не ясно.*

— Вы говорите «целый месяц». Бывали случаи, когда похищенных удерживали годами. В более короткий срок, чем месяц, захваченных по политическим мотивам людей от экстремистов не освобождали... Еще до похищения наших в Ливане попали в заложники граждане США, Великобритании, Франции.

Октябрь 1985-го летел стремительно. Пойманный «Хадж» раскололся: сначала русских держали в пригороде Бейрута. Затем перевезли на одну из квартир, которую превратили в мини-тюрьму. Там, кстати, содержались не только они: наши узники потом рассказывали, что слышали и английскую речь. Вскоре палестинцы уже не могли своими силами укрывать их в Бейруте и привлекли экстремистов из «Хезболла». Те действовали изоощреннее. Вывезли в другой район. Замотали, как мумий, и, приспособив пространство под днищем грузовика, бросили

туда. Ни крикнуть, ни шевельнуться. Содержали в тяжелых условиях. А мы все эти тридцать дней вели в Ливане работу по их освобождению с использованием наших специфических методов.

— *Нельзя ли поподробнее: в чем эти специфические методы заключались?*

— Это использование агентуры как ливанских спецслужб, так и тех организаций, которые могли иметь прямое отношение к захвату. Так нас вывели на лидера ливанской части «Хезболла» шейха Мухаммада Фадлаллу.

— *На откровенного бандита?*

— *Идейного вдохновителя.*

— *Подстрекателя и заказчика похищения.*

— А еще автора четырех десятков книг, где он проповедовал свои экстремистские теории. На него вывели друзья. Не знаю уж, правда ли, но сирийцы говорили нам, что то была первая встреча Фадлаллы с представителем иного, не мусульманского мира. Поехали к нему в южный пригород Бейрута с оружием. Затем сдали его, и бородатые охранники угрожающе ухмылялись. В какой-то момент даже показалось, что нам отсюда уже не выбраться. Шейх, разумеется, сделал вид, что к похищению близкие ему силы не причастны, сам он тоже ничего не знает. Я пытался на него давить: вряд ли какая-нибудь иная организация, кроме вашей, рискнула бы поступить таким образом и удерживать иностранных, в первую очередь советских, заложников. Фадлалла, вот циник и лжец, обещал упомянуть их в своих молитвах.

Мы же продолжали идти по следу похитителей. Наступали им буквально на пятки. Агентура работала умело. Еще до первой встречи с шейхом мы были готовы вместе с нашими арабскими друзьями предпринять силовую акцию, штурмовать здание, где, как предполагали, содержались ребята.

Отказались от операции не из страха, а только потому, что не сумели бы пробиться к своим через несколько колец вооруженной охраны — экстремисты успели бы ребят уничтожить.

И во время второй моей встречи с шейхом я применил недозволенный прием. Из Центра пришло указание «принять все возможные меры для освобождения советских сотрудников». И я, вроде бы получив карт-бланш, заявил моему бородатому собеседнику: великая держава проявила максимум терпения, но всему может прийти конец. А что если при каких-то учебных стрельбах ракета одной из прекрасно вооруженных стран вдруг отклонится от заданной траектории и упадет в непредвиденное место? Например, на город Кум, считающийся даже в Иране центром поклонения.

— *Не раз бывал в этом священном для шиитов месте. Именно оттуда руководил Ираном, и не только им, духовный лидер аятолла Хомейни.*

— Напоминание о возможном, пусть и непреднамеренном и чисто случайном попадании ракеты в его резиденцию произвело впечатление. Я со вздохом повторил, что все это может привести к тяжелейшим последствиям.

— *И что шейх Фадлалла?*

— Он крепко задумался. Я чувствовал, что мы дожимаем похитителей.

— *Не боялись, что вас захватят, как тех четверых?*

— Боялся. Но за мною была страна, которая билась за каждого из заложников. Не звучит чересчур уж патетично?

— *Да нет. Нормально. Если бы мы вот так дрались за наших заложников сегодня.*

— Шейху же я сказал, было это где-то 28 октября: чтобы не случилось ничего непредсказуемого, будем вместе надеяться, что к нашему празднику 7 Ноября заложники окажутся на свободе. Больше ждать мы не намерены. Тот напрягся, помолчал, а затем ответил, что тоже надеется на помощь Аллаха в наших трудах. Когда мы вышли, помощник моего собеседника шепнул: «С шейхом так никто и никогда не разговаривал...» Значит, пришел черед поговорить именно так. Через два дня заложники были освобождены.

Раньше это было основой основ: мы все, и очень согласованно, должны выступать в защиту граждан, попавших в беду вдали от дома. Сейчас такая система, как я понимаю, вновь воссоздана и действует.

— *Знаете ли вы случаи, когда наши заложники освобождались силой? И были ли такие возможности у наших спецслужб? Существовали в их рядах специальные подразделения?*

— Силой, насколько я в курсе, заложники не освобождались. Возможностями же проведения таких операций собственными силами наша разведка располагала. Но, откровенно говоря, я не думаю, что в том конкретном случае они были бы нужны.

— *Возвращаемся в октябрь 1985-го. Как наших освобожденных ребят доставили в Бейрут? И сколько же пришлось преодолеть постов, блоков...*

— Их привезли из долины Бекаа. Тот же способ: грузовичок, разобранное днище, замотали будто мумий. А на постах люди обычно друг друга знают. В Бейруте выбросили из машины, развязали глаза и уехали. Наши сориентировались, побрели по направлению к посольству. Туда и пришли в своих разодранных рубахах. Обращались похитители с ними скверно. Были истощены. Пограничники, охранявшие здание, ребят не узнали, не хотели пускать.

— *Существуют и несколько иные версии всей этой истории...*

— Будто мы кого-то резали, «фаршировали»? Это элементы, которые приписываются большинству спецопераций. Но такого — не было. Определенные силовые акции проводились с нашего, разумеется, согласия со стороны друзей из Прогрессивной социалистической партии.

— *Нельзя было решить вопрос более кардинально? К тому времени уже существовал «Вымпел».*

— И как вы это себе представляете? В чужой стране высаживаются наш спецназ и вступает в схватку с террористами? В принципе, подчеркиваю: в принципе, чисто гипотетически такое возможно. Но все же скорее в кино. В Афганистане у нас были войска. В Ливане — ничего похожего. И как бы отнеслись там, развернись в Бейруте для нас — операция по освобождению, а для них-то — в определенном смысле диверсия в чужой стране на их территории.

— *Говорили, будто были арестованы родственники одного из похитителей.*

— Не были. Правда, в первый же день после захвата в ходе контроля автотранспорта был — я подчеркиваю — случайно убит брат организатора похищения. Но к тому моменту ни единого имени похитителей мы еще не знали. Однако легенда зародилась. Позже нам действительно удалось выяснить имена...

— *Каким образом?*

— Через ливанскую агентуру. Глубже вдаваться в подробности не имею права. Нам поступала масса информации, мы ее проверяли и прорабатывали новые и новые версии. С помощью ливанцев получили доступ к шифрам «Хезболла». Какой-то добрый арабский молодец из контрразведки вступил ли в связь или, уж не знаю, очаровал секретаршу или шифровальщицу из «Хезболла». Та передала ему коды, и мы приблизительно понимали, какой оборот принимают события. Все свидетельствовало: исключительно серьезный. Фанатики готовы на крайние меры, пощады нашим ждать нечего.

— *А как строились отношения с Арафатом?*

— Он, испортив отношения с некоторыми из наиболее экстремистски настроенных направлений Организации освобождения Палестины, уже года два как отсиживался в Тунисе. С ним моментально связались, и Ясир Арафат обещал принять все меры, чтобы в кратчайший срок вытянуть наших ребят. Предложил нам работать с его эмиссаром. Тот должен был помочь вытянуть заложников. Но самое интересное оказалось в том, что имя этого палестинца назвала нам потом и агентура.

— *Чья?*

— Наша, конечно. Этот эмиссар и организовал похищение. Для Арафата же он был лицом доверенным. А с ним, жившим в ту пору на тунисском отшибе, акцию не обсуждали и советов не просили. Арафат без всякого на то своего желания превратился в своеобразного заложника экстремистов... А те, продержав какое-то время наших парней в Бейруте, поняли, что больше удерживать их не смогут, такая за палестинцами началась охота. И пришлось им идти на поклон к «Хезболла» — экстремистам из экстремистов. Арафат уже был в курсе, но и пальцем не пошевелил, чтобы помочь.

— Но почему? Советский Союз всегда оказывал Арафату дипломатическую поддержку, сколько речей в защиту ООП произносилось в ООН и сколько более существенного — оружия — палестинцам бесплатно поставлено. Теперь ведь мы, верные друзья, могли бы его послать куда подальше, поддержать кого-то другого из палестинских вожаков. Ведь среди них грызня за власть, теперь-то об этом сказать можно, велась постоянно, и порой кровавая.

— Ради удержания власти Арафат был готов на все. Как раз в тот момент такая позиция боевиков совпала с его политическими интересами. Палестинский лидер постоянно звонил мне из Туниса в Бейрут в два-три ночи: «Как там ситуация?» Обращался не иначе как к другу, клялся, что он советских товарищей в беде не бросает. Обещал послать нам на подмогу двух своих верных людей. Когда я услышал их имена, честное слово, вздрогнул: один, не буду называть фамилию, и возглавлял бандитскую группу захвата. Так что в контакте мы находились тесном. Сами понимаете, каком.

Некоторое время заложники содержались в лагере. И к нам попал перехват телефонного разговора палестинского лидера с начальником этого лагеря. Тот спрашивал: как поступать с русскими дальше — освобождать или не освобождать? И получил указание Арафата: никого не освобождать до получения моих гарантий.

— Ничего себе друг советского народа. Ну просто двуликий Янус.

— Был вынужден вести сложную игру, демонстрировать былое могущество. Арафат сделал заявление, что договорился об освобождении, заплатил за это 100 тысяч долларов, потом сумма выкупа подскочила до 15 миллионов. И многие наши руководители, даже свято в Арафата веровавшие, поняли, что он блефует. Не было у него таких денег. А к тому времени неподвластные Арафату палестинцы уже передали советских пленников в руки «Хезболла». Те разыгрывали собственную карту, с мнением лидера палестинцев им считаться не хотелось. Но Арафату надо было играть в свою игру, отстаивать авторитет. И он часто выступал с заявлением: я в курсе дел, я договорился, я все контролирую, и вот-вот советских освободят под мои гарантии...

— Вы не боялись, что похитители попытаются каким-то образом воздействовать на заложников? Может, перевербовать, обратить в ислам? В Афганистане подобное бывало.

— Это исключалось. Люди, их захватившие, по своему интеллекту были гораздо ниже... Никакой работы по обработке вестись не могло и не велось. Они и захватили-то эту четверку наугад, случайно.

Заложник стал предателем

— Как сложилась судьба этих людей после освобождения?

— Катков погиб, остальные трое были отправлены в Москву. Доктор Свирский и Мыриков из торгпредства после этого вновь выезжали в

загранкомандировки. А вот с Олегом Спириным случилась история, для нас неприятная.

— *Для кого — для «нас»? Он что, был сотрудником разведки?*

— Точно. И он, и Мыриков. Вернувшись из Ливана, Спирин пять лет проработал в Центре. Молодой и, казалось мне, приятный парень немного за тридцать. Отправили его в командировку в Кувейт. Работа шла у него там не слишком ладно и не очень активно. Но каких-то неприятных событий вроде бы ничто не предвещало. И когда Спирин исчез, это стало для сотрудников шоком.

— *Обычно, исчезнув, перебежчики всплывают где-нибудь в США или в Англии.*

— Так произошло и с майором Спириным. Из Кувейта его семью сразу отправили самолетом в Англию, оттуда — в США. Судьбу его мы отслеживали. Одно время он жил в Штатах.

— *Юрий Николаевич, вот это поворот: разведка — плен — освобождение — разведка — предательство. Как в вашем ведомстве объяснили этот побег?*

— У меня такое объяснение: дрогнула жена. Она, как я понимаю, не захотела возвращаться в СССР, ушла первой. И Спирин осознал: в Москве ему этого не простят, карьера завершена. Он решился. Часто об этом уходе вспоминаю. Больно, когда предают...

Кого нашли награды

— *Давайте попробуем внести в нашу беседу мажорные ноты. В ту пору за такие подвиги было принято награждать отличившихся. Как отметили вас?*

— Будем считать, что ирония в вашем вопросе мне только послышалась. Позвольте мне еще раз с гордостью заметить: операция в Бейруте — это едва ли не единственный в международной практике случай столь быстрого освобождения заложников. Граждане Англии, Франции провели в ливанском плену по нескольку лет, американский журналист Терри Андерсон — все восемь. А насчет награждения... Тогда действительно было чему улыбнуться.

В наградном списке по линии МИДа оказалось свыше ста героев. Даже старое Политбюро, которое привыкло награждать всех подряд, вернуло документ, отметив: слишком уж лихо. И председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков, понятно, знавший все детали операции по освобождению, сам представил список восьми своих сотрудников. Наградили орденами Красного Знамени, Красной Звезды; водитель, проявивший мужество, получил медаль...

— *Ну а вы?*

— Я — орден Красного Знамени.

— *А есть у вас еще боевые награды?*

— Есть. В разведке я работал долго — до 1995 года. Но это — тема отдельного разговора. Время для него еще не наступило.

О Каткове не забыли

Со Спириным, увы, ясно. А как сложилась жизнь трех других заложников?

Мыриков продолжил работу в ПГУ. Доктор Свирский врачевал, выезжая и за границу.

А о семье Аркадия Каткова позаботилась Родина. Началась перестройка, уже близок был распад Союза, пустели казна и полки магазинов, но семье погибшего до 1991 года регулярно выплачивали такую нужную пенсию. Ведь дочери Каткова Марине в 1985 году было тогда всего восемь лет. А когда СССР не стало, родным выдали разовое пособие — полтысячи долларов. Для той поры всеобщего обнищания, оцепенения, впадения в некое беспмятство и эта сумма выглядела относительно пристойно. Когда Марина поступила в институт, получала до его окончания небольшое пособие от МИДа.

Годы спустя Марина Каткова вместе с мужем приехала в Бейрут. Там в посольстве России установлена мраморная доска, напоминающая о трагической гибели ее отца — 32-летнего дипломата Аркадия Каткова.

Другая версия

Прошло два десятилетия после встречи с полковником Перфильевым. Тогда он многого недоговорил. Нельзя было. А несколько лет назад, словно отлежавшись в строгой тишине, появились новые версии случившегося в октябре 1985 года.

Еще один очевидец, можно сказать, даже участник тех событий, взяв с меня слово никогда не называть его имени, поведал мне эту историю в своей интерпретации. Человека этого, смелого, решительного, жесткого, уже нет. Версия, которую ни подтвердить, ни опровергнуть, осталась. Никак не претендуя на стопроцентную достоверность, приведу и ее.

После покушения, как и рассказывал полковник Перфильев, ливанскими друзьями, читай: дружественной нам спецслужбой, был захвачен боевик под оперативным псевдонимом «Хадж», который во многом и вывел на похитителей.

А до этого, как подчеркивалось, совершенно случайно был убит один из нападавших, а также брат другого. Все это было как-то неопределенно, туманно.

Действительно ли случайность? Те двое входили в экстремистскую группировку, за которой охотились сирийцы. Были окружены, отстреливались...

И почти сразу же вышли на родственников похитителей. Их с пристрастием, не вдаваясь в рассказанные мне подробности, допросили. Люди из ливанской группировки, нас поддерживавшие, были с ними не жестки, а жестоки. Труп одного из бандитов нашли родственники у входа в его жилище. По словам моего собеседника, тело, особенно некоторые его части и голова, было обезображено. Детали не привожу.

Они не только не для печати, но и не для слабонервных. Советские, российские чекисты такими методами никогда не пользовались. Спецслужба ливанской группировки жалости не признавала. Тем более убитый — брат или какой-то близкий родственник их заклятого врага, возглавлявшего захват заложников.

К одежде уничтоженного бандита приколоты записка. Если русских не освободят, то вскоре точно так же покончат и с другим пойманным налетчиком, тоже родственником главаря. В записке назвали еще нескольких участвовавших или причастных к покушению, упомянув, что их ждет такое же наказание.

И террористы задумались. Они обещали расстреливать оставшихся троих заложников одного за другим, но испугались, взяли паузу.

А советская сторона обходила вопрос расправы с экстремистом молчанием. И хотя в этом никак не участвовала, как объяснял мне компетентный собеседник, акт возмездия, совершенный дружественной СССР группировкой, не подтверждала. Однако и не отрицала.

Все это вместе с усилиями советской разведки, дипломатии, двумя визитами полковника Перфильева к шейху доказало бандитам: ситуация накалилась невероятно. До такой степени, что вопреки правилам, по которым действовали обычно все, добивавшиеся освобождения заложников, церемониться с «Хезболла» не будут. Не привыкли террористы, что их не просят, не уговаривают, а действуют с позиции силы. Надо идти на уступки.

И пошли...

Арафат похож на лисицу

Дважды приходилось встречаться с Ясиром Арафатом. Однажды отобедать в особняке для приемов. Относился я к нему с неким предубеждением. Цели возглавляемой им ООП в принципе понятны, вызывают определенное уважение: борьба за независимость, национальное освобождение, предоставление прав его несчастному народу. Но способы борьбы, к которым прибегали его сторонники, часто не имели ничего общего с легитимностью. За годы правления Ясир Арафат сумел внушить многим, что нелегитимные методы, им применяемые, являются законными атрибутами политической борьбы. Нападения на мирных жителей, захват заложников, терроризм в глазах многих стали справедливым ответом на лишения гонимого народа. С 1957 года, когда Арафат вступил в борьбу, до самой своей кончины в 2004-м он внушил определенной части мирового сообщества, что борется за свободу и справедливость, пусть и перевернув все привычные понятия.

Кем же был Арафат? Никакая куфия (мужской арабский платок), неизменно покрывавшая голову, не могла скрыть его светскости. Даже для виду не пытался хотя бы пригубить алкоголь. Внимательно, с доброй улыбкой слушал других. Вступая в беседу, удивлял искренней

вежливостью, которую и против него предубежденные никак не могли принять за напускную. За столом его английский, казавшийся в другой обстановке несколько примитивным, звучал весьма элегантно, даже изысканно. Когда в конце затянувшегося обеда пришла неизбежная пора анекдотов, трезвехонький Ясир Арафат порадовал парой-тройкой изящных, очень смешных историй, никакого отношения к скабрёзности или антисемитизму не имеющих.

Кстати, сам он был очень похож на пожилого еврея. Интересно, что в одной из своих книг об этом упоминал и прекрасно с лидером ООП знакомый академик Евгений Максимович Примаков.

В общении Арафат оказался приятнейшим собеседником. В жизни... Не знаю. Абсолютно не согласен с теми, кто считает, что в борьбе за справедливость хороши все средства.

«Гиена» был рядом

Остается прояснить еще один важный вопрос: кто же непосредственно руководил операцией по захвату заложников? Его оперативный псевдоним мелькнул в беседе с полковником Перфильевым — «Гиена». Спустя несколько лет о нем подробнее рассказал соратник полковника по службе.

«Гиена» — это Имад Мугния. Сколько же преступлений совершил этот экстремист из экстремистов, самозванный палач!

— Именно он командовал группой бандитов из «Хезболла», захвативших наших заложников.

— «Гиена» ранил дипломата Аркадия Каткова, а потом убил, изрешетив автоматной очередью.

— Это родственников Имада Мугнии «случайно» захватили помогавшие нам сотрудники одной из ливанских спецслужб.

— Его имя засекли сотрудники сирийской контрразведки, расшифровавшие переговоры террористов.

— После уничтожения одной из спецслужб Сирии его родного брата Мугния под напором шейха Фадлалла отпустил трех оставшихся в живых советских заложников.

Факт, меня поразивший: в сентябре 1985 года «Гиене» не исполнилось и двадцати трех лет. Никакой не боец за права шиитов, а фанатик, изверг, садист. В 13 лет сын ливанского торговца овощами из города Тира вступил в ООП. Был замечен Ясиром Арафатом, одно время находился в группе его телохранителей.

Стал снайпером, расстрелял немало христиан, живших рядом с его родными местами в Южном Ливане. Вскоре политика Арафата стала лишь раздражать «Гиену». Примкнув к «Хезболла», он в апреле 1983 года взорвал консульство США в Бейруте, тогда погибло 63 человека.

Мугния неплохо говорил по-английски. Некоторые источники полагают, что это помогло ему каким-то образом выйти на людей

полковника Уильяма Бакли, знавшего резидента ЦРУ в Ливане. 15 марта 1985 года Мугния похитил резидента и назначил цену за его освобождение. Американцы передали требуемые «Гиеной» 200 тысяч долларов, а Уильям Бакли словно исчез, растворился. Только через некоторое время Имад Мугния поместил в одном из изданий экстремистов фотографию Бакли — вернее, его трупа. Перед тем как застрелить полковника-американца, «Гиена» зверски пытал его.

А еще он уничтожал мирных жителей Израиля. Взрывал казармы французских и американских миротворцев в Ливане — число жертв исчислялось сотнями. Его люди, вернее нелюди, захватили самолет с пассажирами.

Вот с кем схватились и кого одолели наши разведчики вместе с друзьями в сентябре 1985 года в Бейруте.

Американцы объявили огромное вознаграждение за поимку террориста «Гиены» — два миллиона долларов. Всё напрасно. Возможно, они заплатили бы еще больше любому, кто сумел бы вывести на след бандита номер один, если бы знали, что будет дальше. Теперь, проведя скрупулезные расследования, спецслужбы США считают именно Имада Файеза Мугнию одним из главных организаторов террористических актов 11 сентября 2001 года, потрясших Америку. Якобы согласие на их проведение «Гиене» дал глава «Аль-Каиды» (запрещена в РФ) Усама бен Ладен.

Да и получив хорошенько по зубам от нас в сентябре 1985-го, «Гиена» вновь решился провести теракт, на этот раз против России. В 2000 году атаке террористов подверглось российское посольство в том же Бейруте.

Возможно, повторяю: возможно, оставил убийца след и на российской земле. «Гиена» одним из первых в «Аль-Каиде» взялся за подготовку террористов-смертников. Несколько таких шахидов объявилось в тревожные годы в Чечне.

Долго на след международного террориста-убийцы не могла выйти ни одна из спецслужб мира. Творил черные дела, оставался неуловимым, все больше матерел и наглел.

Уверен, лет через десять, не раньше, выплывет истинная, а не вымышленная (каких сегодня немало) история уничтожения «Гиены». Пока лишь точные факты. В 11 часов 12 февраля 2008 года автомобиль «Гиены» с охранниками был взорван в пригороде Дамаска.

Кто совершил не убийство, а акт справедливейшего возмездия над палачом? Неизвестно. Ни одна организация, группа, спецслужба не заявила о своем участии или хотя бы сопричастности. Главное — с фанатичным убийцей было покончено.

ПРИКАЗ СПАСТИ ФРАНЦУЗОВ:

ПОЛКОВНИК «ИВАН ИВАНОВИЧ ИВАНОВ»

Наши спецслужбы спасали не только своих соотечественников, захваченных в заложники. В 1995 году они вытащили из лап террористов двух французских пилотов, сбитых над бывшей Югославией.

В истории мировой политики такое бывало. В интересах дела отдельные вопросы отношений России с другими странами решались на уровне спецслужб. Факты эти не афишировались и вряд ли когда-либо станут известными. Теперь гриф секретности с одной из таких операций снят.

Этому прошедшему почти незамеченным эпизоду в истории российско-французских отношений уже четверть века. Тогда, пожалуй, впервые спецслужбы двух стран работали в таком тесном контакте.

Шел 1995 год. В Боснии и Герцеговине, одной из воюющих республик некогда процветающей и единой Югославии, бушевала война. Сербь, хорваты и бошняки-мусульмане пытались разрешить противоречия силой оружия. А западные державы и их союзники пришли на помощь именно тем, кто и разваливал страну: бомбили сербские города и села.

30 августа 1995 года при бомбардировке позиций армии Республики Сербской в небе над воюющей Боснией был сбит французский самолет «Мираж-2000». Его пилоты Фредерик Шиффо и Жозе Совеньи, как посчитала французская разведка, скорее всего погибли.

Однако в сербской прессе никаких сообщений о судьбе натовских летчиков не появилось. Они словно исчезли, а официальные лица Сербии и Республики Сербской на запросы Парижа сказать ничего не могли.

А что если летчики всё же живы? И президент Франции Жак Ширак 26 сентября попросил президента Сербии Слободана Милошевича выяснить судьбу пилотов. Но Милошевич ответил, что у него большие сложности в отношении с боснийскими сербами и помочь он не сможет.

Французы попытались использовать свою агентуру и спецслужбы западных союзников. Американских разведчиков на территории Боснии было особенно много. Однако никакой достоверной информации о сбитых пилотах французы и американцы получить не смогли. Мелькнула версия, будто пилоты расстреляны захватившими их сербами.

И тогда 1 октября 1995 года настойчивый Жак Ширак обратился к российскому президенту Борису Ельцину, находившемуся с визитом во Франции, с просьбой привлечь российскую разведку. Нельзя ли выяснить судьбу пилотов и, возможно, найти пути к их освобождению?

Ельцин согласился, дал указание руководителям российских спецслужб. В резидентуры Службы внешней разведки России в странах этого региона ушла из Центра телеграмма с требованием подключиться и помочь.

А в Москву из Парижа прибыл специальный посланник президента Франции Жак Шарль Маркиани, представленный как заместитель директора французской разведки. Он и договорился с директором ФСБ генералом Михаилом Ивановичем Барсуковым о том, как будет происходить взаимодействие спецслужб.

В Белград для координации совместных усилий с французами был командирован представитель ФСБ полковник Кулиш. Представившись сербам как официальный представитель непосредственно президента России, он добился того, чтобы официальные чиновники на всех уровнях вели с российскими офицерами серьезные переговоры.

Не стоит скрывать: российская разведка располагала хорошими оперативными возможностями в воевавших республиках. Всю работу организовывал опытный разведчик — резидент СВР в Белграде генерал-лейтенант Владимир Павлович Зайцев. Личность легендарная. Он работал в Бейруте и получил там тяжелое ранение. Затем в самые сложные годы долго трудился в Кабуле. В Югославию попал в период ее распада. Ответственным за операцию по поиску французов Зайцев назначил своего зама — представителя подразделения внешней контрразведки полковника Ивана Ивановича Иванова. Именно он взаимодействовал с Кулишом и Маркиани.

Честно признаться, задание Центра было воспринято нашими разведчиками без особого энтузиазма. Свободного времени в тот самый сложный военный период у них практически не было. Кроме того, предстояло преодолеть и психологическое нежелание тратить силы на розыск пилотов НАТО, сбивших ни в чем не повинных людей.

Не понимали этого задания и помощники нашей резидентуры из числа сербов. Каковы мотивы русских? Надо ли спасать тех, кто разорял их землю?

Определенную необычность ситуации придавало и то, что подразделение внешней контрразведки СВР России имеет вполне определенные задачи: противодействовать западным спецслужбам и защищать наши загранпредставительства и граждан за рубежом. А тут помогай спецслужбам Франции в спасении их пилотов!

Работа с французами началась с совещания у Маркиани в номере гостиницы в Белграде. В нем вместе с французом приняли участие Кулиш, Иванов и переводчик посланника Маркиани. Иванов свободно владел французским, и потому Маркиани в тот же день отправил переводчика обратно в Париж и к дальнейшей работе не привлекал.

На совещании у Маркиани был разработан совместный план. Достигнутые договоренности добросовестно выполнялись обеими сторонами. Маркиани регулярно сообщал сведения о прослушке эфира французскими спецслужбами, а российская сторона информировала его о своих действиях по решению проблемы.

Получилось так, что информация французов всегда носила неутешительный характер. В конце октября 1995 года Париж получил сведения: боснийские сербы сразу после задержания пилотов их расстреляли. Но другая информация свидетельствовала: оба пилота живы и находятся в тюрьме.

Ситуация сложилась запутанная. Часто сведения носили дезинформационный характер, но обе стороны четко контактировали и

постепенно приближались к решению задачи. Российской внешней разведке удалось узнать: пилоты, и это точно, живы. Они благополучно катапультировались из подбитого самолета, но приземлились в горной местности на голые камни. Обоих с переломами ног сразу же захватили местные жители. Затем уже военные срочно отвезли их в военный госпиталь в город Кесоколац. А вот что было дальше...

Кулиш и Иванов добились встречи с президентом Республики Сербской Радованом Караджичем. Тот охотно принял представителей российской спецслужбы и подтвердил: пилоты живы, относительно здоровы. Но встревожило иное. По словам Караджича, в госпиталь в Кесоколаце несколько дней назад ворвались вооруженные люди и увезли летчиков в неизвестном направлении. Кто это был?

Вооруженные авантюристы, стремившиеся получить от французов большой выкуп за пилотов? Или, быть может, летчиков похитили неизвестные, чтобы отомстить за бомбардировки сербских позиций?

И тут же последовала подсказка от Караджича. Он мягко намекнул нашим офицерам, что представителям российской разведки надо бы попробовать вступить в непосредственный контакт с командующим боснийскими военными силами сербов генералом Младичем.

И такое непростое решение было принято. Основной фигурой, через которую попытались выйти на Младича, был начальник военной разведки Республики Сербской генерал Здравко Толимир. У полковника Иванова с ним, как и со многими другими людьми его профессии, контакты установились хорошие. Поначалу Толимир решительно воспротивился: к чему такой гуманный подход к пилотам, бомбившим ни в чем не повинных людей. И лишь при личной встрече один на один полковнику Иванову удалось убедить Толимира организовать встречу с Младичем.

Холодным осенним вечером Иванов и Кулиш прибыли в штаб генерала. И хотя Младич не признал причастности к похищению французских пилотов из госпиталя, от разговора он не уклонился. Понял, почему российская сторона заинтересована в решении судьбы французов. Признал, что два молодых офицера лишь выполняли приказ и не могут нести ответственность за дурные решения НАТО.

Младич много и подробно говорил о добром отношении сербского народа к русским. И в результате заявил, что готов способствовать освобождению французских пилотов, но на определенных условиях, которые были и сложны, и разнообразны. Работа по их согласованию потребовала огромных усилий и постоянных перемещений наших разведчиков из Белграда в столицу Республики Сербской город Пале и обратно. Чего стоили одни лишь поездки в декабре по заснеженным и обледеневшим горным дорогам воюющей Боснии.

А тут еще разведка боснийских сербов подала сигнал о том, что против наших готовится теракт со стороны спецслужбы одной из западных стран, якобы США, раздраженной успешным участием

российской разведки в освобождении французов. Русских должны были уничтожить подкупленные местные уголовники, организовав в горах дорожное происшествие: по-простому — столкнув в пропасть машину оперработников. Пришлось Кулишу и Иванову вместе с французом Маркиани ездить по Боснии на своей машине, но под надежной охраной.

После довольно сложных согласований в Белграде, Пале, Москве и Париже ряд выдвинутых Младичем условий был принят. Затем согласовали и окончательную процедуру передачи пленных. Она должна была состояться в 10 утра в отеле «Видиковац» близ Зворника.

Но Иванов, Кулиш и Маркиани еще вечером 11 декабря уехали в другой далекий отель, где раньше и планировалось провести это мероприятие. И когда президент Республики Сербской Радован Караджич позвонил Иванову и сообщил, что передача летчиков перенесена в другой отель и в другой город, стало ясно, что они не успеют приехать в Зворник к назначенному времени.

Маркиани поначалу испугался пускаться в путь по только что выпавшему снегу, но Иванов объяснил ему, что без присутствия француза процедура передачи просто не начнется. Уже в машине Маркиани мрачно заметил: если бы еще два месяца назад кто-то сказал ему, что он «окажется в воюющей Боснии в заснеженных горах в машине с двумя полковниками КГБ, да еще при этом один из них будет за рулем, он бы счел этого человека сумасшедшим».

В ответ развеселившиеся русские полковники предложили Маркиани посмотреть на положение дел с другой стороны. Заверили его, что он попал в ситуацию уникальную. Ведь никто из руководителей французских спецслужб никогда не был и вряд ли когда-нибудь окажется под защитой двух полковников сразу двух российских спецслужб — разведки и контрразведки.

Да, машина опоздала на три часа, но только с прибытием троицы началась передача генералом Младичем двух французских пилотов начальнику Генерального штаба вооруженных сил Франции Жану Филиппу Дуену. Зато в тот же вечер оба французских пилота в сопровождении Маркиани вылетели в Париж, где были встречены президентом Шираком.

Позже Маркиани направил телеграмму директору СВР Трубникову с выражением личной благодарности за освобождение французских пилотов. Он подчеркнул решающую роль российской разведки. А президент Франции Жак Ширак поблагодарил президента Ельцина и его разведку за спасение своих соотечественников.

Все же отметим, что СВР так и не раскрыла французам, как стало возможно освобождение пилотов. Также не предано огласке, какие методы и средства были для этого использованы.

Что ж, российская внешняя разведка никогда не претендовала на гласность. Не зря ее девиз: «Без права на славу, во славу державы!»

Р. S. Конечно, читатель догадался, что «Иван Иванович Иванов» — это псевдоним, и не оперативный, российского разведчика. Имя его до сих пор не раскрыто.

Недавно он ушел из жизни. И я попросил сослуживца «Ивана Ивановича» хоть немного рассказать о своем командире. Но и рассказ, по понятным причинам, обошелся без оперативных подробностей. Приведу всего лишь несколько искренних строк, имеющих право быть опубликованными. Из них станет понятно, почему «Иванов» был уважаем, любим, а удача чаще всего оставалась на его стороне:

— Он был профессионалом. И не только требовал такого же профессионализма от подчиненных, но и терпеливо, очень неназойливо обучал в подразделение пришедших. Иногда это приходилось делать буквально на ходу. Потому исправлять, подчищать чужие ошибки ему приходилось нередко.

И ребята у него, когда все мы работали в одной прекрасной стране, подобрались хорошие. Но какие разные. Один переполнен эмоциями, на все реагирует мгновенно, азартно, могло и занести. Другой молчит, когда раскрывает рот — все удивляются. Третий — настоящий интеллигент, но до чего доверчив... А он сумел нас, необъединимых, таких разнокалиберных, объединить, сдружить, в каждом разглядеть лучшее и направить наши если не таланты, то способности на пользу всей резидентуре. Никогда не говорил «нет», когда кто-то выдвигал свою идею, пусть необычную. Не обрывал на полуслове, пользуясь правом руководителя нашей линии. Говорил: посмотрим, обсудим, попробуем, и, конечно, не всегда, но удавалось принести пользу.

Я прочитал этот ваш эпизод о спасении французов — просто показательная картина с его активным участием. Совсем не случайно он их тогда вытащил. Все сошлось. Хорошо знал языки и потому сошелся с одним из руководителей французской разведки. С искренним уважением относился не только к нашим друзьям, но даже и к оппонентам. Умел вступать в контакт, и как это помогло, например, с чересчур упертым генералом Младичем. Не просто улыбался, хлопал по плечу, поднимал рюмку за чье-то здоровье, играя своего парня, а искренне старался, отстаивая наше, российское, быть дружелюбным и ровным с оппонентом. Никогда не хаял, как это часто бывает, страну пребывания.

Не всем такое удастся. Тут требуется не простая выучка, а дар. И он этим даром обладал.

РОМАНТИК И ВОЛКОДАВ:

**БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ СОЛОМАТИН И ГЛЕНН
СОУТЕР, ОН ЖЕ МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ ОРЛОВ**

Таких светлых идеалистов, как американец Гленн Соутер, в мире разведки никогда не было. Жаль, что в 1989 году в Москве он покончил жизнь самоубийством.

И когда идеализм слился с мастерством советского разведчика, работавшего под крышей посольства, наш резидент и американский моряк-старшина сохранили хрупкий мир в безопасности.

Генерал-майор разведки Борис Александрович Соломатин был человеком жестким. Иногда, не согласившись с чем-нибудь, мог и прикрикнуть. Порой его воспоминания сопровождались лексикой для печатных изданий не приемлемой. Меня, уже вполне в начале 2000-х взрослого, величал Колькой. Был категоричен в оценках людей, не дотянувших, по его меркам, до планки, им же самим и установленной. Иногда наши беседы прерывались. Соломатину было очень плохо. Он извинялся, его увозили на мучительный диализ. Я — уходил, но через день-два возвращался.

А еще Борис Александрович во время наших долгих встреч не переставая курил. Как можно? Все — и я тоже — знали, что болезнь не победить, уход неминуем, а он еще и ускорял его. Однажды, осмелившись на ремарку «не губите себя», я получил по полной: «Дурак ты, Колька. Как не понимаешь, что это — единственное, что у меня осталось. Ничего другого нельзя. Затянуться — последняя радость». И я заткнулся. Не мне, журналисту, учить одного из лучших волкодавов всех времен и народов. Ведь генерал-майор Борис Александрович Соломатин 37 лет проработал в советской внешней разведке. Из них почти 22 года — за границей. Был резидентом в Дели, Риме. Возглавлял резидентуры в двух важнейших для КГБ точках — в Нью-Йорке и Вашингтоне. Бывший заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР — предтечи Службы внешней разведки. Вышел в отставку в 1988 году.

Волкодав на жаргоне разведчика — вербовщик. Порой, когда я заикался о его коллегах-нелегалах, он, всегда работавший под крышей посольства и дослужившийся, между прочим, до советника-посланника, пускал мне дым в лицо: «Ну что заладил: легалы-нелегалы. Главное в разведке — сведения, результат, ценные данные, которые приносят поверившие тебе люди, источники информации. Понял, в чем ценность? В вербовке».

Я понимал. Потому что Соломатин, работая резидентом в Индии, в Нью-Йорке и Вашингтоне, а напоследок в Риме, вербовал ценнейших поставщиков секретных сведений, спасавших нас во времена холодной войны. Особенно удачно получалось в США. Он подробнее рассказывал об этом, сетуя, что и спустя много лет упоминать о советских разведчиках нельзя, а уж тем более о завербованных иностранцах... Иногда требовал, чтобы я выключил диктофон. Но все равно раскрыл наивные мои глаза, говоря о добытом в США его агентами на суше и, главным образом, на море.

В подтверждение слов — висевшее на стене гостиной огромное фото относительно молодого Соломатина со статьей из столичной американской газеты, в заголовке которой он был назван «мастером

шпионажа» — «Master Spy». Хозяин квартиры этим признанием заслуг со стороны противника гордился. Я даже не обещал ему молчать о самом важном, что было им в жизни сделано. Все было и так понятно. А вот об итальянском периоде иссохший от болезни, замученный бесконечными переливаниями, заходящийся в кашле и все равно беспрестанно дымивший генерал вспоминал более охотно.

Соломатин возглавлял резидентуру в Риме, когда 13 мая 1981 года Мехмет Али Агджа попытался убить папу римского Иоанна Павла II. Понтифик потерял много крови, но выжил. Покушение имело огромный международный резонанс. Были попытки вовлечь в это дело и Москву, обвиняя тогдашних союзников — болгар в попытке убийства. Причем это преподносилось как доказательство причастности СССР к международному терроризму вообще.

Соломатин знал все подробности того дела:

— За все годы холодной войны, несмотря на отчаянные усилия западных спецслужб, ни один факт нашей моральной или материальной поддержки международного терроризма не был доказан. И что интересно, сами западные спецслужбы имеют полное и реальное представление о том, что ни прямо, ни косвенно к террористическим организациям мы никакого отношения не имели и не имеем. Сразу после выстрелов известного уголовника и террориста Агджи американский президент заявляет по телевидению: покушение — дело рук мирового коммунизма, который руководит международным терроризмом. Вот вам, пожалуйста, затравка. К делу тут же подключаются спецслужбы. У них задача доказать, что это действительно так. О нашей причастности твердят, вдалбливают в сознание, и в умах простых людей невольно складывается впечатление, что, быть может, и вправду дыма без огня не бывает. Обвиняют болгар, нас, и оправдаться сложно прежде всего потому, что обвинение — фантастическое, ложь невероятная.

— *Но организатором того покушения называли болгарина Антонова. Наверняка ваша служба поддерживала связи с болгарской. Попытка связать все это в единый узел очевидна.*

— С болгарями мы контакт поддерживали, точно так же как, скажем, американцы со своими союзниками по НАТО, в том числе и по линии разведки. Но наши контакты с болгарями не касались покушения на папу, ибо они не имели к нему в действительности никакого отношения. И длительный процесс следствия и суда в конце концов не пришел к выводу о виновности Антонова. Будучи более или менее объективным, итальянский суд вынужден был признать: доказательств причастности Антонова, то есть спецслужб Болгарии, а отсюда и наших, нет. Болгарина отпустили за отсутствием достаточных доказательств его вины, и дело фактически развалилось. Вот вам другой крайне показательный факт. В 1981 году после покушения на президента Рейгана директор ЦРУ Кейси создал группу из аналитиков своего ведомства и независимых экспертов, которой предстояло дать ответ

на вопрос: действительно ли СССР вовлечен в международный терроризм, поддерживают ли его? И после анализа всей информации группа пришла к выводу, что никаких доказательств не существует. Справку послали в Белый дом, где она была засекречена и благополучно полеживает в сейфе. Мы узнали о ней из американских материалов годы спустя.

— *А что это все-таки за «архивы Гавела», якобы уличающие нас чуть не в проникновении в Ватикан?*

— Эти «архивы» — еще один наглядный пример того, как западные спецслужбы пытаются создавать громкие дела и как эти дела затем лопаются подобно мыльным пузырям. Сегодняшние чешские спецслужбы сообщили в специальной подборке «документов» итальянским коллегам о том, что и как они вместе с КГБ якобы делали во время холодной войны в Италии, каковы были планы подрывной деятельности КГБ и в Италии, и в Ватикане... В этих «архивах» утверждалось, что в квартире кардинала Казароли, отвечавшего за восточную политику Ватикана, была установлена чешская прослушивающая аппаратура. А сделали это завербованные КГБ племянник самого кардинала и его жена — чешка по национальности. Комментируя эти сведения, Ватикан официально опроверг факт нахождения аппаратуры в его помещениях. Больше того, у кардинала не оказалось племянника, а у того, следовательно, и жены чешки, которой приписывалась закладка аппаратуры. В 1984—1991 годах военной разведкой и контрразведкой Италии руководил адмирал Мартини. Он также официально опроверг инсинуации, содержащиеся в «архивах».

— *Борис Александрович, как вы относитесь к тому, что в последнее время на Западе публикуются архивы и документы типа тех, что вывез полковник Митрохин?*

— Во-первых, он был не полковником, а майором. Человек ущербный, обиженный семейной и служебной жизнью, Митрохин пошел на предательство, пытаясь солидно заработать. Интересы клиента и хозяев совпали, и появился предлог для очередной антироссийской кампании. Во-первых, это не архив в обычном понимании, а отрывочные рукописные выписки из каких-то якобы документов советской разведки. Достоверность их, разумеется, должна вызывать большие сомнения.

Действительно, возникло целое новое направление в проведении активных тайных мероприятий спецслужбами. Заполучив тем или иным путем подборку бумаг, похожих на секретные документы, западные спецслужбы могут убирать из них те, публикация которых не в их интересах. И одновременно вставлять умело подготовленные фальшивки и выдавать их на весь мир вместе с другими бумагами. Если раньше использовались фальсификаты отдельных «документов», то, представляется, теперь производство их поставлено на поток — публикуются целые «архивы».

— В захваченных не западными немцами, а именно американцами архивах бывшей восточногерманской разведки значит ли не несколько десятков тысяч агентов. Что думаете об этих списках?

— Давно известно, что западные разведки активно работают друг против друга и взаимоотношения между ними далеко не безоблачные. Пример: давняя грызня между американцами и немцами по поводу архивов Штази, так они называют госбезопасность ГДР. Архивы захватило ЦРУ и долгие годы отказывалось вернуть их немцам. Потом списки агентуры немцам вернули. Но тут главное не то, что вернули, а кто в этих списках. Нет сомнений, что списки были американцами тщательно изучены. На это, видимо, время и потребовалось. Имена потенциально ценных для них агентов изъяты из этих переданных списков для того, чтобы иметь возможность попытаться перевербовать этих людей для работы на ЦРУ, используя шантаж, угрозу разоблачения. В списках остался один «мусор»: те, кто по разным причинам не представляют оперативного интереса ни для американских, ни для немецких спецслужб. Иногда в «архивах» возникает немыслимое количество наших шпионов, действующих на Западе. И чем фантастичнее цифры, используемые для компрометации, тем прочнее западают они в людские головы. Берутся с потолка и вбрасываются на всеобщее обозрение. Иногда делается ссылка на какое-то более или менее известное лицо. Теперь, как правило, обходятся и без ссылок. Как для профессионала ничего особенно неожиданного для меня здесь нет. В конце концов, американцы десятилетиями твердили, будто половина или даже большее число всех наших дипломатов за границей — это разведчики. Причем, как правило, даже не пытаюсь доказать это на конкретных фактах. Считаю это важной частью широкой антироссийской кампании, которая сегодня развернута Западом по всем направлениям — политическому, экономическому, военному, информационному. И вся эта кампания подпитывается, конечно, с помощью спецслужб, через имеющиеся в их распоряжении средства и возможности.

Что ж, с Соломатиным не поспоришь. Но у этого великого разведчика-волкодава действительно бывали вербовки, которые обеспечивали безопасность страны, ограждали от конкретных угроз.

И потому частично, пока лишь частично, привожу воспоминания ушедшего в 2005-м Соломатина о нашем друге — американце Гленне Майкле Соутере. Всё повидавший Соломатин признавался: никогда не встречал в разведке таких чистых, романтических и светлых людей. Вот уж кто работал на нас за одну лишь идею.

Началось всё в Риме в 1980-м, когда какой-то молодой бородач запросто обратился в советское консульство с просьбой помочь ему, американцу, с переездом из США в Советский Союз. Напорись он на какого-нибудь безукоризненно знавшего свое дело дипломата, тот наверняка нашел бы предлог отправить бородатого подальше. С такими

просьбами в те времена приходили к нам часто люди нездоровые, с психическими расстройствами. Или засылался провокатор, и такая потом поднималась в газетах шумиха! Могло быть и хуже: подстава, то есть попытка сотрудника или агента иностранной службы войти в доверие к советским коллегам. Но посетитель случайно обратился к одному из подчиненных Соломатина, который, зная методы работы резидента, тут же доложил шефу о странном посетителе.

И Борис Александрович, больше всего опасаясь подставы, все же рискнул встретиться с просителем. В откровенной беседе старшина ВМС США Соутер признался, что разочаровался в своей стране. Он уже несколько лет на флоте, и всюду ложь. Его авианосец «Нимиц» напичкан ядерным оружием, а всюду трубят, что ничего такого на нем нет и не было. Врут миру на каждом шагу, ни в грош не ставя и собственных союзников: шпионят даже за Израилем и Египтом. Снимают со спутников чужие объекты, не только военные. Сеют рознь по миру. Следят за своими же морями. Уж он-то точно знает: служит личным фотографом у командующего 6-м, южным, флангом натовского флота адмирала Кроу, плавает на штабных кораблях, беседует с матросами. А еще он с детства любит поэта Маяковского, изучает русский язык и хотел бы в СССР заняться переводом его стихов на английский. Жаль, он не в курсе ничего секретного, но и то, что видел, — повод для отъезда в страну, строящую социализм.

Соломатин сразу понял: Соутер напичкан секретами, чего американец в силу наивности не представляет. Это даже не было вербовкой. Борис Александрович предложил Гленну сделку. За несколько лет тот докажет свою преданность СССР, а уж он лично похлопочет о предоставлении Соутеру советского паспорта. Моряк согласился, а вот московское начальство резиденту пришлось уламывать. Ведь моряк сразу же отказался работать за деньги, а это очень настораживало. В 1980-х почти все агенты уже трудились только за вознаграждение — и чем больше оно было, тем лучше. Так что история с инициативником (еще один термин) выглядела несколько фантастично.

Но фантастика уступила место реальности, когда в Центр начали поступать материалы от Гленна. Профессия фотографа вообще ценится в любой разведке: передвижения по миру, общение со множеством людей, высокие посты занимающих, допуск на объекты, от посторонних глаз закрытые. Очень естественное сближение с представителями всех служебных рангов: любому приятно получить от фотографа сувенир в виде фотографии.

Соутер, плавающий на кораблях 6-го флота США и организовывая встречи своего адмирала с прессой, являлся носителем ценнейшей информации. Соломатин ему это быстро разъяснил.

Коротко и без подробностей: Соутер передал список целей на советской территории, по которым должны были быть нанесены ядерные удары. Во внешнюю разведку регулярно поступали все фотографии

образцов новейшего вооружения. Москва узнала, в каком случае, по мнению американцев, Советы могут сами начать войну, сочтя, что главный противник перешел некую критическую черту. И уж конечно советское командование было в курсе всех планов и деталей передвижения ВМС США. Коды, перестановки в руководстве морского флота, настроение на боевых кораблях, сигналы «свой» — «чужой»... Все это передавалось в Москву незамедлительно и регулярно.

Как удавалось? Соутер ухитрился непонятно каким образом пройти проверку на детекторе лжи в ВМС, получил допуск к секретным документам, которые переснимал прямо в своей лаборатории на корабле. Советской разведке не пришлось тратиться даже на фотоматериалы. А после учебы Гленн должен был стать офицером.

И вдруг к нашему бескорыстному другу пришло ощущение, будто за ним приглядывают. Соутер не ошибался: он попал под колпак.

Соломатин четко разъяснил мне его ошибки. Учил русский язык, и еще в 1980-х одно это вызывало у ФБР подозрение. Чересчур увлекался, ни от кого не скрывая, советским поэтом Маяковским, в котором янки видели коммунистического пропагандиста. И главное, по словам Бориса Александровича, «слишком любил свою жену». А та, итальянка, совсем не враг рюмке, ревновала: куда вечерами исчезает муж? Не уверен, правду ли поведал мне Соломатин, но святая простота Соутер признался супруге, что тайно встречается с русскими знакомыми. Они с женой помирились, поссорились, расстались, и под самый Новый, 1983 год перебравшая экс-любовь затащила прямо во время вечеринки в своей квартире некоего американского офицера в ванную и выдала Соутера с потрохами.

Соломатин не понял, почему американец, оказавшийся к тому же сотрудником секретной службы, долго переваривал информацию. Сообщил о пьяном признании только после того, как Соутера несколько раз допросили в ФБР. Предложили пройти проверку на детекторе уже не в ВМС, а в Бюро расследований, что было исключительно сложно. Наверняка бывшая жена рассказала в ФБР, как однажды Гленн даже взял ее на встречу с советскими, чтобы доказать супружескую верность.

И по заранее оговоренному плану Гленн купил билет итальянской авиакомпания, которая доставила его из Норфолка в Монреаль. Опасное местечко, где с людьми рискованной профессии порой случались неприятные истории. Но не с Гленном, сумевшим с пересадкой добраться до Рима. Ну а оттуда в первой декаде июня 1986 года соратники Соломатина перебросили ценнейшего помощника в Москву.

Адаптация — момент деликатный. Некоторые наши друзья, например американец Гай Бёрджесс из знаменитой «Кембриджской пятерки», да и тот же Ким Филби или Герой России атомный разведчик из США Моррис Коэн, так и не смогли выучить трудный язык. А Бёрджесс не приспособился к иному жизненному укладу.

У Соутера все пошло как надо. В ответ на его письмо председатель КГБ СССР Владимир Крючков ускорил, как и обещал Соломатин, прием в советское гражданство и выдачу краснокожей, по выражению Маяковского, паспортины на имя Михаила Евгеньевича Орлова. Гленн сам выбрал себе новое имя: фамилия намекала на свободный высокий полет и широкие просторы.

Он преподавал слушателям в учебном заведении, называемом ныне Академией имени Андропова. Ему быстро присвоили звание майора КГБ, что редко случалось с осевшими у нас бывшими агентами. Впрочем, и в свои 97 лет здравствующий англичанин Джордж Блейк носит звание полковника. Кстати, Орлова представили тогда и ему, и Филби. Они сошлись, познакомились семьями, иногда встречались.

Михаил Евгеньевич, как и Блейк, успешно штудировал русский, основы которого изучил еще в Штатах. И, как и Блейку с Филби, улыбнулось Орлову в СССР семейное счастье. Полюбил преподавательницу русского языка Елену, и она в 1987 году ответила взаимностью. В разведке не редкость, когда слушатели — и русские, и иностранные, женятся на своих учительницах. Родилась дочка Александра. Семья поселилась в четырехкомнатной квартире, майору выделили дачу, он купил заветные — для советского человека — «Жигули».

Все было бы хорошо, если бы не одно огромное «но». Вовсю развертывалась «перестройка», а ее романтичный идеалист Орлов принять не смог. Советы стремились к тому, от чего он и сбежал из США. Зачем и кому это нужно? Товарищи по Службе успокаивали Михаила Евгеньевича, пытались объяснить то, что и сами не особенно хорошо понимали.

Наступало время огромных перемен, с которым романтику Орлову было не по пути. Конечно, в СССР его раздражали и длиннющие очереди, и дефицит элементарных товаров, и некоторая даже его коснувшаяся бюрократичность. Но для идеалиста все трудности меркли по сравнению с целями, к которым столько лет шла страна, которую он искренне считал своей Родиной. Иногда казалось, будто сделал для нее не всё, что мог и на что способен.

Пытался найти забвение в семейной жизни. Сколько счастья приносила маленькая Саша. Приходила радость, когда переводил Маяковского на английский.

Откуда свалилось страшное решение уйти? Соломатин, и это всего лишь его личная точка зрения, полагал, будто в семье не все складывалось. И романтик сдался. Неплохо знавший Орлова полковник разведки И. придерживался иной точки зрения: майор устал. Сложно было переварить непредвиденные перемены. Товарищи помогали, как могли, но нервы Орлова — после всего сделанного и пережитого — были натянуты до предела.

И 22 июня 1989 года лопнули. Будь проклят тот дачный гараж. Офицер задрал «Жигули», завел мотор...

В предсмертных письмах он умолял коллег по Службе простить его как человека, который не смог выполнить задание, благодарил их за терпение и доверие. Просил не оставлять жену и дочь Сашу без помощи. Написал в США хорошо понимавшей его матери. Попрошался в послании с Джорджем Блейком. И еще одна просьба: похоронить его под сознательно взятой фамилией Орлов в форме майора КГБ.

И что поразительно: и в последние мгновения жизни он думал, как бы не подвести товарищей. Если последнее может как-то навредить их делу, которое он по-прежнему считает общим, то хоронить в закрытом гробу. Хоронили в открытом. Все, о чем просил Михаил Евгеньевич, было выполнено.

Его могила на Новокунцевском кладбище — рядом с последним пристанищем великого Филби. На памятнике — изображение так и оставшегося молодым майора: 1957—1989, фамилия выбита на русском. И гравировка размером поменьше: Glenn Michael Souther.

По-моему, он во многом повторил судьбу своего любимого Маяковского. Вера, работа, усталость, переутомление. Слом. Возможно, как и у поэта, на какое-то время разладилось с любимой женщиной.

Идеализм иногда обходится дорого. Иногда очень дорого. Американец Гленн Соутер добровольно и сознательно заплатил за него собственной жизнью.

ОТ СЕРЖАНТА ДО ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА:

БОРИС СЕМЕНОВИЧ ИВАНОВ

Просто так орден Ленина не дают. У генерал-лейтенанта с нашей русской фамилией Иванов и по имени Борис Семенович их было два, что среди разведчиков встречается редко.

Борис Иванов мало известен широкому кругу читателей. Точнее, совсем не известен. А между тем даже один лишь пройденный им путь от старшего сержанта-оперативника на Вологодчине до первого заместителя Первого главного управления КГБ СССР заслуживает уважения.

А вот биография для руководителя тех, не блатных, лет у него типичная. Родился 24 июля 1916 года в Петрограде в семье рабочего Путиловского завода Семена Макаровича и Анны Григорьевны.

В начале 1917 года переехали в город Череповец Вологодской области. В семье Борис был первенцем. Брат Александр в Великую Отечественную — военный инженер, в послевоенные годы старший инженер Череповецкого сталелитейного завода. За ними родились двойняшки — сестра Евгения и брат Николай — военный летчик, ушедший в отставку после тяжелых ранений, полученных в годы войны.

Жили нелегко, приходилось и работать, и учиться. Но образцовую среднюю школу № 1 имени Максима Горького Борис окончил с отличием.

Тогда молодые мечтали в основном о трех профессиях — полярника, летчика или инженера. Вот и Иванов из Череповца приехал в Ленинград. И значит, были таланты, способности, если сразу поступил в Электротехнический институт. Вспоминаю, что и другой его земляк, будущий Герой России, разведчик-нелегал Алексей Михайлович Козлов тоже с Вологодчины. И все экзамены в послевоенный МГИМО сдал на «отлично».

Однако долго «учиться на инженера» Борису не пришлось. Вряд ли слышал он о приказе наркома внутренних дел за номером 00306 об организации и комплектовании первого набора десяти межкраевых школ для подготовки оперативного состава для пополнения органов госбезопасности. Но когда в 1937-м пригласили в райком комсомола, пришлось студенту Иванову Б. С. выполнить приказ на практике.

Судьба пошла как под копирку с другими чекистами того комсомольского призыва. Надо было кем-то заменять выбитые чистками лучшие кадры. И молодых ребят, предпочтительнее из рабочих, хотя и не только, брали в органы. Нужны были грамотные, образованные, не запуганные репрессиями молодые люди, верные идее. И уже в январе 1937 года Иванов меняет место учебы.

Его никак не могли коснуться репрессии, обрушившиеся на старую гвардию ЧК, выученную еще на честных принципах Дзержинского и Менжинского. Строгие кадры пропустили мальчишку из провинции, которому и провиниться-то было не в чем, без вопросов.

Времени на учебу в Ленинградской МКШ НКВД, что в переводе означает межкраевую школу, отпустили совсем ничего — один год. А что делать при по-настоящему катастрофической нехватке кадров? Десять школ, созданных во многих больших городах Советского Союза, обучали пополнение по ускоренной программе.

Признаться, сложно понять, как можно за 12 месяцев усвоить азы чекистской работы, худо-бедно, зато наскоком попытаться заговорить на иностранном языке и получить хотя и среднее, но юридическое образование. А еще их учили применять полученные навыки пусть в учебных, но боевых условиях.

Маленькое отступление. Как получалось, что уроженцы глубинки, сыны рабочих семей быстро усваивали знания, овладевали совершенно новой для себя профессией, становясь полезными и порой незаменимыми? Иными словами, почему провинция била Москву с Ленинградом, заслуженно пробиваясь все выше и выше? Искренне веря в правоту своего дела, они делали не карьеру, а биографию. Им были не знакомы субтильные сомнения: справимся — не справимся. Возвращенная в борьбе за выживаемость сила влекла, тащила и продвигала вперед. Им было не на кого надеяться, кроме как на самих себя. Они

быстро отыгрывали у столичных ровесников данную тем уже при рождении фору.

Предвоенный комсомольско-рабочий набор в спецслужбы принес советской разведке славу уже через несколько лет — в годы войны. А плеяда чекистов набиралась опыта и даже лоска, вскоре уже представляя страну далеко за ее пределами. Из того же призыва вышли Герои России атомные разведчики, Герои России Борис Барковский, Леонид Квасников, Александр Феклисов, работавшие в США и Великобритании.

Борис Иванов относится к этой славной когорте. Только пошел он еще дальше остальных, превратившись из удачливого разведчика в дальновидного стратега. В 1970-х и особенно в 1980-х он в числе горстки избранных и выдвинутых из чекистской среды определял не просто политический, а стратегический курс великой страны. И ошибаться ему, он же не партийный руководитель, было никак нельзя.

Об этом позже, а пока старая, добрая и хорошо изученная Вологодская земля, куда он прибыл для прохождения службы в УНКВД. И пожалуйста, забудьте, будто Вологда — какая-то глушь. В предвоенные годы город превратился в стратегически важный пункт. Нити железных дорог через Вологду связывали Москву, Ленинград, Урал, Архангельск, Петрозаводск. Этот узел пропускал нескончаемый поток перевозок, интересовавший уже тогда и финнов, и немцев.

Началось с финнов в ноябре 1939 года. Война была суровой и кровопролитной. Думали закидать шапками, а понесли огромные потери. Не ожидали от соседей суровой беспощадности. Не предполагали, что армия Маннергейма будет вести боевые действия, пытаясь вклиниваться в бреши между нашими частями и хитро откатываться на заранее подготовленные рубежи обороны. В таких, не ею созданных, условиях нельзя было обойтись Красной армии без хорошо поставленной разведки — смелой, маневренной. Отряды Наркомата внутренних дел обязаны были обеспечить условия для главного удара, наносимого тогда нашими крупными силами и, как правило, без особых хитростей, прямо в лоб. Невосполнимые потери, как полагают сегодня некоторые военные историки, были один к пяти — не в нашу пользу.

Впрочем, ощущение такое, что уже не установить нам точного числа погибших. Мой отец рассказывал, что видел в финских лагерях для советских военнопленных жуткие картины. Немцы во Вторую мировую замучили генерала Карбышева. В мороз обливали его холодной водой, превратив в ледяную глыбу. А в войне с Финляндией в лагерях военнопленных в такие огромные глыбы превращали десятки и десятки красноармейцев. Отец написал правдивую книгу «Финские изверги», проклиная фельдмаршала Маннергейма и его армию. Но вскоре книга исчезла из магазинов и библиотек. Об этом года с 1945-го как-то перестали говорить, надолго преобразив финнов в добродушно выпивающих и полезных соседей.

Потерь и пленных в проклятую финскую могло быть и больше, если бы отряды НКВД не выдвигались вперед, отрываясь на три-четыре десятка километров от наших частей и соединений. Вклинивались во вражеские позиции. Вели разведку, наводили на противника панику неожиданными налетами, пытались захватить в плен финских разведчиков-диверсантов, сумевших пробраться поближе к передовым частям Красной армии. И еще научились бороться против финских «кукушек». Не невинных птичек, отсчитывающих годы жизни, а стрелков-снайперов, часами почти неподвижно высидывавших на деревьях и меткими выстрелами лишавших жизни красноармейцев, высматривая среди них командиров.

В одном из таких отрядов НКВД сражался Борис Иванов. Сержант государственной безопасности рисковал ежедневно. Кем-кем, а кабинетным работником и удачливым выдвиженцем он не был. В леса под Вологдой сбрасывались парашютисты — немцы, финны, завербованные и прошедшие выучку в специальных диверсионных школах перебежчики с советской стороны и немолодые уже белоэмигранты из непримиримых.

В Центре тревожились: сколько бродит тут всякой нечисти, а до Москвы совсем недалеко.

Если верить некоторым свидетельствам, то именно в это время произошло знакомство будущего начальника контрразведки Евгения Питовранова с Борисом Ивановым. Питовранов прибыл из Горького для помощи вологодцам. В густых заснеженных чащобах они вместе участвовали в операциях по захвату Мурзы, Слепого и еще нескольких диверсантов. Допросы иногда заканчивались перевербовкой. Тот же Слепой выдал два десятка своих сообщников. Но до ареста убил нескольких красноармейцев. А когда его привели на первый допрос, попросил ослабить съемный болт протеза. И ухитрился выстрелить в Иванова. Тот успел увернуться.

Дома Бориса с тревогой ждала жена Антонина. Она тоже служила в органах, и познакомились они в Вологде. Всю жизнь Борис Семенович и Антонина Геннадьевна прожили вместе. Оказались и однолюбам, и соратниками, и любящими родителями.

Антонина дождалась мужа с финской. Но впереди маячила, грозила неизбежностью новая война, которую было не остановить никакими мирными пактами с немцами.

Вологодчине пришлось нелегко с первых дней Великой Отечественной. Не смогла наша армия сдержать натиск тех же финнов. Сейчас как-то забылось, да и вспомнится ли, что финны оккупировали к осени пусть крошечную, но часть территории области. Лишь в октябре стало поспокойнее: части Красной армии остановили готовившийся и уже видевшийся вполне реальным прорыв фронта. И только теперь мы узнали, что немцы лишь отложили наступление, поставив задачу ворваться в Вологду к маю 1942 года. А фельдмаршал Маннергейм

считал, что взятие Вологды и еще нескольких городов российского Севера имело решающее значение для всей военной кампании, в которой бывший генерал русской армии принимал самое активное и губительное для нас участие. И установленная в Петербурге, пусть на короткое время, доска в его память, это плевок в лицо с фельдмаршалом бившихся и от рук его вымуштрованных солдат павших. Немало смертей на совести Маннергейма. Но планы оккупировать наш Север сорвались.

Военное положение объявили в Вологодской области сразу после нападения Гитлера. Крупные воинские склады, аэродромы, Северная железная дорога, проходившая через всю территорию Вологодчины, превращали ее в стратегически важный для Красной армии пункт.

Железнодорожный узел приобрел еще большее значение в 1942-м. Ленинград стойко переносил блокаду. А через Северную железную дорогу шло все то, что было нужно Ленинградскому и Карельскому фронтам. Пускать под откос поезда, взрывать железнодорожные станции, передавать постоянную информацию о перемещениях советских войск должны были прошедшие специальные диверсионные школы агенты абвера.

Тут и началась операция «Хозяин», задуманная и как по нотам разыгранная вологодским НКВД. Один из выпускников Краснознаменной академии имени Юрия Андропова рассказывал мне, что ее, канонизированную и превратившуюся в нечто вроде классического учебного пособия, до сих пор изучают будущие разведчики. Она вошла в историю спецслужб так же, как и знаменитая операция «Трест», проведенная в 1920-х. Была долгие годы засекречена, скрыта от посторонних глаз. Лишь однажды где-то в 1960-х о ее ходе было подробно и относительно достоверно рассказано. Правда, не в строгой документалистике, а в художественном повествовании, где имя главного персонажа было слегка, не до неузнаваемости, но изменено. Упомянут в книге и Борис Иванов. Но подробности операции «Хозяин» стали известны недавно.

Существуют две версии названия. Первая — все началось с того, что некий захваченный в Вологде диверсант с презрением отозвался о разгильдяе — хозяине квартиры. Тот запросто выбалтывал агенту, что у него в доме живут прибывшие сюда летчики, сливал сведения об эшелонах с техникой, проследовавших по железной дороге. Шпионом «Хозяин» не был, но если бы его не остановили, вред мог нанести немалый.

Вторая версия гораздо более возвышенная. Вологодские чекисты захотели показать — и показали — абверу и его выкормышам, кто настоящий хозяин на Русской земле.

Немцы старались проникнуть в русский тыл. Абверкоманда-104 готовила диверсантов из военнопленных, добровольно перешедших на их сторону и содержавшихся в лагерях в Каунасе, Риге, Кёнигсберге. Завербованные перебежчики затем проходили курс обучения в

разведшколе абвера. Проявивших способности отбирал начальник школы подполковник Фридрих Гемприх. Курсанты знали его под им же придуманным и довольно несурзным именем — майор Петергоф. Лично ему приглянувшись он готовил для выполнения особых заданий сам. Самолеты, поднимавшиеся с аэродромов оккупированных Пскова и Смоленска, забрасывали диверсантов на Вологодчину. В основном интересовали абвер крупные города — Вологда и Череповец.

Сколько же диверсионных групп бродило по густым заснеженным лесам, пытаясь проникнуть в города, что поближе к железной дороге! Но на эту, из трех человек, выброшенную поздним февральским вечером 1942 года «хейнкелем» над густым лесом недалеко от городка Бабаево, что в 300 километрах от Вологды, Гемприх надеялся особенно. В ее составе двое диверсантов, которым нечего терять: своими руками уложили на глазах у многих столько соотечественников, что дороги обратно для них уже не было. И радиста подобрали для них не какого-нибудь наскоро обученного, а мастера своего дела, окончившего курсы еще в Красной армии.

Выброска прошла удачно. Никем не замеченные, они закопали парашюты и отправились в неблизкий путь.

Тут и произошел сбой. Документы лейтенанта Орлова не вызвали подозрения у патруля на железнодорожной станции в Бабаево. Но лейтенант потребовал отвести его в отдел НКВД, где сделал нежданное признание. Его и еще двоих сбросили на парашютах немцы, где остальные двое — не знает. А он просит поскорее доставить его к начальству рангом повыше.

В Вологде многое прояснилось. Никакой он не лейтенант Орлов, а курсант трехмесячной школы абвера Николай Васильевич Алексеенко. Его, морского старшину-радиста, взяли в плен, переводили из лагеря в лагерь, морили голодом. И поняв, что больше не выдержать, он согласился служить немцам. Но с единственной целью: вернуться и доказать, что он не предатель.

История и правдоподобная, и не очень. Ей можно было и верить, и не верить. Но начальник вологодского управления НКВД Лев Федорович Галкин добровольно сдавшемуся перебежчику поверил. Тем более что тот дал точные приметы тех двух диверсантов, что пока еще не пойманы. Они исключительно опасны. Группе приказано не только добывать разведывательные сведения, сеять ложные слухи среди населения, но и проводить диверсии на железной дороге. Алексеенко сам просил поторопиться: он должен поскорее сообщить майору Петергофу по радиации, что выброска прошла успешно и они добрались до Вологды.

По крайней мере относительно двух, как их называли — крещеных, то есть совершивших кровавые преступления против своих, Алексеенко не врал. Их быстро вычислили, поймали. Допросы продолжались долго. И пара предателей в отличие от радиста замкнулась накрепко, никаких

сведений не давала. Какое сотрудничество и перевербовка! Поступили с ними по законам военного времени. Да, расстреляли.

А с Алексеенко решили работать. Москва дала согласие, и он быстро отстучал радиограмму о благополучном прибытии. Тут чекистов мог ожидать еще один подвох. В Абверкоманде-104 знали «почерк» радиста, ведь у каждого, работающего на ключе с азбукой Морзе, он индивидуален. Понятно, любой другой, даже классный радист, был бы немцами расшифрован.

К тому же Алексеенко мог незаметно передать заранее обусловленный сигнал, уловить который при передаче практически невозможно: работаю под контролем. Однако морской старшина был честен. Он рассекретил шифры, сообщил позывные свои и радистов абвера, указал длину волн, назвал точное время передач.

Так в апреле 1942 года началась радиоигра «Хозяин». В документах Управления вологодского НКВД она значилась под номером 2311. Велась восемь месяцев и закончилась 31 декабря 1942 года.

Сначала, ссылаясь на трудности вживания, немцев баловали дезинформацией нечасто. Позже сведения передавали постоянно, а в ноябре они пошли потоком. Так требовала сложившаяся обстановка. Приходилось выходить в эфир каждый день. Алексеенко работал на ключе прямо из здания, расположенного напротив УНКВД. Здесь и жил, иногда выходя в город. Ему доверяли. Он старался, говорил, что искупает вину. Чтобы избежать возможных вопросов от Петергофа, был в сообщениях краток. Сдержанность Алексеенко нравилась немцам.

С просьбами он обращался редко. Но пришло время, и попросил прислать питание для рации, портативные детали, деньги. Немцы послушно сбросили все «заказанное» в двух баулах. Их держали на поводке, заставляли нервничать, радируя, что самолет видели, а груз даже втроем отыскать не могут. Потом успокоили: груз найден.

Любая радиоигра — занятие сложное. Надо не только передавать дезинформацию, но и тщательно ее создавать, продумывать. Сделать так, чтобы противник верил. Ведь, возможно, есть у него в этом регионе и другие, пока не выявленные источники информации. В то же время дезинформация никак не должна повредить своим. Однажды для большей достоверности пришлось даже взорвать железнодорожное полотно и распустить слух о якобы пущенном под откос эшелоне с военной техникой. Значит, были у немцев прямо в Вологде нераскрытые источники информации. Может, и не диверсанты, а осведомители, подтвердившие крушение. И Петергоф в радиограмме поблагодарил Орлова, приказав проводить еще больше диверсий.

В операции «Хозяин» вологодские контрразведчики работали в четком контакте с Генштабом. Дезинформация шла из Москвы. Обогащенную и приправленную местными подробностями, ее получала Абверкоманда-104. Главная задача радиоигры сводилась к тому, чтобы убедить абвер: Красная армия перебрасывает крупные силы в район

Ленинграда. «Достоверные» сведения были переданы шефу абвера адмиралу Канарису и дошли до ставки Гитлера.

Орлову немцы поверили и не решились перебросить крупные силы в район Сталинграда, где и были разбиты. Нельзя сказать, что благодаря дезинформации из Вологды наступил перелом в ходе Великой Отечественной войны. Но свой вклад в победу в Сталинградской битве вологодские контрразведчики внесли. Лев Галкин был награжден за операцию «Хозяин» орденом Красной Звезды. Лейтенант Борис Иванов — медалью «За отвагу». Несколько позже ему, участнику и разработчику этой и другой радиоигры, был вручен знак «Заслуженный работник НКВД».

В конце 1942 года пришло время операцию свернуть. И Алексеенко передал в одной из последних радиogramм, что группа попала в тяжелое положение: при проверке документов с трудом удалось избежать провала, а один из их тройки ранен. Вологду придется покинуть.

Гемприх-Петергоф немедленно отозвался приказом: возвращаться, перейти линию фронта между городами Холм и Торопец. В левой руке держать поднятым белый платок. Назвать пароль: «Флорида».

Но возвращение в планы не входило. И в самом конце декабря Алексеенко-Орлов в последнем из своих пяти сотен сообщений радировал: «Рацию прячем. Уходим на Урал».

И хотя главный герой этой главы Борис Семенович Иванов, не могу обойти молчанием еще двух участников развернувшихся на Вологодчине событий. За время войны здесь было обезврежено 230 диверсантов. Не совершено практически ни единой диверсии.

Заслуга в этом и Мелетия (Мелентия) Малышева. Студента из Ленинграда, воевавшего в ополчении, заметили фронтовые особисты. К их удивлению, он не только неплохо говорил по-немецки, но и оказался хорошим радистом. Наскоро обученный людьми из Особого отдела, он «перебежал» к немцам с нехитрой легендой: хочет бороться против Советов.

Тяжело раненного при переходе фронта, что придавало достоверность стандартному разведывательному приему, его подлечили и передали абверу, где быстро уразумели, что парень действительно способный. В немецкой разведшколе он окончил курсы радистов и под оперативным псевдонимом «Маговский» был направлен в Абверкоманду-104. Как раз в ту, что работала против Вологодчины. Неудивительно, что засланные абвером диверсанты сразу попадали в руки чекистов. Малышев передавал их точные характеристики. Тех, которых можно было склонить на свою сторону, перевербовывали. Других...

В январе 1944 года немцы забросили «Маговского» в советский тыл. Он тотчас передал собранные им сведения о диверсантах — слушателях школы, методах их подготовки.

После войны вернулся в университетские пенаты. Профессор Мелетий Малышев преподавал в ЛГУ. Был директором научной библиотеки,

созданной еще в далеком 1783 году. В ее фонде семь миллионов изданий. Многие ли из нас слышали об этом разведчике и ученом?

Не столь удачно сложилась судьба радиста Алексеенко. Думалось, что заслужил он у Родины прощение. Но в июне 1944 года Особое совещание приговорило моряка-радиста — он же лейтенант Орлов из операции «Хозяин» — к восьми годам лагерей за измену Родине.

И тут за него вступились офицеры из вологодского НКВД во главе с Львом Галкиным. По их ходатайству удалось скостить срок до трех лет. Провести их Алексеенко предстояло все в том же здании, откуда он передавал дезинформацию в абвер. В 1945 году его освободили. Семья радиста погибла в годы войны. Некуда было уезжать из Вологды, где он и поселился. А в 1946 году следы Алексеенко окончательно затерялись, дальнейшая его судьба неизвестна.

За годы войны Иванов, ставший майором и начальником отдела регионального управления НКВД, провел еще несколько удачных операций. Иногда из чисто оперативных они перерастали в нечто гораздо большее, продолжались уже не месяцами, как «Хозяин», а гораздо дольше. Выработался у молодого разведчика свой почерк. Не забывая о сегодняшнем, сиюминутном, умел быстро просчитывать возможные варианты развития операций, которым еще продолжаться и продолжаться. Предотвратить неожиданности, предугадать чужие ходы. Не удалось немцам провести на важном отрезке Северной железной дороги ни единого серьезного теракта.

Вскоре после войны Бориса Иванова вызвал в Москву Евгений Питовранов, к тому времени уже возглавлявший Управление контрразведки Министерства госбезопасности. Не забыл Евгений Петрович разведчика из Вологды. Генералу исполнился 31 год, Иванову — 30 лет. Предложение перейти на работу в столицу Иванов принял. Почти ровесникам, вместе сражавшимся с оружием в руках, было легко понять друг друга.

Во Втором, контрразведывательном, главке МГБ Борису Семеновичу Иванову предстояло работать против главного противника. Так раньше называли американцев. Большое и новое испытание для оперативника пусть и опытного, однако не знакомого с приемами работы разведчиков США.

И Борис Семенович с ним справился. Он, как сам писал в своих небольших отрывках дошедших до нас воспоминаниях, изучал методы работы американцев: они были резкими, нагловатыми, никого не щадящими. В Москве многие его «подопечные» трудились под крышей посольства. Не стеснялись пользоваться статусом дипломатической неприкосновенности. Ради собственной безопасности могли без раздумий сдать своих завербованных агентов.

Иванов разобрался в чужом, поначалу трудно поддававшемся расшифровке почерке. Знал, где и на чем могут проколоться беспокойные «клиенты». Изучал их манеру поведения и общения.

Разобрался в причинах постоянного проявления излишней самоуверенности, чрезмерного самомнения. Но понял и несомненно сильные черты главного противника.

В 1948 году из Вологды переехала семья. Получили жилье. А до этого кочевал по гостиницам. Стало легче.

По признанию Бориса Семеновича, кропотливая работа в контрразведке очень помогла ему в разведке. Этот свой опыт он считал бесценным.

А применить его пришлось уже очень скоро, в 1953 году, в американском отделе Первого главного управления — внешней разведке. О том, насколько успешно вел работу Борис Иванов, свидетельствует его новое, довольно скорое назначение легальным резидентом в Нью-Йорке, куда он прибыл в марте 1955-го. На этом важнейшем направлении он проработал до конца 1959 года. Срок немалый и по тем, и по нынешним временам.

Приходилось выезжать и в другие страны. Начались события в ЧССР, помните, существовало такое государство, и Иванова направляют туда заместителем начальника оперативной группы КГБ в Праге.

Сегодня ввод в Чехословакию войск стран Варшавского договора принято оценивать как ошибку советского руководства. Но давайте вспомним, почему было принято такое трудное и тяжелое решение. В период Пражской весны у СССР и других государств — членов Варшавского блока не было мирного договора с ФРГ. Советских войск на постоянной основе в Чехословакии не было. Если бы оппозиционные силы пришли к власти, в социалистическом блоке произошел бы серьезный раскол. Глядя на события непредвзято, можно безошибочно спрогнозировать: это было бы началом конца так тщательно и столь дорогими усилиями создаваемого социалистического лагеря. Да и расчленение Советского Союза произошло бы гораздо раньше 1991-го. Если встать на сторону западных политиков и идеологов, то, конечно, ввод войск ОВД лишил их долгожданной победы, которая виделась реальной, близкой. Поэтому внезапный танковый бросок вызвал неподдельную ярость.

Но значит ли это, что Чехословакию, находящуюся в Центральной Европе, нам надо было сдавать без всякого сопротивления, подчиняясь чужой воле? Готовы ли мы принять даже сегодня такое неминуемое развитие событий, грозивших могучему тогда СССР катастрофой?

Умиляют объяснения: но ведь Белый дом официально заверял посла Добрынина, что в чехословацких событиях США займет позицию невмешательства. Рассекреченные в XXI веке документы Госдепа и ЦРУ эти заверения опровергают.

Заклеймено позором письмо, подписанное пятью членами ЦК КПЧ — Алоисом Индрой, Драгомиром Кольдером, Антонином Капеком, Олдржихом Швесткой и Василем Биляком, с просьбой к СССР и другим членам Варшавского пакта о помощи. Но ведь это послание явилось

правовым и партийным основанием для оказания помощи силам, противостоящим уже заручившемуся поддержкой Запада Александру Дубчеку.

Советская сторона внимательнейшим образом наблюдала за развитием событий. Легальную разведку укрепила и разведка нелегальная. Несколько наших нелегалов были переброшены в ту весну в Прагу. Они сумели самыми неожиданными, порой экзотическими методами добывать оперативную информацию, которая свидетельствовала: если не мы, то в Чехословакию войдут совсем другие войска.

Им добровольно помогали и чехословацкие друзья. Некоторые впервые сознательно пошли на контакт с советской разведкой непосредственно в дни развернувшихся весной 1968 года событий.

Переброска нелегалов в пражское пекло была проанализирована и признана единственно верной. За работу в Чехословакии Борис Семенович Иванов награжден орденом боевого Красного Знамени.

А потом последовал Афганистан... Он был словно пожарником, умевшим тушить серьезные возгорания, возникавшие в странах, которые мы считали союзниками. И просчитались.

Так что оценки из официальной биографии вполне заслуженны: «Неоднократно выезжал в долгосрочные заграничные командировки, где проявил себя способным, грамотным в оперативном отношении руководителем, обладающим хорошими организаторскими способностями и волевыми качествами, в том числе в условиях вооруженного конфликта».

А после возвращения в 1959 году из Нью-Йорка — несколько лет в Центре, где он возглавляет отдел, работавший по США и Канаде. Потом вновь Нью-Йорк, знакомая резидентура, куда в 1962-м возвращается набравшийся еще большего опыта легальный резидент. Самые горячие годы холодной войны: Карибский кризис 1962 года и убийство президента Джона Кеннеди в ноябре 1963-го.

В дни Карибского кризиса остановка в Нью-Йорке была крайне напряженной, нервной. Американцы рыли во дворах бомбоубежища, сметали с прилавков мыло, зубную пасту, продукты. Слово «русский» превратилось в ругательство.

Когда мир висел на волоске, резидент Иванов работал по 20 часов в сутки. Как вспоминала его жена Антонина Ивановна, если и забегал домой, то на два-три часа под утро. Принимал душ, переодевался — и в резидентуру. Там всерьез рассматривался вопрос о переходе сотрудников на нелегальное положение.

Переживали Ивановы за детей: четверо в СССР, старший сын Владимир служил в танковых войсках. Но, как мы знаем, Советский Союз и США договорились, в чем помогла и разведка. Резиденты Иванов и Фомин, под этим псевдонимом работал в Штатах хорошо знакомый Борису Семеновичу другой Семенович — Александр Феклисов, свое дело сделали.

Передышка длилась недолго: убийство Кеннеди — и вновь всплеск антисоветской истерии. Хотя точно известно, что американцы через своих агентов — братьев Чайлдс знали: русские к покушению не причастны. Моррис Чайлдс, отвечавший в компартии США за связь с Советским Союзом, выведal это на одной из своих московских встреч с членами ЦК КПСС. Но разведке пришлось приложить немало усилий, чтобы всеми возможными средствами лишний раз доказать главному противнику: никакого отношения к Ли Харви Освальду, убившему президента, СССР не имел. Наоборот, сторонился его, отказал незадолго до ноябрьской трагедии в выдаче визы. Все это Борис Иванов, конечно, знал и терпеливо втолковывал продолжавшим валять дурака американцам.

Тогда Борис Иванов работал под прикрытием советника официального представителя СССР в ООН, отвечавшего за права человека.

Вот полный текст письма от 20 марта 1962 года, направленного заместителем постоянного представителя СССР Генеральному секретарю ООН: «Имею честь сообщить, что правительство Союза Советских Социалистических Республик выдвигает мистера Б. С. Иванова кандидатом в подкомиссию ООН по противодействию расовой дискриминации и защите меньшинств. Короткая биография Б. С. Иванова прилагается».

Долго не мешкая, уже 22 марта генсек ООН отправляет это письмо в подкомиссию. Здесь же и официальная биография, кардинально отличающаяся от той подлинной, что уже известна читателю. Это даже не биография, а целая легенда, где достоверна лишь дата рождения. Документ находится в библиотеке ООН: «Образование: в 1941 году окончил Педагогический институт имени А. И. Герцена в Ленинграде. В 1953 году окончил Всесоюзный юридический институт в Москве. В 1953 году принят на работу в МИД СССР». Дальше полуправда с названием должности прикрытия: «С 1955 по 1959 год советник миссии СССР при ООН. В 1957 году участвовал в качестве исполняющего обязанности представителя СССР на 11-й сессии Социальной комиссии ООН... 1959—1962 годы — советник Департамента США в МИД СССР. 1960 год — советник делегации СССР на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 11 января 1962 года назначен советником постпредства СССР в ООН».

В архивах ООН хранятся протоколы по обсуждению предложенной кандидатуры. Иванова в подкомиссию избрали.

Но как успевал он руководить резидентурой и регулярно участвовать в ооновских заседаниях, выезжать в командировки в Чили, на Кубу, в Перу, Аргентину? Не всякий дипломат сумел бы принять такое активное участие в подготовке Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, которую Генеральная Ассамблея приняла уже после его отъезда на Родину.

А дома после возвращения Борису Семеновичу было присвоено звание генерал-майора. Генерал-лейтенанта он получит позже — в 1972 году.

Назначение, полученное в 1965-м, может показаться, да и мне показалось, неожиданным. Блистательная карьера разведчика под дипломатическим прикрытием вдруг переросла в нечто совсем иное. Генерал-майор возглавил 13-й, диверсионный, отдел Первого главного управления. Невольно вспоминаются легендарные люди, в нем раньше работавшие — великий мастер диверсий Павел Судоплатов и майор Вихрь — Герой России Алексей Ботян. Как только не назывался этот отдел: и Первое бюро — специальные операции за рубежом, и отдел «В», и 8-й отдел Управления «С», куда позже входила группа спецназначения «Вымпел».

Наверняка Иванов справился и с этой работой, если в 1966-м он уже заместитель начальника ПГУ, а в 1969-м — первый заместитель. Тут круг работы распространяется на хорошо знакомую ему Северную Америку, да и на все Западное полушарие. Много ездил. По подсчетам близких, навещался более чем в 80 стран. Бывали и обычные командировки, а иногда приходилось наносить визиты и с нелегальных, как говорят в разведке, позиций.

И как же широк диапазон его деятельности, вернее деятельности внешней разведки, насколько нужны его опыт и знания, если дипломат и разведчик участвует в переговорах, а затем в подписании двух важнейших договоров об ограничении стратегических вооружений — ОСВ-1 и ОСВ-2. В 1975-м участвовал в подготовке Хельсинкского заключительного акта. Был членом советской делегации на Совещании по безопасности и сотрудничеству.

Ясно, зачем привлекался Борис Семенович к трудным, вязким, иногда видевшимся нескончаемыми дебатам. Требовалось его знание главного противника, а теперь партнера по переговорам Соединенных Штатов. Не ясно другое: что конкретно делал, какие советы давал первым лицам во главе с товарищем Брежневым. Да и об участии Иванова в переговорах мы знаем только по многочисленным фото, где он рядом с генсеком и американскими президентами. Тут уж не может помочь никакая конспирация. Разведчик вышел на первый план — стратегический.

А стране стало совсем трудно, грянули события в Афганистане, и 17 марта 1979 года Бориса Семеновича Иванова отправляют в Кабул одним из руководителей Оперативной группы КГБ. Благодаря и его усилиям удалось сместить неугодного СССР Амина, быстрым героическим штурмом взять его дворец, сменить режим, уже подмятый под себя сотрудниками ЦРУ, не лояльный к Советскому Союзу.

Приведу отрывок из письма Бориса Семеновича из Кабула, любезно предоставленного семьей генерал-лейтенанта:

«Дорогие мои Татьяна и Андрюша (внук. — *Н. Д.*)! Шлю вам самый горячий привет из Кабула, крепко целую и обнимаю вас. Погода в Кабуле стоит сейчас хорошая, днем +15—18 градусов, а ночью до минус пяти. Я здоров, чувствую себя нормально. Много работаю, иногда устаю.

Очень хочется приехать в Москву к Новому году, домой. Однако дела здесь таковы, что пока не могу назвать дату моего возвращения. Я стараюсь с честью выполнить свой долг и сделать все, что от меня требуется, но не все зависит от нас. Очень скучаю о вас всех, хочу видеть и встретиться...

Слышал, что Андрюша хорошо учится и хороший мальчик. Я за него рад, желаю всяческих успехов и здоровья. Большой привет от меня всем знакомым. Мих. Георг. тоже. К Новому году пошлю открытки. Целую и обнимаю, Б. С. Кабул. 12.XII/1979».

Тут и нежность, и очень серьезные слова о долге. И стремление поскорее возвратиться домой. Но к Новому, 1980 году приехать не удалось. Родных Борис Семенович увидел только после окончания командировки в 1982 году. Да, далеко не все зависело только от нас.

Руководителя группы КГБ в Демократической Республике Афганистан, столько сделавшего, чтобы переломить непереломимое, награжденного в 1980-м орденом Ленина, еще в 1979 году перевели в Группу консультантов при председателе КГБ СССР. Почетно. Но это уже не та оперативная работа, к которой он привык. Не тот стратегический простор.

В те годы из ПГУ «уходили» и других профессионалов высочайшего класса.

Внук Бориса Семеновича вспоминает, как в свои 12 лет помогал деду уничтожать его личный архив, который перевозили на дачу несколько дней. В полыхавшем пламене костра, поднимавшемся на три метра, в пепел превратились документы, письма, фотографии. Что-то Бориса Семеновича очень тревожило. Возможно, не удалось сработаться с Владимиром Крючковым — первым зампредом КГБ СССР, руководителем ПГУ. Не сложились у них отношения. По-разному смотрели они на разведку и ее задачи, на подбор кадров.

Не то что к самому Иванову, даже к его родственникам, работавшим в организациях, где были представлены и коллеги Крючкова, отношение изменилось, превратившись из дружеского в сугубо дистанцированное, прохладное.

Проработав в Группе консультантов до 19 сентября 1987 года, а по некоторым другим сведениям — до сентября 1988-го, генерал-лейтенант Иванов Борис Семенович, прослуживший в разведке полвека, был уволен с действительной службы в отставку.

Татьяна Борисовна, младшая дочь Иванова, говорила, что о своих делах отец никогда не рассказывал. Даже тему Афганистана обходил стороной. А с другими разведчиками семья встречалась. Да и как не

встречаться, если в 1960-х жили на проспекте Мира в одном подъезде с семьей Рудольфа Абеля — Вильяма Фишера. Впечатления — самые теплые. Часто общались со старыми друзьями по контрразведке, с которыми они вместе начинали еще в первые послевоенные годы. Посиделок в Москве не устраивали. Если собирались, то на даче.

Борис Семенович всегда тепло вспоминал Брежнева и Андропова. В 1991-м здорово ругал Крючкова. Сохранял контакты с коллегами по разведке Лазаревым, Соломатиным, Якушкиным. Но и с ними никаких обсуждений былых успехов или неудач.

Был в прекрасных отношениях с первым заместителем министра иностранных дел Корниенко и с Замятиным, который где только не работал и каких постов не занимал. Постоянно переписывался с послами Добрыниным и Трояновским. Не прерывал связи и с карьерными дипломатами-мидовцами. Особенно с американцами и «разоруженцами», с которыми работал в США.

Свою жену Антонину Геннадьевну, увы, в 1973 году скончавшуюся, боготворил.

Никогда не давил на домашних авторитетом, не кичился опытом. Советовал, рекомендовал: подумай, не торопись. Посмотри, может, будет лучше так... И лишь однажды, признается Татьяна Борисовна, настоял на своем. После школы она с подругой собралась поступать в медицинский. Но БС, как называли главу семейства домашние, убедил: только филологический, ведь была маленькая Таня с родителями в первой американской командировке, язык выучила здорово. И Татьяна Борисовна, выпускница Иняза, не пожалела, что прислушалась к совету отца. Работала переводчицей на родине и за рубежом. Преподавала на Высших курсах иностранных языков МИДа, в Дипломатической академии.

Вот что по моей просьбе написала Татьяна Борисовна о своем отце: «Честный, бескорыстный, преданный делу, которому служил верой и правдой всю свою жизнь. Трудолюбивый, идущий к выбранной им на всю жизнь цели, которая заключалась в том, чтобы увидеть свою Родину достойной, сильной, могущественной и благополучной. А еще чуткий, добрый, скромный и даже стеснительный — улыбка подчас выдавала это. Таков был Борис Семенович или просто “БС” для коллег и друзей, а для нас, четверых его детей, — самым дорогим и любимым отцом.

Можно сказать, что являл собой эталон настоящего чекиста в лучшем смысле этого понятия. Специалист своего дела, высокий профессионал, знающий специфику от “А” до “Я”, он пользовался огромным уважением коллег и друзей.

Будучи по жизни военным, он, казалось, был абсолютно штатским. Иногда и только по очень особым случаям надевал форму.

Но больше половины своих заслуг он отдавал своей супруге, отношения с которой всегда основывались на взаимном чувстве любви,

уважения и доверия. Познакомились родители в 1938 году, были ровесниками, работали в УНКВД в Вологде. Как рассказывала мама, папа сразу обратил на нее внимание, а на третий день знакомства пригласил в театр на спектакль “Розмари”, и уже больше они не расставались. Родители любили театр, музыку, искусство, литературу. Не было театра и музея, которые бы они не посетили. В доме была большая библиотека: собрания сочинений, книги современных советских и иностранных авторов, энциклопедии, словари, иллюстрированные издания по искусству, каталоги музеев мира.

Удивляло только одно: что после трудного рабочего дня папа обязательно находил возможность посидеть с книгой в руках. Запомнилось, что, прочитав “Один день Ивана Денисовича”, сказал, что книга произвела на него удручающее впечатление.

Очень любил дачу. Сажал березки, сирень, рябину, вишню, яблони».

Два ордена Ленина, множество других орденов и наград, отечественных и зарубежных, подтверждают: их обладатель прошел славный путь.

Борис Семенович Иванов скончался 19 апреля 2001 года и похоронен, как и многие его соратники по разведке, на Троекуровском кладбище. На похоронах академик Евгений Примаков, первый директор Службы внешней разведки России, назвал Бориса Семеновича «своим учителем и одним из немногих, кто олицетворял всем своим жизненным путем перипетии XX века и верность высоким идеалам».

ГЛЫБА В ФУНДАМЕНТ РАЗВЕДКИ:

ВАДИМ АЛЕКСЕЕВИЧ КИРПИЧЕНКО

Давайте по-честному: первое знакомство с Вадимом Алексеевичем Кирпиченко, которое произошло при огромном стечении народа, меня насторожило. И знаете чем? Наградными планками на генерал-лейтенантском кителе. Да, я знал, что с мая 1974-го по август 1979 года он руководил нелегальной разведкой в Первом главном управлении Комитета госбезопасности. Пост начальника Управления «С» Кирпиченко передал затем легендарному Юрию Ивановичу Дроздову, который покинул его лишь в 1991 году. А с 1979 по 1991 год Кирпиченко был первым замом ПГУ, по-теперешнему — первым заместителем директора Службы внешней разведки.

Смущало количество советских, российских и зарубежных государственных наград — 54! Наивысшая — орден Ленина. Я невольно сравнивал их с орденами и медалями хорошо знакомых мне Героев России Владимира Борисовича Барковского, Геворка Андреевича Вартапяна, Александра Семеновича Феклисова... У них официальных признаний заслуг было явно поменьше. Наводило на вечную мысль: вот, начальству — всё, а героям-полковникам... Только это слегка и корбило.

Если читаете эту главу, наверняка догадываетесь, что было дальше. Да, я познакомился с Кирпиченко, на котором хорошо сшитые, наверное на заказ, костюмы, ибо был он полноват, сидели так же влитую, как и тяжеленный от наградного металла китель.

Побаивался этой встречи с неприступным с виду большим начальником, уверенным в себе и прочно восседавшим в только для него и предназначенном кресле. Но мне объяснили, что заинтересовавшая меня тема трудна, мало изучена и ответ может дать только он. И он готов.

Выдохнул и пошел. До сих пор верю в первое впечатление: если человек сразу понравился или не понравился, то навсегда. Но к Вадиму Алексеевичу это не относится. После часа сугубо делового разговора я вышел от него и просветленным, и воодушевленным, и обогащенным знаниями. А уж чувство возникшего уважения прямо зашкаливало. О том, что рассказал тогда Кирпиченко, написано не будет. Уже одно это свидетельствует об установившейся степени доверия. Если в общих словах и вкратце, то беседовали мы о неких выкраденных документах и о том, можно ли такого поворота событий избежать в современном, нашпигованном подслушивающими устройствами и всяческими гаджетами мире. Ответ сложен и неоднозначен. Вадим Алексеевич объяснял, что самое ценное надо по-прежнему хранить в сейфе за двадцатью семью печатями. Негодовал: к нему приходят подчиненные и втолковывают, что родная российская система придумана и функционирует так, что проникнуть в нее никак нельзя, а вот в *их...* Генерал сердился. Если наши гении действительно придумали новую систему, то почему оппоненты (термин Кирпиченко. — *Н. Д.*) с не меньшей гениальностью не способны взломать нами придуманное. Ведь мы-то чужое раскусили. И от этого толкования вовсе не веяло консервативной старомодностью.

Он был очень непрост. Иногда непредсказуем. Как мне сначала увиделось, несколько подозрителен, крайне осторожен. Как-то я потерял по недоброму своему обычаю номер его мобильного. И, попросив снова, был ошарашен: «Запишите, но я его вам уже давал». Я попытался разыграть удивление, и совсем немолодой генерал показал мне записную книжку: «Вот, и число есть. Я всегда помечаю, кому и когда даю свой личный номер».

Потом мой хороший товарищ подробно рассказал мне, как президент Ельцин приехал в 1991 году в штаб-квартиру в Ясенево назначать директора Службы внешней разведки. Теперь все мы в курсе, что директором стал Примаков. Тогда, в день большого назначения, это было абсолютно непредсказуемо. Ельцин с непривычной честностью признался, что испытывает сомнения относительно академика: «Его не назовешь профессионалом разведки». А ведь создаваемая Служба, которая лично подчиняется президенту, должна работать как никогда эффективно. К тому же добрые советчики, а их у Бориса Николаевича

всегда хватало, нашептали, будто Примаков выпивает. И надо же, Ельцина, всю жизнь дружившего с бутылкой, эта ложь тоже насторожила.

Началась дискуссия, в которой заслуженные разведчики просили Бориса Николаевича назначить к ним академика Евгения Максимовича Примакова. И последним для Ельцина доводом были слова пользующегося всеобщим уважением Вадима Алексеевича Кирпиченко. Он убеждал и окончательно убедил. У Бориса Николаевича хватило сил разорвать заранее привезенный и подписанный указ с другой фамилией.

Опять-таки много позже всплыло, если не ошибаюсь, и имя того проигравшего. Он был своим, оперативником, тактиком, настоящим разведчиком. В далекие времена многие восхищались его фантастическими познаниями в тонкостях сложнейшего восточного языка. Его тоже уважали, порой побаивались, с ним пели и поднимали бокалы, иногда он читал стихи на наречиях разных народов. Когда приезжал на инспекцию из большой чужой столицы в другие города, все вытягивались в струнку и внимали ему, будто посланнику Аллаха.

Но он в отличие от Примакова не был стратегом. Примаков спас внешнюю разведку от возможного поглощения. Выдюжил, вытащил бы другой? Не знаю. Хотя вряд ли. Он был необыкновенно дисциплинирован, и последуй указание Ельцина или кого-то к Борису Николаевичу близкого отдать, укрупнить и присоединить, он бы, пожалуй, в отличие от академика, приказ скрепя сердце выполнил. Так что заключительная речь Вадима Алексеевича Кирпиченко на большом собрании была по сути своей не только верной, но и смелой. А вдруг непредсказуемый Б. Н. не прислушался бы к совету старейшин? Кирпиченко нажил бы врага прямо у себя под боком.

Тот спич «за» академика Примакова прочно вписан в длиннющий список заслуг Кирпиченко. Вадим Алексеевич был искренен. Он со студенческих лет знал Примакова. Учил его премудростям арабского языка. И до конца не научил, дав, правда, основной базис. Не стал настаивать и углубляться, поняв, что из талантливого Примакова может получиться больше чем просто хороший переводчик арабского. Нырнувших и не вынырнувших из языковых глубин много, а таких, как Примаков, — единицы, убивать все силы на изучение чего-то архисложного им — бессмысленно. Есть у них другие важные дела. Достаточно и английского, которым Евгений Максимович прекрасно пользовался во всех частных и секретных беседах с сильными мира сего и лидерами арабского Ближнего Востока.

Кирпиченко и Примаков были на «ты». Академик не стеснялся советоваться с другом. И в начале сентября 1998 года Вадим Алексеевич в присутствии двух более молодых коллег первым услышал из уст тогда уже министра иностранных дел, что он после двух дней колебаний согласился на предложение Ельцина занять пост премьера. Кирпиченко тут же отозвался жестким: «Женя, ты сошел с ума. Ты куда? Они тебя

вообще оттуда пинком под зад вытолкнут через месяц». Кирпиченко не так уж и ошибся. Отставка и раздраженное ельцинское на дорожку выстрелившее «не так сели» прозвучало через восемь месяцев. Вадим Алексеевич был мудр. Как и требовалось для разведчика.

А уж поразительное владение арабским оставалось за Кирпиченко всю жизнь. Кому только не переводил он, молодой и тоненький (было, было и такое), окончивший в 1952 году Московский институт востоковедения. А до этого прошел военную школу, которой хватило бы на два университета. В 1940-м в 18 лет пошел добровольцем в Красную армию. Некоторых, и, как уже признавался, меня грешного, смущало обилие наград. А солдатскую медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны I степени гвардеец-десантник и старший сержант Вадим Кирпиченко получил, сражаясь в Венгрии, Австрии, Чехословакии.

После института последовали поначалу обычные для разведчика вехи. Приглашение в госбезопасность. Учеба в разведывательной специальной школе. Работа в Восточном отделе внешней разведки. И быстрый, всего через год, взлет: уже в декабре 1954 года Кирпиченко назначен не просто оперативным работником, а заместителем резидента в Египет.

Это теперь из-за своих внутренних распрей, переворотов, постоянной смены курса и названий страны Египет, возможно, и перестал быть центром арабского мира. А тогда государство с исключительно завидным географическим местоположением было наиболее развитым и передовым в этой части света. За влияние в нем бились американцы, англичане и, конечно, мы тоже.

Молодые египетские военные, захватившие власть в 1952-м, могли попасть под влияние британцев или соблазниться долларовыми поощрениями из США. Но возглавлявший их офицер Гамаль Абдель Насер, свергший со своими сторонниками монархию, не очень-то любил англосаксов.

Это сейчас мы вспоминаем времена Насера как счастливое двадцатипятилетие безоблачных советско-египетских отношений. Боюсь, что так хорошо, как было при нем, уже не будет.

А в начале 1950-х все обстояло не так просто. Как это часто бывает в современной истории, некоторые темные пятна в биографиях ее героев незаметно закрашиваются. Борясь в годы Второй мировой за независимость страны, за изгнание англичан, молодой офицер Насер и его сторонники рассчитывали на помощь Гитлера. Изредка, но сообщали немцам о расположении войск Соединенного Королевства в Египте и в Африке. Ближайший сподвижник Гамалея Абделя и его будущий преемник на президентском посту Анвар Садат даже написал письмо давно покончившему жизнь самоубийством Адольфу. Сочувствовал фюреру, называл его великим, оставившим неизгладимый след в борьбе со стариком Черчиллем и — внимание! — отродьем сатаны, то есть коммунистами. Понятно, кого имел в виду друг Насера.

После Второй мировой войны в Египте не только нашли приют, но и были поставлены на высокие посты бежавшие от Нюрнбергского процесса фашисты. Некоторые для конспирации принимали ислам и брали мусульманские имена, другие под своими собственными помогали создавать египтянам боеспособную армию. Даже гитлеровский любимец, головорез Скорцени, навещался в Каир, помогая (без особого успеха) становлению будущих египетских диверсантов. Причем происходило это уже после того, когда в 1954 году Насер стал президентом.

У нас, пытавшихся перетянуть Египет на свою сторону, эти насеровские «шалости» снисходительно объясняли вековой ненавистью местных жителей, во-первых, к британским поработителям и, во-вторых, к Израилю — агрессивно строившему на близкой границе собственное государство. Вот с таким контингентом и предстояло работать разведке.

Но, чтобы найти общий язык с потомками фараонов, предстояло освоить язык их общения. Приехав в Каир, Вадим Алексеевич Кирпиченко и его жена Валерия Николаевна, тоже арабистка, первые месяцы не очень-то понимали, о чем беседуют окружающие. Это был не тот классический арабский, что преподавали и учили в Москве. Не зря же считается, что только первые 20 лет освоения этого языка даются тяжело. На упорный штурм египетского диалекта пришлось потратить года полтора, и супруги Кирпиченко, вместе пройдя этот немислимо трудный путь, заговорили как настоящие жители Каира.

А до этого выручали английский и французский, на которых с молодым дипломатом — атташе посольства Кирпиченко неплохо объяснялись многие генералы и офицеры, перенявшие языки у иностранных инструкторов. Надо было не теряя времени налаживать связи. Ибо среди военных собратьев Гамалы Абдель Насера, совершивших в 1952 году переворот и свергших монархию, удивительным образом уживались исламисты, антисемиты, коммунисты, националисты... Кипевшие политические страсти о выборе пути важнейшего тогда государства Ближнего Востока могли выплеснуться самым неожиданным образом в любую сторону. Куда пойдет Насер и высок ли его авторитет в арабском мире? Как действуют в Египте США, Великобритания, другие государства, пытающиеся удержать и даже укрепить свое влияние в стране пирамид? А может, если удастся, «подсказать» Гамалю Абделю верный путь — влево, еще левее?

Резидентура относительно быстро выяснила: Насер действительно мечтает видеть свою страну независимой. Провел частичную национализацию, земельную реформу. Будучи всего лишь полковником, приветствовал разрыв договора, дававшего Великобритании право безраздельно владеть Суэцким каналом. Насер настойчиво выпроваживал из Египта британские войска. Умело использовал неудавшееся покушение экстремистов, выпустивших в него восемь пуль в Александрии 24 октября 1954 года. Тут же жестоко разгромил

организацию «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ), несколько театрально обратившись к народу: «Соотечественники, моя кровь льется за вас и за Египет».

Отношения нового президента с западными странами не складывались. Но и с советской стороной они оставались сугубо нейтральными. Кирпиченко умело искал подступы к Насеру. Однажды на посольском приеме заметил троицу людей в штатском, но с типично воинской выправкой. Они не торопились подходить к советским дипломатам, держались особняком. И Кирпиченко, почуяв в незнакомцах военных, деликатно подошел, вручил визитную карточку, вступил в разговор, обрадовав арабов чистым произношением и уже тем самым к себе расположив: не все же говорить по-английски. Оказалось, что пожаловали в гости к русским три офицера, близко знавших президента Насера. Познакомились, нашли общий язык.

Вадим Алексеевич выделил из троих одного. Тот интересовался Советским Союзом, спрашивал о планах его руководства. И молодой атташе советского посольства с каждой новой встречей убеждался, что соратник Насера по организации «Свободные офицеры», которая и посадила Гамаля Абделя в президентское кресло, готов помогать нам, стать настоящим товарищем. Так и получилось. Тут возникли дружба, перешедшая в семейную, и исключительно доверительные отношения, которые помогли установлению добрых отношений совсем на другом уровне — межгосударственном. От этого союза двух офицеров — советского и египетского выиграли обе страны.

В мае 1956 года главный редактор газеты «Правда» (тогда это был пост заоблачный), кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Дмитрий Трофимович Шепилов, грозный и довольно бесцеремонный посланник первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева, во время визита в Египет потребовал срочно организовать ему встречу с Насером. Посольство ответило испуганным отказом: не было у дипломатов никаких выходов на главу государства. И лишь молодой атташе Вадим Кирпиченко тотчас вызвался помочь. С вечера до шести утра прождал он своего друга-офицера у его дома. Тот был ошарашен просьбой русского друга: в ближайшие два дня надо во что бы то ни стало свести большого советского начальника с Насером. К чему такая срочность? У президента время распланировано на недели вперед. Но раз Вадим настаивает, то можно и попробовать. Ответ: да, удалось президента уговорить, ждет прямо сегодня, в 9.30. И в 10 утра Шепилов выехал из посольства СССР на встречу с Насером в сопровождении специально присланного за ним президентского кортежа мотоциклистов.

Шепилов, вскоре ставший министром иностранных дел, частенько вспоминал Кирпиченко добрым словом на совещаниях в МИДе. Есть, мол, у нас такие атташе, которые делают то, что не под силу послам. Это подняло авторитет заместителя резидента Вадима Кирпиченко и среди дипломатов со Смоленской площади.

Кирпиченко добыл подтверждения возникших у Насера затруднений. Тот просит у англичан продать оружие — не соглашаются. Сначала дают, а потом отказывают в займах на сооружение гигантской Асуанской плотины, без которой Египту не выжить. От своих друзей, которых у него с каждым из пяти лет пребывания в Каире становилось все больше, Кирпиченко узнал о кабальных условиях, предлагаемых американцами: 35 процентов будущей прибыли пойдет после пуска Асуана к ним в карман.

Свято место пусто не бывает. Насеру не пришлось долго искать союзника. Им быстро и относительно неожиданно для англосаксов стал Советский Союз. Благодаря каирской резидентуре нашим было ясно, что и как предлагать египтянам. И хотя переговоры о строительстве плотины на Ниле велись по-восточному долго, строительство медленно, но стартовало в январе 1960-го, завершившись через 11 лет пуском плотины, превратившейся в символ двусторонней дружбы. Побывав там в 1997 году, я, к примеру, услышал немало добрых слов в адрес советских специалистов.

Насер действительно брал все левее. Курс не социалистический, но на него слегка походящий. Когда президент в июле 1956 года объявил о национализации Суэцкого канала, это стало неожиданностью для англичан, французов, да и для американцев. Но не для советской разведки. Поэтому вопрос с оружием решили быстрее, чем с плотиной: оно позарез требовалось Египту. Кирпиченко и его советские и каирские помощники внесли и тут свой вклад, проясняя нашим военным экономистам перед каждым этапом переговоров позицию египетской стороны.

Однажды я спросил у Вадима Алексеевича: знала ли Москва об «Операции-700»? О решении Англии, Великобритании и Израиля захватить Суэцкий канал силой? О тройственной агрессии? Генерал-лейтенант, в ту пору он уже трудился консультантом в Пресс-бюро Службы внешней разведки на Остоженке, взглянул на меня с удивлением: «Наша резидентура докладывала в Центр: война неизбежна». В Каире и в Москве изучали различные сценарии развития событий.

Благодаря друзьям разведка выяснила, что американцы в готовящийся вооруженный конфликт вмешиваться не намерены. Зато президент Эйзенхауэр обещает английскому премьеру Идену всяческую иную поддержку. Французы же поставляют Израилю такое количество оружия, что в порту Хайфы им забиты целые причалы. Самую грязную работу — воевать и убивать — взяли на себя англичане со своим мощным флотом. Делилась ли советская разведка точнейшей информацией с египетской стороной, я у Кирпиченко не спрашивал.

По его словам, «в дни тройственной агрессии резидентура внешней разведки перешла на военное положение». Выезжать в город становилось все опаснее: видя за рулем европейцев, египтяне, не поняв, кто за рулем,

могли перевернуть посольские машины. И тогда по договоренности с властями на переднем и заднем стеклах стали рисовать наши серпастые флаги.

Кирпиченко усмеялся. Иногда и это не помогало. Люди бросались наперерез, наседали, требуя оружия, самолетов, а когда началась агрессия, израильские авианалеты с бомбежками, орал: «Где ваши солдаты?»

Очень помогали связи атташе Кирпиченко с некоторыми работниками египетского МИДа. Картина происходящего вырисовывалась достаточно точно. Центр регулярно получал информацию о постоянно меняющейся обстановке. И хотя на прогнозы, сколь долго продлится весь этот кризис, никто не решался, в Москве знали: он по многим признакам не должен перерасти в глобальный. Не будет в Египте и пятой колонны. Народ еще больше сплотился вокруг своего Гамаль Абдель Насера.

СССР выступил со знаменитым «ультиматумом Булганина». В форме, близкой к категоричной, председатель Совета министров 5 ноября 1956 года потребовал прекратить агрессию. Резкость заявления была основана, как считал Вадим Алексеевич, и на аналитических выводах разведки. В декабре Франция и Великобритания ни с чем покинули Египет. Израиль сделал это в марте 1957-го.

СССР превратился в спасителя. В своей книге «Разведка: лица и личности» Кирпиченко вспоминает, как однажды благодарная толпа пронесла посольскую машину и его самого, в ней сидящего, на руках.

А Насер вдруг заговорил об арабском социализме. Сложно было разобраться, что по замыслу вождя входило в это понятие. Но арабский социализм — все равно лучше, чем арабский капитализм.

Ведение политической разведки в экстремальных условиях Суэцкого кризиса помогло Кирпиченко обрести новый опыт. Потом он пригодился ему в Афганистане.

В 1958 году Насера пригласили в СССР. Переводчиком назначили атташе Кирпиченко. Тут мы говорили с Вадимом Алексеевичем на понятном нам обоим переводческом жаргоне. Гамаль Абдель был труден в переводе. Очень часто увлекался, далеко уходил от заранее переданного Кирпиченко текста официальной речи. Не все его импровизации блестящего оратора были переводимы на русский, а если и переводимы, то нам, русским, непонятны. Иногда Насер так погружался в глубины многовековой арабской истории, что вынырнуть оттуда вместе с ним Вадиму Алексеевичу казалось невозможным. Порой все шло гладко, а случалось, что переводчику требовалось огромное самообладание, чтобы в высочайшем присутствии не сбиться, не выдать своего замешательства.

Спрашивал я Вадима Алексеевича, кого из нашей верхушки секретарей ЦК КПСС переводить было сложно, а кого полегче. Без раздумий Кирпиченко признался, что в части импровизаций Хрущев походил на Насера. Но выданное им нечто фольклорно-непереводимое

Вадим Алексеевич без опасений быть разоблаченным облакал в по-восточному витиеватое: знатоков арабского в те годы все равно нашлось бы немного. А проще остальных было с председателем Совмина Булганиным. Николай Александрович, человек исключительно дисциплинированный, говорил короткими понятными фразами, никогда не отходя от заготовленного текста. Интеллигентнейший Маршал Советского Союза в отличие от Хрущева всегда благодарил за перевод, пожимал руку, желал здоровья. А остальные партийные начальники вообще не проявляли к переговорам интереса. Отдельвались фразами «как долетели» и «как вам у нас нравится?».

Редко разведчик приближается к столь высоким в чужой государственной иерархии фигурам, как президент. Было мне страшно любопытно, догадывался ли властитель Египта и идол всей Африки, кто же такой этот симпатичный русский, так часто стоявший наготове за спиной и следящий за каждым его словом. Именно следящий...

Однажды Насер дал советскому атташе понять, что прекрасно понимает, кто на самом деле его переводчик. Сам подошел к Кирпиченко, похвалил за помощь. И, наверное, генерал-президент специально обратился к советскому атташе с многозначщей фразой: «Какая у вас отличная военная выправка. И какая дисциплина». Кирпиченко признался, что тогда он смутился. Насер его явно «разгадал».

А в 1964 году пришлось смутиться уже Насеру. Во время своего визита в Египет Хрущев объявил властелину Египта, что «указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля Гамалю Абделю Насеру присвоено звание Героя Советского Союза». Сотрудничество — сотрудничеством, но с Героем Хрущев хватил лишку. Еще не были забыты связи майора Насера с немецким вермахтом. Да и ничего уж такого героического во имя нашей страны тот не совершил. Кирпиченко уверял, что об этом египетском Герое Хрущеву припомнили на октябрьском политбюро во время освобождения от должности.

Хотя бытует и другое мнение. Никита Сергеевич хотел тем самым привязать к себе президента Насера. Казалось прямолинейному Хрущеву, что уж после таких почестей отступить египтянину будет некуда.

О близости посольства СССР и каирской резидентуры к лидеру Арабского Востока многое говорит просьба, обращенная к советским людям с хорошей выправкой службой охраны Насера. Поставлена она была никудашне. Президент мог запросто превратиться в живую мишень как для исламистских экстремистов, так и для врагов из Тель-Авива. И Кирпиченко попросили наладить охрану.

В резидентуре к этому отнеслись серьезно. Из разных источников вне Египта знали, что на Насера готовятся покушения. Агентурные сведения порой звучали угрожающе. Обо всем этом сообщалось владыке Египта. Сначала он с непонятной беспечностью информацию игнорировал.

Но наконец понял: никогда и нигде нельзя появляться одному и без охраны.

Ясно, что специалистов такого рода в посольстве не было. В Москву направили запрос: надо срочно прислать людей из «девятки». Так называлось 9-е Управление КГБ СССР, охранявшее высших должностных лиц Советского Союза. Теперь эти функции выполняет Федеральная служба охраны (ФСО).

В Каир тотчас приехали генерал и полковник из «девятки». Оба ахнули, увидев, что рассеянные и неподготовленные охранники фактически оставляют президента на произвол судьбы. Кирпиченко переводил, египтяне внимали, вскоре служба охраны более или менее отвечала поставленным перед ней задачам.

Насер умер в 1970 году. Построить социализм в отдельно взятой арабской стране не получилось и не могло получиться. А хорошие отношения сохранялись с Египтом до кончины Насера. Провожали своего идола в последний путь пять миллионов соотечественников.

У советской партийной верхушки сомнений не было: пришедший к власти друг и соратник Насера Анвар Садат, вместе с которым они и совершили в 1952 году переворот, продолжит ту же политическую линию. Кирпиченко, теперь уже резидент, находился в Египте во второй своей командировке. С партийной точкой зрения он был совершенно не согласен. Источники разведки доносили совсем об ином. В узком кругу, куда имели доступ и наши египетские друзья, Анвар Садат отзывался об СССР совсем не лестно. Конечно, больше не называл Советский Союз, как в послевоенные годы, отродьем сатаны, однако никаких симпатий к нему не питал.

Резидент Кирпиченко регулярно информировал об этом Москву, ссылаясь на проверенные источники из президентского окружения, а Центр информировал высшее политическое руководство. Там в то, о чем не хотелось и слышать, не верили: Анвар Садат — верный друг, информацию перепроверить, не позволять врагам рассорить СССР с Египтом.

Однако Кирпиченко продолжал свою твердую линию. Шифровки дышали тревогой. Египет готовит войну с Израилем. Новый президент не только налаживает отношения с США. Несмотря на публичные признания в незыблемости насеровского курса, он собирается полностью отказаться от политики сотрудничества с Советским Союзом. Садат вовсе не тот человек, каким видится из далекой Москвы. Это не бесребреник Насер, оставивший после себя наследство в 600 египетских фунтов. Садат купается в роскоши. Падок на подачки, щедро подбрасываемые американцами.

Резидент в Каире Вадим Кирпиченко чувствовал недовольство кремлевской верхушки. Лишь ухудшение двусторонних отношений доказало правоту — его и надежных источников.

Успешная работа в Египте завершилась в 1974 году. Тогда же Вадим Кирпиченко становится руководителем управления «С» — нелегальной разведки и заместителем начальника Первого главного управления.

Я спросил Вадима Алексеевича, помнит ли он, какие чувства испытывал, узнав 6 октября 1981 года об убийстве Мухаммеда Анвара ас-Садата на военном параде. Ведь расстреляли его бывшие соратники — египетские офицеры. Кирпиченко протер очки с мощными линзами. Задумался. Сказал, как вынес приговор: «Он сам долго шел к этому».

Он хорошо, хоть и несколько суховато, зато точно, писал. Его громадный опыт, глубочайшие знания, выпестованная мидовским прикрытием дипломатичность помогли СВР издать шеститомную монографию «Очерки истории российской внешней разведки». Кому, как не ему, было справиться с труднейшим заданием раскрыть не только своим, но и миру неведанное, не выдав при этом секретов. Показать героев. Штрихами наметив, но не обрисовав их подвиги. Главный редактор и главный авторитет разведки годами работал вместе с коллегами над этими шестью книгами, давшими читателю не профессионалу почти полное представление о разведчиками совершенном.

По мере нескорой публикации многолетнего и многотомного, книга за книгой, труда в списке составителей и авторов появлялось все больше траурных рамок. Люди уходили. Но успев рассказать о своих предшественниках и современниках. Числю Вадима Алексеевича Кирпиченко коллегой по перу. Не зря в 2000 году он награжден литературной премией Службы внешней разведки.

К Вадиму Алексеевичу испытываю и сугубо личные добрые чувства. В одной из его глав об Афганистане упомянут и друг нашей семьи, сосед по даче Владимир Александрович Чучукин. Мы звали его Володей, не особенно интересуясь дипломатической деятельностью сотрудника вроде бы МИДа, выезжавшего в долгосрочные командировки в США и другие страны.

Я понимал, что Володя, Владимир Александрович, не только дипломат. Однажды году в 1993-м или 1994-м он пришел к нам в генеральском мундире. Все стало ясно.

Его судьба сложилась непросто. Сначала первая удачная командировка в Штаты. Затем вторая, из которой он быстро вернулся. Выдали руководители компартии США братья Чайлдс, высоко ценившиеся в ЦК КПСС и работавшие на ФБР. Возвращение, невозможность продолжить оперативную работу на американском направлении. Назначение заместителем представителя группы КГБ (она везде называется по-разному) в Афганистане. Снова сложное возвращение, работа советником у Крючкова. И незаслуженная опала из-за связавшегося с ГКЧП начальника.

А Вадим Алексеевич вспомнил, не побоялся, посвятил Володе несколько строк. После штурма дворца Амина Владимир Чучукин

пропал. Трудно было предположить, как поведет себя ХАД — секретная служба молодого Афганистана, подчиненная Амину. А ею и занимался Чучукин. Вдруг убит, замучен. И Кирпиченко волновался, а потом был несказанно счастлив, увидев Владимира. Тот сидел вместе с хадовцами, спокойно беседуя с ними за чашкой чаю. Опасения за судьбу генерала оказались напрасными. Как и опасения, что ХАД может подвести наших. Умный, дальновидный, располагающий к себе Владимир Александрович Чучукин умел находить общий язык со всеми. Нашел и с непредсказуемыми афганцами, которых в день штурма дворца умело вывел из игры, казалось, лишь попивая с ними чаек.

Бедный Володя. Выйдя в отставку, генерал-майор внезапно скончался, поливая цветы в своем саду.

Не ругайте за отступление. Вся разведка состоит из множества таких клубков, которые предстоит распутать. Вадим Алексеевич Кирпиченко, скончавшийся в 2005 году, частично успел это сделать.

«А ПИВКА ТАК И НЕ ПОПИЛИ»:

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ НАЛИВАЙКО

Ценой собственной карьеры разведчик Борис Наливайко сорвал операцию ЦРУ в Вене, а потом участвовал в обмене полковника Абея на летчика Пауэрса в Берлине.

1950-е годы, разгар холодной войны. На территориях западных стран запущена операция «Редкап». Да что там операция, целая международная программа, разработанная ЦРУ. Главная задача: «стимулировать дезертирство» советских граждан — и всех поголовно. Старались вербовать людей, работавших за границей, помогать им «дезертировать на месте» и использовать как завербованных агентов. Если же на вербовку не шли, то склоняли не возвращаться на родину, помогали бежать на Запад. Чем больше невозвращенцев и громче скандал, тем лучше.

Операция «Редкап» развивалась вяло. Иногда удавалось склонить к предательству младших чинов Советской армии, служивших за границей. Их вербовка, вскоре это поняли и американцы, была практически бесполезной. Они мало что знали — откуда? Да и попадал в руки американцев потрепанный контингент весьма низкого качества: бежали в основном растратчики, пьяницы, нарушители дисциплины. Требовалось нечто более значительное, что привлекло бы внимание.

Вербовка в лоб

Под «программу» попал и советский разведчик Борис Наливайко. Знали ли американцы, кого пытались завербовать?

Судьба Бори складывалась поначалу безоблачно. Отец — инженер на Николаевском металлургическом заводе. Потом стал начальником мартеновского цеха. Его в 1930-е отправили в командировку в Италию — удача и доверие по тем временам редкие. А обернулось, как случилось

почти всегда в то тяжелое время, обвинением в шпионаже, арестом. Яков Наливайко держался стойко: ни в чем не признавался — не в чем было, протоколов допросов не подписывал. Дело тянулось долго и так и не было закрыто. К счастью, арестовали Якова Наливайко, когда волна репрессий уже угасала. И невинного отпустили.

Борис окончил семилетку, отучился в судомеханическом техникуме. Поступил в Николаевский кораблестроительный институт. После ареста отца студента Бориса Наливайко по всем параметрам должны были исключить из комсомола, а заодно, объявив сыном врага народа, из института. Не исключили: проявили определенную твердость сокурсники и преподаватели.

Но когда отец вышел на свободу, решили из Николаева уехать: оклеветал Якова Наливайко человек из ближнего круга, с ним на заводе работавший. Остаться в городе было противно, да и жена рассказала Якову, что в тяжелую пору некоторые их знакомые, завидев ее, переходили на другую сторону улицы. Переехали в Ленинград.

Борис Наливайко перевелся в Ленинградский кораблестроительный. Учился и строил метро, спускаясь на глубину 70 метров. Но пустить в городе метро перед войной не удалось.

22 июня грянуло, и только-только окончивший 4-й курс Борис Наливайко сразу же пошел на фронт добровольцем. В первые недели строил зенитные сооружения. Но вскоре, разобравшись, что без пяти минут инженера можно использовать с большей пользой, его перевели в отдельный артиллерийско-пулеметный батальон командиром орудия. Однополчане замечали: до чего везучий, ничего его не берет. Схватывался врукопашную с немцами в своих и чужих окопах. Мчался под огнем фашистов в соседнюю часть за снарядами — как же их не хватало, да и пушки были старые, свое отслужившие. Отступали с боями, вымотались, и вконец уставший Борис хотел было присесть на лафет орудия, которое тянул допотопный грузовичок. Тут какой-то наглец столкнул его, и попал Боря в глубокую канаву у обочины. Головы поднять не успел, как раздался взрыв: это прямым попаданием разнесло и грузовик, и орудие, и парня, его столкнувшего и жизнь ему спасшего. Вот так воевали в 1941 году на Пулковских высотах.

Дали выжившим съездить на день в Ленинград, благо, а точнее совсем не благо, рядом. Они не узнали города — оцетинившегося, затаившегося, уже голодного.

Откуда знаю подробности? От Светланы Борисовны, дочери Наливайко, рассказавшей: в октябре 1941 года отлетел от папы его ангел-хранитель. Прямое попадание в блиндаж, их с однополчанином засыпало землей. Откопали: тот без ног, а у отца тяжелейшая контузия. Полная потеря памяти, документы пропали, единственное, что при себе, так это почему-то записная телефонная книжка. В ней какие-то имена-фамилии, и позвонили из госпиталя по телефону, который был не в алфавите, а отдельно записан на корочке. Оказалось — это номер телефона друзей

семьи. И как раз в тот момент заглянула к ним мама Бориса, подошла к телефону. Сына Борю спасли, выходили.

И спросил я тогда Светлану Борисовну: разве не считает она, что в критические, решающие моменты жизни ее отцу страшно везло? Серьезная, рассудительная дочь после секундного раздумья ответила: — Если разобраться, то да.

После ранения — демобилизация, работа на авиазаводе и неожиданное, еще в разгар войны, в 1942-м, приглашение в разведку. После окончания специальной школы его ждал Берлин, а затем перевод в Вену. Там Борис Наливайко работал под прикрытием консула. Фамилию ему дали, как тогда было принято, короткую и легкую — Нечаев.

Он виделся американцам исключительно перспективным объектом для вербовки. В Берлине, встречаясь с союзниками и немцами, без обиняков намекал, что скопил крупную сумму денег, но не знает, куда бы лучше, с большей выгодой вложить свои то ли 80 тысяч марок, а может, даже и долларов. Щеголял знанием цен на любые ходовые на Западе товары и всегда объяснял американцам, как выгодно продавать их дома, в Москве. Производил — и намеренно — впечатление человека, который не прочь заработать, хотя в деньгах не нуждается. И американцы клюнули.

Сейчас, когда Бориса Яковлевича уже нет с нами, о том самом эпизоде венской вербовки вспоминает его дочь Светлана Борисовна. Была совсем маленькой, но не врезаться в память это не могло. Да и более поздние рассказы отца с матерью тоже не забыла:

— Мы с мамой шли по венской улице, когда рядом остановилась машина. Маму зовут Янина — у нее польские корни, отсюда и необычное имя.

А из автомобиля вышел папин знакомый Грей. Он — журналист, американец, женатый на украинке. Потом они уехали в Штаты. Вероятно, Грей работал на американскую разведку. Встречались они с отцом еще в Берлине, и теперь знаю, что был у них для этого взаимный интерес. И у того, и у другого цели одинаковы: привлечь, завербовать. Но советская разведка выяснила, что не годится цэрэушник для вербовки. И потихоньку, еще в Берлине, пути их разошлись.

А тут Грей на ходу выпалил, что он сюда на несколько дней в командировку, и с мамой хочет поговорить его друг — мистер Мэннинг. Тот выскочил из авто и сразу, надо сказать, ошеломил маму, чуть не выкрикнув на хорошем русском: «Борису Яковлевичу угрожает опасность, передайте ему этот пакет».

Мама, настоящая жена чекиста, быстро пришла в себя. Поняла, что передача конверта как раз и была рассчитана на внезапность. Возьми она пакет, и ее сразу сфотографируют с непонятным свертком в руках. И отрезала: «Борис Яковлевич — лицо официальное, советский консул, вот и передавайте ему всё через консульство».

Быстро меня подхватила и потащила в прачечную. Долго рылась в сумочке, делала вид, будто искала квитанцию. Конечно, не нашла, но все время смотрела, уехала ли машина. Даже я уразумела, что тут что-то неладно. Детские ощущения не подводят. Со мной обычно так сурово не обращались. Вышли, и опять к нам этот Мэннинг со своим пакетом: «Вы хоть поинтересуйтесь, что здесь». Развернул популярную венскую газету, а в ней на первой странице готовая к печати статья с заголовком: «Русский консул — шпион» и фотография отца с двумя австрийцами. Один — папин агент, второго человека мать не знала. Мама опять меня за руку и в ближайшую булочную. Пакет, конечно, не взяла.

Пришли домой и сразу звонок отцу. Родители знали, что нас прослушивают, но была в квартире кухонька с окнами на двор, и оттуда австрийская техника не брала, говорить было можно. Мама попросила отца поскорее возвращаться: «Света заболела». Моментально приехавший отец увидел меня никакую не больную, а к нему бегущую, понял: что-то случилось. Мама ему в кухоньке все в подробностях рассказала.

Знаете, есть в любой профессии люди, которые не боятся брать на себя серьезную ответственность. Вот таким человеком и был только месяца за полтора в Вену приехавший папин начальник Федор Григорьевич Шубников. До этого он провел несколько лет в местах, как раньше говорили, не столь отдаленных. Он лишь полтора года назад вышел из тюрьмы: обвинили в том, что не разрабатывал как надо обвиняемых по «делу врачей». Его оправдали, сняли нелепые обвинения, которые незадолго до этого предъявляли многим честным чекистам, и сразу — за границу. Другой бы, может, испугался: у самого только закончились такие сложности. А тут его подчиненный по резидентуре попал в положение непростое. Вдруг засветится и других засветит. Ну-ка от греха подальше отправим мы его в Москву. Да и вся ситуация вызывала тревогу: американцы затеяли операцию как раз накануне подписания договора о восстановлении независимости Австрии. А вот вам русский консул со своими агентами и его вербовка. Скандал мог подняться невероятный.

Но у Шубникова, рассказывал отец, аж глаза заблестели: резидент был настоящим разведчиком. Стали они с отцом думать, что нужно делать, чтобы обезопасить своих сотрудников от таких подлых подходов. Решили для начала выцарапать документы. И подумали, что чисто психологически Грей должен бы позвонить, извиниться: якобы не ожидал от друга Мэннинга ничего подобного. У них с папой давние связи, даже жены знакомы, а тут получилось некрасиво.

Грей действительно позвонил, и Шубников тут же дал разрешение на встречу. Отец поставил свои условия «другу»: встречаемся в парке и без всяких Мэннингов, ты и я. Никакого пакета с газетой при Грее не было. Но венскую резидентуру интересовало и другое. Недавно из посольства СССР в Австрии сбежал майор Петр Дерябин из группы

контрразведки. Грей поклялся, что о судьбе Дерябина ничего не знает, зато рассказать об этом может его хороший знакомый Мэннинг. Да и пакет со скандальной статьей тоже у него. Отец убедил Грея, что если уж они задумали передать статью, то лучше всего сделать это в консульстве. Грей заупрямился, видно, не было у него на это разрешения от американцев.

Но нужно было действовать, продвигаться дальше. И отец согласился на встречу с Мэннингом, поставив условие: тот должен представить бумагу, официально подтверждающую его полномочия. Удастся заполучить, и документ превратится в вещественное доказательство — советского консула пытались завербовать.

Встреча состоялась не где-нибудь, а в популярном венском кафе «Гартенбау», где по субботам собиралось немало народу. Среди них и двое помощников отца. Мускулистый сотрудник нашего посольства устроился в глубине зала, а переводчица — около выхода.

Грей с Мэннингом уже ждали. Отец сел за их столик, и Мэннинг сразу заказал пива. Светский разговор пошел вроде бы ни о чем. Потом Мэннинг попытался втолковать папе, какая распрекрасная жизнь ждет его и семью, если попросит убежища в США. И тут настало время потребовать у нового знакомого тот самый документ с подтверждением полномочий. Американец вытащил его из внутреннего кармана пиджака и, не выпуская из рук, показал. Папа изобразил озлобление: он пришел на важнейшую встречу, а ему не доверяют. Точка, беседа закончена. Мэннинг сдался, протянул бумагу¹: Госдеп США разрешал Борису Наливайко, его жене Янине и дочери Светлане въезд и проживание в США. Этот документ надо было сохранить во что бы то ни стало.

Грей и Мэннинг напряглись, следили за каждым папиным движением. Отец поднес к губам кружку и вдруг выплеснул пиво в лицо Грею. Быстро поставил пустую кружку и, одной рукой засовывая госдеповскую бумагу в карман, другой залепил пощечину Мэннингу. Тот рванулся было за бумагой, но вовремя подоспел здоровяк из посольства. А отец на все кафе закричал на немецком, что против него, консула СССР, американцы затеяли мерзкую провокацию и предлагают тайно выехать в Соединенные Штаты. Переводчица тоже не теряла времени даром. Позвонила в комендатуру, где попеременно дежурили то наши, то союзники. Надо ли говорить, что время было рассчитано именно так, что в тот самый час на дежурной машине приехали, как и должно было быть, наши во главе с офицером. Сразу повезли ошеломленных американцев в межсоюзническую комендатуру. Так что пивка попить так и не удалось.

Да еще и посольский силач, страховавший отца, передал ему пакет, который Мэннинг пытался спрятать где-то в кафе после скандала. Ему дали это сделать, а в пакете оказался тот самый экземпляр венской газеты со статьей о русском шпионе. Потом в резидентуре выяснили: фальшивка.

Верховный комиссар Советского Союза в Австрии обратился с нотой протеста к своему американскому коллеге: как смели затеять провокацию против нашего дипломата. Вся пресса обрушилась с критикой на американцев, а не на переигравших их русских. Американцы отозвали Мэннинга и Грея. Но главное, решили, что проводить операцию «Редкап» рискованно: доказательства вербовки — в руках у русских. Можно нарваться на неприятность и повторение скандала.

На мосту Глинике все было не так

Вот вам рассказ дочери. Мне казалось, что после такого, не побоюсь сказать, подвига карьера Бориса Яковлевича Наливайко должна резко пойти вверх. Но нет. Еще за год до этого из посольства СССР в Австрии исчез майор разведки Дерябин. Он выдал американцам многих. А после инцидента в венском кафе предатель громко заговорил и о Наливайко. В капиталистические страны Наливайко ездить уже не мог.

Одно время работал в ГДР, участвовал в легендарном обмене полковника Рудольфа Абеля, неплохо знакомого ему под настоящим именем Вилли Фишер, на американского летчика Гарри Пауэрса. Версия обмена, изложенная в официальной записке полковника Наливайко, не совпадает с общепринятой. Мне, написавшему несколько книг о полковнике Абеле, она показалась исключительно любопытной.

Итак, в 8 утра 10 февраля 1962 года по разные стороны стометрового моста Глинике, посередине которого пролежала граница между ГДР и Западным Берлином, собрались те, кому был доверен обмен.

Еще за день до того наши заметили непривычную для этого места картинку. Откуда ни возьмись появились внизу у моста со стороны Западного Берлина множество любителей рыбной ловли, пытавшихся выудить давно уплывшую отсюда рыбешку. И в ответ на это со стороны Берлина Восточного поблизости от Глинике появился фургон. Американцы даже засекли, что как раз в нем постоянно работает радиостанция. Они, наверное, удивились бы, узнав, что в этом же длиннущем крытом грузовике без особого комфорта расположился взвод гэдээровских пограничников с автоматами. Так, на всякий случай. К счастью, он не наступил.

Обе стороны заранее договорились: никаких фотокамер и корреспондентов. Приехали три наших черных автомобиля и машина с рацией. И в отличие от сцен, что мы видели в фильме «Мертвый сезон», никакие авто резких разворотов не совершали. Как и принято у разведчиков всех стран, они расположились так, чтобы в любую минуту можно было покинуть опасное место. Капотом вперед.

Главным из тех, кто должен опознать Абеля, был хорошо его знавший Николай Сергеевич Корзников. Боялись, вдруг привезут не того. Раннее утро, до восхода еще далеко, но, слава богу, Корзников рассмотрел своего товарища, стоявшего в окружении американцев: «Точно он».

И это тут же подтвердил еще один советский участник обмена. И так, визуальное опознание состоялось.

Однако ни с какими обменами не торопились. Переговоры шли непросто. Советская сторона поначалу предлагала отдать за полковника Абеля энное количество нацистов, офицеров фашистского вермахта, еще отбывавших сроки за совершенные в войну преступления. Американцы не согласились. Не нужны им были постаревшие и сточившие в советских лагерях зубы наци.

Американцы помимо Пауэрса ждали появления на совсем другом контрольно-пропускном пункте на Фридрихштрассе Западного Берлина другого человека. Своего шпиона Фредерика Прайора, арестованного в Восточном Берлине, которого наши отдавали, по договоренности, в придачу за Абеля вместе с еще одним шпионом — Марвином Макиненем, отбывавшим срок в Киеве. Тому в СССР за действия, сочтенные судом противозаконными, дали восемь лет и передавали его американцам не в Берлине, а в Советском Союзе.

А с моста Глинике позвонили на КПП на Фридрихштрассе. Да, для обмена привезли точно Абеля, Прайора можно отдавать. Что и было сделано. Американцы передали подтверждение своим на мост Глинике: Прайор уже у нас. Только тогда все началось.

На разных концах моста появились по три человека. На нашей стороне: в центре Пауэрс, слева полковник Шевченко, справа Николай Корзников. А Пауэрс узнал стоявшего вдалеке своего друга-американца.

Опять вернемся к «Мертвому сезону» и тем воспоминаниям, которые приведены в книгах. Абель рассказывал дочерям, родной Эвелине и приемной Лидушке, что и не думал всматриваться в лицо Пауэрса. Шел, глядя под ноги. В фильме эта сцена показана иначе. Двое на мосту остановились, вглядываясь друг другу в глаза и словно обмениваясь беззвучными репликами. В воспоминаниях дочерей утверждается: такого не было.

А вот Борис Яковлевич пишет: точно было. Вильям Генрихович Фишер остановился, глядя на Пауэрса, а тот застыл, всматриваясь в русского полковника. Это продолжалось несколько секунд. Затем двинулись в разные стороны. Но и тут оглянулись, провожая друг друга взглядами. Кто же прав? Сказать не берусь. А дальше было как по заведенному.

Абеля в конце моста ждали двое. К нему подошли Борис Наливайко и его коллега по службе. Они подхватили Абеля под руки, быстро посадили в машину с уже заведенным мотором и рванули в направлении Карлсхорста. Наливайко сразу заметил и болезненную худобу Вилли Генриховича, и его арестантскую одежду не по сезону. Февраль, а он в каком-то синем тюремном халате. Явный контраст с прибавившим в весе за время недолгой отсидки во Владимирском центре Пауэрсе. Тот был в костюме, на голове — русская шапка-ушанка.

Зато полковник Абель, он же Вильям Фишер, излучал радость. Отношения между семьями Наливайко и Абеля—Фишера всегда были хорошими. После обмена часто встречались.

А я знал Мэннинга

В 2004 году я познакомился с тем самым Мэннингом. Настоящая его фамилия — Мерфи, в 1955-м начальник станции американской разведки в Западном Берлине, или, по-нашему, резидент, а потом и руководитель советского отдела ЦРУ. Дэвид не произвел на меня впечатления человека уверенного в себе, задиристого.

Может быть, сыграли свою обычную роль годы, ко всем нам безжалостные. Был худ, слегка сгорблен, прижат к земле. В Москву приехал на презентацию своей книги, написанной в соавторстве с бывшим директором радио «Свобода» Джорджем Бейли и генералом нашей разведки Сергеем Александровичем Кондрашовым. Название точно подходило и к рассказанному о Наливайко: «Поле битвы — Берлин. ЦРУ против КГБ в “холодной войне”».

Мерфи охотно беседовал с Кондрашовым, с которым общался еще в те «холодные» годы. Я обратился к генерал-лейтенанту: нельзя ли познакомить меня с Мерфи? Вот судьба: Кондрашов был на суде народов в Нюрнберге. Мой отец, рассказывая о процессе, часто вспоминал молоденького переводчика, всегда охотно переводившего беседы советских журналистов. Вряд ли отец знал, что симпатичный паренек — лейтенант госбезопасности.

Однажды генерал сам подошел ко мне, пожал руку, представился и сказал: «Копия отец. Генетика взяла свое». Было приятно. Завязались теплые отношения. И, может быть, поэтому Кондрашов не отказал. Попросил Мерфи уделить мне какое-то время, усадил нас вдвоем в одну из свободных комнат Пресс-бюро СВР.

Разговор с Мерфи получился комплиментарным. Тот, по-моему, искренне восхищался советскими разведчиками, работавшими в Берлине в его времена. А когда я спросил его, в чем советская разведка переиграла их, американскую, Мерфи, не раздумывая, выпалил: «Конечно, в операции “Берлинский тоннель”! Мы и не предполагали, что ваш агент, английский разведчик Джордж Блейк, сообщил Москве о наших планах. Тоннель только рыли, а вы, русские, уже знали, что мы собираемся подключиться к советскому кабелю. Мы подключились, но до сих пор не знаю и уже никогда не узнаю, сколько переданного вами было правдой, а сколько — дезинформацией. Но и мы вычислили Блейка. Считаю ту операцию выдающейся, а работу советской разведки превосходной. Но бывало, и мы вас переигрывали».

На прощание Мерфи неразборчивым почерком подписал свою книгу, не забыв спросить мою фамилию. Говорили мы только по-английски. Попытался Мерфи перейти на русский и сбился, запутался, сразу вновь перескочил на английский. А ведь Борис Яковлевич Наливайко,

общавшийся с Мерфи, известным ему под именем Мэннинга, не раз повторял, что тот хорошо освоил русский.

Да, все забывается. Только вот подвигов наших отцов забывать нельзя. Потому и вспомнился десятилетия спустя наш разведчик полковник Борис Яковлевич Наливайко, который пожертвовал своей карьерой, чтобы сорвать операцию американцев «Редкап». Операцию надо было провести именно с шумовыми эффектами. Так требовала обстановка. Правда была на нашей стороне. И скандал должен был получиться нарочито громким. Все сочувствовали русским: до чего же обнаглели американцы.

Но те, уползая из Вены, напоследок подкинули гадость: опубликовали показания перебежчика Петра Дерябина, который работал в Австрии. Среди преданных им коллег-разведчиков был и Борис Наливайко. И из Вены пришлось уехать.

А в тот свой приезд в Москву Мэннинг-Мерфи встретился с Наливайко. Поговорили, вспомнили, и Мерфи подписал ему книгу на память, в скобках добавив: «Только без пива».

После Австрии Борис Яковлевич работал в Чехословакии, в Берлине. Его огромный опыт пригодился в 1968 году во время так называемой Пражской весны. Еще раз повторю: выезд в западные страны после громкого скандала в венском кафе был для него закрыт.

Неизбежна пенсия, а не забвение

Светлана Борисовна вспоминала:

— Когда в молодости решила спросить, правда ли то, о чем поведали подруги, отец нахмурился: «Ты уже взрослая, должна понимать, что я работаю в МИДе. Ты знакома с дядей Толей Ковалевым (после войны они вместе работали в Германии. — *Н. Д.*). Он заместитель министра иностранных дел, и я тоже там работаю.

Дочь деликатно промолчала. Может, и должна она была знать, кем трудится отец, но хранить это надо было тихо, держать при себе, а не обсуждать с подружками — даже близкими.

О чисто житейском, не о разведке, Светлана Борисовна говорила с естественным знанием дела. Отец отличался необычайной пунктуальностью. Опоздать куда-то, прийти просто в гости на минуту позже было не в его строгих правилах. Порядок в доме всегда образцовый. Аккуратность во всем — не только в одежде.

Когда уже взрослой ездила в гости к отцу и маме, работавшим за границей, всегда возвращалась с сумкой, полной дефицитных тогда лекарств. И еще долго раздавала их знакомым и не очень знакомым, обращавшимся к Борису Яковлевичу с просьбой найти, купить, прислать. И он, внимательно относившийся ко всем, не только к коллегам, никому не отказывал. А Светлана еще долго раздавала эти ценные посылки.

Был Борис Яковлевич фантазером. Любил компании. В Новый год специально перед большим сбором выпускал стенную газету. Вырезал

фигурки разных человечков и приклеивал фото гостей с соответствующими подписями.

Все подружки Светланы по биофаку МГУ были влюблены в ее отца. Возможно, и потому, что тут была настоящая семья, а семейная жизнь их родителей сложилась не так счастливо. Все девчонки хотели бы иметь такого отца.

Любил животных. Это благодаря ему дочь и пошла в биологи. Родители Бориса Наливайко жили в Евпатории. И они с дочкой, навещаясь туда, любили на долгие часы уходить в степь. Там стрекотание, запах земли и теплой травы. Ловили ящериц. И однажды у Светланы получилась пара — самец с самочкой. Держали их в трехлитровой банке, кормили мухами, и у ящериц появились яйца. Еще они с отцом ловили в море раков-отшельников. А когда, накупавшись, загорали, отец лепил из песка разные фигурки — очень хорошо получалось.

Выйдя в отставку, Борис Яковлевич погрустил, как это принято у мужчин. Но в отличие от многих быстро вышел из подавленного состояния. Он был членом множества обществ, ассоциаций. Наставлял молодых последователей. Рассказывал на больших сборах то, о чем можно было рассказать. А что недорассказал, попытались сделать мы со Светланой Борисовной в этой главе.

Борис Яковлевич Наливайко ушел в 2008 году. В 2018 году скромно, однако все же отмечалось его столетие.

Не знаю, жив ли Мерфи. Но уверен в другом: противостояние разведок по-прежнему продолжается.

КУКА НАДО БЫЛО БРАТЬ ЖИВЫМ:

ГЕОРГИЙ ЗАХАРОВИЧ САННИКОВ

Полковник разведки в отставке Георгий Захарович Санников родился в 1929 году. Начиная, во что нелегко поверить, еще в 1944 году курсантом Киевской спецшколы ВВС. После окончания юридического факультета Киевского университета в 1952 году начал службу в госбезопасности Украины. На профессиональном языке — «немец», ибо дважды и с большой пользой для внешнеполитической разведки отправлялся в длительные командировки в Германию.

А в послевоенные годы молодой лейтенант Санников боролся с бандеровцами. И с оружием в руках, и словом, и сугубо агентурными методами. Когда гонялся за бандитами, пришлось молодому офицеру оседлать совсем не лихую партизанскую кобылку по кличке Линда, на которой отправлялись в развед рейды еще бойцы легендарного отряда Дмитрия Медведева, сражавшиеся под Ровно, начиная с 1942 года. Участвовал Георгий Санников в операциях, которые быстро, иногда чуть не на ходу, разрабатывал полковник Сергей Стехов. Тот самый комиссар и начальник разведки медведевского отряда, соратник и боевой товарищ легендарного разведчика Николая Кузнецова. Санников участвовал в

оперативных радиоиграх, стремясь проникнуть в зарубежные центры ООН. Георгий Захарович Санников соединяет геройское военное партизанское прошлое с героическими, мало нам по разным причинам известными событиями 1950-х, когда борьба с бандеровскими недобитками продолжалась. Та битва была тихой, о ней мало писали газеты. Но для обеих сторон кровопролитной.

По-моему, знания уважаемого ветерана Службы весьма востребованы и сейчас.

Полковник оценивает сегодняшнюю ситуацию на Украине как крайне тревожную. Нынешние ультра многое унаследовали у Бандеры с Шухевичем. И прежде всего жестокость, стремление идти до самого конца. Они вражьи — настоящее, серьезное, трудно истребимое и очень заразное.

— *Георгий Захарович, и все-таки, почему такая жуткая вспышка ультрационализма? Ведь казалось, что разногласия — непримиримы, но с течением лет вошли в более спокойное русло.*

— Векторы изменились. Прошел кажущийся период некоего примирения, а сосуществования. Но спор вечен. Это даже не спор, а битва двух несовместимых лагерей. Сегодня противостояние, и если бы только идеологическое. Даже жестче.

Ведь в постсоветскую эпоху спецслужбы знали, что в Карпатах, в Предкарпатье, во Львовской области появились секретные лагеря. Там готовились те, что пришли на смену ООН. Началось — еще при Ющенко, после первого майдана. Дали из маленького зародыша вырасти мускулисту нацистскому зверю.

— *Но откуда деньги? И кто их давал? Не Ющенко же. Украина и в то время жила небогато, а подготовка боевиков обходится дорого. Американцы?*

— Кто ж еще? Это моя версия, моя концепция и моя глубокая убежденность. Они и сразу после войны помогали ООН. Чудес не бывает: американцы знамениты тем, что последовательно ведут свою политику. Не меняют стиль. У них все запрограммировано. Когда кто-то пытается их поприжать, ничего не изменят. Но по плечу похлопают: все будет о'кей. И гнут свою линию дальше. Вот такой о'кей.

Я хорошо знаю Украину. В 1944 году туда приехал и до 1956-го участвовал в ликвидации остатков банд оуновского подполья. А в 1956-м послали «учиться на шпиона». И как не хотел, даже отказывался. Зачем мне это? О разведке имел представление наисмутнейшее. На Украине-то — все родное, знакомое. Там понимал даже то, что пониманию не поддается. Представьте начало 1950-х. На хуторе конспиративная хата, где у старика-хозяина четыре сына. Двое погибли в банде в УПА, а двое — под Берлином, кавалеры орденов Славы и Красной Звезды. И этих двух ребят призвали, когда Красная армия освобождала Украину. Оба, ясно и понятно, тоже были связаны с бандеровцами. Но увидели молодые парни нашу армейскую мощь и честно воевали, чтобы

за ошибки расплатиться. Одна большая семья, а какие разные воззрения. Одна мать родила их. Одним молоком вскормила. А сыновья пошли в разные стороны.

Я — свидетель удивительных судеб имевших ко мне отношение людей. Оккупированная Украина. Партизанское подполье, по заданию которого молодой парень работает конюхом в немецкой жандармерии. Потом он — боец Красной армии и наказывает молодой жене: «Если родится дочь, назови Светланой, а если сын — то Иосифом». Чувствовал, что погибнет. И погиб. А его девочка, которая была рождена Светланой, закончила московский Иняз, стала потом советским нелегалом. Она — «немка», и я принимал участие в ее подготовке. Роскошно работала. И сейчас, в 20-е годы XXI столетия жива-здоровая.

— *Георгий Захарович, а как вам было после войны сражаться в бандитском окружении? Ведь вы наверняка кого-то пытались вразумить, кого-то вербовали.*

— Без этого нельзя. Не скажу, что была завербована вся Западная Украина, но многие ее жители нам помогали, как те две очень красивые молодые девчонки, мои тогдашние ровесницы. Их отца повесили оуновцы, мать умерла. И пришедшего с войны соседа, который воевал в Красной армии, тоже повесили. Они за отца, за соседа этого мстили. Но попросили мы их помочь выйти на бандита, назовем его Игорем, и они его нам не отдали.

— *Непонятно почему?*

— Игорь молодой был, за отца они — мстили, а Игорь с ними обеими жил. Приятные, преданные, достаточно по тем временам образованные девчонки. И какая судьба? Мужиков нет. Колхоз не отпускает, и куда ехать без паспорта? Вот так и жили... Денег у нас не брали: ни у кого в округе и близко этих бумажек нет. А покажут, и все понятно. За помощь мы снабжали их консервами. И девчонки эту ценность закапывали на огороде. Но работали с нами честно. Не считая случая с Игорем. Долго мы гонялись за его бандой на Западной Украине. И взяли.

Или был я знаком со вторым секретарем обкома комсомола крупной области на Западной Украине. Юра — убежденный коммунист, а его дядька — в том же краю — чуть не главный бандит. Приехал Юра в свой дальний район к маме, сразу заходит родной дядя с автоматом: «Ты чего, племянник? Еще раз приедешь, лично повешу». И хотя после этого друг мой домой не ездил, через несколько месяцев бандиты его убили. Пролил дядька родную кровь. И так везде, почти в каждой семье на Западе Украины.

Трудно примирять непримиримых. В советские времена первый президент Украины Кравчук был секретарем ЦК компартии Украины по идеологии. И во всеуслышание заявлял: «А что тут стыдного? Не надо стыдиться. Я тоже помогал хлопцам из леса. Все помогали». Если бы

не помогало бандеровцам местное население, их бы не было. Днем — мы власть, ночью — они.

— *Георгий Захарович, вы же бились с этими до самого конца. И вроде бы наступил разгром и финал?*

— Но финал — опасный. Все это продолжалось до 1956 года, даже гораздо дольше. У нас об этом не очень принято рассказывать. Но последнего бандита, воевавшего с нами, пусть не на Украине, в другой части страны, брали в октябре 1964 года полком МВД с собаками. Пока гранатку не сунули и не шлепнули. Один опасен. Даже один. Представляете, как это было серьезно на Украине? Только в 1950 году был нами ликвидирован их генерал Чупрынка.

— *Так звался ээсовец — бандеровец и гауптман Роман Шухевич, каратель из батальона «Нахтигаль»...*

— Что означает в переводе «соловей». Почему немцы их так прозвали? Украина — поющая страна, и весь этот батальон убийц звучно и красиво пел. Такие они все певуны. А в батальоне для начала — восемьсот штыков, исключительно из бандеровцев так называемого революционного толка. Эти оуновцы были уже хорошо готовы, прошли школу абвера: обучены диверсиям, шпионажу, работе в чужих тылах... Доказали преданность Германии еще на Польше. Отточили свое оружие: переодевались в форму польских солдат, все коммуникации были разорваны диверсантами полностью. Показали себя преданными национал-социализму бойцами.

— *Зверствовали в первые же дни и часы вторжения Гитлера в СССР. Погромы во Львове начались даже до прихода немцев.*

— Да, их так называемые походные группы не вступали в бои с частями Красной армии. Привели бандитов немцы, шли они у них в обозе. Около пяти тысяч человек двигались уже 22 июня 1941 года дорогами, заранее изученными высланными вперед маленькими группами по пять-десять человек с радистом, мотоциклистом. Впереди — вермахт, а впритык такая группа. Перервали все линии связи. Часть их бойцов шла в форме красноармейцев и пограничников. Заходили вместе с немцами в районный центр, в село или на хутор, тут же создавали сети ОУН, уничтожали тех, кто, по их мнению или наводке местных, симпатизирует советской власти.

Неожиданно, практически без боев вошли во Львов. И там, собрав местных националистов, провозгласили создание Украинской Державности — как бы объявили о независимости. Немцы из вермахта, на глазах которых вся эта вакханалия происходила, с первого раза не уразумели, о чем идет речь. А поняли и всю эту соборную, да еще и независимую державу мгновенно разогнали: как вообще могли эти ничтожные людишки что-то предпринимать без согласия фюрера, кто они такие? Да еще провозглашать независимость от Третьего рейха. А то, что оуновские холуи были готовы им лизать сапоги, восприняли как должное. Иначе и быть не может.

Когда отряды бандитов шли вслед за немцами, уничтожая людей на только-только оккупированной территории, по Западной Украине — проблем не было. Там все свое, еще до войны созданное. И нечисть эта сразу поднялась. Невинных бандитами было убито немерено.

И после отмены всей этой Украинской Державности в июне 1941-го немцы арестовывают Бандеру. И он оказывается в Заксенхаузене. Но если рядом с ним в концлагере заключенных уничтожают нещадно, то Бандеру содержат в особых условиях. Он там кофе пил каждый день. Мог, но, конечно, только с разрешения властей, выйти в город. И четыре года давали руководить Бандере всей его националистической бандой из лагеря. Связь была непрерывной, никогда не прерывалась. Работал ведь на немцев.

— *Зачем тогда сажать, пусть и на тепличных условиях, в концлагерь, когда можно поселить где-нибудь у себя под боком в каком-нибудь Берлине?*

— Потому что надо было держать в страхе. И чуть что — мы тебя... Скажу вам больше. Немцы могли ОУН как таковую вообще полностью уничтожить, если бы стали шибко выпендриваться, громко себя проявлять.

— *Георгий Захарович, но сегодня бандеровцы выставляют себя борцами с захватчиками, утверждают, будто убивали немцев.*

— Был период, когда они затаились, полностью бездействовали. Разве нападали на обозы с продовольствием, вещами, да чем угодно, что гражданские немецкие представители, Украину оккупированную тысячами наводнившие, собирали для отправки в Германию. На этих гражданских посланцев Берлина нападали и, да, иногда убивали. Счет не на тысячи — на десятки.

— *Но сегодня хвастают: воевали с вермахтом, вступали в тяжелые бои.*

— Вранье! Какие бои с немцами? Нет ни одного учтенного боя. До сих пор мерзавцы оуновцы, бывшие и настоящие, безуспешно ищут в архивах хоть одного убитого ими солдата немецкого вермахта.

А немцам на первых порах, когда уже оккупировали Украину и думали, будто до Москвы два шага, никакая ОУН была не нужна: это что за шавки здесь твякают? Года полтора почти находились они в раздразе, хотя высшее руководство ОУН связь с немецкими эмиссарами тайно поддерживала. Ясно, что втайне от своих боевиков. Но, когда фашисты стали откатываться, поняли и увидели в ОУН силу.

— *Сила была?*

— Была. Та самая единственная, которая могла оказать им помощь в тылу и начиная с 1943 года задержать быстрое продвижение Красной армии.

— *И задержала наше наступление?*

— Конечно, очень они помогли. А то бы немцы быстрее унесли с нашей земли ноги. Много бед они нам принесли. От общего —

к частному: кто убил в 1944 году генерала Ватутина и разведчика Николая Кузнецова? Люди Лемеша. Когда немцы отступали, оставили ОУН-УПА сорок громаднейших складов: семьсот минометов, горы стрелкового оружия и пулеметов, триста радиостанций, да еще успели обучить радистов.

— *Георгий Захарович, но до войны столько националистов из этих областей было выслано, посажено, расстреляно.*

— Борьба идеологий — всех не пересажать. Невозможно. Эта же борьба — и после войны. Надо убеждать. Обращать в свою веру. Нейтрализовать руководителей. Мы с вами говорили о генерале Чупрынке — Шухевиче. Выйти на него помогли нам местные. Я работал с человеком под оперативным псевдонимом «Борис», который несколько лет состоял в охране Чупрынки. У «Бориса» трое детей, ждут четвертого, и жена не без нашей помощи уговорила мужа прийти с повинной. Пришел, сам сдался и кого-то сдал, был нами завербован, полностью искупил вину. Я с ним работал какое-то время. И он все для нас делал как положено. Вывел на Шухевича.

— Но до этого «Борис» тоже убивал?

— Конечно. У них служба безопасности — вся в крови. Но мы прощали им ту кровь. Ведь часто они потом проливали и свою, работая на нас. Тут очень помогало умение убеждать. Мы вытаскивали их из подполья, из тайных лесных схронов, в которых они в страшной вони, грязи, в холоде сидели и выживали всю зиму. Некоторых нами захваченных мы привозили в большие города. И когда эти теряющие человеческий облик люди, да, все-таки люди, видели настоящую Украину, всю в заводах, фабриках, колхозах, когда выводили их на Крещатик, в сознании некоторых происходила ломка.

Был такой парень Карпо, в зверя превратившийся. При мне уходил из жизни, пытаясь себя подорвать, только бы не к нам, не в плен. Он и в городе ни разу в жизни не бывал. Умел только одно — убивать. Мы привезли, показали украинскую столицу. Человек преобразился.

Поступали по-разному. Появлялась комбинация, когда вводили в банды своего человека, обычно местного жителя. Был очень хороший мощный мужик под нашей агентурной кличкой «Партизан» — с военными орденами. Внедрили его в банду подполья по нашим каналам, вошел в доверие, зимовал вместе с ними в бункере. И отдачу мы получили огромную.

— *Георгий Захарович, позвольте «дурно пахнувший» вопрос: а как оуновцы выдерживали иногда по несколько зимних месяцев, не беру прочего, в ужасном запахе?*

— Если человек не умирает в первые полчаса своего пребывания в этом аду, то привыкает. Такие у нашего организма загадки и особенности.

— *Вы рассказывали, как обращали в свою веру рядовых оуновцев. А как боролись с главарями?*

— Знаете, очень не хотелось, чтобы они уходили эдакими героями. Чупрынка, он же Шухевич, был героизирован всей этой бандитской сворой. Да, мы искали его несколько лет. А он отдыхал с любовницей на Черном море. Мы использовали всю свою агентуру, а он, как утверждают, разгуливал по Львову в форме полковника Советской армии под руку с очередной пассией и отдавал честь приветствовавшим его офицерам.

— *Неужели люди не могли его опознать? Боялись?*

— Возможно. Кто его знает? А наша работа дала результат. Вышли на него с помощью агентуры, окружили дом под Львовом, где прятался. Предложили сдаться, и Шухевич понял, что в тайнике между дверьми не отсидеться. Пытался прорваться, бросил две гранатки, убил нашего старшего офицера. Шухевич стрелял метко. С тридцати метров попадал из пистолета в лист ученической тетради, аккуратно всаживая пули точно по уголкам страницы. Но нашла его наша пуля.

— *А правда, что ту пулю выпустил легендарный генерал Павел Судоплатов?*

— Не нужны Судоплатову чужие заслуги. Выстрелил наш сержант. С Шухевичем было покончено. В ОУН о нем легенды ходили, там считали, что он окончил военную академию. Ничего подобного. Если и оканчивал академию, то гитлеровскую, карательную.

— *И после него вашей основной целью стал Лемши, он же Кук. А что здесь имя, а что псевдоним? Кук — звучит прямо по-английски.*

— Фамилия Кук — западноукраинская. А Лемеш, Лемиш, Леминь, он же Василь Коваль, — псевдонимы. Мы с 1939 года, еще с Польши, знали: есть такой человек. Он выступил на большом сборище в Кракове и тогда был особо выделен Бандерой. А разрабатывать его мы начали по-настоящему в 1944-м. Шухевич в 1947 году на большом сборе в Губенских лесах на Ровенщине назначил Лемиша своим преемником. Несмотря на всю разрозненность, на споры и личные амбиции, неприязнь, которые весь этот ОУН всегда раздирали, был он признан вторым после Шухевича человеком. И когда после ликвидации Чупрынки взял на себя командование, оставалось у него восемь групп — 300 хорошо организованных бандитов. И несколько сотен разобщенных. Считай, тысяча. Это много: закат оуновцев был полный, но по-прежнему кровавый. Бандеровцы убили 850 тысяч евреев, 220 тысяч поляков, более 400 тысяч советских солдат, попавших в плен. И еще — 500 тысяч своих, украинцев. После войны от их рук пали 20 тысяч военнослужащих Советской армии. Вызывал у них кто-то подозрение — и отправляли на тот свет без особых раздумий четыре-пять тысяч своих.

И 24 мая 1954 года с помощью нашего агента захватили мы Василия Степановича Кука — Лемиша и его жену Уляну Крюченко. Шли за ним по пятам, гоняли по лесам и схронам. Да так, что устал он, выбился из сил, потерял на какое-то время свой безошибочный нюх. И больше всего поражен был тем, что выдал его наш агент не за деньги, не

из страха перед тюрьмой и советской властью, а по идейным соображениям. 1954 год — люди, бившиеся против нас до последней пули, начали что-то понимать. Долго же мы его искали. После войны делали все, чтобы не дать ему уйти по-геройски, погибнуть на глазах у всех в бою. Убить его было можно и раньше. Кука нужно было брать только живым. Что и было сделано. После захвата Лемиша мы еще долгие месяцы имитировали его поиск. Это была наша комбинация. А он уже сидел у нас в тюрьме вместе с женой. Я в течение нескольких месяцев по решению руководства занимался в камере его перевоспитанием, переубеждал. После упорнейшей работы он был нами привлечен, завербован. Умер Кук сравнительно недавно — в 2007-м в Киеве. Дожил до девяноста четырех лет, и я не знаю как: абсолютно больной человек, поражены все органы. Когда мы его арестовали — зубов не было, и я, взяв честное слово со знакомых врачей, которые при истреблении еврейского населения чудом выжили, тайно привозил их в тюрьму, вставляя Куку зубы.

— *Но как было работать с врагом?*

— Именно с врагом. А работать все равно надо было. Что мы и делали. И я знал о Куке, наверное, даже больше самого Кука. Мы звали его «Трехсотый» — сидел во внутренней тюрьме КГБ в камере под этим номером. А его жена — рядом. Иногда разрешали им встречи.

— *А иногда не разрешали?*

— Тоже метод воздействия. Жену он очень любил. Сидели они в разных камерах, и первый его вопрос всегда о ней. Это учли. Кук поначалу был в полной депрессии. Пытались его из этого состояния вывести, вывозили с женой на прогулки по восстановленному, зажившему мирной жизнью Киеву.

— *Не рисковали? Вдруг сбежит? Или отобьют лесные хлопцы.*

— Сначала пару сопровождала наружка — десять человек. Кук, опытный конспиратор, заметил и сказал, чтобы мы не волновались. Бежать без денег, без какой-либо поддержки некуда.

— *И наружку сняли?*

— Оставили семерых надежных, проверенных. А когда после долгого перерыва, не до того ему было, он возобновил половые отношения с женой, поняли: ожил. Стали разрабатывать Кука, как у нас говорят, «втемную». И с нашего разрешения, скорее даже по просьбе, писал он историю оуновского движения, порой для нас бесполезную. Но ни о какой вербовке не могло быть и речи. А мы все равно его использовали. И Кук–Лемиш обратился все-таки к западным украинцам, к единомышленникам, к Западу: предлагал не вести вооруженную борьбу дальше.

— *А его свои потом не могли хлопнуть за это?*

— Нет. Он остался все равно на своих позициях, и все они это понимали. Уже после, когда освободили, мы устроили его работать

в Центральный архив МВД в Киеве, и Кук написал с нашего разрешения диссертацию по истории Украины.

— *Бережно вы с ним обращались.*

— Тут надо понять все сложности тогдашней нашей государственной политики. Придется еще раз обратиться к хронологии. Официально считается, что с вооруженным оуновским подпольем было покончено 31 декабря 1951 года. Это совсем не так. Еще два года продолжались операции по борьбе с террористами, диверсантами. Часто не просто чекистские, а с привлечением крупных армейских частей, прямо войсковые. И сколько было вооруженных, на все готовых, озверевших одиночек. Я отойду от привычных трактовок. Мы поражались их стойкости. Окруженные, они могли сдаться, ведь наши офицеры гарантировали им жизнь. Но бились до последнего, не надеясь ни на какое чудо. Тут все решала идеология: ложная, пакостная, но умело вождями ОУН в украинцев, особенно западенцев, вдолбленная. Представьте мирное село, казалось нам, уже очищенное от бандитов. И в начале 1950-х все сто десять его дворов сгорают — пожар, никто руку не прикладывал. Приехали из города в этот Костопольский район Ровенской области помогать погорельцам. А на пепелище обнаружили триста стволов длинноствольного и короткоствольного оружия плюс три пулемета. Вот вам и мирное население.

— *Георгий Захарович, об этом я читал в вашей книге «Большая охота». Но ведь с годами бандеровщину подавляли. Бандитов брали, сажали, высылали, в конце концов, уничтожали.*

— Я же вам говорил: всех не перевоспитаешь. Оставались люди. Идеология живуча. Кто-то тихонько вздохнул с облегчением, когда в 1947 году с боями, представьте себе, с боями (!), остатки дивизии «Галичина» и крупные отряды УПА по шестьсот—восемьсот штыков пробились через территорию Словакии и ушли в Германию. И, что правда, крупных кровопролитных боев после этого почти не было. А так, бывали случаи, захватывали райцентры, например в Дрогобычской области, и держали их в страхе часов по восемь-десять до прихода наших войск. И за это время успевали навести там такой «порядок»...

А те, которые ушли в Западную Германию, они же потом хорошо американцами обученные возвращались. До 1954 года летали над Западной Украиной американские самолеты. Вылетали с базы во Франкфурте-на-Майне и через Польшу. Снижались у Днестра до двухсот пятидесяти, иногда двухсот метров, сбрасывали грузы — оружие, боеприпасы, листовки, литературу. Оуновцев, что от нас драпанули и к ним попали, обучали уже в своих специальных разведывательных школах. Так что спускались к нам на парашютах уже не бандитами из леса, а профессиональными диверсантами.

Если быть до конца точным, то последний всплеск борьбы отношу к октябрю 1956 года. Во время контрреволюционных событий в Венгрии в Западной Украине вновь зашевелились недобитки. Листовки с

националистическими призывами распространялись не только во Львовской и Житомирской областях, но и в Киевской. Да что листовки и антисоветские выступления. В Карпатах были уничтожены несколько мостов, по которым советские войска перебрасывались в Венгрию. А недалеко от Шепетовки взорвали воинский эшелон с грузами.

— *Значит, воевали с националистами до осени 1956-го?*

— Да. Хотя для многих прозвучит непривычно.

— *Георгий Захарович, с этим — понятно. А как вообще в ту послевоенную пору действовала ваша оперативная служба? Ведь технических средств, как понимаю, не было.*

— Сейчас такая техника, что если ты попал в разработку, укрыться невозможно. Всё, тебе хана, ты никуда не денешься. А тогда можно было. Раньше, например, воду пустил, и не слышно. Сейчас заглушающий звук воды научились каким-то образом снимать. Но при любой технике даже микрофон в подушке не сечет того, что шепчешь, когда закрываешься одеялом. Помните предателя Пеньковского? Он когда со связниками разговаривал, всегда включал воду. И взять его было трудно: профессионал, тема одной из его работ, знаете, какая? Отрыв от наружки.

— *А если вернуться к Бандере? Его же в 1959 году убили.*

— До этого в 1957 году наш боевик Богдан Сташинский ликвидировал в Мюнхене одного из лидеров Организации украинских националистов Льва Ребета. Выстрелил в упор синильной кислотой из восемнадцатисантиметровой трубочки диаметром в два сантиметра и с пружиной для нажатия на одном из концов. И наступил паралич сердца. Проходит некоторое время, и сузившиеся сосуды обретают прежнее состояние. Никакой врач, даже опытный судмедэксперт, настоящую причину смерти не определит. Так что подозрений об истинных причинах смерти Ребета не возникло. Думаю, это и подвигло Никиту Хрущева отдать приказ ликвидировать Бандеру.

Но чекисты Украины были против: поздно, Бандера уже ушел на второй план. О нем забыли его же головорезы. А тут — смерть, и сегодня пытаются Бандеру обратить в мученика, героя.

Октябрь 1959-го, тот же город Мюнхен, где осели многие оуновцы. У Богдана Сташинского с первой попытки не получилось: столкнулся с Бандерой во дворе его дома рядом с машиной. У того даже охраны, по существу, не было. То она ездила за ним, то отпускала одного: кому он был нужен. Но Сташинский замешкался, занервничал, выстрелить не успел и Бандеру упустил. Ликвидировал со второй попытки и снова выстрелом из трубочки, только еще более усовершенствованной, в подъезде его дома. И благополучно ушел. Снова — никаких подозрений.

И если за ликвидацию Ребета Сташинскому вручили просто дорогой подарок — фотоаппарат «Контактс», то за уничтожение Бандеры

наградили орденом Красного Знамени. А вместе с ним, как это всегда бывает, отметили правительственными отличиями «группу товарищей». Орден боевику вручал лично председатель КГБ СССР Александр Шелепин.

И Сташинского начали готовить в Москве в нелегалы. Хотя и до этого действовал он в ФРГ под немецкой фамилией, язык надо было совершенствовать. Прикрепили к нему в столице молоденькую преподавательницу Ингу Поль из ГДР. Замечали, что политические взгляды у нее не совсем те, но были уверены: уж такой опытный человек, как Сташинский, ее быстренько перевоспитает. Быстренько получилось не перевоспитать, а сделать ребеночка. И супруга, которая должна была работать с ним в паре, как это обычно бывает у нелегалов, уехала рожать к маме в ГДР.

Перед этим стали замечать в Сташинском странные перемены. Иногда проскальзывали фразы о неверной советской политике, да и жизнь в Москве ему не очень-то нравилась. Генерал Александр Коротков, тот самый, что долгие годы руководил всеми нелегалами, к Сташинскому относился очень скептически. Не только говорил, но и писал, требовал, чтобы того не то что в нелегалы, а вообще за границу не выпускали. Но так уж случилось, что в июне 1961 года Коротков скоропостижно скончался. А Сташинский рвался к жене, в ГДР. И уговорил моего старого знакомого старшего офицера отпустить его в Восточный Берлин. Причина уважительная: ребенок тяжело болел. Мой друг взял все под свою ответственность, пробил, уговорил, согласовал.

Сташинский уехал, а ребенок умер. И мы были удивлены, когда 12 августа 1961 года Богдан с женой не пришли на похороны.

— *Вы настолько хорошо знаете всю эту историю?*

— Настолько, что даже был ее участником. Работал как раз в то время под посольским прикрытием в ФРГ. На кладбище пришло много коллег Сташинского по нашей службе. Думали, горе так сломало, что и приехать проводить своего ребенка не смог. Однако выяснилось: сбежал. И в такой ситуации, которую и представить было нельзя.

— *Не проводить собственное дите, к которому рвался...*

— Только ли это. До сих пор уверен: не мог знать Сташинский, а уж его жена тем более, что как раз в эти дни закрывается раньше доступная для перехода граница между ГДР и Западным Берлином.

— *Повезло?*

— Только не нам. Случайно повезло предателю. Еще день-два — и не успел бы. Перебежчик добровольно сдался в Западном Берлине чужим властям, да еще сделал признание: это я убил Бандеру, а до этого Ребета по заданию Москвы. Шум поднялся страшный. Столько в нас полетело камней. И моего знакомого, который по доброте своей отпустил Сташинского, могло ждать не только увольнение по службе, а и трибунал. Так что Инга Поль, молоденькая учительница, как раз и перевоспитала боевика, а не он ее.

И тут по приказу высшего начальства мы с моим старым приятелем, в чем только уже не обвиненным, чего только теперь не ожидавшим, были отправлены в Западный Берлин. Надо встретиться со Сташинским, уговорить его... Я понимал бессмысленность задания. Товарищ, отчаявшийся и обозленный, честно признался, что если увидит Богдана, то убьет его, а мне предложил уходить. Но как можно бросать друга. Да, действительно, беда. И двое суток мы простояли с биноклями неподалеку от здания военного командования США в Западном Берлине, где размещалось и ЦРУ. Я понимал: мы теряем время, американцы его надежно спрятали.

— *Сташинскому дали всего восемь лет. Отсидел четыре и исчез. И никто точно не знает, где он и что он? Читал, что отправили его американцы в ЮАР, тогда расистскую и для мира в принципе закрытую. А еще будто он со своей Ингой Поль объявился в США.*

— Это версии. А вот мой товарищ понес наказание, но не такое суровое, к счастью, до трибунала не дошло. Но здесь мы проиграли. Бандера вернулся из небытия героем, а наша страна понесла политическое поражение, которое уже в современной истории нам так болезненно аукнулось.

ВСЯ ЖИЗНЬ — ЛЕГЕНДА:

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ ВАСЕНКОВ

Герой Советского Союза, нелегал Михаил Анатольевич Васенков ушел в разведку на всю жизнь.

Еще не время подробностей. Просто первый разговор с Героем. Первое знакомство. Первое и пока единственное его интервью. Быть может, последуют и другие.

Представлю собеседника.

Михаил Анатольевич Васенков родился в 1942 году в Подмосковье. Работу в «особых условиях» (нелегальных) начал во второй половине 1970-х. В январе 1976 года Хуан Жозе Лазаро Фуэте, по легенде — гражданин Уругвая, появился в Испании. Приехал туда из Мексики, а может и с Кубы. Затем перебрался в Перу, показав письмо на бланке испанской фирмы: их сотрудник собирается изучить местный рынок, а также язык южноамериканского индейского народа кечуа. Экзотично? Кстати, навыки испанского Васенков получил в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Через пару лет Хуан Жозе Лазаро Фуэте подал прошение о предоставлении перуанского гражданства, приложив копию уругвайского свидетельства о рождении и паспорт. В 1979-м получил паспорт гражданина Перу. Работал фотографом — прикрытие для нелегала прекрасное, дающее возможность общаться со многими людьми и перемещаться по свету.

В 1983 году женился на местной журналистке Вики Пелаес. Усыновил ее мальчика от первого брака. Затем вся семья в 1985-м, предположим, что по заданию Центра, переехала в США. В Нью-Йорке в 1987 году и родился младший сын.

Упорный фотограф заводил нужные связи, пытался расти, не останавливаясь на достигнутом. Уже в зрелом возрасте поступил в университет «Новая школа социальных исследований» и стал доктором политологии. Некоторое время преподавал в Колледже имени Бернарда М. Баруха недалеко от дома, ведя курс латиноамериканской политики.

Оперативная работа шла успешно. К примеру, Лазаро-Васенков передавал в Центр информацию о маршрутах передвижения президентов США, сообщал утвержденные графики их зарубежных визитов. 12 января 1990 года Михаилу Васенкову закрытым указом было присвоено звание Героя Советского Союза с не много о чем говорящей, но внушающей уважение формулировкой: «За мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного долга».

Пишут, будто он — генерал-майор. Но в ответ на мою просьбу в Пресс-бюро Службы внешней разведки пояснили: в отставку вышел в звании полковника.

В результате предательства полковника Потеева 27 июня 2010 года арестован в своем доме в Йонкерсе, что километрах в четырех от Манхэттена.

Вместе с группой наших нелегалов был обменен СВР на американских шпионов и доставлен самолетом в Россию.

Где мы встретились? А разве это имеет значение? Ну хорошо, конечно в Москве.

Он среднего роста. Поджар. Спортивен. Не зря наш общий знакомый Валерий рассказывал, что Михаил во время учебы в специальной школе был силен и в беге на длинные дистанции, и в плавании. Все эти годы в зарубежье не прекращал занятия спортом. Увлёкся боевыми искусствами и достиг в них немалых успехов. Особенно в карате, получив, во что нелегко поверить, хотя и хочется, черный пояс.

Васенков никак не похож на русского паренька, родившегося в тогда подмосковном Кунцеве. Скорее испанец, латиноамериканец. В общем, типичный латинос, о котором не скажешь, что ему за 75.

Хромает, опираясь на короткий костыль. Извиняется: врачи запрещают долго стоять на ногах. «Давайте присядем. Ничего страшного. Дней через десять я эту штуку выкину, буду ходить не хромым».

Держится очень уверенно. И люди вокруг понимают, кто он. Одет скромно. На лацкане — Звезда Героя Советского Союза.

Суть работы по Васенкову — в верности Родине. Не важно, где живешь. Она все та же. Она твоя. И ради нее ты и выбрал такую жизнь, где риск не только неизбежен, но и нужен государству, которому служишь.

Склонен к философии. Наверное, во внутреннем душевном одиночестве, на которое обречены нелегалы, это выход мыслям. По крайней мере, дозволено хоть такое.

Время и десятилетия пребывания в чужих краях все-таки сделало свое дело. Михаил Анатольевич говорит по-русски с испанским акцентом. Чувствуется, что на испанском и думает, а потом переводит на русский. Из синонимического ряда, мысленно произносимого на испанском языке, выбирает одно нужное слово. Такое я замечал и у других его соратников по редчайшей специальности в профессии разведки. Иногда переходит на английский. Пару раз даже на французский. Но основной язык для него теперь испанский.

Очень много ссылок на испанскую классику, которую он знает в совершенстве и постоянно цитирует. Я не испанист и прямо ему об этом сказал. Он вроде как обиделся:

— Почему?

— *Так получилось.*

Называл меня на «ты», Николай. Дело не в грубости. Так ему легче обращаться, ибо здесь он не допускает ошибок в здорово забытом более чем за полвека языке. (То же самое «ты» предпочитал и американец, Герой России Моррис Коэн (Питер Крогер), за десятилетия пребывания в Москве русский так и не выучивший.)

Сказал мне: «Про Абеля написал хорошо, я читал. Ты к нему с уважением. А про Вартаняна не понравилось». Особенно тем, что я в деталях описал его кончину: «Зачем написал такие подробности?» Я объяснил, что с согласия жены Геворка Андреевича. Она сама рассказала. По словам Михаила Анатольевича, не надо выходить за грань. Может, мне и урок?

А заговорили мы для начала о нашем общем друге Валере К. Комсомольце и полковнике. Васенков вспомнил, что когда Валера в кого-то влюбился, он заткнул в его шляпу кусочек чеснока. И женщина Валерия отвергла, сказав: «От тебя пахнет чесноком». И оправдания Валеры, что он не любит чеснок, не помогли. В нашем разговоре Васенков переживал: общий товарищ болел, перенес несколько операций.

Валера К. рассказывал мне о его ранних годах: «Миша Васенков был спортивным парнем. В училище быстрее всех бегал кроссы. Плавал хорошо, но мне, мастеру спорта в этом виде, проигрывал раз за разом. А когда понял, что просто так не обыграть, из бассейна буквально не вылезал, тренировался. И так упорно, что вскоре за ним никто не мог угнаться».

— *Михаил Анатольевич, а что с ногой?*

— Ничего. Это так — глупость. Врачи мне здесь сделали операцию. Пока хожу с этим костылем. Но скоро выброшу и забуду. А в 2010-м в США с ногой было не совсем так, как писали. Ногу и ребер мне при аресте и в тюрьме не ломали. Не так перевели, не так поняли.

— *А что было в 2010-м?*

— Было предательство. Если бы не это, меня бы не взяли. Никто меня не знал. Как и Козлов (Алексей Михайлович Козлов, Герой России, был арестован по доносу предателя Гордиевского и просидел в 1980-е два года в камере смертников в ЮАР, с которой у СССР не было дипломатических отношений. — *Н. Д.*), я ни с кем не общался. Был все время один.

Меня отправлял еще Крючков. (В те годы Владимир Александрович Крючков был начальником Первого главного управления КГБ СССР — внешней разведки. — *Н. Д.*) Знаете, как тогда было? Отправляли очень надолго, иногда навсегда, на всю жизнь. И Крючков мне сказал: «Знай, возможно, ты никогда домой не вернешься». И я это знал. И к этому шло. Да, я не должен был возвращаться.

Из тех людей, арестованных в Штатах, с которыми я сидел на скамье в суде, никого никогда не видел и ни о ком не слышал. И они меня не знали — не видели. Я был — десятый и для них — неизвестный. Но американцы знали, кто я.

— *Откуда?*

— В 1991 году во все области нашей жизни, во все — проникло немало чужих людей. Их толкали, навязывали, они занимали места. На некоторых они сидят до сих пор. И эти чужие выдавали.

— *Как Калугин?*

— Нет, я не совсем о таких, как он. Эти кроты, предатели сидели здесь. И думаю, в разведке тоже. Если бы не Примаков (первый директор Службы внешней разведки РФ. — *Н. Д.*), разведку бы уничтожили, многие хотели в ней командовать. А Примаков спас. Но все равно какие-то люди остались. Один из таких меня и выдал. Я понял это в камере. Когда тебе показывают твоё старое фото из Москвы, все становится понятно. Я с тем человеком не говорил. Противно. Признал: да, я. И на этом закончили. Больше им ни слова.

— *А как вы в первые годы там осваивались?*

— Это долгие годы и долгий разговор. У меня все было в порядке с документами. Испанский язык был и тогда хороший. Жил в Латинской Америке. Я постоянно учился. И в молодости, и когда стал профессором — уже сравнительно недавно. Я даже сам преподавал в престижной школе.

— *Но вы же были фотографом?*

— Да, и фотографом. Близко к президенту страны, в которой находился. Ездил по миру. И без всяких подозрений.

— *А как передавали в Центр? И как вербовали?*

— Это — уже другое. И с годами необходимость в вербовках уменьшалась. Много знал сам, без источников. Такая была высота. Это не было пиком. Я продвигался вперед, становился выше. Меня хорошо знали не только в Латинской Америке.

— *Ваша жена вам помогала?*

— Я тебе твердо говорю: моя жена не знала. Ее обвиняли в шпионаже. Но она ничего не делала. Она хорошая журналистка и пишет и сегодня статьи, которые разоблачают все их сделки там. Ее хотели посадить: обвинения и суды. Время рассказать обо мне не пришло. А может, и не придет никогда.

— *Но многие знают, что вы — Герой.*

— Да, присвоили.

— *Слышал, что один из ваших сыновей музыкант?*

— Великолепный, закончил джулиардскую школу. Он не от меня. Но я плевать на это хотел и усыновил его, когда женился. Ему было совсем мало лет, и он мой, родной. А младший в Москве — архитектор. И мне его жалко. Из него, из всего этого талантливого молодого поколения выжимают всё, что они сейчас могут дать. Понимаешь? Так не должно быть. Человек приходит в девять утра и уходит в шесть вечера. А им говорят: останьтесь, работайте. Но человек такого не выдерживает. Этот труд подавляет инициативу, прижимает. Это худший капитализм. Чтобы творить, надо быть свободным.

Рядом во время нашего разговора был молодой сотрудник — прикрепленный. Терпеливо ждет, пока мы поговорим. Я потом извинился, что долго. Он сказал: «Ничего». Понял, что мне разрешили.

Кто Иуда

Полковник Потеев. Его отец-фронтовик был Героем Советского Союза. А он сам воевал в Афганистане в составе групп спецназа КГБ. Награжден орденом Красной Звезды.

Видимо, был завербован в США, где работал под крышей постоянного представительства РФ при ООН. Вернулся оттуда в 2001 году. Затем занимал высокие посты в Центре. Имел доступ к секретным документам. Был исключительно осторожен. Даже отказывался от повышения по службе: ведь для этого требовалось пройти проверку на полиграфе.

Готовился к побегу долго. Заблаговременно отправил в Штаты двух взрослых детей, устроив сына и дочь на хорошую работу. Взял отпуск. И бежал из России в 2010 году по поддельному паспорту на странную фамилию «Дудочкин». Предполагаемый маршрут: Москва — Беларусь — Украина — Германия — Соединенные Штаты. Наверняка уходил по заранее подготовленному американскими спецслужбами коридору.

Прихватил секретные досье. Почти сразу же, не переводя дыхания, выдал нескольких российских нелегалов. Среди которых и ветеран разведки, Герой Советского Союза и этой нашей главы Михаил Анатольевич Васенков.

Московский окружной военный суд приговорил Потеева к 25 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

В июле 2016 года пришло сообщение о смерти Потеева. Спросил у ветеранов разведки, можно ли этому верить. Не попытались ли

американцы обезопасить своего агента? Или, может, приложил к этому руку кто-то другой?

Но ответ прозвучал твердо. Очень похоже на правду. Предателю — 64 года. Он и до этого немало пил. А в чужой стране, где не покидало и не могло покинуть чувство страха (совсем не раскаяния, не угрызений совести, таким потеевым неведомые), тяга к спиртному могла перерасти в алкогольную зависимость. Дошла до Москвы информация, что предатель запил. И ушел Иуда.

ПОЭТ НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ:

ГЕРОЙ РОССИИ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

Настоящее имя Героя России, разведчика-нелегала Юрия Анатольевича Шевченко раскрыто только в начале 2020 года.

Нас познакомили довольно давно. Признаться, я получал искреннее наслаждение от встреч с ним. В чем разница между Шевченко и многими из нас? Какой же это острый, пронзительный, быстрый ум! Там, где обычный человек останавливается и ставит точку, он идет дальше, смотрит глубже, заглядывает туда, куда не приходит в голову всмотреться нам. Он разведчик и художник. Аналитик и поэт. Внимательнейший наблюдатель и путешественник. Полиглот и рассказчик.

И как же умеет Юрий Анатольевич быть неприметным. В тесноте и шуме большого зала он словно теряется. Сидя в центре четвертого ряда, уходит в глубокую тень, словно натягивая шапку-невидимку. В переполненном фойе сливается с толпой, и единение так естественно, что он свой везде, неотделим от пейзажа, незаметен и одновременно живет общей жизнью. И чувствуется по всему: жизнь для него прекрасна. А он — ее искренний и Богом выделенный любимец.

Горжусь, что видел Юрия Анатольевича Шевченко в первый торжественный вечер сразу после того, как где-то в закрытой тишине огромного здания президент России Владимир Владимирович Путин наградил его Звездой Героя.

Публиковались небольшие наши беседы без упоминания его славного имени. Напечатана коротенькая глава его воспоминаний в книге «Вартанян» о наставнике и друге Геворке Андреевиче.

И вот наконец пришла пора, когда выпадает честь рассказать о нелегале Юрии Шевченко более подробно. Не уверен, что полностью удастся передать его высочайшую интеллигентность, тонкое понимание собеседника, сдержанность и в то же время открытость. Но я попытаюсь. Хочется, чтобы мы знали, каких замечательных людей дарит нам Отечество, безопасность которого наши разведчики-нелегалы самоабвенно защищают.

Юрия Анатольевича с легкостью можно принять за русского или американца, немца или француза. Худощавый человек среднего роста, с аккуратно подстриженными усиками, десятилетия работавший во

множестве стран, мог встретиться вам и мне в любом городе мира и не привлечь никакого внимания. Выделяет его разве что определенный фирменный знак — берет, явно не нашенского покроя, который носится с неким необъяснимым для меня шиком. Долгие годы жизни прожиты советским, а затем и российским нелегалом вдали под чужими именами. Сравнительно недавно (по меркам разведки) он благополучно вернулся в Москву.

Мы в его уютной и со вкусом обставленной квартире. На стенах — отличная живопись. Картины приехали сюда вслед за хозяином со всего земного шара — от далекой Африки до близкой Европы. А вот в подборе мебели чувствуется определенное разностилье, чему хозяин даст неожиданное объяснение. Здесь до него жил другой человек его профессии. Они не были даже знакомы: тот уже вернулся, а Юрий Анатольевич был еще там. Бывшего хозяина не стало, но Шевченко не расстается с тем, что осталось от предшественника, тоже Героя. И мебель хранится в комнате, словно в память об ушедшем.

Юрий Анатольевич великолепный рассказчик, чутко улавливает настроение собеседника, переходя время от времени, как бы для разрядки, с русского на другие языки. И знает их, по крайней мере те несколько, которым обучен и я, в совершенстве, естественным образом употребляя жаргонизмы и словосочетания, которые понятны лишь исконно местным обитателям, прожившим в этих географических районах годы и годы.

Мы оба полагали, что проговорим час, ну два. А не хотите ли четыре? Я был заморожен его рассказом. Он, по-моему, это чувствовал. Иногда приходилось выключать диктофон. И не только потому, что записывать было нельзя, просто кое-чего я не понимал, до того необычно, даже невероятно было повествование, и он терпеливо объяснял, втолковывал то, что было для него азбукой, а для меня — иероглифами. Иные, то и дело всплывающие подробности, и я это с горечью осознавал, явно не предназначались для широкого круга. Впрочем, где-то на третьем часе беседы к нам присоединился кот Тишка. Хозяин согнал его со стула: «Тиш, тоже хочешь послушать? А тебя разве звали?» Не звали никого.

И как здорово, что теперь наш диалог — уже не «беседа для двоих».

Повторюсь, встретились, чтобы поговорить о Геворке Андреевиче Вартамяне. Я был знаком с ним и Гоар Леоновной долгие годы как журналист, писатель, биограф. Шевченко — сподвижник и нелегал той же твердой... нет, совсем не так, изящной, гибкой породы. И, сидя за накрытым со знанием дела столом, полностью пренебрегая алкоголем, подбадриваясь только чаем, мы вели откровенную беседу. Заготовленные вопросы негодились, они бы звучали наивным диссонансом, ибо главным был он, а я — раскрывшим рот ведомым.

— Давайте начнем с Геворка Андреевича Вартамяна, Героя Советского Союза, великого нелегала. Мы вместе работали в одном отделе, у нас был общий куратор.

— *А название отдела нельзя назвать для истории?*

— Нет, не надо. Думаю, эти мелочи ничего не дают. Я бы предпочел вести беседу информативно. И знаете, с чего бы хотелось начать? Со своеобразной вводной. Может, с того, что такое разведка.

— *И потом перейти к нелегальной?*

— Как-то мы беседовали о нашей работе с директором СВР. И я заметил, что нелегальная разведка — это и есть настоящая разведка. А остальные службы должны ей просто помогать. Логика здесь специфическая, можно на сей счет долго теоретизировать. Но позволю прежде всего поведать именно об эмоциональном отношении к нашей Службе и немножко, краешком, коснуться публикаций и книг — о разведке, и нелегальной в том числе, и разведчиках. В последнее время издано много, они есть, читаются, но, быть может, внешнее там затмевает глубоко внутреннее. Но главное, если мы говорим о Геворке Андреевиче, то мне бы хотелось, чтобы было понятно: Вартанян из той плеяды, что посвятила свою жизнь Родине. Я не сторонник высокопарности, однако как здесь скажешь по-другому.

Мы до сих пор спорим, что же такое разведка. Профессия? Специальность? Подвижничество? Искусство? И до сих пор даже между нами, разведчиками, не найдено общего согласия. Некоторые говорят: это ремесло. Если считаешь наше дело ремеслом, значит, ты сам — ремесленник. Потому что каждое ремесло может подняться до уровня искусства. А разведка — интереснейшая область деятельности, которая требует для достижения результатов очень серьезного эмоционального отношения. И этим приближается к искусству. Я считаю, что это действительно искусство. Да, искусство взаимоотношений с людьми, искусство добывания информации. До чего все это сложные вещи. Надо не только обладать профессиональными навыками, им-то обучают. Нужно эмоционально воздействовать на субъекта.

На юбилее знаменитого разведчика Джорджа Блейка, который мы отмечали, он, выступая, говорил с большим чувством и теплотой о нас, нелегалах. Спросил: «Что такое нелегал?» И сам ответил: «Нелегалы — это монахи, посвятившие себя служению Родине». Я возразил: «Джордж, какие же, к черту, мы монахи? Ты, наверное, хотел сказать подвижники?» И Джордж согласился. Так вот, это подвижничество — главная суть жизни, деятельности разведчика-нелегала.

Чем отличается профессионал от подвижника? Тем, что человек, занятый в определенной области, знает: за свою работу он будет получать адекватное вознаграждение.

Подвижник же служит идее, никогда не думая о том, что ему за это воздастся обществом, государством, людьми. Это и есть основное отличие. Если брать конкретно отношение к работе, то нелегал не может быть нелегалом, если он ставит перед собой вопрос: что я за это буду иметь. Выбирая такую жизненную стезю, ты должен четко понимать:

становясь на этот путь, ты обязан быть готов отдать Родине всё. Это не значит отдать жизнь. Как раз это — не самое сложное, пусть и самое трагичное. Нелегалу и мысли не должно прийти, что за совершенное, за свое подвижничество он получит заслуженное, что ему воздастся. Не имеешь права и подумать о таком.

— *Неловко вас перебивать, но все же: и даже в самом конце пути?*

— И даже в самом конце. Не уповать на то, что Родина может тебе что-то дать, ты ничем не отличаешься в своей Службе от твоих товарищей, которые не являются нелегалами, а работают в Центре или под прикрытием легальных резидентур.

Если брать материальную разницу между нами, это 25 процентов плюс — и только во время работы в особых условиях за границей — к твоему окладу. Вот и все. А остальное, как и у других, — прохождение по Службе, звания, денежное довольствие по должностному окладу. А потом и Абель, и Бен (Конон Молодой, несколько подзабытый у нас нелегал. — *Н. Д.*) были в конце нашей деятельности начальниками отделов.

— *И Абель тоже? Его непосредственный начальник полковник Дмитрий Тарасов рассказывал, что Вильям Генрихович работал у него.*

— Приезжали оттуда и не были начальниками отделов. Проходило некоторое время, и становились кадровыми начальниками отделов. Бен бегал по коридору и все кричал: «Где мой отдел?» В отделе — один человек. Алексей Михайлович Козлов, Герой России, — тоже был начальником.

Главная сторона существования нелегала — это осознание, что его работа — подвижничество. Живешь для Родины — и не на словах. Это либо так, либо никак. Если не так, ты — не нелегал. А что значит «жертвовать приходится многим»? Нет большей жертвы, чем пожертвовать своей семьей, судьбой своих детей. Наверное, Алексей Михайлович (Козлов. — *Н. Д.*) вам рассказывал, как у него сложилось.

— *Тяжело. Жена, которая была с ним на нелегальной работе, заболела и пришлось ей с двумя родившимися в ФРГ детьми уехать в Союз. Она месяцами в больнице, дети — в тогда существовавшем для детей нелегалов интернате. И Алексей Михайлович вспоминал, как в ночь перед отъездом за границу он пришивал воротнички на школьную форму сынишки и дочери. Переживал, мучился вдали от них страшно.*

— У некоторых других складывалось еще тяжелее. Возвращаются всей семьей домой, и дети, ни слова по-русски, со слезами бросают родителям: вы — советские шпионы.

— *Знаете, я видел девушку — дочь нелегалов. И она, как раз наоборот, меня поразила своей чистотой, любовью к России, прямо-таки необузданной верой в нее. Но и непониманием того, что далеко не все такие, как ее родители, как она сама. Задавала мне вопрос: «Почему?» — и ответить было сложно. И русский ей с братом пришлось осваивать уже относительно взрослыми. Она во всем*

разобралась и осталась патриоткой. А после, скажем, Кембриджа и той страны, где они с родителями жили, знание языков у нее фантастическое.

— Да, эти ребята возвращались относительно взрослыми. И, как бывает, молодые строят свои планы, переживают там, вдали, а не здесь, первую влюбленность. А все это нужно бросить. Оказывается, папины — мамины родители не умерли, не погибли, как тебе рассказывали. Вот твоя бабушка, которая тебя так ждала и в отличие от дедушки все-таки дождалась. А ты, конечно, никакая не латиноамериканка, а русская. Психологически такой обвал выдержать сложно.

Случай не единичный. Мне приходилось выводить сюда одну пару. Дети уже в достаточно взрослом возрасте, и проблемы такие же. У других, как у Вартанянов, у Федоровых (тоже пара нелегалов, долгие годы проработавшая в «одной стране». — *Н. Д.*), не было детей.

— *То же и у Героев России Лоны и Морриса Коэн. Моррис говорил мне, что они с Лоной боялись.*

— Боялись. И приходилось жертвовать. Как не иметь детей? Но на кого мы их оставим, если что-то случится? Это именно так. И совсем не потому, что Служба запрещает. Ни в коем случае, никаких запретов.

— *А у вас, кажется, дочка?*

— Две дочки. Родились здесь. У нас получилось так. Начинали мы с супругой работать вместе.

— *Как? Ваша жена — тоже нелегал?*

— Не только «тоже». Она — настоящая. Вышла из нее хорошая такая финка.

— *Финка?*

— Да, хорошенькая блондинка Ева. И тоже архитектор по нашей первой профессии. Мы с ней вместе оканчивали в Москве Архитектурный институт.

— *Ого, он всегда был и остается престижным.*

— Картины на стенах — мое творчество. Италия, Сингапур, Египет, Париж — вон он, Монмартр.

— *Бывали на Монмартре?*

— Я там рисовал. Как раз во времена молодежных восстаний. Студенты, демонстрации и их разгоны. Надышался там этого газа. Жил я как раз неподалеку от Люксембургского сада, Латинского квартала, Буль Миша (в переводе с жаргонного французского бульвара Сент-Мишель. — *Н. Д.*) и так далее.

— *Вы так его называете?*

— А как? Парижский говор. Я там долго жил. Это — мой родной язык. Должен же быть у нелегала родной язык, и он стал для меня родным. У меня «родных» два — немецкий и французский.

— *Как они превратились в такие?*

— Благодаря длительной подготовке. С чего все начинается?

В разведку ведь приходят по-разному. У Геворка Андреевича Вартаняна

сложилось естественным образом. Мы же говорим о Вартаняне, но, давая оценки жизни и работе нелегала, я, конечно, опираюсь на свои знания о нем и эмоции. Хочу не просто быть искренним, а рассказать о том, что было пережито. Я очень хочу, чтобы книга ваша вышла не сухой.

Я вернусь к оценке этих произведений: он родился, жил там, потом работал дома, награжден. Гораздо интереснее, по-моему, создать материал, где есть эффект присутствия, эмоциональность, подробности, чувства... Пример для меня — «Семнадцать мгновений весны».

— *Но в «Мгновениях» немало неправдоподобного: «Штирлиц идет по коридору».*

— А мне фильм очень понравился. Он правдивый по своему внутреннему духу. Конечно, многое притянута. И не было у нас на самом «их» верху такого человека. Зато какие эмоциональные всплески. Как он встречается со своей женой. Помните?

— *Меня даже познакомили с актрисой Элеонорой Шашковой, игравшей роль жены.*

— Я актрисы не знаю, зато знаю место, где снималась та сцена. Всю картину делали в Таллине, а этот эпизод — в «Элефант Келлер» города Веймара. Есть там такое уютное кафе. Я учился в бывшей ГДР и бывал в Веймаре. Было там давным-давно маленькое княжество, в котором жили Шиллер, Гёте, Лист. А кюрфюрст княжества прослыл любителем всех искусств, приглашал великих к себе на службу. И Гёте воспитывал его детей, как воспитывал детей императора наш Жуковский. Я не случайно вспоминаю это место с почтительным уважением, потому что научился там любить ставший мне родным немецкий.

Как вступаешь в это родство? У Геворка Андреевича, жившего с детства в Иране, родным был, естественно, персидский. То же и у Гоар Левоновны. Им было проще. Они выезжали за границу по своим документам, как иранцы.

— *Я этого не слышал.*

— Конечно. Они якобы выехали из Ирана после войны. На самом деле, как хорошо известно, приехали из Тегерана в СССР в 1951-м, окончили в Ереване Институт иностранных языков. После этого к ним обратились с предложением: «Не хотите у нас работать?» И тогда они стали нелегалами.

— *Хотя до этого был Иран.*

— Тегеран и прочее, все, что было до этого, детские забавы по сравнению с тем, что Вартаняны совершили потом. Они выехали на Запад. Оказались в Швейцарии. Бежали из Ирана в связи с неприятными политическими событиями, затем якобы находились в Европе: надо было перекрыть тот пятилетний ереванский период. Проехали по тем странам, где, по легенде, жили. И только после этого выехали к месту своей работы в Европе. Но это, я догадываюсь, нельзя трогать. Конкретики не будет. Просто страна НАТО, и этого достаточно. И Вартаняны, прожившие годы и годы в Иране, в общем, знали тот мир.

Но из большинства, приходящих разными путями-дорогами в нелегальную разведку, иностранцев делают. Идет огромная подготовка.

— *А как произошло с вами? По-моему, это будет исключительно познавательно. Вы же говорите о разных путях-дорогах. Покажите и вашу тропинку.*

— Если вы уверены, что это будет интересно. Я никогда не думал, не мечтал стать разведчиком. В страшном сне такого не снилось. Меня нашли. И если говорить о себе, отбросив скромность, от которой не умру, то был я некой исторической личностью. В институте — последний сталинский стипендиат, позже — ленинский. Прочили докторскую карьеру. Был у нас великолепный руководитель кафедры, академик. Сильный организатор, преподаватель, великолепный архитектор. Но уже в возрасте, и руководство предусмотрительно искало ему замену. Предложили мне. Был я, помимо всего, и в комитете комсомола Архитектурного, комсоргом нашего факультета. И в комиссии по распределению студентов мне всё рассказали: ректор поставил четкую задачу. Три года — и кандидатская диссертация. Я искренне считал, что за три года написать диссертацию — ерунда. Потом докторскую, и вскоре — заведующий кафедрой. Еще и спросили, устроит ли меня такое. Естественно, что устраивало. Великолепная научная карьера, мое будущее — в стенах любимого вуза. Предел мечтаний. А до этого, так получилось, я год проучился в ГДР по обмену студентами в Высшей технической школе архитектуры и строительства, созданной как раз в Веймаре еще великими архитекторами Вальтером Гропиусом и Анри ван де Велде. Это 1920—1930-е годы прошлого века. Конструктивизм мирового масштаба на немецкой земле. Эта школа осталась престижной и в ГДР. И там моим профессором был доктор Ланерт. Мы с ним очень хорошо поработали.

— *Вы, наверное, здорово знали немецкий?*

— Да. Для этого я сначала два месяца проучился в Лейпцигском университете. Знаете ли вы, что когда-то в нем учился Гёте? Там был институт, где иностранцы изучали иностранный, как у нас в Лумумбе. Вот где я научился учить язык, понял, что это такое. А потом был один среди молодых, среди студентов в языковой среде, и, понятно, за год освоил немецкий достаточно хорошо. Затем вернулся в свой Архитектурный. Как раз пятый курс — все ребята в военных лагерях, сдавали госэкзамены. Тогда было как: сдашь и только в этом случае имеешь право получить диплом. И потому все студенты, обучавшиеся за границей, проходили краткосрочные курсы в Инязе. Это было для меня уже четвертое учебное заведение, и там я сдал государственный экзамен на специальность военного переводчика. Военную лексику нам преподавал молодой старший лейтенант. Лексику выучил, язык уже был, прошли мы восемь семестров немецкого. Так что: мы с вами военные переводчики, так?

— *Именно.*

— И когда казалось, что все мои архитектурные дела уже на мази, встречает меня товарищ, которого я знал по ГДР. Отвечал он за учебу наших студентов. О том, что существуют за границей легальные и нелегальные резидентуры, я и не подозревал, далеко все это от меня было. Да, был товарищ из посольства СССР, приезжал к нам в Веймар из Берлина, интересовался, как идет учеба, какие сложности. Может, изучал нас? Короче, уже в Москве обращается ко мне: есть у нас Высшая школа разведки, предлагаем тебе в ней учиться. Хочешь? И надо было принимать решение. А если уж принимать, то от всех прошлых планов надо отказываться. Ради чего?

— *Вам говорили о дальнейшей вашей роли? Намекали на нелегальную разведку?*

— Никто и ничего. Учился как легальный разведчик, как все наши товарищи. Получил еще одно высшее образование, диплом государственный. Правило было: либо один год учиться, либо два. Немецкий язык у меня был в полном порядке, многие осваивали за два года базовый язык. При поступлении сдавал немецкий, на год вперед мне его проставили и объявили, что имею право на год учебы. И тут я сказал: стоп, на это не согласен. Нормальный человек был бы счастлив, сбережь двенадцать месяцев, пора на работу. Но я, проучившись уже шесть лет, решил по-иному. Для чего нужны были эти два года? Не потому, что боялся, что за год не успею освоить новую специальность. Я ничего в жизни еще не умел делать, кроме одного: умел только учиться. И хотя был уже женат, и даже дочка у нас родилась, жизненного опыта — кот заплакал. Дочери уже под шестьдесят. А когда мы отмечали ее юбилей, то наш с женой ей подарок — поездка на Пасху в Иерусалим.

— *Взрослая она у вас.*

— *Главный архитектор проекта.*

— *Пошла по вашим стопам. В смысле архитектуры.*

— И младшая тоже — кандидат архитектуры. Но та еще маленькая, она у нас родилась ровно в сорок лет. Зачем я все это вам рассказываю? Мне предстояло осмыслить, зачем я все это на себя взял, взвалил, почему учился два года, хотя мог бы и один. Для чего мне разведка? Не потому, что она могла мне дать, а что мне нужно в ней сделать. Какая в ней Мона Лиза, какая в ней тайна? Я вам говорил о моем учителе из ГДР — Ланерте. И при прощании он мне признался: «Горжусь, что был твоим профессором, о тебе узнает весь мир». Что сотворю в архитектуре, а я верил, что сотворю, и что мир обо мне уж точно услышит, я знал. На третьем курсе проекты были, так мне говорили преподаватели, лучше, чем у дипломников. Столько было премий, только отличные оценки. Понимал, что в архитектуре должны работать только достойнейшие. И я это все оставлял. Человек обязан понимать, ради чего он стольким жертвует. Не ради же наград, денег, поощрений. Ради чего-то этот путь выбрать. Этот путь можно выбрать по велению сердца только для чего-то. Это же самое святое — обеспечение безопасности Родины, своих

друзей — близких и далеких. Это не просто красивые слова. Звучит пафосно, когда не тебя касается. А когда это по-настоящему твое, то вот это — самое главное. Вот она — суть нелегала. Беззаветное служение Родине. Потому Джордж Блейк и сказал, что «вы — как монахи». Да, монашеское беззаветное служение идея.

— *Как вы эту идею назвали бы?*

— Идеей безопасности. Это самая яркая черта Геворка Андреевича Вартапяна. Вот человек с большим сердцем, очень светлой душой. Он любил Родину. Постоянно об этом говорил. И не потому, что хотел показать себя лучше других. Это был его крик души. Признание в любви к Родине было для него так же естественно, как дыхание. Но основным для Вартапяна было не просто делать признание, а воплощать его в деле — через трудности, через ежедневное преодоление. Их с Гоар Левоновной жизнь там — это тридцатилетняя война. Были такие длинные войны, как мы знаем из истории. Но там на протяжении долгих лет кто-то служил, кто-то выходил в отставку, а кого-то убивали. А здесь все тридцать лет ты все время в окопе. И еще приходится время от времени подниматься, идти в атаку. Так случается часто, испытываемое напряжение — постоянно. И когда Геворк Андреевич начал работать, то пришла эта жажда успеха не ради успеха, а потому, что на тебя Родина надеется. А если уж надеяться, то там, далеко, рядом из твоих — никого. Значит, кто же еще — только ты, и никто другой.

Я рассказываю вам так подробно, потому что каждому разведчику приходилось искать: ради чего и для кого. Смысл нашей деятельности очень глубок. Мне хочется, чтобы вы и ваши читатели это поняли. Мы пропускаем это через сердце, и эмоциональность здесь совсем не вредит.

— *А не вредит ли эмоциональность нелегалу?*

— Он обязательно должен быть эмоциональным.

— *Но как же тогда вечные постулаты о спокойствии, выдержке?*

— Это внешне. Не путайте с тем, что бурлит внутри. Без эмоций воздействовать на другого человека никак нельзя. Что такое поэзия в разведке?

— *Тут есть место для поэзии?*

— Да. Поэзия — это вербовка. При которой нельзя сделать твоему собеседнику плохо. И в то же время убедить его совершить шаги, сделать вещи в нужном нам направлении, чтобы они соответствовали и его вере, и его устремлениям. Как у того же Эймса, Блейка, у других наших помощников.

— *Имеете в виду агентов?*

— Только имею в виду. У нас не говорят «агент», пусть человек формально им и является. Между друзьями это слово не употребляется. Ведь человек оказывает помощь, значит, он — помощник. Часто он даже не знает, ради кого работает.

— *И страны не знает?*

— Нет. У меня из всех завербованных только один понимал, что я являюсь советским разведчиком. Для остальных я был американским разведчиком, французским. Многие полагали, что я американец из ЦРУ, и приятели мои хорошие были цэрэушниками. Разведчик, может быть и из израильского МОССАДА. В США иногда слышалось: «К тебе придет Хайм. Он американец, но он и наш. Ты уж, Мойша, ему помоги, пожалуйста, ладно?»

— *Хотя у американцев нет, как говорят, нелегальной разведки, они сильны своей мощью.*

— Они сильны в основном деньгами. В их разведку вложены огромные деньги, и они имеют возможность действовать большими силами, наваливаться на какую-то интересующую их проблему и со всех сторон ее обрабатывать. У нас — не так. А они могут подкупать и правительства, и производить нужных президентов. Все эти перевороты в Латинской Америке сделаны ЦРУ. В основном этим и берут. Техническая разведка у них развита здорово. Финансовые вложения огромны и в карты их смотреть приятно, как они все это раскладывают.

— *Удавалось заглянуть в чужие карты?*

— Конечно. Но разговор о другом. О преданности. Ради нее всю жизнь меняешь. В четвертом классе, прощаясь с первой учительницей, честно ответил на ее вопрос: «Кем хочешь стать?» Послевоенные годы, война недавно закончилась, и все хотели в летчики, моряки... А я сказал твердо: «Хочу в архитекторы». Счастливые эти мысли — как построить дом и спроектировать дворец. Сначала нарисовать, потом все рассчитать. К этому шел всю жизнь. И когда сменил профессию, то сначала чувство, будто изменил любимой женщине, бросил ее. Такое было горе, когда мне сделали это предложение: «Хочешь в разведку?» Но не мог отказаться.

— *И все же: почему?*

— Да потому, что для Родины это более важно. И ничего важнее во время той холодной войны не было. Безопасность, бесспорно, гораздо важнее, чем какая-то архитектура. И вот эта искренняя готовность подчинения личного государственным интересам есть само существо разведчика. Геворк Андреевич Вартамян был таким. Не просто «да, согласен». Не просто слова — служение Родине с большой буквы. Геворк Вартамян ощущал это так. Вот главное. Без этого работать нельзя.

— *И вы, и Вартамян поняли, что там, в разведке, — вы нужнее?*

— Абсолютно точно. Там мы сможем лучше. Ну построю я что-то, создам собственное произведение. Да, архитектор — интересная профессия. Художник может написать картину в любом стиле, а архитектор всегда зависит от заказчика. От того, кто заказывает тебе музыку или проект. Архитектура — творческая работа, это — мать всех искусств, элита. И нужно было от всего отказаться. И тогда у тебя появляются другие возможности...

— *А ваши родители, что советовали они?*

— Мои родители — инженеры. Но они не вникали.

— *Они и вы — москвичи?*

— Да, я родился в Москве, в Сокольниках, ходил в школу на улице Малая Остроумовская. И потом Архитектурный. Когда уже учился в разведшколе, мне пришли документы о зачислении в аспирантуру и письма — почему не хожу? Приняли в аспиранты без экзаменов и заявления. Ректор говорил: «Юрка, куда ты идешь! Ведь мы же на тебя надеялись. Оттуда пришла просьба написать на тебя характеристику, и плохую я дать не могу. Скажи, что плохо со здоровьем. Скинем тебе любые справки». И я ему: «Я не буду».

— *А у вас со здоровьем все было нормально?*

— Именно. Наверное, потому, что был всегда худой. Был я тогда комсомольским секретарем факультета. Как можно отказаться? Меня родина позвала, а я в кусты? Нет! Ловчить — противно. И у Геворка Андреевича также. Они с Гоар могли остаться дома, в Армении. Так об этом мечтали. Жить своей жизнью в кругу близких. В Ереване у них много родственников. Но они всё оставили, бросили, поехали. Выехали и всю жизнь — там. Что нужно иметь в сердце, чтобы вот так? Ехали не за чем-то, а для чего-то. Не по приказу, а по велению. Жертвовали всем, действительно всем без оговорок. Посвятили себя большому, святому делу — обеспечению безопасности страны.

А я — в разведшколу. Были у нас великолепные лекторы. Приезжал сам Байбаков — председатель Госплана. Больше сорока лет прошло, а лекцию одну так помню. Читал заведующий информационным отделом ЦК КПСС. Вроде бы скука — как получать информацию. Как ее классифицировать. Легко было весь этот рассказ засушить. Но такой был увлеченный человек, так толково говорил. Они с Байбаковым мне запомнились. И во всех других дисциплинах, что мы проходили и что там потребовались, были вот такие же преподаватели. И один лектор сказал нам: «Дорогие будущие разведчики. Желая вам хотя бы раз в жизни получить документ с грифом наивысшей секретности — грифом “космик”. Вот это — достижение». И я сказал себе: «Знаешь, мил человек, когда настанет время уходить и если ты этого не сделаешь и придется воткнуть штык в землю, то придется признать, что ты прожил жизнь напрасно». И чтобы добиться этого, именно с этой целью я пошел в нелегальную разведку. В ней — кратчайший путь достижения этой цели. Вот ради чего можно было все оставить.

— *Но как сделать такое? Как добиться?*

— Сложно. К этому всю жизнь шел. И мне поручили направление: главный противник и НАТО.

— *Главным противником называли США.*

— И в те годы — было нормально. И я подтвердил: на меньшее — не согласен. Значит, надо было вербовать, вербовать и вербовать. Что надо было взять — ЦРУ, администрацию президента США под контролем, Госдеп и ФБР. Из этого списка не удалось взять только ФБР.

— *А остальных?*

— Про них мы знали всё.

— *И не живя в США?*

— Как вам сказать. Работа с территории третьих стран. Это уже наша кухня. А на кухне, видите сами, я гостей не встречаю. Только в гостиной. Такая же задача была у Геворка Андреевича. Познакомился с ним сначала заочно. Я не знал, что есть такой человек. Но одному из наших товарищей было поручено провести операцию, которая могла помочь мне в вербовочной работе. И получилось. Потом даже научные труды писал.

— *И тема?*

— «Вербовка с нелегальных позиций». Мог быть хорошим архитектором, но тут — другая стезя. И еще какая, ибо был такой период с начала 1970-х годов, когда нелегалам запрещалось вербовать.

— *Коммунистов?*

— Коммунисты вообще не вербуются. Тут запрещалось вербовать с нелегальных, как мы говорим, позиций. И после войны был такой период — нельзя было. К примеру, тому же Абелю — он же после войны никогда и никого не вербовал. Бен — Конон Молодой — тоже.

— *А люди из Портсмута, которые передавали важнейшие сведения о подлодках?*

— Ему этого агента передали. Он был завербован с легальных позиций. Потому что считалось, что вербовка — очень острое мероприятие. Вдруг что-то может случиться, вдруг провал.

— *Из-за подставы?*

— У нелегалов подстава почти невероятна.

— *Почему?*

— А кому я там нужен? Кто обо мне знает? Какой-то чертежник или механик. Но возникает вопрос: как вербовать? Ведь я же нормальный художник. И в себе я был уверен, у меня профессором был Дейнека. В нашем институте он был завкафедрой рисунка. Рисовали обнаженные модели. И мне он поставил «отлично», а чтобы у самого Дейнеки получить «отлично», надо быть художником. У нас шутили: нарисовать лучше, чем Репин. Примерно, как Серов.

— *Тесен мир. Мы живем на седьмом этаже, а мастерская Дейнеки была до самой его кончины — на девятом. С детства помню: наш сосед по подъезду был суровым человеком в вечном берете.*

— Очень суровым. На курсе, наверное, человек двести пятьдесят, а у Дейнеки отличных оценок, по-моему, десять. И берет его помню.

— *У вас похожий. Неизменный атрибут вашего имиджа.*

— Но не потому, что как у Дейнеки. А потому, что я — француз, хорошо подходит по легенде. Как купил в Париже, так его до сих пор и ношу.

— *Столько лет?*

— Ну, не каждый день и не один и тот же. У меня их несколько. Подходит к моему носу.

— *И к стилю.*

— И к стилю, конечно, тоже. Да и привык уже.

— *Там вы были художником?*

— Шикарное прикрытие для нелегала. Архитектор, художник. Это же давало мне возможность общаться.

— *А такое общение вас для всех не открывало?*

— Наоборот. Широчайший круг. У меня в друзьях были все цэрэушники, бизнесмены, деятели искусств, государственные служащие. Это естественно. После того как меня подготовили и я выехал туда, передо мной встал вопрос. Разведчиком становятся не тогда, когда ему предложили и у него есть документ. Он знает страну, ему дали задание. И он стал нелегалом. Нет! Проходит еще лет пять, когда ты превращаешься в нелегала. Первые пять лет, у кого-то больше, у кого-то меньше, тратятся на то, чтобы не только легализоваться. Так было у Геворка Андреевича. Ему же пришлось чем-то заниматься, что-то делать, налаживать бизнес. Ему нужно было создать круг знакомых, интересных людей, через которых он может выйти на источники информации. Войти в среду нужных людей.

— Но вернемся к Дейнеке или, гораздо точнее, откровеннее, к профессии прикрытия. Вы — художник, Козлову, с вашей точки зрения, досталась профессия тяжелая — чертежника. А Козлов признавался мне, что мечтал: «Только не дали бы мне гайки крутить».

— Мне повезло. Не надо было никакой другой профессии. Художник — он и в Африке художник. Я выехал туда, и, повторюсь, возник вопрос: а как я могу интересоваться секретами, какого дьявола? И еще один повтор. Почему сразу не становишься нелегалом? Тебя же обучили общим принципам. Но так же как, полагаю, нельзя сразу превратиться в журналиста, если даже тебя хорошо учили, нельзя стать и нелегалом.

— *Хотя ремесло освоить под силу и неспособным. Столько было у меня учеников — юных журналистов...*

— Ага, именно что «ремесло». Но нелегальная разведка — это ремесло? Формально — да. Но чтобы стать нелегалом, требуется нечто совсем другое. Как это получается? Приехал в чужую страну. И работал поначалу только на себя — заведение связей, шлифовка языка.

— *Но как вам вообще удалось завести связи? Ведь народ тот держится строго.*

— Это же мир в себе. И все же не так строго, как их соседи. К тем просто не подойти.

— *А как вы подошли? У вас с языка самым естественным образом слетают их присказки и характерные словечки, которые может знать лишь человек, долго в той среде проживший. Нет, в среду вжившийся, потому что даже лучшие наши переводчики, в городе, в стране не жившие, не путать с «побывавшими», выдавали моментально такие*

пенки, что, окажись они на вашем месте, никакое произношение их не спасло бы.

— Любил учиться. Пригодилось. Но вопроса «какого рожна мне нужны секреты?» было не обойти. Я художник, я рисую. Но это же дает мне возможность путешествовать по миру. Стоп. Но у меня нет никаких документов об образовании. А что, разве у Карбюзье — были? Великий архитектор — и без документов? Можно отправляться и в другие точки мира.

— *А вы в этой стране не растерялись? Не было чувства, что этого я не видел, того не знаю. И широко открытые глаза.*

— Глаза и должны быть широко открыты. И необходимо любить тех людей, которые живут вокруг.

— *Но как любить, если их надо ломать, склонять, обращать в свою веру?*

— Обращать в свою веру — да. Но ломать! Что вы, ни в коем случае. Надо использовать и его веру, чтобы он делал ваше дело, руководствуясь и своим стремлением к добру. Как вербуетя человек? Ведь я же вербовал даже на церковь. Был иезуитом. Вот где самое сложное. И у церкви есть своя разведка.

— *Имеете в виду Ватикан?*

— Именно Ватикан. Разведка бывает только в государствах, остальное — бандитизм. Каждое государство должно иметь разведку, если оно не хочет быть государством-инвалидом. Ведь разведка — это всего-навсего глаза и уши нации, она видит все правильно. И знает тоже все. О мире, о людях, о расстановке политических сил. По крайней мере, это ее задача. Решение на основе этих знаний принимает мозг. Он уже — не разведка. Это — правительство, государственные службы, руководство страны.

— *Позвольте вернуться к иезуитам. Вы что, изучали религию?*

— Пришлось изучить. Было очень сложно. Но то был эпизод, хотя крайне нужный. Человек оказался исключительно религиозным. Вы сказали «ломать, обращать в свою веру». Делать этого не надо было, а требовалось использовать его веру. Это был абсолютный католик — фанатик. Значит, и я тоже — католик. Да и по второй своей религии, по паспорту — католик. И нужно было использовать его религиозные чувства.

— *Он был священником?*

— Руководителем восточно-европейского отдела МИДа страны НАТО. Хотел бросить эту работу и стать священником.

— *Его уже нет?*

— Надеюсь, жив-здоров и не знает, на кого он работал. Других можно было вербовать, скажем, на ЦРУ. То есть он дает сведения им. Допустим, у человека есть корни английские, может, французские или еврейские. Сделать упор на то, что он выходец оттуда. Обратиться к его чувствам.

— Но если рассуждать таким образом, то как вербовать евреев? Они же глубоко преданы Израилю.

— Правильно. И потому разве не помогут своему государству?

— Ага, наконец-то понял. Вербовали, как у вас говорят, «под чужим флагом»?

— Как иначе? Только так.

— Непонятно, почему нельзя под своим.

— Это уже опять специфика, кухня. Давайте этого не будем касаться. Я о другом. Человека, объект, на который необходимо воздействовать, чувствовать надо тонко. Понимать, что он из себя представляет. Надо любить людей искренне и пытаться им помочь. Не «ломать», как вы говорите.

— Простите, ошибся. Вижу, вас задело.

— Потому что не «ломать», а помочь ему открыться в самых сокровенных стремлениях. Допустим, он религиозный человек. Есть возможность помочь показать свои чувства. У меня был один знакомый немец — генеральный директор фирмы. Подружились. Это была так называемая «нейтральная связь». И вот когда мы уже стали близкими друзьями, познакомился я с его семьей, а я, по легенде, был еще одиноким. А жена была на родине.

— Училась?

— Нет, уже сошла с работы. Потому что женщинам это очень трудно. Жена — смелый, интересный, боевой человек, постигла все. По легенде, выдавала себя за жительницу одной страны и быстро выучила трудный язык. Но дочка тут осталась, пусть и с бабушкой, с дедушкой. А у мамы сердечко болит, как у нее там. Девочка уже в школу пошла, и мысли, мысли.

Становление — всегда трудно. Вы себе представьте, приехал Геворк Андреевич туда. Рядом — никого, ни кола ни двора. Нужно все начинать сначала. Гоар Левоновна хорошо рассказывает: мы еще раз поженились. Сказать — легко. Но как все это сделать? А только так: опять все сначала. И у нас с супругой как: мы — в Риме, но ей нужно съездить в Ирак. Я должен сопровождать, чтобы отработать легенду. Часть ее жизни якобы проходила там. Она же работала как жительница скандинавской страны гувернанткой в богатой семье. И надо бы посмотреть Ирак, место, где она трудилась, почувствовать всю ту жизнь. Из головы все это не придумывается, нужно все пропустить через себя, чтобы все было из твоей судьбы. Поехали мы туда, вернулись опять в Рим, собираемся жениться, а у нее — головные боли. Внешне все ничего, да и не страшно — чего особенно страшного? А переживания, что мы тут, а как дочка там, и голова болит. Приехала сюда на медицинскую комиссию, и врачи вынесли суждение: работа с нашими нервными перегрузками противопоказана. Пришлось остаться здесь. Работала в Центральном аппарате разведки до выхода на пенсию.

— А как объяснили ее исчезновение там?

— Совсем просто. Все же знали, что я — ловелас. У меня много знакомых, в том числе и дам. Однако вопрос один и тот же: «Слушай, почему ты не женишься?» А я: «Как мне жениться? Не могу отдать сердце одной даме. Жанетта, Жоржетта, Козетта, Нузетта, как же они без меня?» Приходилось жутко отшучиваться. И принимали, потому что я — все-таки свободный художник. Но давайте вернемся к Корбюзье и отсутствию у него образования.

— *Простите, что я сбил вас расспросами.*

— Ничего подобного. Наш с вами жанр — свободная беседа. Так вот у этого великого архитектора тоже никаких документов об образовании. Он был никто. И у меня, понятно, тоже никакого диплома. Фальшивых дипломов мы не рисуем. Вообще у меня не было ничего фальшивого. Все настоящее, и паспорт мне давало мое правительство. У меня есть благодарственные письма от атташе по культурным связям, представлявшего нашу с ним страну в еще одном государстве.

— *За что благодарили?*

— За помощь в установлении дружественных связей между этими двумя государствами.

— *У Корбюзье ситуация была полегче.*

— Еще бы. Но я очень старался. Там под моей — той — фамилией издавались книги.

— *Они добрались потом до Москвы?*

— Конечно.

— А как вы их писали? Многие хорошо говорят на разных языках. Но правописание в некоторых языковых группах — тяжелейшее. Коренные — и то ошибаются.

— Я и был коренным. Это — мой язык.

— *В таком совершенстве?*

— Без скромности — в абсолютном.

— *Но как же мучительно осваивать.*

— Не мучительно, это — великолепно. И знаете, почему великолепно наша работа, если отвлечься от всех рисков и других колоссальных трудностей? Есть одно, что, как говорят некоторые народы, все компенсирует. Назовем это возмещением. Это то, что моя работа дает возможность человеку прожить несколько жизней. Всем нам родителями и Богом дана одна жизнь. А наша Служба дает шанс прожить несколько. И каких полноценных, и какие они разные. Но это — жизнь. И, предупреждая вопрос, замечу: это просто другая жизнь. У меня другое окружение, совсем непохожий социальный статус, ко мне отношение совершенно иное. У меня вырабатывается другой темперамент и другой словарный запас. Мироощущение — другое, присущее тому человеку, жизнью которого я живу. И это — ни с чем не сравнимо. Ради такого стоит терпеть и вытерпеть, чтобы тебе отпущенное все пережить. Вы следите за ходом мысли?

— *Еще как. И стараюсь успеть за вами.*

— Я вам рисую нашу жизнь мазками. Может быть, вы что-то из нее соберете, получится некое полотно. Стараюсь, чтобы у вас была эмоциональная составляющая, которую только и даю. Не хочу, повторяю, чтобы получилась сухая книга, она должна быть полна эмоций. Снова о Вартапяне: какие он делал там вещи — это же ужас.

— *Но хоть капельку поконкретнее.*

— Конкретно — нельзя. У меня такое же отношение к людям.

У Вартапяна были великолепные контакты. Он завоевывал себе друзей.

— *Мало встречал таких общительных людей, как Геворк Андреевич.*

— Совершенно верно. Эта открытость, эмоциональное отношение к людям присущи многим из представителей нашей редкой профессии. И это — обязательные ее составляющие, потому что без всего этого ты не можешь подойти к человеку. Помните, я говорил вам о генеральном директоре, немце?

— *«Нейтральная связь», вы дружили и с его семьей.*

— Был он достаточно молодой парень. Познакомились в одной из стран Юго-Восточной Азии. Вскоре женился. Когда мы с ним сдружились, признался: вся моя боль, все стремления направлены лишь на одно: как заработать деньги. Есть такая немецкая пословица: «Лучше один день торговать, чем месяц работать». Понятно, что из двух гораздо выгоднее. И я сказал ему, что постараюсь помочь заработать деньги. Надо для хорошего старта определить, чем мы можем торговать. Скажи: ты бы стал торговать наркотиками, если бы знал, что это принесет результат? Он признался, что стал бы.

— *Ничего себе.*

— У нас доверительные отношения. Если бы я знал, говорит, где их купить и как лучше продать. А по законам некоторых стран за торговлю — смертная казнь. Вот так ему нужны были деньги. Я твердо сказал, что наркотиками заниматься не будем, предложил: может, будем торговать секретами? Мне это не нужно, я же, ты понимаешь, художник. Но есть у меня знакомые, которым, пока не знаю, но вдруг понадобятся. Что, если купят? А информация стоит дорого. Ты знаешь какие-нибудь секреты? Он улыбнулся: какие у меня секреты, я же генеральный директор компании. Осведомился я, не был ли мой друг связан с военными фирмами хотя бы далекой той страны. И он подтвердил: я в связке, на нашей фабрике делают пружины для подводных мин. Я не хотел его обнадеживать. Подтвердил, что за пружины много денег не дадут. А если бы мой собеседник работал в каком-нибудь натовском ведомстве, то я бы ему сказал, что могу помочь как другу. Допустим, какие-то организации, борющиеся за мир, или Гринпис нуждаются в информации о том, какой вред наносит эта натовская структура данной стране. Есть информация? Давай мы ее продадим. Это ведь не против твоей совести, а будет, допустим, для обеспечения мира.

— *Эти ваши ребята должны быть с некой политической левизной?*

— Либо с левизной, либо с правизной. Должна быть какая-то сердцевина. Связаться с мямлей, с растяпой — никогда

— *Почему?*

— Опасный человек, ничего не сможет. А есть в голове идея — и он будет работать. Быстро все схватывает, нужда подгоняет. И у тебя — информация. Например, в одной нейтральной стране создан научный институт, работающий по, скажем, газу или нефти или каким-то другим полезным ископаемым. И в нем — секретный отдел.

— *Зачем он в научном заведении?*

— Должны знать конъюнктуру. Обязаны прогнозировать развитие политических событий, чтобы потом иметь возможность рассчитывать цену на добываемые продукты. Спрогнозировать тренд — это и для нас очень важно. Нужно знать всё, обладать достоверной секретной информацией. И, допустим, вы работаете в этом ведомстве. Я подхожу, и мы заключаем с вами контракт. Вы будете внештатным корреспондентом нашей организации, аналитиком по политическим проблемам в области, где вы признанный специалист. Да, как государственный служащий вы не имеете права на побочные доходы. И с доходов к тому же придется платить налог. Поэтому мы вам даем оклад. Какой — назовете сами в пределах разумного. Сохранение наших отношений в тайне в обоюдных интересах. Никто не хочет раскрывать свои источники. А вы никогда и никому не должны говорить, что мы с вами связаны. Можете ли вы принять это предложение?

— *Вы подходите к человеку как кто? Как рисовальщик? Он вас знает как художника.*

— Необязательно. В данном случае, я уже не художник.

— *И человек это понимает?*

— Допустим, его изучали другие. Например, тот же Геворк Андреевич. Но не мог его вербовать, поскольку находился там под своим именем и на положении длительного оседания. И через Центр мне говорят, что есть такой человек. Постарайтесь познакомиться, подружиться.

— *А вы в этой неведомой стране в качестве кого?*

— Я приезжаю к нему как бизнесмен. Знакомлюсь, интересуюсь его организацией, наши отношения развиваются. Но это опять кухня.

— *Но ваше знакомство со специалистом по недрам так и произошло?*

— Нет, не так. Было лучше. Но примерно в таком роде. Вартамян, а затем Центр дали мне, как говорится, определенную наводку на человека, которого мне требовалось найти. Я тогда не знал, что и кто того специалиста увидел. Уже после всего, когда прочитал дома информацию, просто обрадовался. Ну какой хороший мальчишка, какой замечательный парень. Написал прямо то, что нужно. Не знал я, что этот мальчишка меня на шестнадцать лет старше. У нас с Вартамяном был общий куратор, работали в одном отделе. Его я тоже не знал — только по псевдониму. Видел информацию Геворка — вот такие тома. И куратор

говорил мне: у них номер личного дела меньше, чем у тебя. А у меня был очень маленький номер.

— *Зависит от того, кто уехал раньше?*

— Кто раньше стал нелегалом. Допустим, десять тысяч такой-то и сто тысяч такой-то. И мне было интересно, кто это. Впоследствии узнал, ближе познакомился. Мы говорим о сущности нелегальной разведки, в которой у Геворка Андреевича была настоящая работа.

— *Нельзя ли о ней? Любая деталь интересна.*

— Но нельзя. О чем-то, что как-то нас связывало, я пытаюсь рассказать в каких-то допустимых пределах. Об основном — не могу. Да и всего не знаю. Поверьте, это невозможно рассказать. Им было сделано очень много особенно после Тегерана и учебы в Ереване. Он работал до самого последнего дня их очень долгого пребывания в Европе. О них создается впечатление, они завоевали позиции.

— *Если опять вернуться к архитектуре и живописи. Как подойти к секретам?*

— А как у Геворка Андреевича? Он же бизнесмен.

— *Но вам, мне кажется, легче.*

— Правильно. Но как подойти к источникам секретов? И снова о Корбюзье. Был же такой — просто художник, молодой француз, влюбился в архитектуру, чтобы стать архитектором. Значит, моя задача, цель Вартапяна — получить доступ к обладателям информации. И как эти люди могут затем понять, почему тебе нужна секретная информация? Но стоп! Я — художник. Приехал в ту же страну ХХХ, чтобы понять влияние такой-то архитектуры на европейский стиль. Это якобы моя научная работа, которую я сам себе и задал. Но действительно интересно.

— *Вы потом что-то по этому поводу публиковали?*

— Совершенно верно. Публиковал. И потом еще писал об архитектуре Юго-Восточной Азии и о прочем, прочем, прочем. Еще одна работа — влияние Средневековья на Ренессанс.

— *Они были опубликованы там?*

— Там. Только там.

— *А здесь?*

— Нет.

— *Но жалко же. Здесь было бы тоже интересно.*

— Понятно, жалко.

— *И сами эти публикации в Москве?*

— Да, хотя показывать их, конечно, не надо.

— *А честолюбие автора?*

— Не моя это профессия. Эта профессия — лишь мое прикрытие. Стили архитектуры, бизнес, живопись — при чем здесь секреты?

И тут — стоп. Да, я приехал сюда изучать, допустим, архитектурный стиль. Но никто из серьезных людей не ездит по миру просто так.

У всех — вопрос: а можно ли здесь сделать какое-то дело, заработать

деньги? А чтобы заработать, нужно создать тут свою мастерскую, в данном случае — архитектурную. Но собственное дело требует капиталовложений, конкретно в моем случае небольших.

— *А Геворк Андреевич был миллионером?*

— Ну, примерно. Можно сказать, небольшим. Но нужны инвестиции. А чтобы вкладывать, нужно быть уверенным: деньги не пропадут. Их необходимо обезопасить. Но как? Прежде всего, необходимо знать законы страны об иностранных инвестициях. Ее получают в министерствах экономики и финансов, в торгово-промышленной палате, в других большей частью государственных учреждениях. В каждой стране по-своему. Там я получаю открытую информацию — легальную, не секретную. Она касается моих возможных инвестиций. Это все понятно. Но что ждет эту страну, кто является ключевыми фигурами, влияющими на политический, экономический климат, на конъюнктуру? Значит, мне нужна информация по экономике. Могу ли я быть уверенным, что мой бизнес здесь будет прибыльным? Особенно в архитектуре, области весьма специфической: деньги вкладываются, а прибыль и возврат капитала получаются через несколько лет. Это если ты уже построил некие сооружения, планируешь квартиры, ты должен рассчитывать на длительный период стабильности в этой стране. И тут я всегда рассказывал собеседникам о моей юности. По легенде, она прошла в Африке. А у Геворка Андреевича? Помните где?

— *В Иране.*

— Откуда он якобы бежал из-за сложившейся ситуации. И потому он знает, как тяжело потерять свои деньги. Это правда — отец его был бизнесменом.

— *Андрей Васильевич. И еще советским разведчиком.*

— В этой, новой стране он всегда может рассказать, как терять деньги, если не знаешь ситуации и будет смена режима. Что создастся такая обстановка, когда ты будешь вынужден оставить все тобой созданное и бежать ради сохранения свободы, жизни. И вот теперь я со своей супругой, допустим, Гоар, оказался в Европе. Теперь я пофантазирую. Мой друг, ты работаешь в министерстве иностранных дел и, пожалуйста, расскажи, какова позиция той партии и партии этой. Да у вас тут идет драка. Тогда был популярен еврокоммунизм. Каково влияние еврокоммунистов в данной европейской стране НАТО? Насколько сильны христианские демократы, какова их политика, на кого в обществе они опираются? Короче говоря, начинается постепенный сбор информации. Он понятен деловым людям. Осознают, что имеют дело с серьезным человеком, а не просто с каким-то случайным инвестором. Он хочет сделать долгосрочные капиталовложения, и для этого у него должны быть глаза. Он должен знать все об этой стране и понимать, как может обезопасить собственные капиталы, стоит ли начинать.

И в некоторых государствах мне так помогали, что рассказывали: у нас грядет революция. Так однажды я открыл революцию. Понял, что в Гвинее-Бисау она обязательно будет.

— *Ого, как далеко! Вас и туда забрасывало?*

— Допустим.

— *Там же невыносимо тяжело.*

— Там тяжелый климат. А в Бельгийском Конго что, лучше? Киншаса со всеми прелестями. Вот где прошла моя юность. По легенде. Был я в этой стране. Вообще, Африка, особенно Экваториальная, — это страшно.

А теперь — немного теории. В нелегальной разведке возможно всё. Первое — должна быть уверенность в своей Службе, что ей все подвластно и она все может. И кто должен доказывать эту прописную истину, как не сам нелегал. Если он это может, или лучше: он это может, то действует без всяких отступлений. Когда у тебя есть уверенность, что ты можешь всё, тогда ты соответствуешь, пока всего-навсего, занимаемой должности и званию нелегала. Не больше, но и не меньше. Это самое элементарное внутреннее состояние души нелегала. Таким оно должно быть. Пока этого нет — ты еще на подступах.

Прошло примерно пять лет с того дня, когда я выехал за границу, и только через пять лет я почувствовал, ощутил: могу всё. И тогда я стал нелегалом. И также у Геворка Андреевича. Они выехали с Гоар Легоновской куда-то в Европу. И первый период — это время становления. Нахождение стиля своей работы. Обрастание связями. Создание условий для ведения разведывательной работы, где нелегал может всё.

А мне пришлось обратиться к своим связям. Девушки из колониальной администрации знали, что моя молодость прошла именно в Африке. И есть у меня определенные сложности в создании базы.

И снова о сущности нашей работы. У нелегала, каким бы он ни был сам по себе, не бывает личных побед. Он делает свой выбор, принимает решения на основании опыта. У Вартамянов сорокалетие побед. Тут от Центра зависит всё. Во-первых, необходимо подобрать такую пару, как Гоар Легоновская и Геворк Андреевич, это — задача Центра. Они увидели, нашли, поняли: есть такие люди, которые могут стать нелегалами. И пара — штучная, будем говорить, индивидуального пошива, не массового производства. Центр готовит этих нелегалов. Обучает. Дает направление. Использует по их силам и возможностям. Потом организует материальное обеспечение и прочее, прочее. Реализует полученную информацию. Это он, Центр, дает им задания, нелегалы себе заданий не придумывают. Центр же выполняет поручение инстанции: задачи разведке ставит руководство нашего государства. Это то, что нужно стране на каждом отдельном историческом этапе. Задачи разнятся. Начинался наш послереволюционный период, и стояли задачи сохранения советской власти, борьбы против контрреволюции. Вот

они — главные направления тогдашней внешней разведки. Грянуло военное время, на первый план вышли другие задачи. Послевоенные годы — третьи задачи. Началась холодная война — особый период и особые задачи.

— *А что сейчас?*

— Сейчас? Иные, что естественно, задачи.

— *И все-таки: какие?*

— Политические, экономические. Разведка работает не против каких-то стран. Она работает в интересах своей страны. Это не значит, что когда я встречался с людьми, пытался привлечь их к сотрудничеству, я никогда даже не думал, не чувствовал, что хочу нанести вред тому или другому государству. Нет, я хочу принести пользу своей стране. И на основе знаний секретов наших контрагентов мы можем выстроить гармоничные взаимоотношения между нашим государством и страной пребывания. Выстраивание этих отношений объективно в интересах и той страны, против которой, так уж считается, я работаю. Но для установления этих взаимоотношений я выполняю эту работу специфическими средствами — разведывательными. По существу, это является основой деятельности нелегала и нелегальной разведки.

Получалось так, что приходилось находить точки соприкосновения с людьми, потом работать вместе. Необходимо было и завоевывать друзей. Это — главная задача, потому что разведчик силен только своими связями. Эта опора и есть его основная сила.

— *Вы делите свои связи на знакомых, друзей — нейтральные связи, и тех, кто приносит информацию, кто, по существу, завербован?*

— Вербовка? Необязательно. Бывают завербованные агенты. Но часто процентов девяносто информации нелегал, легальный разведчик получают втемную. Как это назвать? И вы, журналисты, тоже получаете информацию. Между прочим, разведывательная деятельность и журналистская — примерно одинаковы. Только вы, журналисты, якобы не получаете секретную информацию, а только открытую. А разведку открытая информация не интересует.

— *Она же бывает полезной?*

— Еще бы. Потому разведка внимательно читает газеты и интернет. Но и добывает секретную информацию. То, что является действительно важным.

Здесь надо почувствовать разницу между разведками легальной и нелегальной. Считается, что нелегал — это труднейшая работа. А мне всегда казалось по-другому. Как жалко наших легальных разведчиков, которые работают под прикрытием посольств, дипломатических миссий.

— *С чего такая жалость? Они-то в относительной безопасности.*

— Почему, да потому, что если я там работаю, то я, допустим, говорю: «Слушай, мне нужно вложить деньги. Какие секретные вопросы обсуждались, когда американский генерал Александр Хейг приезжал в Европу? Будет продление содержания этой базы США в Испании

в вашем городе? Просто интересно, обсуждался ли с американцами этот вопрос? Оставят или нет? Все газеты пишут, что базы не будет». И тебе отвечают: «Да ты что. Совсем наоборот. Хейг приезжал, и на секретном совещании затрагивались эти, эти и эти вопросы». Тут только запоминай. Почему люди рассказывают это мне? Потому что частично ситуация их касается. А я что? Я же не похож на какого-то там шпиона, их секреты никому не продам, и они говорят мне правду. Представьте, к ним с этим вопросом обращается наш дипломат или другой наш командировочный. Неужели они ему это расскажут? Да никогда.

Больше того. Допустим, у дипломата ли, легального разведчика есть определенное задание: завязать контакты с тем, с этим и еще этим человеком — они носители информации. К примеру, приглашены на посольский прием американцы, англичане и прочая дипломатическая публика из стран НАТО. Нужно задать только два вопроса в процессе беседы при обсуждении схожей или иной проблемы: что они думают об этом и затем разузнать более конкретно. Наш дипломат получает ответ. Но он никогда не знает, действительно ли все так, как ответил собеседник, или вам хотят подсунуть дезинформацию. Ведь иностранному дипломату, идущему на встречу, тоже может быть дано задание: к вам будут подходить, интересоваться этой проблемой. Нам нужно донести до них дезинформацию такого-то характера. Такие случаи бывают. И вот тут определить, где деза, а где подлинная информация, очень сложно. А в моем случае, зачем им врать?

Однажды рисую я себе на площади, где неподалеку находятся конкретные учреждения, где могут и должны быть всяческие секреты. И мимо меня идут три дамы в сопровождении двух американских военнослужащих. Между прочим, неподалеку от этого места своими глазами я видел уходящего Франко: стоял бледный такой старикашка. Итак, приближаются ко мне эти пятеро. А я, как всегда, с мольбертом, рисую что-то такое. Начинается ля-ля-тра-ля-ля. Говорим спокойно по-английски, изъясняемся. Применяю обычный и все тот же трюк. Дарю им рисунок, который с благодарностью принимается. И тут же мне: пошли, мы тебя приглашаем. Суббота, вечернее время, люди возвращаются с работы. Я знаю: идут американцы в форме. Значит, они военнослужащие НАТО. Предлагаю им другое местечко — великолепный бар не для туристов, где подают отличное испанское вино. Садимся, познакомились, время — семь вечера. Короче, пришел домой в двенадцать часов воскресенья.

— *Загуляли вы. Да еще с дамами.*

— Ничего такого не было. Они предложили пойти в дискотеку, тем более теперь нас трое на трое. Я поинтересовался, что за девушки. Конечно, местный персонал, все испанки, не замужем, взрослые дамы. Одна разведенная, все горячего возраста, и эти офицеры их просто пригласили вместе поужинать и на танцы. Продолжались они до утра. А в дискотеке мы встретили миллионера — кубинца, так он затащил нас

в какой-то другой город. Все шестеро вместились в его огромный «кадиллак». Поехали за пятьдесят километров от Мадрида, разбудили владельца фабрики, выпускавшей ликер. Мы этот анисовый напиток как следует продегустировали. Оказался такой гадостью...

Но для меня было важно закрепить знакомство, закорешиться с этими американцами. Я рассказывал по ходу о взаимопроникновении архитектур на примере попавшегося нам очень красивого собора. А об архитектуре я рассказывать умел. И договорились на следующую субботу. Продолжим, и дамы с нами. Да, если бы не разведка, был бы я сейчас профессором архитектуры в нашем институте.

— *А в вашем институте о вашей теперешней профессии не догадываются? Вы же исчезли на многие годы.*

— Не думаю, что догадываются. Был там, правда, один парень. Мы с ним дружим. Он знает, что я где-то и куда-то ушел, но не спрашивает. Но, конечно, догадывается. Все же меня знают. В изданиях института есть мои фотографии. И супруги тоже.

— *А не покажете?*

— Дайте найти. Да вот они.

— *В юности имидж был другой. Не узнать.*

— И не надо. Не скроешь. Но давайте возвращаться к нашим американцам.

— *Вы их тогда не бросили. Не оставим и сейчас.*

— Я про себя решил: ребята, будем с вами, американцами, дружить. Разведчику важна выдержка, никогда не надо торопить события. Познакомились, и сложился план. Ездим по стране, проходит неделя, вторая, третья. Посещаем различные музеи, осматриваем памятники, вместе обедаем, угощаю их бутылочкой виски. Я же бизнесмен, у меня и деньги есть. Выдерживаю паузу, но понимаю, что рано или поздно встанет вопрос: а не поехать ли тебе к нам на базу? Мы приглашаем. А мне ехать туда нельзя. Если узнает руководство, мне за это влетит. Но ехать-то хочется. И не для того, чтобы посмотреть, что там есть. Хотя они мне точно всё покажут. Приблизительно все там нам известно. Однако создаются оптимальные условия для простой фразы: «Ребята, вы великолепно живете. Однако ваши дни, увы, уже сочтены. Продления аренды натовской базы не будет. Франко не хочет пойти на условия, которые США предлагают, вас отсюда выпрут, красивая жизнь заканчивается».

— *Они же могут расстроиться.*

— Расстраиваться нечего. Пусть они мне докажут обратное. Согласятся ли?

Там, на базе, где условия для этого наиболее благоприятные, пусть и доказывают. А здесь, вне ее пределов, мы о женщинах, об архитектуре, о природе. И о их жизни и планах на будущее. Как они, в основном летчики и авиатехники, сюда пришли, обосновались, чем занимаются.

— *База летная?*

— Натовская, военно-воздушная. Фактически перевалочная база между Европой и Америкой. Первый пункт, куда прилетают из США самолеты, а после этого уже разлетаются по разным странам. Важный аэродром, даже крупный аэропорт с военными и гражданскими самолетами. Их заказывают в основном военные, главным образом Пентагон. Пассажиры, как правило, военные. К примеру, американцы, служащие в Брюсселе, летят оттуда в Мадрид и потом в отпуск в США. Так удобно, кратчайший путь. Я тоже всегда летал в Америку через Мадрид.

И пробил час приглашения. Сидим вечером за бутылочкой виски, и они мне: «А не поехать ли тебе к нам на базу?» Я им: «Ребята, вы что, с ума сошли? Это военный объект, вы иностранцы. Моя страна — тоже член НАТО, но из военной организации вышла. Мне-то что, а вам — попадет. Нет, не надо». Вижу, огорчились: «Да ты что. Мы хоть тебе покажем, как живем. Да и ты все время возишь нас, рассказываешь о том о сем. Нам тоже хочется тебе что-то показать». Я упираюсь, убеждаю, что представляю, как они живут, и не хочется создавать для них сложностей. Скажут еще: привезли какого-то иностранца. А мне нужно будет паспорт предъявлять или разрешение какое-нибудь.

Меня вовсю разубеждают. Объясняют, поедем на двух авто. Всех пропускают по номерам и нас на базе знают. Джон — на первой машине, ты со мной — на второй. Увидят, что мы возвращаемся, и я прикрою тебя своим плащом. Также поедем и обратно.

— *А как с девушками?*

— О девушках речи не идет. Это уже только мы — мужики. Но я еще не соглашаюсь, спрашиваю: а что на базе вашей делать? И тут мне убийственный аргумент. Вот ты сегодня нам бутылку виски заказал, сколько она стоит? А тянула она тогда на восемь долларов — нормальная цена. У нас на базе — восемьдесят центов. Я сразу: не может быть! Надо же было ехать вчера, что же вы молчали? Конечно, ради одного этого виски ехать стоит. И все понятно, раз виски — восемьдесят центов. Американцы народ интересный, и я задаю им законный вопрос: что, если вам скажут, будто вы везете шпиона?

— *Разговоры на английском?*

— Естественно. У меня английский рабочий, нормальный. А на шпиона они оба расхохотались: видали мы таких шпионов, как ты. Я продолжаю: знаю, что таких не бывает. Ну а вдруг? На китайца не похож, а если я русский шпион? И мне со смехом: да иди ты! Короче, приехали на базу. Поставили они в казино виски за восемьдесят центов...

— *Там и казино было?*

— Так военные называют ресторан. Ресторанчик хороший. Я им: ребята, ну у вас и жизнь. Да, живут они действительно очень здорово. Даже у неженатых офицеров и сержантов по своей отдельной квартире. Не шикарные, типа наших больших хрущевок. Зато все есть —

и бассейны, и теннисные корты. И я даже не просил, сами рассказали, что приезжал Хейг...

— ...*Тогдашний главнокомандующий войсками НАТО в Европе.*

— И было у них совещание, на котором обсуждались такие-то и такие-то вопросы. Если суммировать — они остаются. Это позволило мне осведомиться: что же пишут в газетах, будто вы уходите? Да специально, чтобы успокоить общественное мнение, чтобы ввести в заблуждение испанцев и заодно главного противника. А все будет так-то и так-то. Разжевали мне детально. Потом, уже когда я приехал, Юрий Владимирович Андропов наградил меня личным подарком. А наше руководство объявило выговор.

— *За что? Дали суперсекретную информацию.*

— Как за что? Конечно, за проникновение на базу. Я знал, что этого делать было нельзя. И будь я на месте Центра, никому бы этого не позволил. Но сделать это мог только я. Мог — и сделал.

— *И за это еще и выговор?*

— У меня два личных подарка Юрия Владимировича. И за каждым — по выговору. Это специально за то, что так поступать нельзя. Первый выговор за Гвинею-Бисау, второй — за эту замечательную базу. Но все равно очень приятно.

— *А что с Гвинеей-Бисау? Туда нельзя было ехать?*

— Как раз ехать было надо. Нельзя было везти оттуда боеприпасы через границу.

— *Вы привезли?*

— У меня задание: сообщить, как охраняется аэродром Бисау.

Выяснил: там стоят зенитные пулеметы. Нужно ли было ради безопасности нашей родины везти боеприпасы? Объективно — нет. Граница, и кто знает, что там. И я же не дурак. Но тут уж разыграл разведческий кураж. Раз мне поставили задачу, я ее выполню. Какая система этих пулеметов? Никто не знал. И пришлось попросить зенитчиков помочь мне.

— *Каким это образом?*

— Для начала познакомились. Потом попросил: слушай, принеси мне боеприпасы. А из них хорошо делать пушечные снаряды, если сцепить два звена вот так. И пушечка получается симпатичная, легкая, и красиво она стоит. Хотя это уже специфика. Вывез, провез — и заслуженный выговор с подарком от Андропова. И патроны тоже пригодились: по маркировке патронов можно узнать, какая там система — американская или какая другая. Нужно нам это? Естественно. Но вопрос мне был поставлен не так: как охраняется аэродром? Я на него тоже ответил. И тут взаимоотношения Центра и нелегала. Центр бережно относится к заданию. Представляете, как бывает: месяц, и за него надо получить секретную информацию, таково задание. Ответить на такой-то, такой-то и еще на такой-то вопрос. А вдруг получится. И всегда в списке дается информационный вопрос, который даже начинающий, не выезжая

отсюда, может выполнить. Например, в Гвинее-Бисау у меня было два вопроса. Перед этим состоялись выборы, и один из пунктов: сколько в местном парламенте белых и черных? Но это же даже не вопрос для разведки.

— *И зачем он, к чему?*

— Чтобы спасти, подстраховать меня. Если я не отвечу на второй вопрос, то можно будет констатировать, что все равно задание частично выполнено. Видите, какая забота. Это как офицеру в армии дать задание, а он его не выполнил. И у меня тоже задание, причем боевое. Вывод: офицер не выполнил боевую задачу.

— *Вы полковник.*

— Полковник.

— *В ту пору были майором?*

— Точно, был майор. Как вы прочувствовали. Но полковником я очень рано стал. Центр нас бережет, задания даются от простого к сложному. И мне не приказывают выехать в Гвинею-Бисау, а «сообщите, можете ли выехать?». Я могу ответить, что нет у меня возможности.

— *И как к этому отнесутся?*

— Нет, значит, нет. Но именно так: мы просим вас, не приказываем, выехать в такой-то город. Выяснить такой-то вопрос. Это очень важно, потому что взаимоотношения между Центром и нелегалом настолько товарищески теплые. Я никогда не видел начальника более счастливого оттого, что ты сделал больше, чем он рассчитывал. В другой нормальной организации это бы перевернули: ах он какой, далеко пойдет, он же меня подсиживает. Но мы же — Центр и я — делаем одно дело. Это и его заслуга, что у меня получилось. Это исключительно ценно. Руководитель Центра обязан настолько четко знать возможности и способности своего нелегала, что должен быть уверен: в труднейшей ситуации нелегал поступит так, и никак не иначе. Если ему дано задание или поручение, он будет его выполнять с полной отдачей и целеустремленностью. Как он может его выполнить? Это на какой-то момент даже неизвестно. Вы же с Козловым были знакомы?

— *Имел честь первым написать об Алексее Михайловиче, Герое России. Царство ему небесное.*

— Он вспоминал, что дали ему поручение выехать в какую-то страну, допустим, Индию или Пакистан. Он спросил: как я это сделаю? И тогдашний начальник нелегальной разведки генерал Дроздов спросил его: «А кто из нас нелегал? Ты или я?»

— *Об этом эпизоде, меня поразившем, от Козлова слышал. И все переспрашивал: как же он поехал?*

— А так же. Поехал. И сделал. И как повезло.

— *Зависит и от везения?*

— Весьма. Нелегальная разведка — искусство. У каждого искусства есть своя муза.

— *Вы лично верите в удачу?*

— Я молю о ней. Вот она, пришла.

— *Но что такое тогда неудача? Не шли бы по площади американцы с девушками. Или проверили бы вас на границе и что-то отыскивали...*

— Не шли бы по площади сегодня, появились бы завтра. Позиция была занята правильная. Прикрытие верное, привлекающее: художник рисует, и рисует хорошо.

— *А не Богом ли это было послано? Богом из Ясенева.*

— И как же я просил Бога об этих вещах. Бывают и более, как бы это сформулировать, более яркие случаи. У меня был один руководитель. Работал под крышей одной организации одной из стран.

— *Юрий Анатольевич, как же вы его далеко запрятали.*

— И было одно очень важное задание, выполнить которое было невозможно. Просто невозможно. И тогда Центр уже понимал меня. Сказал, что раз я такой нахальный, поезжай и сделай. Обеспечение безопасности и все остальное продумано. Меня провожает мой товарищ и говорит: «Ты только не забудь сказать ребятам, которые будут тебя в багажнике переправлять через границу, чтобы они дырки пробили, а то задохнешься». Я его успокаиваю, что никто меня перебрасывать не будет, я сделаю. Вопрос срочный, дается мне всего десять дней, и друг мой волнуется, что ничего не получится. Уверяю: у меня получится.

— *И получились?*

— Только вместо десяти дней командировка по разным причинам продлилась два года. И всё получилось. Мой товарищ, имеющий прямое отношение к журналистике, литературе, пришел однажды ко мне на встречу и сказал: «Знаешь, если написать об этом, никто не поверит».

— *Что же там было?*

— Поэтому мы с вами писать и не будем. Что там писать, если все равно не поверят. Такого быть не может. Я верю в везение и в человека, который его, это везение, ищет. Да, может быть, это банально. Даже точно банально. Но глубоко убежден, есть люди, которых называют счастливыми и несчастными. Так бывает. Счастье и беда — они как субстанция вокруг нас. И один человек видит свое счастье, чувствует момент выбора. Пойти туда, предпринять определенный шаг. И выбрать правильный момент, предпринять нечто решительное, что превращает одного человека в счастливого, а другого — в несчастного. Правильный выбор в каждом отдельном случае.

— *Это зависит от чувства, от интуиции, от обучения, от решительности? От чего?*

— Может быть, больше всего — от интуиции.

— *То есть научить такому невозможно?*

— Не думаю, что возможно, скорее нет. Нельзя. Но талант можно развить, а если его нет, значит, и нет. Его не вобьешь. Это вещь тончайшая. Почему-то Геворк Андреевич Вартамян был исключительно талантлив. Очень.

— *Или тут все-таки везение?*

— Именно талант. Он проявлялся в нужное время. Вартаняну тоже здорово везло. Рассказывал, что были и у него тревожные эпизоды. Когда приехали в одну из стран, говорили, что живем там-то, приехали сюда, до этого были в Иране. А собеседник — иранец, правительственный чиновник, который проходил какую-то стажировку в Европе. И начинает говорить с ним на языке той страны, где они находятся. И Геворк Андреевич, который ничего не понимает, отвечает ему только одним: да, да.

— *Разве на том языке они с Гоар Левоновной не говорили?*

— Еще нет. Это был только первый выезд. Уже потом освоили.

— *Нельзя было поговорить на фарси?*

— На фарси и начали. Но собеседник перешел на язык страны, где они оба и находились. Всегда и всем, долго живущим в зарубежье, хочется показать свое знание местного языка.

— *Прямо тянет.*

— Желание интернациональное. Кстати, о языках. Приходилось мне работать в одной стране Юго-Восточной Азии. Жара, и какой-то особо тяжелый день. Я на океан, и легче стало.

— *Юрий Анатольевич, позвольте, перебыю вас. Я вас не замучил? Не устали после нескольких часов разговора?*

— Нет. Просто вспоминаю все эти моменты, и они мне, как понимаете, не безразличны. Сейчас снова перескочу в наши дни, отвечая на ваше «не устали?». Однажды встречался с товарищами на Дальнем Востоке, рассказывал о нашей жизни, надо же поднять их общий дух. Там я выступал действительно пять часов с перерывом на обед.

— *Как вас занесло в такую даль?*

— Мы ищем людей по всей стране — от Петрозаводска до Сахалина. В нашем с вами разговоре я многое что вспоминаю. Так вот, я на океане и надо бы отдохнуть. Пошел один, может, пивка попить. И на пути пожилой человек. Показался он мне в ту пору древним стариком — лет семьдесят. Сейчас бы иные впечатления. Язык государственный там английский, в местном исполнении. Начали говорить.

— *Вы почувствовали к этому человеку профессиональный интерес?*

— Никакого. Просто не люблю одиночества. Мне приятно говорить, общаться, требуется общество. Без этого жить не могу. У нас, нелегалов, из этих вот моментов, везения и не везения складывается вся жизнь. И смотрю, немолодому моему собеседнику сложно. Спрашиваю осторожно, что он, кто он. Летит из Австралии, где работал, к себе домой. И я осведомился, почему же он не говорит по-английски. Удивился он ужасно: «Как не говорю? Я говорю, пусть язык и трудный». Слова он с трудом подбирает. И как тут не спросить: а вы по национальности кто? И слышу, что француз. Я обрадовался и сразу к нему на моем родном. (Дальше последовал целый ряд типичных

выражений, но на аргю. — *Н. Д.)* А человек молчит. Коряво говорит, еле-еле. И тут я ему стоп-стоп-стоп.

— *Не подумали, что коллега по профессии, посланный на оседание за годы до вас?*

— Нет, конечно. Нас всегда хорошо учили. Давайте-ка, говорю я ему, на каком языке вы хорошо разговариваете? Он снова обижается: «На французском. Я француз, и родители мои настоящие французы. Работал двадцать лет на стройке, даже пенсию получаю. Семьи — нет. И поехал в Австралию. Там тоже на стройке. Английского не знал, но видишь, за двадцать лет выучил. А французский забыл. Приеду во Францию, и восстановится». Но вряд ли. Так я повстречал человека, не знавшего ни одного языка. Тоже случается. И у моих коллег так же.

— *Возвратившихся после долгого отсутствия?*

— И после долгого, и после относительно короткого. Встречаюсь с нормальными нашими нелегалами, приехавшими после двух лет. И не понимаю, в чем дело. Спрашиваю: а что, у него жена не русская? И мне объясняют: «Как не русская, нормальная русская баба из-под Рязани. А с акцентом говорит, потому что при полном отсутствии контактов со своими и в чужой языковой среде появляется акцент». И когда я длительное время отсутствовал, то сам себя ловил: да, акцент проявляется.

— *И после года-двух?*

— Да.

— *А сколько у вас было?*

— Всего? Ну, тридцать или сорок. Но с перерывами. У меня был льготный режим. Семья все-таки оставалась здесь. Возвращался, уезжал. Работа нелегала и Центра — это особая статья. Я сравнительно не так давно перестал там появляться. Когда уже стали разыскивать...

— *Не так давно — это сколько?*

— Да уж ... лет прошло.

— *Вы, как говорится, свежий.*

— Почему меня никуда и не пускают. Потому что все еще живое.

— *2002 год?*

— Приблизительно он.

— *А я почему-то думал, что вы вернулись давно. Увидел вас, можно сказать, случайно, сколько-то лет назад в одном учебном фильме...*

— ...И подумали, что человек уже давно здесь, мирно работает? Когда я сюда приезжал, и довольно часто, у меня бывали перерывы в работе — полгода, год. Но я же не могу сидеть дома. У меня же несколько высших образований, и должность есть. Раньше никогда в Ясенева не был, а потом, во время перерывов, приходил, и у меня был кабинет. А впервые я приехал в 1980-х годах. Фильмы делали, фотографировали, я писал научные работы.

— *На какие темы? Не искусствоведческие?*

— Совсем нет: «Вербовка с нелегальных позиций». Просидел здесь год и поехал, поехал. Но фильм сняли, вы его где-то увидели, и потому могло сложиться такое впечатление. У всех у нас разные судьбы. Нелегалы по-разному приходят и по-разному уходят. Нелегалом становятся гораздо позже, когда погружаются в профессию. И это уже — состояние души, а не профессия. Только у нас никогда не бывает, как с тем почти немым французом. Язык у всех нормальный, хороший. Как у того же Геворка Андреевича. Я не слышал, чтобы на языке кто-то прокалывался. Возвращаясь к его беседе с иранцем, перешедшим на язык Петрарки: просто случилось так, что он его еще не выучил.

— *Внучка Черчилля Синди Сандис специально прилетела снимать фильм о Вартаняне, который в 1943 году помогал спасти от огромных неприятностей «Большую тройку» во время Тегеранской конференции. Нас, журналистов, пишущих о разведке, пригласили в Пресс-бюро СВР. И Геворк Андреевич по доброй дружбе попросил меня на время съемок сесть чуть позади него: «Вдруг я что-то не пойму, язык забывается, сколько лет не говорил. Поможете, Николай?» И хотя я тоже подзабыл английский, но сел за его спиной. Когда Геворк Андреевич заговорил, я поразился: вот чешет, так чешет! Потом обменялись впечатлениями. Ну, легкий восточный акцент, но выражения, темп, интонация, никаких ошибок в грамматике. Ничего похожего на средний английский, который, как говорил Вартанян, был заброшен лет двадцать с лишним назад. Геворк Андреевич признался: «Я так давно не говорил, что было трудно представить, на каком уровне сохранился мой английский». А еще Гоар Леоновна мне рассказывала, что на ее просьбы типа «Жора, давай поговорим на каком-нибудь языке» муж отвечал: «Не надо. Не хочется. Еще там, тогда, так надоело». У вас много языков?*

— Сейчас остались немецкий, французский. Ну, английский, итальянский немножко, испанский. И китайский.

— *Китайский?*

— Это уже не от хорошей жизни. Мне пришлось заканчивать еще один университет, где я изучал китайский язык.

— *В Москве?*

— Нет, на Западе. Мне легализоваться по-другому нельзя было. Только учеба в университете. Тут я вспомнил Бена.

— *Нашего нелегала Конона Молодого — Бена Лонсдейла, изучавшего в Англии китайский, который он в свое время освоил в Москве так, что даже составил русско-китайский словарь. В Лондоне ему пришлось нелегко: никак нельзя было проявлять свои знания, а начинал он с нуля.*

— И я про себя говорил ему: «Бен, спасибо тебе за опыт. Буду, как и ты, учить китайский».

— *Вы были знакомы?*

— Н-нет. Он выступал перед нами, я его видел. Это было как раз, когда я учился в 101-й разведшколе. Мог ли я сравниться с ним? Бен признавался: «Самое сложное было скрыть свои знания». И я с этим

согласен. Был эпизод, когда скрывать было не надо, но я работал одно время в Вене, а банк у меня — в Швейцарии. Приходилось ездить по банковским делам. Положить деньги себе, еще кому-то.

— *Это были дела разведки?*

— Нет, мои, нормальные. Надо же было жить, поддерживать финансовую дисциплину. Из Вены выехал вечером, утром уже в Цюрихе.

— *И на Банхофштрассе.*

— Да? А вы знаете Цюрих?

— *Бывал.*

— А у меня как раз банк на Банхофштрассе.

— *Я думал, это переводится «улица банковская», оказалось просто «вокзальная».*

— А у меня банк напротив кинотеатра «Урания». Возвращаюсь, режим там никакой, показал быстренько обложку паспорта. И пришел таможенник, даже не пограничник, и такой говорливый. Мы с ним ля-ля, тру-ля-ля. У меня к тому времени уже хороший австрийский акцент, и мы с ним о пирогах — о пряниках, пару анекдотов друг другу. Ему делать нечего, мне — тоже, поезд стоит. И вдруг он мне: «Слушай, я паспорт твой забыл посмотреть». Протягиваю, и он изумленно: «Да ты француз! А откуда так здорово лепишь по-австрийски?» Отвечаю: «Я и по-китайски говорю. Но я же не китаец. Почему мне и по-немецки с австрийским акцентом не говорить?» Он мне: «Мое почтение». И все же какие-то мысли мне по этому поводу в голову пришли.

— *Не нужно показывать свои глубокие знания?*

— Мысли разные. Когда я с генеральным директором немцем познакомился, я вам о нем уже упоминал, то он, не слишком хорошо зная меня в первые месяца три знакомства, как-то удивился: «Никак не пойму, из какой ты провинции Германии? Ты иногда говоришь как столичный теледиктор. Прямо чистый немецкий диалект».

— *Хохдойч?*

— Признаюсь ему, что родители всегда запрещали мне пользоваться вульгарным языком с улицы, требовали, чтобы говорил правильно на правильном немецком языке. Но я — француз. Он встрепенулся: как француз? И родители французы? Я честно признался, что и родители французы. По легенде, примерно так.

— *А если бы этот немец, потом с вами подружившийся, захотел бы вместе с вами сходить на могилу, допустим, к маме?*

— Как же, как же, она похоронена в Гвинее-Бисау.

— *И папа тоже?*

— Папа погиб во время войны. Если бы я поведал вам о своей жизни... Но к чему? Да и тяжело рассказывать. Но вкратце можно. Я по паспорту 1937 года рождения. Отец был техником, трудился на авиационных заводах. И мой настоящий отец — инженер авиационной промышленности. Когда немцы заняли Париж, нас вывезли из Франции: семью депортировали в Германию. И папа работал на заводе

«ARAGOBЕКЕ». Там, в небольшом городке, я пошел в школу. Жили мы в отдельном домике на втором этаже.

— *Вы там сами были?*

— Конечно, и потому знаю, какой домик был у нас. А как же, все это правда. Потом завод папин разбомбили. Отец тогда погиб. Мать осталась одна. В городке была лишь единственная возможность устроиться на работу — на фабрику сахарной свеклы. Районы-то, куда нас депортировали, сельскохозяйственные, свеклу эту и выращивали. А потом друг нашей семьи вывез нас подальше от всех ужасов в Африку. Был он инженером-строителем, и это объясняет то, почему я стал архитектором. Привил он мне эту любовь, и в Конго со столицей в Леопольдвилле, потом Киншаса, я и начал свою трудовую деятельность, когда заканчивал учебу. Но недоучился: пришлось выехать к маме. Выехал, но мама умерла.

— *Как все непросто у вашего персонажа.*

— Что вы, все не у персонажа, у меня — довольно просто. Вот когда жена моя устраивалась на работу к знаменитому архитектору Алвару Алто, построившему и зал Европы в Хельсинки, то принялась объясняться, что документы об образовании остались в швейцарском Цюрихе. А он ей: ничего страшного, вот ваш стол, вот инструменты. А вот первое задание: вычертить то-то и то-то.

— *Супруга работала с великим человеком.*

— Да, и вычертила этот чертежик. Вечером приходит к нему. Мэтр, вот ваше задание. Он переспрашивает: вам что-нибудь не ясно? Жена отвечает, что все ясно, задание выполнено. Он поражен, ведь дал на неделю. Да, учили нас на родине хорошо. Алто посмотрел: блестяще, оклад у вас такой-то. И жена начала у него трудиться. Но ей надо было вскоре возвращаться. На работу был отпущен месяц. Сообщила об этом мэтру, и он расстроился: вы мне нужны, вы — великолепный специалист с отличным вкусом, все схватываете на лету, ничего не надо вам объяснять. Вас не устраивает зарплата? Я ее удваиваю. Жену все устраивало, и работать было приятно, но она выходила замуж. И великий поинтересовался: за кого? Жена призналась: он француз. «Француз? И вы верите французам? — Архитектор расстроился. — Да что ж ты такая неразумная?» Но жена хотела замуж именно за меня, за француза. И с этим она уехала в Москву. Навсегда. На этом все и закончилось.

— *В отличие от Вартамянов, которые женились три раза, вы там, за границей, оформить отношения не успели?*

— Не успели. После приезда жена работала в Центре. Познакомилась с Алексеем Михайловичем Козловым, который тогда был на отсидке в одном учреждении. И позже познакомила с ним меня. Первая его супруга уже ушла, был он тогда — молодой и красивый — еще не женат вторым браком. Был у нас такой нелегальный клуб КВН — клуб веселых нелегалов. Был еще один такой нелегал В-й Володя.

— *Был?*

— Увы. Люди уходят.

— *Вы наверняка знали нелегалов Федоровых. Они выпустили интересную книгу. Он довольно давно умер, а жена Галина жила, кажется, в вашем интернате неподалеку от Москвы. Хотел с ней встретиться.*

— В последние годы была одна. Она тоже ушла.

— *Как много уходов. И Козлов тоже. Ничего нельзя откладывать на завтра.*

— Вы правы. Не те годы.

— *Может быть, расскажете мне про рощу нелегалов в подмосковном лесу?*

— Роща — не совсем то слово. Это три ряда берез, которые уходят от ворот, рядом — маленькие домики. Один из них — нашего управления. Есть традиция. Когда пара или один нелегал отправляются в первый раз на боевое задание, то сажают березку. Место уже готово: и ямка выкопана, и саженец березки рядом. Сажают деревце как бы на удачу. И, находясь вдали, почти все спрашивают: как там моя березка?

— *Это искренний вопрос?*

— Абсолютно искренний. Этого родного тепла там так не хватает. И все оно в этой березке. В ней близкие, родина, оставленные родные, друзья. А сейчас приехали — и вот какое высокое дерево. Березке той двадцать или даже тридцать лет.

— *Традиция давняя?*

— Не очень. Я березку еще не сажал. Была у нас встреча с парой. Вернулась она оттуда уже окончательно. Я их раньше не видел, только заочно знал, и нас познакомили. Они рассказывали.

— *Приятные люди?*

— Очень. Муж и жена — без детей. Так же, как и Вартаняны. Почему? Нельзя, не хотели, боялись.

— *Вам в этом смысле повезло.*

— Еще как. Правда, не имел счастья жену из роддома встретить. Зато внуков — Юльку и Юрку от дочки старшей — встречал.

— *Вы видите мне удачливым человеком.*

— Была удача. Но неудача — как неудачный эксперимент в науке. Хотя неудачный результат — это тоже результат. Как все происходит. Как-то Х. Х. посылал меня на одно из последних моих заданий. Надо привлечь шифровальщика.

— *Вот это задание! Шифровальщик — один из ценнейших людей в разведке. И наиболее опекаемый. Не только им, но даже их женам запрещается поодиночке выходить в город. Мы с Тамарой ходим парой.*

— Они и сейчас поодиночке не ходят. К ним вообще подойти трудно. Хотя у натовцев свои правила. И шифровальщика изучили.

— *Вы сами?*

— Нет, был он изучен кем-то из легальной резидентуры, такая у них задача: изучать всех шифровальщиков. Интересуют все, работающие в

посольстве, чуть ли не до уборщиков, камердинеров — людей даже такого плана. И был на связи в легальной резидентуре такой агент — липач.

— *Липач, это в смысле «липнет»?*

— Нет, в смысле врет. От слова «липа». Простите за бандитский жаргон. Страна, правда, африканская, а агент был связан с резидентом. Зато шифровальщик из государства НАТО, из посольства. И он изучался. Агент пишет резиденту: такой-то — такой-то, семейное положение у него неважное, с молодой женой постоянные раздоры. Есть два сына. Пользуется двумя небольшими легковыми машинами. Указаны номера. На работе отношения с начальством отвратительные. До денег страшно жаден, настроен проамерикански. Совершенно нечистоплотен в отношении женщин. Выезжает с проститутками туда-то и туда-то. Бывает с ними на посольской вилле.

— *Прямо объект для вербовки. Ваш клиент.*

— Ну всё прямо для этого, бери голыми руками. Подборочка тоненькая. Но нужно было торопиться, шифровальщик скоро возвращается домой. И почему бы этому тепленькому, «хорошему» человеку не сделать прямое вербовочное предложение.

— *Под другим флагом?*

— Естественно. Проамерикански настроенный, а станет гражданином Соединенных Штатов. Паспорт у меня американский, и в качестве сотрудника их секретной организации я прибыл в эту страну. По легенде, у меня дочка, которая изучает, как и сын шифровальщика, тот же язык — немецкий. Понятно, что, переезжая в неназванную африканскую страну, я хочу ее устроить в ту же школу, а он, возвращаясь домой, освобождает или может освободить для нас заветное школьное место. Что имеем? Моя дочка, его сын. Но как к шифровальщику подойти? Как познакомиться? Ладно, еду в сопровождении одного из наших товарищей.

— *А зачем еще и сопровождение?*

— Мероприятие серьезное, для обеспечения безопасности.

— *Никогда вам не мешали?*

— Нет, они близко, хотя и не совсем рядом. Тем более ехал мой хороший друг, бывший боксер. Выбирают людей правильно. Приехали, и пора устанавливать контакт. Еще не понимаю, каким образом. А резидент в этой стране обеспечивает материальную помощь на двух посольских машинах. Мы с ним сидим в машине. До работы поедem в одном направлении, после — в другом. Будем его отслеживать, ясно: пойдет в бар или по бабам. Обстановка великолепная, чтобы подойти, законтачить. День стоим — не едет, второй — не едет, третий... Понимаю: что-то тут неладно, не нравится мне вся эта система. Придется идти к школе. Это единственный момент, когда мы знаем, что в восемь часов он подвозит туда своего парнишку. Я хоть на шифровальщика посмотрю, мы же его не видим. Знаем, где живет, в доме по вечерам свет

горит, а забор глухой, ничего не видно. При входе надпись «злые собаки», во дворе садовник — местный, помогает по хозяйству. Но как к нему подойти. Прошу резидента быть неподалеку, связь — по мобильному, если потребуется — позвоню. Маршрут у него все тот же, ежедневный, как по дороге на работу.

К восьми я у школы. Здание — фешенебельное. Учатся только дети местных начальников и дипломатов. Машины подъезжают одна за другой, высаживают детей, они торопятся, а его — нет. Уже все приехали и уехали, занятия начались, на часах восемь с лишним, а этот горе-отец, видно, где-то после вчерашнего... Вдруг подскакивает известная мне по номеру машина, из нее — мой будущий знакомец. И, размахивая руками, бежит к школе, потом обратно. И весь он — сама любезность, к сыну — прямо любовь на ходу. Тот забыл портфель дома, и отец рванул туда, вернулся, слегка не по своей вине опоздав. И сына не подвел, доставил портфель прямо на занятия.

Что такое? То ли будущий знакомец где-то в чем-то провинился, заглаживает вину — вы-то понимаете, какие у меня мысли после его жуткой характеристики — и вымалывает прощение. То ли просто верный отец семейства, хороший человек. И чую: липач тот сказал нам всё неправильно.

Я резиденту сразу: откуда у тебя информация, что он такой-сякой? Давай, только правду. Как твой агент мог все это о нем узнать: «Сажает трех проституток прямо у своего дома и везет на виллу». Ну не вяжется, и как у дома посадить сразу трех? Написано: он охотник, и это точно. Но как ему удастся охотиться вместе с этими девками? Не могу себе представить. А агент, выясняется, работает в пяти километрах от дома шифровальщика. Вряд ли он мог за всем этим наблюдать. Ты давал, спрашиваю резидента, задание, чтобы он тебя информировал об отношении интересующего нас человека с женщинами? Да. Говорил, что будешь платить за каждый лист информации? Естественно. А информацию — проверяли? Резидент молчит. А это же элементарно — есть проверочное задание. Чтобы проверить достоверность, нужно дать агенту невыполнимое задание. И если он тебе все-таки что-то приносит, значит, врет, сам придумал. Либо помогла ему чужая спецслужба, либо блефует.

Короче говоря, я в своем лучшем костюме пошел к директору школы с просьбой пристроить мою дочку. Я американец, а жена у меня немка, легенда простая, достоверная. В двуязычной семье ребенок должен изучать два языка — английский и немецкий. Получаю отказ: в классе только десять человек, все места заняты. Но я же знал, что места освобождаются, люди приезжают и уезжают. Директор вспоминает, что, действительно, папа одного мальчика отбывает, и называет уже известную мне фамилию. С ним бы переговорить. Может, подскажет мне, как и когда. Но где мне этого человека найти? И директор дает мне совет позвонить в посольство такой-то страны и спросить

шифровальщика. Вот так запросто. Я должность знал и без него, но попросил на всякий случай и домашний телефон. Хотя и телефон мне тоже был известен.

— *Зачем вам он, в таком случае, был нужен?*

— Чтобы ни на кого никаких подозрений, а на давшего телефон, если что, сослаться. А директор продолжает, что люди они очень милые, семья хорошая, дружная. Я ему о себе. Только что приехал, даже жена и дочка пока в Штатах. Готовлю почву, а к началу учебного года как раз и привезу. Директору все понятно, забота отца о дочери сомнению не подлежит.

После этого выдаю шифровальщику звонок домой. Подчеркиваю, что узнал его от директора, ввожу в курс своих проблем, спрашиваю, не могли бы мы с ним встретиться. Тот моментально соглашается: «Мы приедем к вам с женой». Договариваемся о встрече в хорошем ресторане. И рассказал мне обо всех школьных делах. Хороший, доброжелательный человек. И я, воспользовавшись его откровенностью, попросил: «А не могли бы вы мне и о здешней жизни?»

— *Разговор на английском?*

— Конечно. Но когда о школе — на немецком.

— *До чего помогает знание языков!*

— Еще как. А нам особенно. И его необходимо в совершенстве знать. Особенно в процессе вербовки: ты сможешь найти те единственно верные и искренние слова, которые лягут человеку на душу. Выбрать правильный тон и нужное построение беседы. Если это интроверт — форма беседы одна. Если холерик — другая, флегматик — диаметрально противоположная.

— *Допустим, попался холерик. И что?*

— С ним начинаешь сразу: в мире очень сложная обстановка, поэтому надо сделать то, то и еще то. Он моментально схватывает суть. А если флегматик, то разговор подольше: ты знаешь, хорошо бы сделать и то, и то, и хорошо бы это выполнить, потому что в мире вот такая обстановка. Ему нужно все обосновать, тон — мягкий. Обрисовать обстановку подробно. И только после этого он понимает: действительно, нужно помогать. Обычно перед очередным выездом в командировку я сидел в кухне, и жена все спрашивала: поздно, пора спать, а ты о чем-то сам с собой говоришь, прямо болтаешь. Ты что, чокнулся? И я ей тихо: Галя, я не чокнулся, я работаю, проигрываю беседу с будущим кандидатом на вербовку. Когда я шел к нему, я уже знал, о чем и как говорить. Так что язык — основа. И не только из-за того, чтобы тебя не заподозрили, что ты не той национальности. А есть у тебя на первых порах пробелы, бывает, они есть, нужно уметь правильно объяснить их причину. Ты можешь быть кем угодно — французом, китайцем или японцем, а всю жизнь прожить в Эфиопии. Знание языка — как владение кистью у художника. Ты знаешь, какая кисть лучше, какая хуже. Вот для этого мазка хороша такая, для туши — другая. Для акварели совсем иная.

Так же и язык. Должен владеть им виртуозно, чтобы повлиять на человека, с которым завязываешь отношения, чтобы повернуть его в нужном для дела направлении.

— *Сложная работа.*

— А мне нравится. Это и есть работа с людьми. У журналистов — похожая. Мы с вами одного поля ягоды.

— *Но если вернуться к тому человеку, шифровальщику. Вы его все-таки завербовали?*

— Как вам сказать... Мне надо сделать вербовочное предложение, это — мое задание. Я вижу, что он не вербуем. Понимаете: меня завербовать нельзя, вас — тоже. Но не получится, хоть ты тресни. И он такой же — настоящий, честный, чистый. Сообщаю в Центр, и Х. Х. показывает мое сообщение тому начальнику Управления, который передал ему эту туфту. Тот серьезный человек, в больших чинах, а матерится. Х. Х. ему: вот наш нелегал приехал, в неделю раскусил этого человека, а ваш резидент сколько там сидит и не мог разобраться. Но решили все же попробовать.

— *Зачем, если настолько безнадежно?*

— А вдруг? Надо найти правильную форму предложения. Очень трудно было избавиться от его жены. Ей с нами интересно: я все время рассказываю какие-нибудь истории. Тоже задача нелегала. Надо привлекать людей, чтобы им было интересно с тобой встречаться. Я-то знаю, почему мне интересно встретиться с ними, но они пойдут ко мне, если только я буду интересен им. Это — искусство нашей работы. Короче, вытащил я его одного в середине рабочего дня. Он предложил ресторан, где обедают его коллеги. А мне интересно: как реагируют на него его сослуживцы. Реагируют хорошо. И я, оставшись с ним с глазу на глаз, завожу разговор о том, что мой соотечественник, американец, он же резидент ЦРУ в этой стране, показал мне пачку стодолларовых купюр. Он готов дать хоть сто тысяч тому, кто расскажет ему о секретах стран, которые, как и США, входят в НАТО. Хочет знать о них все, а все об этих странах знают и шифровальщики. Я был бы плохим другом, если бы не подумал о тебе. Ты бы мог дать такую информацию и спокойно вернуться домой обеспеченным человеком.

— *Звучит соблазнительно.*

— Но шифровальщик настроен по-иному. Он признается в любви к работе и к родине. Есть лишь один выход: он может дать американцам липу. Я твердо отвечаю, что уважаю его решение, а липа... Кому она нужна. Мы спокойно расстаемся. Мое задание выполнено.

— *Но каков результат?*

— Результат? Отрицательный. Но и это результат.

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ:

**ТАМАРА ИВАНОВНА И ГЕРОЙ РОССИИ ВИТАЛИЙ
ВЯЧЕСЛАВОВИЧ НЕТЫКСА**

Имя Героя России, генерала Виталия Нетыксы было рассекречено в конце января 2020-го. О муже рассказывает супруга — полковник-нелегал.

Строки покажутся скупыми. Что делать, если Виталий Вячеславович Нетыкса — разведчик-нелегал. В нещедрой на высокие звания внешней разведке ему в 2007 году закрытым указом было присвоено звание Героя России и в 2000-м — генерал-майора. Более двух десятилетий они с женой работали в «особых условиях» зарубежья. Чем конкретно занимались в странах со сложной политической обстановкой, возможно, узнаем позже. Предположим, что сфера деятельности распространялась на латиноамериканский, и совсем не только, регион.

Официальный сайт Службы внешней разведки РФ подтверждает, что, окончив с отличием Московский авиационный институт, Виталий Вячеславович Нетыкса приступил к работе в Первом главном управлении (ПГУ) в 1972 году. Пройдя всестороннюю подготовку, в совершенстве выучив испанский и другие языки, отправился в 1978-м вместе с женой в первую долгосрочную командировку. Перемещаясь по странам и регионам, они с супругой вернулись домой, будем считать эту дату корректной, в 1998 году. Свою задачу пара нелегалов выполнила на «отлично».

Дословно приведу выдержку с открытого сайта СВР:

«Вместе с супругой работал в странах с жестким административно-полицейским режимом. Мужественно преодолевал трудности при решении оперативных задач. Сформировал агентурный аппарат, через возможности которого на регулярной основе добывал особо ценную информацию по стратегическим аспектам ведущих стран Запада».

В Москве Виталий Нетыкса, человек широчайшего кругозора, служил в Центре. Он разрабатывал государственные целевые комплексные программы по одному из важнейших современных направлений деятельности внешней разведки. Вместе с соратниками решал сложнейшие задачи. Громадный опыт и глубокие знания супруги-нелегалы Нетыкса передавали молодежи.

В июне 2011 года генерал-майор вышел в отставку. Через несколько месяцев, 3 сентября, Виталий Вячеславович Нетыкса скончался. Уход неожиданный, преждевременный: было ему всего 65 лет. Герой России похоронен в Москве на Троекуровском кладбище, месте упокоения многих товарищей и соратников по внешней разведке.

Довольно давно, а точнее 12 лет, знаком с Тамарой Ивановной, супругой Виталия Вячеславовича, и их дочкой Леной — красавицей, которую так хочется называть Леночкой.

На некоторых закрытых мероприятиях супругу генерал-майора представляли так: «Слово полковнику-нелегалу Тамаре Ивановне».

Полковник — человек благодарный. Еще в 2000-х добилась права рассказать не о себе с мужем, а об их наставнице — испанке Африке де лас Эрас. Кавалер ордена Ленина начинала в годы гражданской войны

в Испании. Затем по заданию Москвы выполняла особое задание в Мексике. В Великую Отечественную войну воевала в отряде специального назначения «Победители» Героя Советского Союза Дмитрия Медведева и была любимой радисткой легендарного разведчика Николая Кузнецова. Потом долгие годы в «особых условиях» — от Парижа до Монтевидео. И после возвратилась домой в Москву, где стала учителем и другом Тамары и Виталия.

Конечно, приготовил длиннющий список вопросов к Тамаре Ивановне. Их пару рассекретили совсем недавно, и спросить хотелось много о чем. Но Тамара Ивановна рассказывала о муже так трогательно, душевно, впрочем, не выходя за определенные, ею же и поставленные рамки, что перебивать не хотелось. Чрезмерных откровений все равно бы не последовало, а сбивать с мысли, с заданного ритма, озадачивать бессмысленно-безответными «кто, где, когда и как?» явно не стоило. Так что автор этой главы совсем не я. Здесь прямая речь предпочтительнее литературных изысков.

«Слово полковнику-нелегалу Тамаре Ивановне», как говорили раньше, а теперь с полным правом добавим: Нетыкса.

— Все Виталия любили, называли ласково Таликом. Давайте поговорим немного о семье Виталия Вячеславовича. Какая же она интересная! Дедушка был народником, опекавшим молодых ученых и умельцев, писал книги, был близко знаком со Львом Николаевичем Толстым. Учил, как обрабатывать кожу, древесину. Творец, вечно что-то мастеривший. В Университете дружбы народов один профессор «нетыксовед» изучал его судьбу и работы. Книги дедушки находятся в Библиотеке имени В. И. Ленина, их можно найти в интернете. Посвящены они обработке кожи, дерева и, по мнению специалистов, являются актуальными и лучшими в своей области.

Иногда спрашивают, откуда такая фамилия — Нетыкса. Мы сами до сих пор не знаем. Они коренные москвичи. Дедушка — Мстислав, отец — Вячеслав Мстиславович и сын — Виталий Вячеславович. Были в Москве крупный архитектор и известный адвокат с такой же фамилией.

Семья мужа интеллигентная, из дворян, но этим никто как-то особо не гордился, не вспоминал. Отец Талика — профессор, крупный ученый, железнодорожник, лучше сказать паровозник. Ведь тогда Россия была страной паровозов. Революцию потомственный дворянин и сын народника принял сразу.

Пригласил его к себе Владимир Ильич Ленин и послал в Швецию покупать паровозы для встающего на ноги и на рельсы молодого Советского государства. Выдали ему и сопровождавшим его товарищам золотые слитки для расплаты, и они поехали. Вот такое доверие! Были на аудиенции у короля Швеции Густава V. Они сумели купить для страны, с которой мало кто хотел торговать, такие нужные паровозы. Потом много работал, преподавал в самых серьезных вузах страны.

Во время войны очень рвался на фронт. Не взяли: человек в годах, известный ученый. Три его сына пошли воевать, двое погибли.

Первая жена умерла. Талик от второго брака. В 1946 году ему всего несколько месяцев, а отца посылают в Днепропетровск возглавить воссозданный Институт железнодорожного транспорта. Они уезжают на Украину. Талик окончил там школу с золотой медалью и поступил в Московский авиационный институт. Когда был на втором курсе, папа умер. Талик был отличником, занимался комсомольской работой, но из-за высокой зарплаты отца не получал стипендию. А тут началась другая, более суровая жизнь. Ему сразу назначили повышенную стипендию, а с третьего курса и до конца учебы Виталий уже ленинский стипендиат.

Успевал всё, занимался комсомольской работой. Сначала он секретарь комитета комсомола факультета, потом заместитель секретаря и секретарь института.

Прошло время. На Виталия выходят из разведки, делают предложение.

Но еще до того мы познакомились на выездной комсомольской школе: мне 19 лет и я на втором курсе, ему 22 года, он — на четвертом. И вот 29 февраля 1968 года комсомольский актив МАИ выезжает на три дня в Боровое. В тот же день, после обеда, выхожу с товарищем из столовой. На улице стоит Виталий с другом. Оказывается, он уже видел меня в институте. Шепчет другу: если эта девушка обернется, будет моей женой. Я обернулась. Он ко мне сразу подбежал, пригласил в кино.

Талик спросил, люблю ли я Сен-Санса. Я страшная поклонница балета, очень люблю его музыку. Виталий играл на скрипке, начал еще маленьким на «четвертинке», окончил музыкальную школу. И всю жизнь любил, понимал, до глубины души чувствовал музыку, особенно скрипичную.

Любовь к музыке, к литературе, к искусству всегда помогала нам в работе. Очень! Потому что чем больше человек знает, умеет, чем больше у него увлечений, тем он глубже, тем он интереснее. И он больше привлекает к себе других. А если нелегалу нечем привлечь к себе интересных и нужных ему людей, то он не сможет заниматься этой нелегкой, но очень нужной для нашей родины службой.

Дома среди множества фотографий есть две черно-белые: комсомольский секретарь огромного института Виталий Нетыкса и секретарь ЦК комсомола Евгений Тяжельников поздравляют молодых студентов-«козерогов» и вторая — встреча ленинских стипендиатов с генсеком Леонидом Брежневым.

Виталий всегда был в центре внимания. Умный, красивый, внимательный, грамотный — тянулись к нему необыкновенно! Все мои подруги были в него немножко влюблены. Обаяние, благородство, достоинство, чувство меры в нашей профессии особенно необходимы.

Когда мужа хоронили, Сергей Николаевич Лебедев (он долгое время возглавлял Службу внешней разведки) сказал: «Поражали его глаза — умные, добрые, светлые. Других таких я не видел».

Но вернемся к нашему знакомству. Утро следующего дня было свободным. Мы с Таликом пошли кататься на лыжах. Он сразу сделал нашу первую фотографию. Она у нас самая любимая. «Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя». А это наша самая любимая песня Александры Пахмутовой. Виталий был прекрасным фотографом. Это тоже очень сильно помогало ему и в жизни, и в работе.

В этот день, 1 марта 1968 года, Талик сделал мне предложение стать его женой. Я, конечно, рассмеялась, сказала, что нужно лучше узнать друг друга. А поженились мы через год: 5 марта подали заявление и стали мужем и женой 23 мая 1969 года.

Талик уже на выпускном курсе, мне еще два года учиться. Секретарь комитета комсомола, ленинский стипендиат, его уже ждут в аспирантуре — и ни капли карьеризма! Ребят отчисляют, и он, если несправедливо, просит за них, защищает. Но умел понять, когда попадался негодяй, строивший из себя святого и правильного. Талик хорошо различал порядочных и непорядочных, честных и карьеристов, за это его сильно уважали.

А жил он у своей тетушки по маминой линии в центре Москвы на Садовнической набережной в маленькой старинной квартирке. Муж тети — племянник Римского-Корсакова, и баба Нина (так мы ее все звали) носила эту фамилию. Типичная московская интеллигентка, очень милая, симпатичная и благородная. Виталика безумно любила. Были у нее свои знакомства, доставала нам билеты на самые уникальные концерты симфонической музыки, на балеты в Большой и на «Дон Кихота» 31 декабря во Дворец съездов. Это был праздник!

Мы с друзьями всегда собирались в тетиной квартирке, слушали пластинки классической музыки, читали стихи, спорили на политические темы. Наши ровесники любили хозяйку и легко находили с ней общий язык. В праздники шли смотреть салют на Каменный мост, совсем рядышком.

Помню, как в 25-летний День Победы мы вышли на Манежную площадь. Она была совсем пустая, и там играл военный оркестр. Мы на этой огромной площади под звуки любимой фронтовой песни танцевали вальс. Это было торжественно, волшебно и незабываемо! А уже прошло больше полувека...

За неделю до свадьбы Виталий пошел провожать меня от тетушки в общежитие, где я жила. Это место на Садовнической набережной называлось Балчугом, и на выходе со двора стояла гостиница с аркой у входа. Тут под аркой Виталий меня останавливает. Вид серьезный: «Подожди. Хочу тебе что-то сказать. Скрывать не буду, ты должна знать и принять решение». Я испугалась: «Что случилось? В чем дело?» Талик сразу: «Это очень серьезно, я принял решение: пойду работать в нелегальную разведку, если меня сочтут годным. Подумай и дай ответ, согласна ли ты быть рядом со мной». Я без раздумий согласилась,

сказала, что радуюсь за него и люблю еще больше. И хотела бы работать вместе с ним.

Для меня это было неожиданно. Ко мне с этим никто не обращался. Это было взрывом! Как передать тот наш разговор? Есть моменты в жизни, которые забыть невозможно. Они стоят перед глазами и, наверное, останутся до последнего. Если правда, что когда человек умирает, перед ним проходит самое важное, — это как раз тот момент. Неделя до свадьбы, мы стоим под аркой, и будущий муж, самый дорогой человек, говорит: «Мое решение не изменится. Ты должна решить».

Я приняла это естественно и мгновенно. Конечно! Никаких сомнений! Виталий поднялся в моих глазах на необыкновенную, еще большую высоту. Умный, честный, благородный, мужественный, настоящий патриот, глубоко любящий свою родину и готовый служить ей, не думая о своем личном счастье, благополучии, карьере.

Для меня это было очень важно. Мои родители прошли всю войну. На фронте познакомились. В Вене, в День Победы, мой папа сделал маме предложение, и, вернувшись на родину, они поженились. Маме было 15 лет, когда она добровольцем, приписав себе три года, ушла на фронт и провела всю войну. В моем доме любовь к родине всегда была на первом месте. И у Виталия такая же семья. В партию Виталий вступил не потому, что так нужно, нет. По зову сердца, по-настоящему. В войну говорили: «Коммунисты, вперед!» И Виталий был впереди.

Мы поженились. Жили год на квартире у бабы Нины, потом в общежитии.

Забегаю вперед скажу, что прожили мы 43 года. Были любящими мужем и женой, счастливыми родителями, очень близкими друзьями, товарищами и соратниками, верными единомышленниками и глубоко понимающими друг друга людьми. Нам очень повезло в жизни.

Когда я была на пятом курсе, меня вызвали и сделали предложение работать в разведке. Я, конечно, согласилась.

После того как окончила институт, а Виталий аспирантуру, мы стали готовиться к нелегальной работе.

Шла учеба, настоящая, насыщенная. Тебе дают возможности, но человек многое обязан сделать сам. Больше и больше инициативы, желания, стремления на всех этапах.

Наша профессия непростая. Нужно очень много знать и любить. По-настоящему любить эту сложную, очень нужную профессию — родину защищать. И тогда будут глубокие знания, интересные связи, важные встречи и большие результаты.

У нелегалов язык — основа основ. Язык учить непросто. Сейчас очень много возможностей и ресурсов, у нас, к сожалению, их было меньше, но было очень большое желание и еще большее стремление. Хотелось скорее взяться за дело, а для этого требовался прекрасный язык. Не было таких чудесных словарей, интернета, когда нажимаешь на кнопку, и сразу выплывает нужное слово или нужная информация. Мы искали

и искали, ошибались и снова искали. Зато всё оседало навеки. До сих пор пишу на языке, не допуская ошибок.

Помню, была уже на последнем курсе, когда мне передали два фильма на языке. Не могла их посмотреть: видео еще не было, могла только слушать. Выучила их наизусть. Уже после, когда смогла там увидеть эти фильмы, была просто счастлива, сколько знакомых, почти родных фраз и выражений! Были, конечно, и трудности. Но нет худа без добра.

Главное — было огромное желание.

Наш руководитель был потрясающим человеком, большим нашим другом. Мы сына в честь него называли Евгением. Однажды он приходит и говорит: «Завтра вы пойдете к настоящей испанке».

И нам повезло — мы встретились с Патрией (Африкой де лас Эрас. — *Н. Д.*).

Мы очень с Патрией дружили. Любили ее, и любовь была взаимной. Патрия дала нам очень много. Учили с ней наизусть отрывки из поэм великого никарагуанца Рубена Дарио, замечательного поэта-символиста и видного политического деятеля. Мы с Патрией посвящали время истории, страноведению, литературе и поэзии, живописи и музыке.

Я знала много о языке, потому что для нелегала он основа основ, требует огромной, постоянной работы. Испанский язык глубоко эмоциональный. Наверное, XVII век — золотой век испанской литературы — сделал его таким.

Итальянский тоже эмоциональный, но он в чем-то язык жестов, более визуальный, и поэтому это страна живописцев. А в испанской живописи больше философии, чем у итальянских мастеров. Не случайно в Испании много драматургов, а в драме эмоции — внутренние. И все это отражается на языке. Говорят, испанский легкий язык, и я всегда смеюсь. Может, легкий, чтобы понять суть, уловив два-три знакомых слова, но чтобы он стал родным... Это очень нелегкий язык!

И его надо любить. Но язык один сам по себе не существует. Нельзя взять и просто выучить язык. Надо знать и любить и культуру, и историю. У испанского — она богатейшая, потому что не только испанская, но и латиноамериканская.

Культура открывает немало разных дверей. А началось всё в Москве. В Пушкинском я слушала лекции еще молодой Антоновой, ходила на двухгодичные курсы и на отдельные лекции по разным культурам.

МАИ находится напротив Строгановского училища, и Виталий договорился с их секретарем комитета комсомола, чтобы мне разрешили посещать лекции по истории искусства. Все это сильно помогло мне в дальнейшей работе, а я помогала Виталию.

Латиноамериканская культура — какая же она потрясающая! Я уже не говорю про древнюю культуру инков, майя. А мексиканская, а южноамериканская... Глубокая философия, невероятная архитектура! Мне страшно повезло. В Мексике познакомилась с великим Тамайо, последним из плеяды знаменитых мексиканских муралистов и

художников. Он был директором уникального антропологического музея. Мне там удалось поработать, сколько узнала, это богатейший материал, который послужил для нашей дальнейшей работы.

Или Перу с ее горами, высоченными Андами. Страна легенд и мифов, мистики и реальности, древняя культура и сегодняшняя действительность.

А Никарагуа? Как-то нам пришлось учиться с группой никарагуанцев, и после, когда праздновали окончание учебы и сидели за столом, я встала и вместо тоста прочитала отрывок из поэмы Рубена Дарио. С какой благодарностью это было воспринято.

Мелочей нет. Мы говорили о музыке. Во многих странах есть вагнерианские общества. Устраиваются концерты, и приглашают всегда избранных. Но, чтобы попасть в избранные, надо много знать и ко многому стремиться. И постоянно расти. Есть одна труднопереводимая испанская поговорка: «Суть в том, что каждый должен заслужить право на свое место в обществе». Поднялся — достиг другого, более высокого уровня, и снова растешь. Виталий рос все время, много учился, много работал. Постоянно посвящал время работе с языками. Говорил на многих. И их нужно было поддерживать. Он был очень талантливым человеком, и все, за что он брался, выполнял на самом высоком уровне.

Виталий добился больших результатов и потому, что для него таких понятий, как беспечность, обман, лукавство, предательство, не существовало.

Мне дочка однажды сказала: «Спасибо за то, что вы нас никогда не обманывали». Жить нелегалу согласно легенде и обманывать — совершенно разные вещи. К сожалению, люди не всегда понимают разницу между легендой и обманом. Человек, который занимается нашей работой, должен быть кристально честным. Приступая к нелегальной работе, разведчик принимает новые характеристики своей жизни, интегрирует их, чтобы они стали гармоничными с его личностью: он *действительно* становится другим человеком, не теряя своей сути. Это невероятно трудная духовная работа, которую можно делать только тогда, когда ты знаешь, что полностью веришь в свои цели. И это необходимая часть нашей работы, ведь только тогда, когда становимся той личностью, о которой свидетельствуют наши документы, мы не привлекаем ненужного внимания и можем успешно выполнять задания Центра.

Виталию всегда бесконечно верили и доверяли, он пользовался там большим уважением и всегда уверенно чувствовал себя своим среди чужих.

В отпуск мы приезжали крайне редко, это было трудно, и нельзя было рисковать. Только один раз приехали втроем: я, муж и трехлетняя дочка. Потом она выросла и говорила на другом языке, и приезжать уже было нельзя. Сын приехал в Москву только тогда, когда мы вернулись, ему —

14 лет. Мы с мужем приезжали два раза отдельно. Но первый раз, когда мы возвращались «домой» (в зарубежье. — *Н. Д.*) и поднимались в аэропорту по лестнице, я посмотрела на Виталия и увидела, как за несколько секунд, пока он поднимался, разведчик-нелегал становится другим человеком. Потрясающе! Даже я, которая знала каждую его клеточку, восхищалась им. Он был разведчиком-нелегалом с большой буквы.

Все годы мы работали вместе. Но у каждого из нас была и своя работа. Многое мы обсуждали, обговаривали, но было и такое, о чем я не знала. Однажды мы получили телеграмму, он уехал на несколько дней. Вернулся уставшим, похудевшим. Вопросов я не задавала. Из следующей телеграммы узнала, что Виталия наградили орденом Красной Звезды.

Приходили сообщения из Центра, иногда их принимала я, иногда — муж. Он был невероятно занят. Порой спал по четыре часа. У него была дикая нагрузка. Чем могла помочь, тем помогала.

Там родилась Леночка, потом Женя. Без них наша супружеская пара выглядела бы странно. Молодые, здоровые и без детей. При родах на родном языке не кричала. Испанский язык так вошел в подкорку, что стал на некоторое время родным.

В целом мы пробыли за границей 22 года. Вернулись и только дома узнали о своих воинских званиях: муж — полковник, я — подполковник. Но Талик продолжал ездить, большую часть был там. Страны? Всякие. Разные. В основном далекие.

Виталий всегда был очень требователен к себе и к тем, с кем работал. Не признавал никакой непорядочности, недобросовестности. Считал, в нашей работе все должно быть прозрачно, без малейшей нечестности. Был на сто процентов безупречным, чистым человеком.

В 2000 году на наш профессиональный праздник выпустили юбилейный знак. В один из дней вызывают нас на объект, и я говорю: «Талик, нам сейчас вручат». Нет, оказывается, мне присвоили звание полковника. Проходит еще немного времени, опять нас вызывают, и я снова говорю: «Теперь точно — вручат знаки». Приезжаем: мужу присвоили звание генерала. Такого мы никак не ждали.

С Героем тоже интересно. Виталий утром ездил с сыном по делам. Приходит домой, звонок: «Вас хочет видеть президент». В этот день Владимир Путин встречался с Чавесом, муж решил, что будут задавать ему вопросы по Венесуэле, подготовился.

А в этот день у нас на работе празднуют юбилейную дату. Подходит ко мне один из руководителей разведки и говорит: «Тамара, поздравляю. Виталию присвоили звание Героя России». А мы и не знали, и не догадывались, а вокруг-то многие знали, но хранили в секрете.

Казалось бы, Виталий достиг таких высот в своей работе, но ему и в голову не приходило зазнаваться или любоваться собой. Звезду он ни разу не надел — конспирация. Он был невероятно скромным и даже

застенчивым по отношению к своим успехам, ему все казалось, что сделал мало, что должен сделать больше.

Его родные узнали, что их брат, дядя ... — генерал Службы внешней разведки и Герой России, только на траурном митинге.

Когда командировка закончилась, нам очень трудно было вернуться к русскому языку. Очень сложно! Но прошло время, и родной русский вытеснил все другие языки. Ну, естественно, кроме испанского. Когда прочно обосновались дома, в Москве, конечно, говорили по-испански: дочь Леночка и сын Женя русского совсем не знали. А потом потихонечку начали общаться на русском. Жене он дался быстрее. Пошел в школу, были, понятно, трудности. Сейчас он пилот гражданских авиалиний, по-русски — без акцента. У Лены — сложнее. Но со своим акцентом она стала ведущей на телевидении. Сколько интересных интервью!

Об этом сейчас говорить не будем, но дети нелегалов — это важный и непростой вопрос.

Лена и Женя очень любили своего отца, восхищались и гордились им. Он был для них не только добрым, умным, любящим отцом, но и верным, преданным, всегда понимающим их и помогающим во всем другом.

Виталий очень любил молодежь, всегда старался понять молодые души, помочь, подсказать. Никогда не задавался, не ставил себя выше, и молодые ребята всегда это чувствовали и тянулись к нему.

У Виталия были огромные планы на будущее, он хотел еще столько сделать! Мечтал работать с будущими нелегалами, передавать им свой огромный, бесценный опыт. Он понимал, что времена изменились, что сейчас и молодежь другая, и методы другие. Но всегда считал, что, несмотря на время, на воспитание, на образование, самое главное — это мотивация.

Сегодня мотивация у наших людей должна быть огромной. Против нашей страны всюду подняли такой вой. Даже сейчас, в таких суровых условиях пандемии, когда все страны должны объединиться, противники всеми силами стараются опорочить и унижить Россию. Это издевательство и вакханалия. Мне кажется, что сейчас настоящая российская молодежь должна стремиться к нам, в очереди стоять, рваться записаться в разведку, чтобы добывать сильную информацию, чтобы гасить все эти ничтожные наскоки, чтобы поднимать престиж нашей страны и делать ее великой и могучей.

А кому повезет стать настоящим разведчиком, с гордостью и высоко поднятой головой всегда с честью нести это высокое звание. Как его нес наш Виталий.

СЛУЖИЛИ ДВА ПОЛКОВНИКА:

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА И ВИТАЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НУЙКИНЫ

Имя полковника-нелегала Виталия Алексеевича Нуйкина, скончавшегося в 1998 году, рассекречено совсем недавно. О нем, о долгой совместной работе в особых, нелегальных условиях вспоминает супруга и соратница, полковник в отставке Людмила Ивановна Нуйкина.

— *Людмила Ивановна, скажите, а Нуйкина — фамилия настоящая?*

— Да. Эта фамилия мужа.

— *Его сейчас нет?*

— Он давно ушел. Я бы хотела о моем Виталии Алексеевиче рассказать. Дружили с ним с шестнадцати лет. Я, правда, жила в деревне Шемонаиха, точнее в селе Верх-Уба Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. Глушь, после войны жили бедно. А вспоминаю свою деревню с теплотой. Всем нам хотелось учиться, и мы помогали друг другу. Не в чем было идти в школу, так иногда даже одежду одалживали или скидывались по копейке на покупку новой. А в классе не бывало чернил. Писали сажей на каких-то листочках, на обрывках газет.

Работала в тайге, пять лет — фельдшером-акушеркой. Там деревья сходятся вверху и так — что солнца не видно. А познакомились в Усть-Каменогорске, это в Восточном Казахстане, где я училась в медицинском училище.

— *Муж тоже медик?*

— Нет, окончил МГИМО — дипломат и переводчик. Он знал и арабский, и индийский, и французский, и английский. Муж у меня был классный. Мы с ним столько лет отработали в паре. Это был мой непосредственный начальник.

— *Полковник?*

— Да, полковник.

— *А вы — подполковник?*

— Нет, полковник, но получила, когда мужа уже не было. Умер в 1998-м — инфаркт. Мы же привыкли себя держать при любых ситуациях. Первый инфаркт у него случился в аэропорту, но он заставил себя сесть за руль своей машины, доехать до нашей поликлиники, отстоять в очереди за медицинской карточкой, а потом немножко расслабился. И наступила клиническая смерть. Его воскрешали пять часов и спасли. После этого прожил еще год. А я долго работала. В семьдесят лет ушла в отставку, а потом лет восемь помогала, продолжала ту же самую работу.

— *Ваш муж был Героем Советского Союза, России?*

— Да нет. Однажды одному большому начальнику задали вопрос: почему вы так редко своих поощряете? А он ответил: зачем? Они делают свою работу.

— *А как вы вообще попали в разведку?*

— Когда муж учился в МГИМО, на него вышли люди из Первого главного управления. Подробностей не знаю, никогда не спрашивала, у нас это не принято. Так за тридцать восемь лет и не спросила. Но могу

вам сказать, как наши службы находят нужных людей. Подмечают, знакомятся, наблюдают. Потом беседуют и, если подходит, предлагают вот такую работу. И смотрят, получится ли из него разведчик или нет.

Однажды, когда я еще работала по своей медицинской линии, муж как-то невзначай спросил меня: не хочешь ли потрудиться с чужим паспортом? А я говорю: зачем мне чужой, у меня свой хороший. И больше мы никогда об этом не говорили. Муж был уверен во мне, знал, что пойду за ним. Сыну Юре, здесь родившемуся, исполнилось уже три года, а я пошла на подготовку. И учились мы долго.

— *Лет пять?*

— Даже дольше обычного. Так сложилось. Но зато постигала все премудрости, выучила несколько языков, без которых мне бы никуда.

— *А как учились?*

— С преподавателем и сама. Читала книги английские. Смотрела телевизор целыми днями на английском, французском. И когда приехали туда, у меня уже была база и французского, и испанского. Поехали мы для начала отрабатывать свою биографическую легенду в страну с французским языком. Да и подучить его тоже.

— *Но ведь, наверное, было опасно?*

— Да нет. Тогда не так уж. Если бы со мной что-то произошло, я бы сказала, что я русская.

— *И вам никогда не было страшно?*

— Да страшно в любой стране. Мы проходили подготовку как раз в той, которая была не совсем капиталистической, скорее социалистической. И нам надо было побыстрее пожениться. Везде на это — три месяца: подать заявление, ждать. А потом наш коллега подсказал: что вы здесь толчетесь, зачем вам терять эти три месяца, переезжайте в другое государство, и все будет сделано за три недели, даже за две. Мы так и сделали. И сразу в местной газете появилось объявление о том, что мистер такой-то и мадемуазель такая-то собрались связать себя узами брака.

— *А как вас звали?*

— Меня Эрика, а мужа, допустим, Карл.

— *А где же взяли свидетелей?*

— Обошлось: у адвоката уже были двое наготове. Но тут вдруг нотариус нас и озадачил, спросил у мужа, как фамилия его матери. Произошло полусекундное замешательство, не больше, а адвокат заметил, говорит: мистер, не волнуйтесь, понимаю, что у вас сегодня такое событие, но успокойтесь, все идет нормально, мы все проходим через это. И муж сразу вспомнил. Но сам факт, что чужой человек заметил и произошла заминка, был неприятен. Это было, пожалуй, единственное, где мы чуть прокололись.

А еще пришлось привыкать к их жизни. Нас здесь учили одному — там часто бывало совершенно по-другому. Тут не надо нервничать, пороть горячку, надо привыкать к этому обыденному и каждодневному.

Я вроде бы привыкла, и вдруг полная ерунда. Помните, у нас были трудности с туалетной бумагой? И я, увидев в супермаркете огромные пачки, забила ими всю коляску. Муж мне сразу: «Ты что делаешь? Положи на место сейчас же!»

Но оставалось в нас все-таки немало советского. Мы привыкли экономить. И муж, отправляясь от фирмы, в которой работал, в командировку, взял себе на самолет билет в экономклассе. Хозяин узнал и тут же выразил недовольство.

— *Чем же?*

— А вдруг конкуренты из других компаний подумают, будто наша фирма разоряется. Да, этому дома нас не учили. А вот как общаться с внезапно встретившимся за границей знакомым по институту или по работе, мы знали точно. Случай простой, однако всегда непредвиденный, неприятный. Вот и Виталия в аэропорту окликнул сокурсник. Муж «не услышал», поспешил уйти, а знакомец по МГИМО за ним: «Виталий, ты куда?» Догнал, и пришлось на французском убеждать приятеля, что тот ошибся. Убедил — не убедил, не знаю. Но, может, тот что-то понял и отстал.

— *Вы говорили только на языке той страны, где жили?*

— Знаете, как это было? Очень ранним московским утром нас провожали на самолет. Мы садились в машину, и больше для нас русского языка не существовало. Честное слово, говорю как перед иконой. Даже когда случались какие-то небольшие споры, ссоры, никогда не переходили на русский.

— *А некоторые нелегалы рассказывали мне, что когда уж очень хотелось, они уходили в лес, болтали на родном.*

— У нас такого никогда не бывало. Чем дальше от русского, тем легче. Но бывали какие-то вещи, которые исходили откуда-то из души невольно. Идем в одной стране с колясочкой, в ней наш маленький Андрэ, который родился уже там. Ни в одной стране мира мы даже не знали и знать не хотели, где наше посольство. Так было лучше для нас и для всех, кто с нами работал. А тут я увидела здание, такое красивое, мы уже его прошли, и меня почему-то нелегкая дернула. Я с коляской вернулась, и в этот момент навстречу идет какой-то парень, то ли с ведром, то ли с тазиком, и получилось так, что у нас произошла моменталка. (Мгновенная, на ходу передача материала или обмен паролем. — *Н. Д.*)

— *Это значит, можно было заподозрить, что кто-то из вас двоих на ходу что-то кому-то передал?*

— Случайно получилось. Я со своей коляской развернулась, а этот тут, и мы с ним на какой-то линии встретились. Для нас вроде бы незаметно, но для того, кто знает... А напротив посольства — чужое здание, и там, конечно, сидели. И эта их служба следила за всеми, кто проходил мимо советского посольства. Мы успели быстро отойти. Но позади нас уже кто-то. Мы же на это тренированные, мы же учились:

они — сзади. Пошли за нами. Муж все понял. Идем, разговариваем на нашем французском. Виталий мне: спокойно, не нервничай. Мы их не дергали (не пытались скрыться или оторваться, чтобы выйти из-под наблюдения. — *Н. Д.*). Ничего не делали и делать не собирались. А в коляске ребеночек, и это для наружки очень хорошо. Значит, идет солидная пара. И тут муж решил поменять доллары на местную валюту. Я с Андрэ осталась погулять, а он в банк через дорогу. И я вижу, что те за ним пошли. Вот в чем преимущество нашей работы, работы парой. Всегда можешь друг за другом посмотреть, кто за тобой идет или не идет. И когда мы еще учились, всегда так делали, проверялись. Муж в Москве говорил мне: Рыжая (так он меня всегда называл дома), сегодня ты свободна. Никаких проверок. А я его тоже называла Рыжий. Ну ладно, это так, к слову. А тут смотрю, а наружка уже там расставилась в позиции. Может быть, у нас будет какая-то встреча или передача еще чего-то. И за ним. Он меняет доллары, а парень из наружки заглядывает через плечо, какой у мужа паспорт. Муж почувствовал, дал ему посмотреть, вернулся, и мы пошли дальше. Болтаем по-французски, обсуждаем ресторан, где будем кормить своего беби. Точно знаем, что они рядом, ну и пусть, ради бога. Самое главное — не нервничать. И это — закон.

— *И закон всегда соблюдали?*

— Да, хотя бывало иногда немножко неприятно. В одной стране пошли на передачу документов. Тех самых, которые добыли и ради которых находились в этом государстве. Поднимаешься по дороге, спускаешься. Маршрут специально подобрали: если бы кто-то за нами следил, то не заметил бы, что мы проходили мимо телефонной будки, и за несколько секунд, даже не секунд, а за какой-то миг, человек, который шел бы за нами, не смог бы увидеть, что мы в этой мертвой зоне. И в этот момент мы как раз сделали то, что нам нужно было по нашей работе. Это специально так отработывалось, вырабатывалось, обкатывалось.

— *А когда проходили мимо посольства и пошли в ресторан, что было дальше?*

— Да ничего. Посидели, поговорили. Они за нами еще походили и отстали. Но после этого я никогда и близко ни к каким посольствам не подходила.

— *А бывало так, что вас, молодую и красивую, примечали иностранцы? Пытались познакомиться, и это тоже оставляло неприятный осадок?*

— Однажды было. Как-то в аэропорту привязался молодой итальянец. Все время называл меня мадемуазель. Я даже опоздала на самолет. В ту страну, в которую мне надо, самолет уже улетал да с моим чемоданом. А там наш человек должен встречать не только чемодан, но и меня тоже. То, что чемодан прилетел, он не узнает, а не увидев меня, встревожится. И я подняла такой хай: семь дней ждать. Да я взорву вас всех коктейлем Молотова, если не отправите любым другим рейсом. Тут меня

и посадили на «Аэрофлот», который тоже летал туда, куда мне позарез надо, раз в неделю. Что ж, пришлось рискнуть, попасть на советско-аэрофлотовскую территорию. Как чувствовала, что надо торопиться. И представляете, что случилось? Через два дня в той стране, откуда я так удачно унесла ноги, переворот. Кто знает, что было бы со мной дальше. Я бы там застряла. А так улетела в три часа ночи и всю дорогу слушала болтовню артистов из болгарского фольклорного ансамбля, которые забавляли друг друга.

— *Вы побывали во многих странах?*

— Во многих. Но главное не только это. Знаете, что такое «осесть»? Это значит легализоваться в той стране, куда приехал. Осесть — это совсем не так просто. Ведь мы появляемся как бы из воздуха. Ниоткуда. Мы никто, и звать нас никак. У тебя есть основной документ, да и его выдает Центр.

— *У вас паспорт был настоящий?*

— А как же. У нас и папа, и мама были. Мы же изначально не сами по себе родились. Но это все — легенда. Потому что здесь-то и начинается самая трудная часть нашей службы — оседание. Все на тебя настороженно смотрят. Даже когда мы поженились, когда родился ребеночек. Для многих странно: приехали сюда молодые люди, а зачем? Что будут делать? Есть ли у них деньги? Но в этой стране мы нашли нечто, с чем мы могли бы открыть наше, ну, скажем, представительство.

— *Не совсем понятно какое?*

— Да и не надо особо понимать, это вроде того, что муж представляет в той стране какую-то иностранную компанию, откуда мы и приехали. У нас же нет постоянного адреса. И знаете, даже когда мы поженились, муж указал адрес той страны, куда мы должны были поехать. И клерк, оформлявший документы, обратил на это внимание. Спрашивает: почему, вы же сейчас совсем в другом месте? Муж был готов, отвечает: решили жить там. А здесь так, работа. Вы же нас принимаете с любовью, как своих. И все это в шутку, с улыбочкой. Но, действительно, когда приезжаешь, то должен оправдывать свое существование, показывать, на что живешь. Это называется у нас «прикрытие». И мы такое прикрытие имели. Мы здесь у вас представители из Европы, а фирма наша такая-то.

— *Людмила Ивановна, а можно все-таки чуть-чуть поконкретнее. Что за фирму и какую можно открыть за границей людям, которые, откровенно скажем, фирмачами совсем не являются?*

— Конечно, и поэтому было очень непросто. Тогда только входили в моду цветные телевизоры, сложные проигрыватели и прочее в этом роде. А в тех странах, куда заезжали, даже телевизоры еще были черно-белые.

— Хорошо, муж что-то продавал, а вы?

— А я училась. И Виталий мой тоже. Он прекрасно собирал и разбираал телевизоры. Ремонтировал их мгновенно. Он же, приехав

на оседание, не мог сказать, что окончил МГИМО. Но у нас была такая легенда, и он все эти ремонтные работы очень любил. И мне дома повторял: знаешь, Рыжая, я был бы хорошим инженером. Вообще, до чего он толковый человек у меня был. Не потому что мой муж, а действительно. А для того чтобы мужу учиться, он уехал в Европу. На месяц в командировку, осваивать телевидение. А я на восьмом месяце беременности осталась в Юго-Восточной Азии. И мужа приняли на учебу. Экзамен устроили простой: завели в комнату, принесли телевизор, инструменты. Оставили все на столе вместе с запчастями и дали час найти неисправность и починить. Муж, конечно, справился. И его приняли. Потом он учился заочно. А я очно и получила даже диплом с медалью.

— *А что у вас была за специальность?*

— Ну, я могла бы быть секретарем-машинисткой. Стенографисткой. Кстати, однажды сама поразила своей грамотности. Когда училась, директорша-француженка устроила нам сложнейший диктант. Я была в группе единственной иностранкой и написала на «отлично». И как же директриса всех остальных отчитала! Вот, человек из другой страны — и без единой ошибки. Как же мне за вас стыдно. А вы, Эрика, молодец. И муж мой, Карл, тоже во всех отношениях был отличником. Не только в починке и продаже телевизоров и прочего.

— *Людмила Ивановна, дорогая Эрика, как же вы подбирались к тому самому главному, ради чего все эти оседания и все эти переезды? И хоть намекните, что нужно было передавать, доставать, а для этого знакомиться с людьми.*

— Нас к этому готовили. И мы свое дело знали. Знакомство — дело тоже трудное. Если ты простая уборщица или носильщик, то к этим, высоким, не подойти. Надо было находить именно тех, которые владеют информацией. В учреждениях такого рода я, к примеру, не могла работать официально. Там было местное население, да которое еще и делилось на белых и черных. И женщины в этом регионе не работают. В Юго-Восточной Азии, в Африке очень трудно белому человеку, да еще и женщине, устроиться. Это редкость. Когда уже среди местных не найдут, то только тогда и возьмут иностранку. А я все равно должна была где-то вращаться, знакомиться.

— *Но как?*

— Для этого и существуют там клубы, куда приходят жены банкиров, государственных служащих, лица, облеченные доверием. Бедные туда не пойдут. Во-первых, там взносы нужно платить; во-вторых, и со взносами их бы вряд ли приняли. И в-третьих, необходимо соответственно одеваться. В клубе я знакомилась с дамами. Они одна перед другой естественно хвастались, у кого муж круче. Я ухо натягивала: кто, что и где. Рассказывала мужу. Он слушал, анализировал, советовал. Вот с этой и с той постарайся сойтись поближе. Становились подружками и знакомили между собой мужей. А Виталий — сам по себе,

он на своей подкрышной работе, на которой нужно многое делать, выходить на кого-то. Хорошее дело — развивать телевидение. Туда вклинивались банкиры или еще кто-то, у кого водились деньжата и кто мог себе это позволить. Вот таким образом. Люди разговаривают между собой, общаются. А ты узнаешь много для твоей страны нужного.

— *А вербовок вы не проводили?*

— Не было нашей задачей. Вербовка — это очень серьезно. Тут мало ли на кого можно попасть. Попадешь, и нас придется быстро убирать домой. Допустим, мы примечали кого-то интересного для нашей службы. И передавали в Центр все его данные: слабости, на чем можно взять, придавить или купить. Один, скажем, немец, развелся с женой, помогал любимому сыну и строил огромный дом. Полезный человек, которому позарез требовались деньги. Тем более что он из нашей страны временного пребывания уезжал в другое государство. Мы о нем в Центр передали, а там уже дело нашей Службы, вербовать его, нет ли. А когда мы в этой стране уже более или менее осели, уже зацепились, у нас появилось хорошее окружение, приятные знакомые. Но вот не повезло. Этот идиот ушел.

— *Людмила Ивановна, я знаю, о ком вы говорите. Герой России Алексей Михайлович Козлов, который просидел несколько лет в тюрьме ЮАР из-за подонка Олега Гордиевского, его ненавидел.*

— А вы представляете, он бывал у нас дома. Учился с мужем. Моих данных, к счастью, не знал. Но понимал, что я буду работать вместе с супругом. Не буду вдаваться в подробности, однако он запомнил наши московские координаты. И даже когда мы вернулись в Москву, по переданному им чужим людям адресу и номеру телефона нас разыскивали иностранцы. Как мне было обидно, что Гордиевский сбежал. Без подробностей, но как же он Виталия и меня искал. В то время шефом у нас был Юрий Иванович Дроздов.

— *Легендарный человек, одиннадцать лет руководил нелегальной разведкой.*

— И он спросил Дроздова, где именно мы находимся. Вот почему нас долго искали и арестовать не успели. Юрий Иванович человек опытнейший, сказал ему: ты не волнуйся, они от тебя, от твоей Англии недалеко. А что значит недалеко? Значит, мы где-то в Европе. Вот это нас и спасло. Искали нас тринадцать лет. Были бы в Европе, возможно, нашли бы и раньше. Если бы вы только могли представить, как я ненавижу предателей.

— *А можете мне рассказать откровенно: перед неприятностями, которые все-таки пришли, вы почувствовали вокруг себя какую-то напряженность?*

— Да. Там, в Юго-Восточной Азии, рядом с нами жила английская пара. Хотя они и представлялись мужем и женой, кажется, что все это было фальшивкой. Однажды пригласили к себе домой на ужин. Вдруг оба, как по команде: извините, мы переоденемся. Я обернулась, а

на столе книга на русском языке — «Анна Каренина». Я к мужу. Он мне: рассматриваем картины, у них на стенах полно живописи. Как тут реагировать? А они стояли где-то рядом, может быть, и дырочка была в стене. Возможно, сфотографировали. Мы среагировали и, «чудесно» пообедав, расстались.

Вскоре стали раздаваться несколько странные звонки по телефону. Какие-то люди пытались пройти к нам в квартиру и даже поставить «жучок». Меня, к счастью, серьезно не воспринимали. Думали: это жена, человек неподготовленный. Понимаете, на этой работе у тебя все обострено. Все чувства. Зрение. Ты бежишь как лошадь, но не только вперед, но смотришь и вправо, и влево, и чуть ли не назад. Чем еще трудно одному: все время нельзя в таком напряжении. Когда вдвоем, то как-то друг другу существование облегчаешь и помогаешь. Актер проводит на сцене три-четыре часа, хорошо, пусть больше. Поаплодировали, ушел и забыл. А мы не можем играть по двадцать четыре часа в сутки. И играть месяцами невозможно. Мы должны жить, вживаться в образ. Когда ты уже долго работаешь, то становишься тем человеком из легенды.

Однажды, когда я на время приезжала в СССР, один начальник, к сожалению, с нашей Службой мало общего имевший, всех тонкостей не знавший, спросил недовольно после моего ухода: что это за женщина-иностранка, как она себе ведет и почему говорит с акцентом? А я и была иностранкой. Все вспоминают радистку Кэт, кричавшую при родах на русском. А я этого не боялась, была подготовлена так, что кричала только на своем родном языке, в тот момент это был французский.

— *А как же все-таки сложилось в той стране, где вам поставили «жучок»?*

— Давайте коротко. Я уехала, но должна была снова возвратиться туда из Москвы. Но что-то произошло. Мужу пришлось бежать в советское посольство. Его вывезли в машине, посадили на корабль, который ремонтировали в иностранном порту. Целая операция. Подробности потом. Но Виталий провел несколько тяжелейших дней в невыносимых условиях. Иначе могли найти чужие службы, обыскивающие корабли. А еще они попали в шторм. И, кажется, конец был близко. Потому что капитан советского корабля предупредил мужа: есть ли у вас чистая одежда? Виталий сначала не понял. И вот здесь в Москву ко мне впервые за столько лет пришла телеграмма. Это от него, моего Виталия. Потом вторая. Ни разу таким образом не давал о себе знать. Никогда! Но весь корабль спасли. Зацепили за трос, и во Вьетнам. И вот он из этой страшной жары в шортиках, но с дорогим атташе-кейсом прилетел в шесть утра в Москву.

— *И больше никакого имущества не захватили?*

— Нет, а что делать? Мне в шесть утра звонок: Рыжая, ты где? Я говорю: я-то дома, а ты где? Виталик мне: я в Москве, мы прилетели.

У тебя есть деньги? Бери рубли, выходи вниз, я такси взял. Вот так, слава тебе господи, все хорошо закончилось. Такая служба.

— Людмила Ивановна, а за что же все-таки более конкретно ваши с мужем ордена и медали?

— Как вам объяснить... Раньше у нас в стране если и были компьютеры, то во всю комнату, ну со шкаф. А ведь можно было постараться, чтобы они стали поменьше, гораздо меньше. За конкретные результаты, которые способствовали технологическому прорыву нашей страны, в том числе и в оборонной сфере. Запутала я вас? Это только то, что можно рассказать. Остальное пусть останется за кадром.

От автора

Эта наша встреча произошла, когда полковник в отставке Виталий Алексеевич Нуйкин еще не был рассекречен. Полагаю, что теперь о нем, да и о работе нелегальной пары, которой, как всегда, руководил мужчина, можно рассказать подробнее.

Бьюсь о заклад, мало кто слышал о селе Моховском. Откуда же. Место далекое — в Парфеновском районе Алтайского края, где в апреле 1939 года и родился мальчик Виталий. И что за чудеса природы: все, кто знал полковника Нуйкина по службе во внешней разведке, в один голос твердили, что он вылитый латиноамериканец. Это мнение, что еще более важно, разделяли и жители восемнадцати стран, в которых пришлось до 1986 года работать разведчику-нелегалу с женой Людмилой.

А до этого, до разведки, паренек из семьи скромных сельчан поступил в МГИМО. Как? Ведь в конце 1960-х в данный вуз принимали в основном представителей славных дипломатических родов. Есть ответ на этот вопрос: человеком Виталий Нуйкин был талантливый, схватывал все на лету. Не обращал внимания на насмешки сокурсников. Да, ходил в старой, перешитой на него отцовской толстовке и хромовых сапогах. В институте так не принято, ну и что, раз ничего другого не было? Хранил верность своей землячке Люде, остававшейся далеко, не заглядывался на московских невест. И, окончив в 1963 году факультет международных отношений, пришел туда, где его терпеливо ждали еще с первых годов учебы, с 1960-го, — в особый резерв разведки. Снова учеба. Крепким английским четырехбуквенным ругательством обучал сам Конон Молодой — советский нелегал Гордон Лонсдейл, пример для подражания узкому кругу его будущих последователей.

Своим чередом последовала женитьба на красавице и землячке Людмиле, несколько лет отработавшей в глухой тайге, где ей пришлось помогать всем — от рожениц до лесорубов и даже работавшим на лесозаготовках бывшим уголовникам. Родился сын Юрий. Когда уезжали работать в особых условиях, трехлетнего мальчугана пришлось оставить дома. Никак не вписывался он в легенду. Потом за рубежом женитьба — в очередной раз, на Людмиле, она же Эрика. Там родился второй сын — Андрей или, точнее, Андрэ, что прибавило паре респектабельности.

Никакой боязни, что закричит на русском при родах, у Людмилы-Эрики, как вы уже знаете, не было. Французский — на тот момент — вытеснил все остальные языки. На нем и кричала.

А на первых порах даже отсутствие детей нелегалы использовали во благо: Эрика, взявшая вину за отсутствие потомства на себя и время от времени оставлявшая своего мужа Карла одного, объясняла, что едет лечиться. А сама быстро в Москву, где нянчилась с подрастающим Юрием.

Карл же занимался, как понимаю, научно-технической разведкой. Пара добыла для страны буры для сверления нефтяных скважин. Прочностью они в разы превосходили советские. Сэкономила столько денег, что можно было оставаться в зарубежье хоть до конца жизни.

Но Центр ставил новые задачи. Дома остро проявилось нарастающее отставание как раз в тех добывающих отраслях, продукты которых шли на экспорт или даже являвшихся национальной гордостью. И Нуйкины восполняли эти пробелы в родном народном хозяйстве, добывая техническую документацию, позволявшую нам если не перегнать, то уж точно догнать Запад. В одной передовой стране развитого капитализма удалось достать документы, ускорившие создание советского военного ракетно-космического комплекса.

Иногда дело не ограничивалось документацией. Выносили тяжеленные сумки: в их руки попадали самые новейшие приборы, быстро переправлявшиеся домой. Для разведчиков-нелегалов — достижение редчайшее. Но очень рискованное.

Да, приходилось рисковать. Работали в таких странах, где, попадись они местным спецслужбам, не пощадили бы. Разработали специальный язык: прозвучит вроде бы ничего не значащее слово, а это сигнал о надвигающейся опасности. Собственный код они использовали постоянно. Даже дома никогда ни о чем серьезном не говорили.

Так что награждение Виталия Нуйкина орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, а его жены Людмилы орденом Красной Звезды и боевой медалью «За отвагу» было признанием и заслуг, и личного мужества.

Виталий Алексеевич Нуйкин не зря прибавил к своему диплому МГИМО и диплом инженера, полученный уже за границей. Умный, пытливый разведчик превратился с годами в прекрасного инженера. После возвращения на родину занялся в Центре аналитической работой. Ушел рано. И когда Людмила Николаевна рассказывала мне, как это было, на глазах полковника-нелегала появились слезы.

«ТОП СИКРЕТ»2 — ДЛЯ ФИЛБИ НЕ «СИКРЕТ»: КИМ ФИЛБИ

Рассекречены материалы, переданные советским разведчиком Кимом Филби из британского шифровального центра в Блетчли-парке.

Директор Службы внешней разведки Российской Федерации Сергей Нарышкин позволил предоставить для публикации ряд уникальных документов.

Филби не признавал секретов

Для начала раздался долгожданный звонок от руководителя Пресс-бюро СВР Сергея Иванова: «Приезжайте, представитель Центра привезет для “РГ” эксклюзивные материалы».

Приехал и был представлен действующему сотруднику.

— Борис Михайлович, — назвался он коротко. — Вот то, что обещал вам директор. Гарантирую, что эти документы за последние 75 лет никто из посторонних не видел. Так что перед вами — настоящая история.

Ловко достал из портфеля выдавшую виды папку, развязал на ней старомодные белые тесемочки и не торопясь, аккуратно разложил передо мной на низком широком столике документы. Один на французском языке, другие на английском. Старинные пожелтевшие листы нестандартного формата несколько длиннее привычных А-4, на всех горит красная, не выцветшая за столько десятилетий надпись большими красными буквами — TOP SECRET. И чуть ниже: «Держать в сейфе, никогда не выносить из офиса». Внизу синий штамп: «Рассекречено Службой внешней разведки РФ».

А я никак не могу оторвать взгляд даже не от документов. От простенькой старенькой (уж извините за такую ласковость) картонной папки с замусоленными тесемочками. Сразу бросилась в глаза крупная надпись на ней, сделанная то ли фиолетовыми чернилами, то ли химическим карандашом: «Рабочее дело Зенхен». Надпись перечеркнута, теперь это «Рабочее дело Стенли». Неужели здесь документы, связанные с деятельностью выдающегося разведчика Кима Филби? Это же его оперативные псевдонимы. Чтобы обезопасить сотрудников, полностью их зашифровать, псевдонимы регулярно меняли. Пойди пойми, работает ли под этим именем один-единственный человек или несколько.

Борис Михайлович смотрит на меня оценивающе и даже одобрительно:

— Вижу, догадались. Правильно, сомнений быть не может, это материалы рабочего дела Кима Филби. Перед вами оригиналы важнейших документов периода Второй мировой войны, которые были добыты членами легендарной «Кембриджской пятерки» из Великобритании. Точнее, из Центра расшифровки правительственной связи Блетчли-парка.

В парке совсем не гуляли

Было не до прогулок. Чувствуя приближение войны, Управление разведки 6-го отдела приобрело этот кусок земли в 80 километрах от Лондона, чтобы лучшие умы Соединенного Королевства могли спокойно, не опасаясь постоянных авианалетов люфтваффе, заниматься

дешифровкой документов в здании Государственной школы кодов и шифров.

Замаскировали здание в Блетчли-парке под охотничий клуб. Все же вряд ли для окрестных жителей оставалось тайной, что люди, спешащие сюда по утрам, совсем не охотники. По некоторым сведениям, в годы Второй мировой с 1939-го по 1945-й тут работали около десяти тысяч способных и даже талантливых специалистов в области взламывания чужих кодов.

Среди них — немало выпускников престижнейших Кембриджа и Оксфорда, обладавших аналитическими, лингвистическими и математическими способностями. Но персонала все равно не хватало, и разведке пришлось прибегнуть к необычному методу рекрутирования. С ее подачи некоторые газеты объявляли конкурсы на разгадывание сложных кроссвордов. Их победители приглашались в редакции для вручения призов. А заодно попадали под пытливые очи людей из МИ-16. С приглянувшимися беседовали, и если те подходили под не такие уж и строгие — в войну было не до строгостей — параметры разведки, то попадали в Блетчли, предварительно дав расписку сохранять всё происходящее там в тайне. Гриф секретности был частично снят с Блетчли лишь через 30 лет после капитуляции Германии.

Информация сюда поступала с радаров и ретрансляторов многих стран. Англичане вели тотальную прослушку на всех радиоволнах, где только работали или могли работать немцы. Все, что можно было, передавалось в Блетчли-парк. И денно и нощно трудившиеся там аналитики взламывали коды. Они для меня — прообраз сегодняшних хакеров, но лишенных современных технических средств.

Ясно, что почти все перехваченные документы касались хода войны, намерений и целей Гитлера, его окружения, вопросов усовершенствования оружия нынешнего и создания принципиально нового, смертельного — атомного. А еще в Блетчли расшифровывались важнейшие сообщения из других стран. А для Москвы особый интерес, конечно, представляли документы радиоперехвата, которые раскрывали планы фашистской Германии на Восточном фронте.

И, как еще в военные годы советская разведка выяснила, англичан очень интересовали стратегические данные о переговорах и намерениях союзников Британии по антигитлеровской коалиции. Своих собратьев по оружию британцы тоже держали под колпаком. Впрямую расшифровок никому не передавали. Иногда сообщали какой-то уж особенно важный элемент, пытаюсь выдать его за информацию, добытую именно своей разведкой, а не расшифровкой радиоперехвата. Иногда даже указывали ложный источник. Если информацией и делились, то весьма дозировано: об этом можно, а то — пусть останется только в прочных сейфах.

Черчилль, он же майор Мортон

Самое важное из расшифрованного поступало премьер-министру Соединенного Королевства Уинстону Черчиллю. Да, в рассылке переданных рассекреченных документов его имени нет. Но внизу пометка: один экземпляр — майору Мортону.

Кто такой этот всего лишь майор, что имел доступ к бумагам наивысшей степени секретности? С 1939 года личный секретарь и помощник Черчилля по военным вопросам. Именно Десмонду Мортону было доверено первому читать расшифровки из Блетчли и докладывать о них премьеру. С конца марта 1940 года майор составлял список наиболее важных документов и передавал их лично в руки Черчиллю.

Есть и фотография Мортонa, чинно шествующего с Черчиллем. Судя по тому, что в 1945 году Десмонду Мортону был пожалован титул сэра, его усилия не остались незамеченными.

Среди других адресатов — разведка МИ-5, генеральный директор, Форин-офис и сэр Эдвард Бриджес. Впрочем, не только сэр, но и барон. Еще в 1938 году он был назначен секретарем кабинета министров, заменив лорда Хэнки — ставленника отправленного в отставку премьера Чемберлена, запятнавшего себя угодничеством перед Гитлером. Бриджес занимал один из ключевых постов в правительстве до 1946 года. Исключительно заметная фигура в британской правящей иерархии, награжденная множеством орденов. И если Уинстону Черчиллю требовалась срочная консультация по вопросам внешней или внутренней политики, премьер-министр прибегал к помощи барона Эдварда Бриджеса — уж он-то знал всё и обо всех.

Загадки «Энигмы»

Впрочем, с греческого *энигма* и переводится как «загадка». В Германии шифровальную машину под этим названием создали еще в 1918 году и вовсе не для военных целей. Она должна была зашифровывать деловую, торговую или, как бы сейчас сказали, коммерческую информацию. Но в 1925 году побежденная в Первой мировой войне Германия вновь забряцала оружием. И «Энигма» в усовершенствованном варианте начала поступать на немецкие корабли. В 1930 году она уже использовалась вермахтом. С помощью этой шифровальной машины в годы Второй мировой немцы передавали секретнейшую информацию, над расшифровкой которой бились, и не только в английском Блетчли-парке, лучшие криптоаналитики мира. Но «Энигма» держалась: ведь каждый день немецкие шифровальщики меняли коды, и количество комбинаций становилось немыслимым.

Считается, что код взломал британский математик Алан Тьюринг. После нескольких лет упорной и бесполезной работы в Блетчли бывший аспирант из Кембриджа уже собирался распрощаться с мечтой раскрыть тайну «Энигмы». И тут простенькая девушка, всего лишь радистка, вдруг

заметила, что немцы чуть не сошли с ума со своей погодой, передавая даже в шифровках какие-то бессвязные метеосводки. И Тьюринга осенило. Случайная, невинная реплика подсказала гению путь к разгадке шифров.

Впрочем, не умаляя заслуг Тьюринга, не стоит забывать о вкладе в расшифровку «Энигмы» и польских криптографов. Ведь впервые шифр «Энигмы» не без помощи французов удалось взломать именно польскому «Бюро шифров» еще в 1932 году. Наверняка шифры тогда были попроще, но и технических средств у варшавских дешифровальщиков было гораздо меньше.

И первую дешифровальную машину создал совсем не Тьюринг, а именно поляки, назвавшие ее «Криптологической бомбой». В Варшаве твердо верили, что в случае войны британцы обязательно придут им на помощь. Даже Мюнхенский сговор, когда в 1938-м чехи были брошены британскими союзниками на произвол судьбы и под ноги Гитлеру, ничему Польшу не научил. Незадолго до начала Второй мировой войны, летом 1939 года, «Бюро шифров» передало свое изобретение англичанам. Пусть к тому времени немцы значительно усложнили процесс шифрования и польской «Бомбе» коды уже не поддавались. Но именно она послужила основой для дальнейшей работы Тьюринга. Поэтому его машина тоже называлась «Bomb». Она имела бóльшую вычислительную мощность и работала по более эффективному алгоритму.

И благодарность англичан не знала границ. Взломав польские коды, они всю войну успешно читали переписку польского правительства в изгнании, действовавшего сначала во Франции, а затем, после падения Парижа, в Лондоне.

Наши тоже пытались разгадать тайны шифра. Не до конца уничтоженные машины «Энигма» попали в руки советских дешифровальщиков, когда 300-тысячная армия Паулюса оказалась в сталинградском котле. Тогда чудилось, что не хватает самого малого, чтобы разгадать секрет шифра. Удалось даже частично прочитать несколько немецких сообщений. Однако полностью проникнуть в тайну кода не получилось.

Возможно, гораздо больше об «Энигме» криптографы из Блетчли узнали, вживую увидев целую и невредимую машину, да еще с полным комплектом документации и набором шифров. Ее сняли с немецкой подлодки матросы британского противолодочного корабля. Как ее не уничтожили немцы? Впрочем, считается, что в Германии было изготовлено около 100 тысяч таких или похожих машин, и хоть одна, но должна же была попасть в руки противников, ее без устали искавших. Англичане, считаю обязательным напомнить, разгадывали шифры, держа это в тайне и от немцев, и от союзников по коалиции. А уж от советских тем более.

Об «Энигме» снято множество документальных и художественных фильмов. Один из них, «Игра в имитацию» со знаменитым Бенедиктом Камбербэтчем в роли Тьюринга, дает свою трактовку британских игр с «Энигмой». Якобы Тьюринг с его математическим складом ума не только взломал коды, но и раскрыл советского агента — англичанина Джона Кернкросса, регулярно передававшего русским расшифрованные немецкие документы. Но из врожденного чувства справедливости не стал выдавать Джона своей МИ-16, полагая, что проливающие на Восточном фронте кровь русские должны знать о планах фашистов. Но это даже не версия, а художественный вымысел.

Не вымысел похищенные Кернкроссом сотни документов и трагическая судьба Тьюринга. Как и у всякого гения, были у того свои заморочки. Так, он часами тренировался, бегая марафоны. Интересно, что концепция «Бомбы» внезапно осенила Тьюринга в конце изнурительного суперпробега длиной почти в 55 километров. Он с детства любил бег. Записался в спортивный клуб, ежедневно накручивал по 30 километров и даже стал бегать марафоны. Ему прочили блестящую карьеру легкоатлета, в нем разыгралось настоящее спортивное честолюбие. Он должен был принять участие в Олимпиаде 1940 года, но Игры отменили из-за Второй мировой. И, к счастью для всех стран антигитлеровской коалиции, уроженец графства Дорсет полностью погрузился в науку. Или в разведку.

Он возобновил тренировки в конце войны. Коллеги по спортклубу дивились выносливости Алана. И никто не подозревал, что рядом с ними наматывает мили один из настоящих героев тайной битвы с Гитлером. Сам же Тьюринг объяснял одноклубникам, что годы изнуряющей интеллектуальной работы настолько утомили его мозг, что лишь высокие физические нагрузки позволяют освободиться от непомерного психологического напряжения. Неожиданно для многих Алан Тьюринг выиграл несколько престижных марафонов. Несмотря на возраст, ведь спорт тогда был чисто любительским, его пригласили сначала в сборную Лондона, а потом и Соединенного Королевства. Близились важнейшее спортивное событие: Лондон готовился к приему первых с 1936 года летних Олимпийских игр 1948 года. Алан мечтал попасть в сборную. Он был так же близок к этому, как наши к расшифровке «Энигмы». Требовалось во что бы то ни стало попасть в первую тройку на квалификационных отборочных соревнованиях. Тьюринг финишировал пятым. Тем не менее он не забросил марафоны и выступал за родной клуб до 1950 года, показывая результаты лучше, чем олимпийские чемпионы. В этом не было ничего необычного: настоящий фанат бега — и всё тут.

Друзей слегка удивляло иное. Тьюринг никогда не проявлял никакого интереса к женщинам. В то же время он, хотя и бывал в раздевалках рядом с десятками молодых ребят, ни разу не выдал своих сексуальных

пристрастий... Он был не слишком общителен, этот сверхвыносливый бегун, взломавший хитроумные немецкие шифры.

Вскоре Алан Тьюринг перебрался в Манчестер. Там он работал в университете. А в 1952 году его неожиданно арестовали. Да, Тьюринг был склонен к гомосексуальным связям. После обвинений в непристойном, как тогда считалось в Англии (и не считается теперь), поведении ему оставили выбор: тюрьма или курс химической терапии, убивающей потенцию. Он выбрал курс, после чего отравился цианистым калием, введя его в яблоко. Как же Тьюринг их любил. Точка.

И молчаливых раскололи

Итак, в Блетчли-парке получили доступ к шифру переписки Германии. Все военные годы руководство Великобритании было в курсе большинства задумок фашистов. И если бы британская разведка делилась с СССР этими сведениями, то можно было бы спасти жизни тысяч и тысяч советских солдат.

Однако об успехах британских криптографов в Москве знали. И документы, выложенные передо мной на столике, тому доказательство. Среди работавших здесь оказался (и никаким не чудом, а по просьбе или по заданию советской разведки и благодаря собственным громадным усилиям) наш друг из «Кембриджской пятерки» полиглот Джон Кернкросс. А уж сотрудник СИС Ким Филби был для Блетчли-парка совсем не посторонним человеком.

Хотелось бы добавить несколько штрихов к портрету уже знакомого многим Кима Филби, а также к образам его соратников по «пятерке». И сделать это опять-таки благодаря впервые публично представляемым сообщениям резидентов советской нелегальной разведки с отзывами о их работе.

Первый из них — от нелегального резидента в Лондоне Арнольда Генриховича Дейча. Именно с ним вышел на первый прямой контакт Ким Филби, согласившись работать на СССР. Затем Дейч сотрудничал со всеми членами «Кембриджской пятерки». Сдержанный Дейч не скупится на похвалы Киму, оперативный псевдоним которого «Сынок»:

«Он всегда изучает всё основательно, но всегда скажет, что он знает мало... Он имеет большие знания по истории, географии, экономике и одновременно любит музыку и разбирается в ней. Он пользуется большой любовью и уважением за свою серьезность и честность. Он был готов всё для нас сделать и на нашей работе проявил всю свою серьезность и старательность. Еще раз повторяю: “Сынок” поразительно развился — очень серьезный человек с большим аппетитом к агентурной работе, и из него в будущем выйдет большой и ценный работник».

(1935 год. Ланг-Дейч Арнольд Генрихович.)

И Дейч, который после возвращения в Москву получил советский паспорт на имя Ланга, не ошибся в своих прогнозах.

Вторит ему и резидент Теодор Степанович Малли, принявший на связь Кима Филби. Он называет «Сынка» на немецкий лад — «Зенхен»:

«“Зенхен” мне нравится больше всех... Меня только удивляет, откуда у такого молодого человека такие обширные и глубокие знания. При этом он очень скромн, даже чересчур скромн. При обсуждении планов работы у него вообще не возникает никаких сомнений относительно его личной жизни. Он настолько серьезен, что забываешь, что ему всего 26 лет».

(23 апреля 1936 года. Малли Теодор Степанович.)

А в войну Филби начинал с того, что переписывал перехваченные документы от руки. В томах его дела можно увидеть и тридцать, и сорок листочков, размером меньше половины стандартной страницы, исписанных его мелким убористым почерком. Часто он сокращал слова.

Интересно, как это все расшифровывали переводчики, сидевшие в советском посольстве? Ведь тут надо не только хорошо знать язык, но и глубоко проникать в содержание. Или, наверное, был посажен на это дело один классный переводчик, привыкший к стилю Филби и даже часто встречающиеся недомолвки, идиомы разбиравший, как и почерк, легко.

Порой Филби печатал тексты на своей машинке. Его «Ундервуд» относительно просто отличить от других по двойной ленте — черно-красной. И буквы получались своеобразные, двухцветные, верх — красный. С точки зрения идентификации контрразведкой — это полный прокол.

Потом Филби научился фотографировать. Все же фотографом он был не блестящим, не во всем же можно добиться успеха. Фото получались не самого лучшего качества. Теперь, за столько лет пребывания в архивных папках, они несколько потемнели, потеряли четкость. Зато тогда секретные документы передавались уже целиком. И так изо дня в день и из года в год — сотни и тысячи документов.

И последнее об эпистолярном жанре. Уже живя в Москве, после награждения орденом Ленина, Ким Филби написал благодарственное письмо председателю КГБ Юрию Владимировичу Андропову. Со своей обычной британской привычкой сел за машинку и напечатал на тонком листке по-английски: «Дорогой товарищ Андропов...» Был он человеком настолько стеснительным, что считал неудобным принимать высокие почести. И всякий раз полагал своим долгом отвечать, благодарить, подчеркивать, что, мол, не так я и велик. Столько лет беззаветно работать и с такой скромностью воспринимать похвалу...

А если вернуться к военным годам, то нам-то, советским, россиянам, понятно, за что бились отцы, деды... Для нас лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» звучит освоенной азбукой. А им, аристократам-британцам, которые работали и рисковали ради нас всю войну? Раз в одну-две недели выходить на встречу с нашими оперативными сотрудниками,

вечером отдавать секретные документы, утром забирать, встречаясь с советскими связниками. Лозунг «Ни шагу назад!» для нас понятен. А для них? Ведь риск огромный.

Верили в нас. И даже никого лично из русских друзей не зная. Связник быстро приходил, брал у Кима документы, исчезал. И наши его не знали. Но наши-то были вместе. А Филби и его друзья — одни. Ким из-за этого переживал. Хотел бы подольше с ними говорить и общаться, обязательно общаться. Но нельзя.

Скупы отчеты о передачах информации. Встретились. Вручил. Ушел. Тяжелое лето 1941-го. Июнь, июль и до конца августа — одни отступления. Ведь они, «Кембриджская пятерка», наверняка были в подавленном состоянии. Говорят, Рихард Зорге в первые дни войны впал в депрессию. Давили на Филби и перехватываемые своими, англичанами, шифровки немцев. Победные репортажи с совсем уж трагической картиной для наших.

А когда в конце августа — начале сентября пошла информация, что Германия несет большие потери, Красная армия героически защищается и фашистский блицкриг уже сорван, воспрянули духом. В похищенном из британского министерства обороны документе один из высокопоставленных сотрудников почти два месяца предсказывал быструю победу Гитлера. И во многом и из-за этого в июле — августе Великобритания содействия русским не оказывала: зачем, если немцы уже победили. И «пятерка» выяснила, что последовало вслед за этим: «Советник снят со своего поста, из-за ошибок этого нашего бездарного стратега мы приостановили помощь, а Советы держатся, надо помогать, это в интересах Великобритании».

В отчете советского оперативного работника отмечается, что из подавленного состояния «Зенхен» вышел, настроение у него приподнятое. И разговор со связником о нарастающем сопротивлении немцам заставил Кима воспрянуть духом. А в 1943 и 1944 годах Филби в британской разведке уже сотрудник высокого ранга. Его не смущает, что на встречи с ним приходят молодые русские. Он с ними на равных. Четко предлагает новые варианты. Например, это направление имеет перспективу, вот эти кандидатуры интересны в плане дальнейшей работы. Обстановка на встречах, жаль, что таких коротких, творческая, очень доверительная. А вклад Филби и его друзей в победу в Сталинградской битве, на Курской дуге и велик, и еще не оценен до конца.

Как и стратегическая информация, добытая Филби, о планах немцев в отношении их союзников по коалиции. Огромную ценность представляют его рассекреченные сообщения о переговорах Гитлера с Муссолини. Поражает позиция японских руководителей, с пренебрежением относившихся к Красной армии. Убаюканные разглагольствованиями министра иностранных дел Риббентропа, они чуть не до конца 1944 года верили в победу Третьего рейха и были

уверены, что Советский Союз никогда не начнет войну против Японии. И обо всем этом, благодаря Филби и его друзьям, в Москве знали. Но об этом чуть ниже.

Джон Кернкросс, работавший прямо в Блетчли, действовал просто, но эффективно. Переписывал расшифрованные телеграммы, их через советскую резидентуру в Лондоне отправляли в Москву. Всего за годы войны Кернкросс передал около пяти тысяч (!) ценнейших документов.

Ким, как я уже рассказывал, на первых порах тоже переписывал перехваченные британцами шифротелеграммы. Потом нашел менее трудоемкий способ. Оформлял документы якобы «на уничтожение после использования», а поздним вечером их забирал у него советский связной. В нашей резидентуре всю ночь анализировали актуальность полученных документов. Были оперативные шифровки, связанные с передвижением войск, действиями немецкой агентуры. Немало шифрограмм носили чисто стратегический характер, в них раскрывались секреты больших политических игр. О таких докладывалось премьер-министру Черчиллю, в Форин-офис, в военные министерства...

А в резидентуре советского посольства самые важные сообщения, нас напрямую касающиеся, срочно переводились и передавались в Москву по радию. Были у Центра и другие каналы отправки информации.

Получалось, что еще вчера донесение читал Черчилль, а сегодня — уже Сталин. А иногда и наоборот! Позже оригиналы по разным каналам доставлялись на Лубянку.

Они трудились бескорыстно. За идею. Отказываясь брать деньги. Это заботит начальника советской разведки военных лет Павла Фитина. Ведь друзьям надо помогать. И Павел Михайлович пишет советскому резиденту в Лондоне:

«От нашего имени объявите “З” («Зенхену». — *Н. Д.*) большую благодарность за его работу. Если найдете удобным и возможным, в крайне тактичной форме предложите ему премию в сумме 100 фунтов или сделайте какой-либо равноценный подарок».

(Фитин. 29.07.1944. Моя справка: зарплата «З» 700 фунтов.)

И Филби сразу же, это в его стиле, откликается. Вот его ответное письмо от 18 августа 1944 года:

«Я глубоко благодарен Вам за сообщение и подарок. Это сообщение глубоко меня воодушевляет и стимулирует, а также еще более теснее, чем когда-либо, связывает с теми, кого я всегда считал действительными товарищами и друзьями, хотя никогда их не видел. Как сообщение, так и подарок позволяют мне совершенно определенно думать о том, что я внес некоторый вклад в величайшее достижение советского народа в борьбе с фашизмом».

Уже в конце войны Павел Фитин снова возвращается к волнующему его вопросу. Надо обязательно позаботиться о тех, кто, ежедневно рискуя, помог добыть победу. И Фитин обращается к народному

комиссару государственной безопасности Всеволоду Николаевичу Меркулову:

«Меркулову

Рапорт

Несмотря на ценность и актуальность получаемой от них (членов т. н. “кэмбриджской пятерки”) информации, мы за весь период работы с ними ограничивались лишь периодической выплатой им относительно мизерных сумм в пределах 25—50 фунтов стерлингов.

Исходя из уже принесенной ими нам существенной пользы и в интересах стимулирования их на дальнейшую плодотворную работу, считал бы целесообразным определить каждому из них пожизненно следующие суммы... Фитин.

25 марта 1945 года».

Меркулов довел предложение начальника внешней разведки до Сталина. Разрешение было получено. От себя добавлю, что суммы предлагались солидные, хотя для каждого и разные. Больше всего, естественно, Филби. Замыкал пятерку Кернкросс, хотя, возможно, именно он в военные годы сумел передать Москве громаднейший объем важнейшей оперативной информации.

Ответ из Лондона: «Все отклонили наше предложение по вопросу выплаты им пожизненной пенсии. Этот вопрос обсуждался с ними всесторонне, но они продолжали оставаться при своем мнении».

Свидетели из 1944-го

— Сейчас перед вами шифрограммы, относящиеся к 1944 году, — объясняет мне Борис Михайлович. — Ким Филби к этому времени занимал руководящие посты в британских спецслужбах. Видите, всего семьдесят шесть лет, и секреты уже раскрыты. То, что эти документы сохранились до сегодняшнего дня, просто чудо. Англичанам было бы неприятно, если бы сразу после войны выяснилось, как скрывали они важные сведения от союзников. И по приказу Черчилля все документы, касающиеся Блетчли-парка, уничтожили. Так что в самой Великобритании скорее всего подобных донесений не сохранилось. У нас они есть.

— *А в Москве переданное из Блетчли хранили?*

— У нас тоже некоторые добытые Кимом Филби и Джоном Кернкроссом расшифровки и телеграммы уничтожили в самом конце Великой Отечественной как использованные. А документы из личных дел наших друзей и агентов — сохранились. Вы наверняка слышали, что директор СВР России Сергей Евгеньевич Нарышкин в своих выступлениях не раз призывал западных партнеров не заниматься переписыванием истории, а опираться на факты. Вот они, точные факты, из 1944 года. Как вы можете заметить, папка, на которую вы так пристально смотрели в начале разговора, достаточно толстая, и нам есть

чем ответить иностранным коллегам документально. Кстати, есть здесь еще и документы с грифом «Ультра топ секрет».

— *Есть шанс с ними познакомиться?*

— Постараемся со временем открыть и их.

— *Борис Михайлович, а можно ли сказать, что все немецкие коды взломал талантливый хакер Тьюринг?*

— Это очень длинная и сложная история. Пикантность ситуации состоит в том, что в 1930-е годы французская криптографическая служба активно сотрудничала с британскими и польскими коллегами. Пытались во что бы то ни стало найти ключ к немецкой шифровальной машине «Энигма».

И в определенных компонентах этой сложной работы французы весьма преуспели. Их спецслужбам удалось еще в те годы добыть руководство по эксплуатации «Энигмы». Как добросовестные союзники они поделились информацией с англичанами. Уровень французской криптографической школы был высок. Это подтверждает и то, что разработанная в 1930-х совместно со швейцарской компанией тактическая шифровальная машина для поля боя успешно применялась многими странами, в том числе и в армии США, до начала 1950-х. Ведь «Энигма» была тяжелой. А швейцарская фирма «Crypto AG», с которой раньше сотрудничали французы, до сих пор едва ли не главный разработчик машин шифрования. История тянется с довоенных лет и до наших дней.

Интересно, что недавно с «Crypto AG» приключился скандал. Причина все та же, я бы сказал, исключительно деликатная. Правда, англичан на сей раз напрямую не касающаяся. В прессу попали сообщения, что с помощью переданного «Crypto» оборудования американцы прослушивали долгие годы чуть ли не весь мир. В том числе и своих союзников.

А вот французские криптоаналитики до войны щедро предоставляли британским партнерам ценнейшую информацию по Германии. Британцы же кроме расшифровки «Энигмы» взломали французские шифровальные коды и всю Вторую мировую войну успешно читали шифропереписку сначала правительства Виши, а затем и де Голля. Документ из Блетчли-парка, лежащий перед вами, прекрасно это доказывает.

— *Ничего себе.*

— Не исключено, что и в первый послевоенный период они с успехом знакомились с шифротелеграммами руководства Пятой республики. Кстати, вопрос о том, читал ли в таком случае Черчилль шифропереписку своих американских друзей, тоже имеет право быть. Ведь, как мы с вами говорили, шифромашины в армии США были франко-швейцарской разработки.

У вас на столе три документа, касающиеся Франции и деятельности генерала де Голля. Предоставляем их в ваше распоряжение.

Де Голль был под колпаком

Отбросим дипломатию. В дни войны генерал де Голль был для американцев фигурой неприемлемой. Да, покинув Францию, он 18 июня 1941 года обратился к соотечественникам по Би-би-си из Лондона с призывом создать французское Сопротивление. Обвинил правительство Виши в предательстве. Стал во главе организации «Свободная Франция», потом переименованной в «Сражающуюся Францию». Но уж больно строптив, непримирим, не собирается безоговорочно признать главенство Британии и США. Есть и другие, считали американцы, фигуры, более подходящие для того, чтобы возглавить гражданское правительство. К примеру, послушный англосаксам и, никто не спорит, заслуженный генерал Анри Жиро.

Да и доброе отношение СССР к де Голлю, быстро признавшего его Комитет национального освобождения и даже отозвавшего своего посла из Виши в Лондон, где находились сторонники де Голля, тоже настораживало. Союзники как могли тянули с открытием второго фронта, а де Голль отправил в СССР истребительную эскадрилью «Нормандия», превратившуюся потом в полк «Нормандия — Неман».

В результате «Сражающаяся Франция» раскололась на две группировки. Де Голля поддерживал британский премьер Черчилль, а Жиро, естественно, оставался креатурой американцев. Но своеобразное двоевластие сохранялось недолго. В ноябре 1943 года Жиро проиграл это чисто политическое сражение за будущее Франции и был — на время — исключен из состава «Сражающейся Франции».

Вот солидный по размеру документ № 18509—18530 от 12 июня 1944 года «О впечатлениях генерала де Голля от визита в Лондон» на французском языке. Представительство Франции в Алжире отправило его во французское представительство в город Чунцин (Китай). Документ исключительно важен: буквально накануне высадки союзных войск в Нормандии 4 июня премьер Черчилль принимает де Голля. Передает ему конфиденциальную информацию о предстоящей 6 июня крупнейшей совместной операции союзников, по существу открытию столь долго ожидаемого второго фронта.

В письме сообщается, что после прибытия в Лондон генералу де Голлю стало известно, что президент США Рузвельт не приветствует проведения никаких трехсторонних переговоров (США и Великобритании с участием Франции). Черчилль согласен на такую встречу, он всячески увещевает француза спокойно принять позицию США и согласиться вести предлагаемую ими политику, с которой он, Черчилль, совершенно согласен.

Но разве может де Голль принять категорически навязываемый американцами диктат? Ведь в проекте письма генерала Эйзенхауэра французам предлагается выполнять на ее же, пока еще оккупированной, но близкой к освобождению территории все приказы союзников «до выборов законных органов власти». Это значило, что в Вашингтоне

попросту игнорируют «Сражающуюся Францию» и ее руководителя. И де Голль, как понятно из сообщения, недоволен тем, что на их с Черчиллем переговорах в Лондоне представители Соединенных Штатов отсутствуют. В канун высадки на французскую землю Нормандии американцы недвусмысленно определяют роль французов как послушных сателлитов.

Де Голль настаивает на переговорах с президентом США Рузвельтом. Тот предлагает ему приехать «на встречу» в Вашингтон, обозначая при этом разные даты. Де Голль же обозначает конкретную тему переговоров: «Обсуждение общих интересов с Францией».

А еще в письме говорится о беспокойстве руководителя «Сражающейся Франции» по поводу желания США навязать французам те денежные знаки, которые устраивают американцев.

И, уже отойдя от документа, вспомним, что в те дни де Голль добился от Черчилля права выступить из Лондона с радиообращением к французам. Тем самым он отмежевался от Эйзенхауэра. Заявил о легитимности Французского комитета национального освобождения, сформированного «Сражающейся Францией». Дал понять, что французские силы освобождения не собираются вступать в подчинение американскому командованию.

И де Голль не забыл унижения. Гораздо позже, уже в 1960-е, он весьма нелестно вспоминал о союзном десанте: «Высадка 6 июня — это дело англосаксов, от которого отстранили Францию. Они решили утвердиться во Франции как на вражеской территории». Сурово! Но справедливо.

Документ свидетельствует еще об одном феномене, связанном с разведкой. Получается, что где-то в окружении де Голля был источник, который, пользуясь профессиональной терминологией, «снял» реакцию де Голля на переговоры с Черчиллем, узнал о его высказываниях. Что лишний раз доказывает: вся деятельность непокорившейся Франции была под неусыпным контролем.

Следующие два документа, переданные Филби, на английском. Отдадим должное политической дальновидности де Голля. Еще в 1944 году будущий президент Пятой республики сумел точно определить интересы американцев на Среднем Востоке. Штаты, по мнению генерала, собирались в послевоенную эпоху править там безраздельно. И ФКНО (Французский комитет национального освобождения) выступил с демаршем перед правительствами Британии и Соединенных Штатов, с тем чтобы адекватно соблюдались интересы Франции в этом регионе. Важнейшая проблема — использование арабской нефти — обсуждалась в Лондоне с госсекретарем США Стеттиниусом. Результат: озабоченность французов и их ссылка на статью 4 Атлантической хартии. Согласно ей каждая страна должна быть уверена, что будет обеспечена частью мировых продуктов в соответствии со своими нуждами. А еще де Голль не согласен с тем, что в послевоенную эпоху одна страна — США или в меньшей степени

Британия — станет всесильной в ущерб другим государствам. Тревожило его и сохранение постоянных американских военных баз на территории Северной Африки.

Посмотрите, какой извилистый путь проделал документ «Беспокойство французов относительно интересов Соединенных Штатов на Среднем Востоке» под грифом «Топ сикрет» № 4272, полученный неизвестным «нашим представителем» в Алжире. Он был отправлен в Каир, а затем через греков направлен 11 мая 1944 года в их посольство в СССР. Перехвачен англичанами из Блетчли-парка, оттуда попал в руки Филби. И в Москве добрался не только до греков, но и до нашей разведки.

Именно такие материалы помогали высшему руководству СССР определиться в своих симпатиях и антипатиях. Могли бы поддержать и генерала Жиро — в то время уже заслуженного и немолодого. Но не поддержали: тот готов был стелиться перед англосаксами. Уверен, что независимость де Голля, его нежелание угождать американцам явно пришлись по душе советскому руководству.

Де Голля приглашали в СССР еще в 1943-м. Но не получилось. Зато осенью 1944 года он был принят в Москве Сталиным и, по собственным подсчетам, провел в беседах с генералиссимусом 15 часов. Тогда и во многом решился вопрос, быть ли Франции в составе великих держав-победительниц. И на то, что в Карлсхорсте во время подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии вместе с нашим, британским, американским флагами развевался и четвертый, французский флаг, повлияли и встречи со Сталиным, и по крупицам передававшиеся Филби сведения о позиции лидера Франции в отношении не только Великобритании и США, но и будущего миропорядка.

Чужая стратегия на кремлевском столе

Очень интересовала Верховного главнокомандующего Сталина и стратегическая информация, добытая Филби, о планах немцев в отношении их союзников по оси. Огромную ценность представляют его рассекреченные сообщения о переговорах Гитлера с Муссолини.

Одна из самых больных и тревожных тем — открытие второго фронта. По сути, Филби сообщал о готовящейся операции союзников с начала апреля 1944 года. Уточнил, что план высадки переносится с мая на первые числа июня. Подтверждал: полученная информация надежна. Дальше пошли конкретные сведения: кто высаживается, какие дивизии. А потом использовал расшифровки немцев и тут же «снял» их реакцию: как они воспринимают наступление британцев, американцев, канадцев.

Естественно, СССР исключительно волновала позиция Японии. Еще на Тегеранской конференции 1943 года Сталин обещал президенту Рузвельту вступить в войну с ней после капитуляции Германии. А в обмен на это Рузвельт нажимал на премьера Великобритании Черчилля

с открытием второго фронта. В конце концов, союзники высадились, пусть лишь в 1944-м, в Нормандии, значит, слово надо было держать и нам. В Токио так и не узнали об этих стратегических договоренностях.

С необычной для осторожных японцев самоуверенностью их посол в Москве сообщает своему министру иностранных дел: «Абсолютно невообразимо рассчитывать на объявление СССР войны Японии после окончания боевых действий в Европе. Самое большее, на что могут рассчитывать союзники, — это убедить СССР придерживаться строгого нейтралитета». Как же ошибались японцы. И благодаря переданным Кимом Филби документам в Москве об этом японском неведении было хорошо известно.

И такой стратегический просчет Японии не случаен. Их посольство в СССР не разобралось в обстановке на фронтах и на освобожденных от фашистов территориях. Информировало: «Похоже, что все работы по восстановлению будут отложены на послевоенный период». Совершенно неадекватно оценивалась мощь Красной армии. В японском разведсообщении из СССР летом 1944 года подчеркивалось: «Операции армии Жукова на Южном фронте не принесли своих результатов, были понесены серьезные потери в живой силе и технике. Эти войска пришлось несколько раз доукомплектовывать неподготовленными новобранцами, и в настоящее время их наступление в Карпатских горах и пригородах Яссы было остановлено яростными контрнаступлениями войск стран оси... Войска измождены до предела после безрезультатных двухлетних атак на фронте протяженностью более 1700 километров. Это заставляет союзных военных экспертов утверждать, что, если Германия будет в состоянии продолжать войну еще год-два, ее результат будет трудно прогнозировать и можно будет даже допустить версию полного уничтожения Красной армии... Продвижение Красной армии на Балканах через Румынию задержано, а наступательные операции против Балтийских стран в настоящее время полностью заморожены. Нехватка средств для ведения войны у Советского Союза является неоспоримым фактом. В настоящее время стало очевидным то, что окончательная победа или поражение СССР зависит от возможности продолжать организацию снабжения, другими словами — от союзников... которые волнуются за способность СССР продолжать войну». Как далеко все это от истины!

Наверняка японцы с радостью проглотили и секретную депешу своего посла в Берлине, с оптимизмом информировавшего Токио о сведениях, полученных в беседе с министром иностранных дел Третьего рейха Риббентропом. Тот заявил: «Германии придется перейти в наступление, чтобы стабилизировать положение на Восточном фронте. Войска намерены предпринять новое наступление, и его результаты, как он полагает, будут видны через две-три недели... Он всячески стремился меня заверить в том, что немцы ни в коем случае не утратили

уверенности в себе из-за сложившегося недавно положения в ходе войны».

Японцы хотели верить в могущество терпящей поражение фашистской Германии. И поверили. И когда 8 августа СССР объявил войну Японии, отлично подготовленные, хорошо вооруженные и набравшиеся опыта советские войска разгромили Квантунскую армию. Подписание 2 сентября 1945 года Акта о капитуляции Японии ознаменовало конец Второй мировой войны.

И конечно, полная осведомленность советского руководства о позиции Японии тоже внесла свой определенный вклад в победу. Ведь практически все сообщения, отправлявшиеся в Токио послами Японии в Европе, были на контроле у британцев. А Ким в свою очередь передавал их в Москву.

Японцам, чьи коды расшифровали англичане, дорого обошлось собственное высокомерие. Они считали себя неуязвимыми. Долгое время японские шифровальщики отказывались верить, что их читают. Объяснение приводили простое: «белым обезьянам» никогда не взломать наши японские коды, которые образованы на базе иероглифов. Буква и иероглиф — обозначения разные, и никогда европейцам их не расшифровать. Так продолжалось до 1944 года. Но когда стало понятно, что европейские криптографы японские коды раскусили, выдвинули теорию, в которую заставили поверить многих: противник узнал о планах Японии не из перехвата шифровки, а от агентуры, затаившейся где-то в наших рядах. Предъявляли претензии своей контрразведке, требовали: ищите агентов. Невольно возникает вопрос: насколько читали в 1940—1941 годах японские шифровки британцы и поставили ли они в известность американцев о готовящейся атаке на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941-го?

То и дело взоры союзников обращались в сторону Турции. Ведь поначалу вопрос об ее участии в войне на стороне немцев стоял очень остро. И что тогда оставалось делать СССР? Быть может, готовить ответный или предупредительный удар. Но члены антигитлеровской коалиции сложными дипломатическими маневрами сумели построить игру так, что Турция, несмотря на все усилия немцев, оставалась нейтральной. А 23 февраля 1945 года объявила войну Германии и Японии. И, по существу, не произведя ни единого выстрела, появилась в составе антигитлеровской коалиции, выигравшей войну. Опять-таки о позиции турецкого руководства Москве было известно благодаря Киму.

Очень непросто обстояло и с финнами. Сначала перехвачена информация, что они не будут наступать на Ленинград, но в качестве уступки хотели бы получить часть Карелии. Как же, получили... Затем немцы с тревогой сообщали из Хельсинки в Берлин о намерении Финляндии выйти из войны. И Москва по всем возможным каналам сделала всё, чтобы планы эти поддержать.

Естественно, интересовала Польша, у которой была громадная центральная резидентура в Лиссабоне. И вся добытая ею информация передавалась оттуда в Лондон, где обосновалось польское правительство в изгнании. Надо ли говорить, что переписка была под тотальным контролем британцев и потому, соответственно, и нашим. Сталин читал ее исключительно внимательно.

Большой объем информации получали по Югославии. И настолько там все было перепутано. Все собрано в отдельной папке, но такая в ней мешанина. Тут сербы, там хорваты плюс албанцы. А еще греческие партизаны. По-настоящему взрывоопасное место. И этот албано-югославский угол, или узел, очень тревожил британцев, нас, немцев. Постепенно выяснилось, что русские, как и англичане, будут поддерживать Иосипа Броз Тито. И в этой поддержке союзники не ошиблись.

А еще сообщения из Северной Африки, Бразилии, самых разных стран Латинской Америки. Быть может, тогда до всего этого и руки не доходили. Но какой же широчайший спектр материалов, переданных Кимом Филби и Джоном Кернкроссом!

На протяжении всей войны советские друзья постоянно спрашивали Кима о взаимодействии британских секретных служб МИ-5 и МИ-6 с американцами. Об этом хотел знать Сталин. Ким честно говорил, что да, сотрудничество в принципе существует, но если брать конкретные регионы, то ничего особенного не предпринимается. Не было у него никаких данных. И, как думается, не было и сотрудничества на стратегическом уровне. Это уже в 1949—1951 годах, когда Ким Филби возглавлял миссию «Сикрет интеллидженс сервис» при американских спецслужбах, для него (и для нас) в этой области не оставалось никаких секретов.

А в годы войны целые тома полученных Центром, и не только от «Кембриджской пятерки», секретных материалов надо было обрабатывать, выделять из них наиболее оперативные и ценные, анализировать, докладывать. Иногда Ким сам обращал внимание на важнейшие сообщения. Но успеть просмотреть, оценить всё не мог даже он.

К сожалению, аналитиков в московском Центре было немного, сотрудников не хватало. Иногда работать приходилось часов по пятнадцать. Зато небезрезультатно.

Теперь о том, куда рассылались эти документы у нас. Фамилии и организации, понятно, одни и те же: Наркомат обороны, Народный комиссариат иностранных дел, структуры НКГБ, СМЕРШ, ГРУ. Важнейшие материалы — высшему руководству. Главную оценку информации давал сразу Иосиф Виссарионович Сталин. Хорошо это или плохо? Инспектор высочайший, но насколько по силам одному человеку всю эту массу поглотить, через себя пропустить, да еще дать конкретные указания?

Любопытно, что на первых порах некоторые документы отправлялись в Коминтерн. А потом он исчез из рассылок. Это тот же Ким Филби передал: возникло подозрение, что кто-то из источников Коминтерна, возможно, работает и на британцев, и на немцев. Очень тонкий вопрос. Человека проверяют и говорят: нет, не может быть, это ведь чуть не личный друг Георгия Дмитрова. И как бы тут не обидеть самого Дмитрова — лидера Коминтерна. Но, если без подробностей, Ким оказался прав, из рассылки фамилию вычеркнули не зря.

Кстати, выясняется, что у англичан в Москве практически не было никаких источников. Не шли наши люди на английскую вербовку. Подозревали в сотрудничестве одного генерала, Героя Советского Союза. Он написал некое письмо, которое британцы, судя по всему, перехватили и прочитали. Ким сообщил, что за этим генералом охотится британская разведка. Но дальше намерений англичане не продвинулись, так они на генерала и не вышли. И тот успешно воевал до конца войны, не подозревая, что каким-то своим шагом, может, и неосторожным, заинтересовал английскую разведку.

Еще одна деталь. Британцы вообще активно читали чужие письма. Больше всего здесь подставлялись французы. Люди из окружения генерала де Голля очень много болтали и раскрывали в переписке с родными детали, которые были интересны не только близким родственникам, но и абверу с гестапо.

Филби выдавал на-гора вал секретных документов. Насколько все это успевали обработать и разослать куда нужно? А что делать с уже отработанными сообщениями? Их отсылали в далекий тыл — в Свердловск. Это был общий порядок работы для всех наркоматов. Заканчивалась война, и оттуда получили запрос: что делать с сотней томов? Ответ из Москвы был категоричен: уничтожить на месте установленным порядком. И они пошли в печь. Кроме тех, что были оставлены в Центре и аккуратно вложены в дела наших друзей — членов «Кембриджской пятерки».

Приложение

Это лишь малая толика секретных документов, переправленных в Москву Кимом Филби.

Документ 1 (перевод с французского)

Совершенно секретно

Запереть на замок: никогда не выносить из офиса.

Впечатления генерала де Голля от его визита в Лондон

Номер: 132788

Дата: 21 июня 1944 года.

Отправитель: DiploFrance, Алжир

Получатель: Французская миссия в городе Чунцине (Китай)

Исходящий номер: 18509—18530

Дата: 12 июня 1944 года

(телеграмма-циркуляр во все точки)

№ 699/СН

Для вашего сведения и конфиденциальной ориентации

Из впечатлений генерала де Голля по прибытии в Лондон вытекает, что:

1. Президент Рузвельт не расположен вести никакие трехсторонние переговоры и не желает никакого политического соглашения с временным правительством (здесь и дальше: генерала де Голля. — *Н. Д.*).

2. Черчилль знает, какова его диспозиция в тот момент, когда он направляет свое приглашение генералу, чтобы не (обрыв текста, далее по-английски *wrong group?* — «неправильная группа», затем продолжение на французском. — *Н. Д.*)... в том, что его касается, похоже, с этим согласился. Таким образом, основная цель приглашения, похоже, заключалась в том, чтобы обеспечить французское прикрытие ставшей неизбежной военной и политической операции.

3. Отдельные элементы в Великобритании, включая г-на Идена (Энтони Иден, в 1940—1945, 1951—1955 годах министр иностранных дел Великобритании. — *Н. Д.*), судя по всему, имеют разные точки зрения в отношении этой позиции премьер-министра, но по факту их активное вмешательство не привело к каким-либо результатам.

4. Политика Рузвельта — Черчилля выразилась в послании генерала Эйзенхауэра, формулировки которого генерал де Голль тщетно пытался изменить, а также в проекте введения в обращение во Франции денег без предварительного соглашения с временным правительством, представленных как французская валюта. Эта ситуация поставила бы перед временным правительством самые серьезные проблемы. Для того чтобы не связывать свое имя с установлением во Франции по сути Союзного военного правительства для оккупированных территорий (от английского AMGOT — Allied Military Government for Occupied Territories. — *Н. Д.*), генерал остановил отъезд из Англии административной миссии. В Нормандии вместе с войсками союзников высадились лишь несколько офицеров, отвечающих за тактическую связь в этих частях. Кроме того, 8 июня временное правительство передало на рассмотрение американской и британской делегаций меморандум, обратив их внимание на то, что правительство не могло признать законной валютой банкноты, которые были бы запущены в обращение без его ведома. Тем не менее, стремясь к тому, чтобы французские силы всемерно сотрудничали в плане объединения общих военных усилий, генерал де Голль согласился с военным характером его визита и тех контактов, которые он устанавливает в Лондоне. 9 июня в Вашингтоне была распространена новость о том, что господин Рузвельт в ответ на просьбу генерала де Голля заявил о своей готовности его принять либо с 22 по 30 июня, либо с 6 по 14 июля.

На самом деле, как это уточнил генерал в интервью, которое он дал 10 июня дипломатическому корреспонденту АРР в Лондоне, президент поручил (*one group*), который направлялся в Алжир, передать генералу

де Голлю, что он охотно встретится с ним в Вашингтоне, если он этого захочет. Генерал де Голль сразу же ответил, что будет очень рад обсудить с президентом проблемы, которые представляют взаимный интерес для (*wrong group*) и Франции. Тогда президент назвал в качестве возможных вышеупомянутые даты встречи. Также 9 июля в письме, адресованном г-ну Вьено (Пьер Вьено — посол движения «Свободная Франция» при правительстве Великобритании в 1943—1944 годах. — *Н. Д.*), а также в ходе беседы с генералом господин Иден настаивал на том, чтобы были незамедлительно начаты переговоры между представителем британского правительства и временным правительством по вопросу о делах гражданской администрации Франции; проект договора был бы представлен генералом президенту Рузвельту в Вашингтоне, тем временем господин Иден заручится согласием британского правительства. Министр иностранных дел британского правительства попросил бы, чтобы компетентные представители были бы вызваны в Лондон, чтобы начать упомянутые переговоры. В ответ на это господину Идену было заявлено, что, хотя генерал и был рад принять приглашение, которое должно было ему позволить находиться на английской земле в тот момент, когда на ней должно было начаться освободительное наступление, временное правительство всегда считало, что в отсутствие американских представителей на переговорах в Лондоне поездка их президента может носить лишь военный и символический характер. В то же время, стремясь всячески способствовать продолжению войны против общего врага, временное правительство поручило господину Вьено предоставить себя в распоряжение британского правительства для того, чтобы незамедлительно начать с ним беседу на основе меморандума от 7 сентября 1943 года.

10 июня было опубликовано новое воззвание генерала Эйзенхауэра к французскому народу, которое подтверждало и усиливало первое воззвание. Это явно поставило британское правительство в еще более неудобное положение. Оно неохотно соглашается с мерами, которые президент Рузвельт диктует генералу Эйзенхауэру, и в то же время хотело бы достичь соглашения с нами. Стремясь успокоить свое общественное мнение, которое становится тревожным, оно настоятельно просит, чтобы предстоящим переговорам был придан торжественный характер. Со своей стороны временное правительство придерживается позиции, которую господину Вьено было поручено изложить господину Идену, и его президент рассчитывает в ближайшее время вернуться в Алжир после посещения городов Нормандии.

Документ 2 (перевод с французского)

Совершенно секретно

Запереть на замок: никогда не выносить из офиса.

«Беспокойство французов относительно интересов Соединенных Штатов на Среднем Востоке».

от: Папандреу, Каир

Кому: Посольство Греции в Москве

№ 4272

Дата: 11 мая 1944 года

От нашего представителя в Алжире

Относительно бесед мистера Стеттиниуса (государственный секретарь США. — *Н. Д.*) в Лондоне, во время которых обсуждался вопрос арабской нефти, я узнал, что недавно предпринят демарш перед правительствами Британии и Соединенных Штатов, с тем чтобы адекватно соблюдались интересы Франции на Ближнем Востоке. Более того, под этим влиянием инициировались статьи во французской прессе, в которых приводилась Статья 4 Атлантической хартии. Согласно ей каждая страна должна быть уверена, что будет обеспечена частью мировых продуктов в соответствии со своими нуждами.

Газеты также призывали принимать во внимание заявления представителей Америки, согласно которым для становления здоровой американской политики относительно нефти должны быть заключены соглашения с Британией, Францией, другими странами Средиземноморья. В связи с этим министр иностранных дел Франции, с которым я говорил день или два назад, сказал, не скрывая своей озабоченности, что эта новая политика приведет Америку к более постоянной оккупации ее морских и воздушных баз в Северной Африке, а также, возможно, в других местах. Таким образом, после войны возникнет одна сила, одна группа, может быть, это будет и Британия, не в таком крупном масштабе, с теми осложнениями, которые такая политика может принести.

Генеральному директору — 2

Адмиралтейство — 2

Министерство авиации

Майору Мортону

Документ 3 (перевод с английского)

Совершенно секретно

Запереть на замок: никогда не выносить из офиса.

«Отчет Германии о взаимоотношениях Британии с генералом де Голлем».

Номер: 132752

Дата: 20 июня 1944 года

От: Министерства иностранных дел Германии, Берлин.

Кому: Посольство Германии в Анкаре и другие представительства в Турции.

Отправлено из Лиссабона 14 июля:

Относительно переговоров в Лондоне, проведенных генералами де Голлем и Кенигом (верный сторонник де Голля. — *Н. Д.*) в Лондоне. Из надежного источника я узнал, что британские службы шпионажа были полностью в курсе содержания секретного соглашения между

де Голлем и советским правительством относительно французской Северной Африки. В этом соглашении, помимо прочего, были сделаны конкретные приготовления для допуска коммунистов в администрацию и к проведению внешней политики, которая должна осуществляться Комитетом Освобождения.

В соответствии со своей политикой противостояния Советам в Средиземноморье, британское правительство со своей стороны выдвинуло де Голлю ряд политических требований. Для прояснения своих отношений с Англией де Голль сначала отправил в Лондон генерала Кенига, к которому хорошо относятся англичане. Для того чтобы избежать открытого противостояния с голлистами, что произвело бы эффект дальнейшего подталкивания Комитета Освобождения в руки Советского Союза, нынешняя политика британского правительства будет направлена на то, чтобы попытаться ограничить функции де Голля рамками военного главнокомандующего. Его влияние на гражданскую администрацию должно быть как можно в большей степени сведено на нет.

Документ 4 (перевод с английского)

Совершенно секретно

Запереть на замок: из кабинета не выносить.

131772

Число: 25 мая 1944 года

От: посол Японии в Анкаре

Кому: Министр иностранных дел: Токио № 234

Число: 19 мая 1944 года

Разведсообщение по СССР

Несмотря на общий характер информации, передаю следующие основные тезисы сообщения, подготовленного агентом (источником) посольства, основанного на сведениях, полученных от союзников.

1. Нынешнее положение дел на территориях, отвоеванных Красной армией.

Ужасающее положение населения в регионах, целенаправленно разоряемых и разрушаемых отступающими немецкими войсками, в особенности в пригородах Новгорода, напоминает голод в Греции в 1941—1942 годах. Случаи голодной смерти происходят ежедневно. При этом размер выдаваемого государством населению продпайка гораздо ниже необходимой нормы потребления. Цены на товары резко возросли (при официальной цене 90 копеек буханку хлеба продают по 100 рублей). Государство использует все внутренние пути сообщения исключительно для поставок продовольствия в войска на передовой и не в состоянии выполнять свои обязательства перед населением (в том числе по продовольственному снабжению). А производство продовольствия в плодородных землях Украины пока не начало приносить своих результатов, и крестьян беспокоит вопрос выживания до периода сбора урожая. Советское правительство на постоянной

основе ведет пропаганду, в которой сообщает о запуске промышленных мощностей и восстановлении благосостояния населения на отвоеванных территориях, однако факты полностью опровергают данные утверждения, и похоже, что все работы по восстановлению будут отложены на послевоенный период.

Моральное состояние и трудности, стоящие перед Красной армией, а также качество получаемых от Великобритании и США товаров остаются неудовлетворительными, уровень поставок вооружений и продовольствия не соответствует ожиданию. Несмотря на это, боевой дух в войсках остается высоким и подогревается уверенностью в скорой и окончательной победе, которая звучит (присутствует) во всех военных приказах Сталина. Война демонстрирует почти фанатичный (нечеловеческий) атакующий настрой в безоткатных наступлениях, которые они осуществляют уже два года без перерыва. Однако имеются и проблемы. Не только операции армии Жукова на Южном фронте, задействовавшие (сомнительная часть информации: 35 пехотных, 8 танковых и других механизированных дивизий), не принесли своих результатов, но были и понесены серьезные потери в живой силе и технике. Эти войска пришлось несколько раз доукомплектовывать неподготовленными новобранцами, и в настоящее время их наступление в Карпатских горах и пригородах Яссы было остановлено яростными контрнаступлениями войск стран оси. Тяжелые потери, включающие 303 танка, 220 самолетов, понесенные в районах Острова, а также тот факт, что войска измождены до предела после безрезультатных двухлетних атак на фронте протяженностью более 1700 километров, заставляют союзных военных экспертов утверждать, что, если Германия будет в состоянии продолжать войну еще год-два, ее результат будет трудно прогнозировать и можно будет даже допустить версию полного уничтожения Красной армии. В настоящее время, несмотря на то что подкрепления, перебрасываемые с Севера, восполняют потери южных фронтов, продвижение Красной армии на Балканах через Румынию задержано, а наступательные операции против Балтийских стран в настоящее время полностью заморожены.

2. Ограничение потенциала Красной армии.

Нехватка средств для ведения войны у Советского Союза является неоспоримым фактом. В настоящее время стало очевидным то, что окончательная победа или поражение СССР зависит от возможности продолжать организацию снабжения, другими словами — от союзников.

Не оспаривая превосходства в последнее время СССР над Германией в авиации и артиллерии, его потери в 7—8 раз тяжелее немецких — факт, признаваемый союзниками, которые все больше волнуются за способность СССР продолжать войну. При таких обстоятельствах абсолютно невообразимо рассчитывать на объявление СССР войны Японии после окончания боевых действий в Европе. Самое большее,

на что могут рассчитывать союзники, — это убедить СССР придерживаться строго нейтралитета.

Документ 5 (перевод с английского)

Совершенно секретно

Запереть на замок: запрещается выносить из офиса.

Стратегия Германии на Восточном фронте: доклад посла Японии в Германии из Берлина

Номер: 134404

Дата: 3 августа 1944 года

Отправитель: Посол Японии в Берлине

Получатель: МИД Японии

Исходящий номер: 773

Дата: 31 июля 1944 года

Сегодня днем я позвонил заместителю министра иностранных дел. Ниже изложены основные положения того, что он мне сообщил:

1. Как заявил мне несколько дней назад министр иностранных дел Риббентроп, Германии придется перейти в наступление, чтобы стабилизировать положение на Восточном фронте. В связи с высокой мощностью атак советской армии до сих пор не удавалось добиться стабилизации за счет контратак малыми силами, отсюда возникла необходимость сосредоточить гораздо более многочисленные силы и проводить специальные тактические операции; в настоящий момент сформированные внутренние резервы были в основном сосредоточены на линии Вислы и на старых границах Германии, они готовились к предстоящим военным действиям, с тем чтобы до тех пор, пока подготовка не будет завершена, Германия, чтобы компенсировать нехватку личного состава, которая является главным предметом ее озабоченности, могла бы отойти в район Карпат, чтобы попытаться взять под контроль основные пути; в районе Лемберга (немецкое название города Львова. — *Н. Д.*) они, возможно, не удержат линию обороны на Висле, они не были намерены отчаянно защищать Варшаву.

Что касается наступления из района Ковно (современный Каунас. — *Н. Д.*), то они были подготовлены, чтобы обеспечить отход к Мемелю (немецкое название Клайпеды. — *Н. Д.*). Они могут также оставить Ригу, но даже если Советская армия вышла бы к балтийскому берегу из Митау (немецкое название латышского города Елгава. — *Н. Д.*), расположенные к северу от Риги немецкие части не были бы выведены по политическим соображениям из уважения к Финляндии; они бы оставались там в качестве плацдарма и снабжались бы со стороны Балтийского моря. Таким образом, по завершении всей подготовки они намерены предпринять новое наступление, и его результаты, как он полагает, будут видны через две-три недели. Поэтому он считает, что пока будут поступать исключительно плохие новости, но позднее позиция непременно изменится к лучшему, и он всячески стремился меня

заверить в том, что немцы ни в коем случае не утратили уверенности в себе из-за сложившегося недавно положения в ходе войны.

2. По поводу Турции он сказал, что она почти наверняка разорвет дипломатические отношения с Германией, но не пойдет настолько далеко, чтобы разорвать дипломатические отношения с Японией. Турция пыталась избежать такого сценария, при котором ей пришлось бы пойти еще дальше разрыва дипломатических отношений, но, находясь под давлением со стороны Великобритании и Америки, она делала одну уступку за другой и, конечно же, может в конечном итоге (вступить в) войну. Он полагает, что как только дипломатические отношения будут разорваны, она (Турция) разрешит британским ВМС и ВВС использовать острова в Эгейском море в качестве оперативных баз.

Рассылка:

Генеральному директору (4)

МИД (3)

Адмиралтейство (2)

Военное министерство (44)

МИ-5 (служба безопасности — британская контрразведка) (2)

Полковник Викерс, сэр Э. Бриджес, секретарь кабинета министров

Документ 6 (перевод с английского)

Совершенно секретно

Запереть на замок: запрещается выносить из офиса.

Озабоченность Японии возможной передачей Россией оружия Китаю

Отправитель: Министерство иностранных дел Японии

Получатель: Посольство Японии

Исходящий номер: 664

Дата: 12 июня 1944 года

На Ваш № 1144 (наш № 132418)

1. Мы также не располагаем адекватной информацией о визите Уоллеса (Генри Уоллес, вице-президент США. — *Н. Д.*) в Чунцин, но его основные цели таковы:

1) поближе познакомиться с внутренней ситуацией в Китае, что связано с растущей озабоченностью Соединенных Штатов по отношению к этой стране и

2) оказать моральную поддержку Чунцину в его сопротивлении Японии и ускорить достижение понимания между Гоминьданом и коммунистами. Мы не считаем, что у этой миссии есть какая-то более конкретная цель, как, например, подписание договора, однако состав делегации ясно говорит о том, что в перспективе имеется в виду объединение Китая и усиление союза между США, СССР и Китаем с целью противостояния Японии, и поездка Уоллеса по России используется для достижения этой цели. С учетом статуса Уоллеса Советский Союз, вероятно, примет его план (ожидается, что он встретится с Молотовым и другими высокопоставленными советскими

представителями), поэтому мы полагаем, что нам нужно внимательно следить за передвижениями и действиями Уоллеса.

2. Что касается слухов о том, что груз, отправленный в Советский Союз, может быть переправлен в Чунцин, то весьма вероятно, что Америка в свете положений ее договоренности с Советским Союзом по крайней мере попросит об этом (с целью оказать содействие Китаю и отдалить СССР от Японии). И хотя советское правительство не захочет немедленно это исполнить, вполне возможно, что в будущем, в зависимости от хода войны с Германией и с учетом того, что Россия нуждается в помощи Америки при восстановлении страны, они реализуют это предложение на практике. Поэтому я согласен с тем, что это весьма серьезный вопрос, как это отмечается в вашей телеграмме № 1080 (наш № 132376), а также с вашим мнением о том, что вопрос об участии Советского Союза в качестве посредника в деле поставок оружия Китаю заслуживает самого пристального внимания. Переправка в Чунцин оружия и боеприпасов, изначально предназначавшихся в качестве помощи России, а также использование Советского Союза в качестве посредника для осуществления поставок таких материалов является — помимо вопроса о советском нейтралитете — весьма серьезным и может иметь на практике ощутимый материальный эффект в ходе войны в Китае, особенно если поставки вооружений, о которых идет речь, включали в себя самолеты.

3. Информация о переправке (в Китай) материалов, изначально отправленных в виде помощи Советам, а также о поставках через Советский Союз пока является опосредованной и, возможно, сгенерирована вражеской пропагандой с целью вбить клин между Россией и Японией, но, по моему мнению, с нашей стороны было бы разумно продолжить попытки получить дополнительные сведения и выяснить, какова истинная позиция Советского Союза, и (при необходимости) попытаться воспрепятствовать его планам.

Документ 7 (перевод с английского)

Совершенно секретно

Запереть на замок: запрещается выносить из офиса.

Отчет о беседе посла Японии с Муссолини в Венеции

Номер: 134602

Дата: 8 августа 1944 года

Отправитель: Посол Японии в Венеции

Получатель: МИД Японии, Токио

Исходящий номер: 248

Дата: 31 июля 1944 года

Секретно. Срочно

Ниже изложены основные положения беседы с руководителем Италии Муссолини, которая состоялась 25-го числа (заместитель министра иностранных дел также присутствовал):

1. Он недавно посетил Германию и проинспектировал четыре итальянские дивизии, которые проходили там подготовку. Их личный состав находится в отличной физической и психологической форме. Две из указанных дивизий (Альпийская дивизия и дивизия Сан-Марко) уже завершили подготовку и возвращаются домой. Они будут отправлены на фронт в распоряжение командующего — маршала Грациани. Когда король (Италии) и Бадوليو (маршал Пьетро Бадольо. — *Н. Д.*) имели в своем распоряжении (2 группы) в прошлом году, итальянская армия сразу же потерпела сокрушительное поражение, и он упорно работал над тем, чтобы ее восстановить. Понадобятся дополнительные усилия, и немцы захотели заняться подготовкой свежих войск.

2. После того как он проинспектировал эти войска, он имел беседу с фюрером в ставке, прибыв на место 20-го числа за два часа до инцидента с бомбой и, таким образом, прошел через это испытание бок о бок с фюрером. Сила взрыва была поразительной, при этом фюрер был легко ранен в левую кисть и руку. У него также поврежден сустав в правом плече и волосы были частично опалены. То, что он получил только эти (легкие) ранения, стало поистине волей провидения. Фюрер лично прибыл, чтобы встретиться с ним и его делегацией, после беседы выпил с ними чаю, а вечером приехал к отходу поезда, чтобы их проводить. Внешне он (фюрер) производил впечатление человека, полного сил, однако этот инцидент все же не мог на нем не отразиться. Он (Муссолини) сам неоднократно испытывал нечто подобное, поэтому на этот раз он говорил с фюрером исключительно об (итальянских) войсках в Германии, стараясь не углубляться в политические проблемы.

3. По его собственному мнению, покушение было спланировано генералами старой школы, но в нем участвовало не так много офицеров периода Рейхсвера, и они все очень держались друг друга, поэтому даже из официального немецкого коммюнике следует заключить, что к ним примкнуло значительное число (офицеров) из активного списка. Наблюдается также тенденция к тому, чтобы проводить связь между покушением и тем фактом, что кампания в России затянулась и значительное число генералов сдались.

Контроль (1 группы) над армией, однако, по-прежнему силен как никогда, поэтому никакой смуты в войсках на фронте не наблюдалось. Он долго возвращался домой поездом (только в одной Германии провел 40 часов), и везде немецкие официальные представители и гражданские лица были жизнерадостны и спокойны.

4. Фюрер разъяснил ему сложившуюся в войне ситуацию. На Восточном фронте идут очень упорные бои, но на Западе скоро будет применено новое оружие, и враг, похоже, обеспокоен медленным развитием событий. Об этом могут свидетельствовать неоднократные поездки Черчилля на фронт. Что касается итальянского фронта, то тут Муссолини, похоже, выразил некоторое беспокойство в отношении

перспектив линии обороны на Апеннинах, когда наш военный атташе Шимидзу позвонил ему 26-го числа.

5. Контингент итальянских войск, находящихся в Германии, составляет 650 тысяч человек, и он выступал за то, чтобы их использовали:

как бесплатную рабочую силу

(2 группы) для оказания содействия немецким войскам

(2 группы) для (соединения с другими) итальянскими частями.

(Однако, по словам маршала Грациани, немцы по-прежнему не согласны с вариантом «с».)

Решение этой проблемы не только способствовало бы решению вопроса о рабочем потенциале Германии, от этого также выиграли бы несколько миллионов родственников и иждивенцев затронутых лиц, и это было бы весьма желательно как с военной, так и с политической точки зрения, поэтому он выразил желание быстро проработать все детали и претворить этот план в жизнь. По словам Муссолини, он также попросил о том, чтобы жизни итальянских морских офицеров были сохранены, с чем Гитлер сразу же согласился.

Муссолини живо интересовался изменениями в японском кабинете и задал мне целый ряд вопросов. В соответствии с той информацией, которую вы мне направили, я разъяснил структуру кабинета объединенного фронта и подчеркнул нашу решимость добиваться успешного завершения войны.

Рассылка:

Генеральному директору (4)

МИД (3)

Адмиралтейство (2)

Военное министерство (4)

МИ-5 (служба безопасности — британская контрразведка) (2)

Министерство экономической войны Великобритании (2) Сэр

Э. Бриджес, секретарь кабинета министров

G-2 (военная разведка США), Вашингтон

АГЕНТЫ ВОЛЬФА БЫЛИ ПОВСЮДУ:

МАРКУС ВОЛЬФ

У некоторых прежних союзников СССР по мирной жизни и по военным блокам отношение к разведке было еще серьезнее, чем у нас. Так, исчезнувшая ГДР как раз и славилась двумя непревзойденными феноменами: натренированными спортсменами-чемпионами и фантастически удачливыми разведчиками. И в распаде государства, всей социалистической системы, по мнению Маркуса Вольфа, никакой вины разведки нет. Сейчас, когда после кончины генерал-полковника становятся известны некоторые события, значившиеся при его жизни под грифом секретно, можно сказать, что именно такие люди, как Вольф,

не раз спасали и свою, и нашу страну от крупных политических и военных потрясений.

Попробую сначала коротко представить генерала, три десятилетия руководившего внешней разведкой ГДР. Буду называть ее именно так: от презрительного словечка «штази», которым ее окрестили на Западе, ветеранов внешней разведки — и российских, и гэдээровских — коробит.

Маркус родился в 1923 году в Германии. Отец — Фридрих Вольф, писатель, антифашист. Брат Конрад Вольф — известный кинематографист, режиссер. В 1930-х годах семья эмигрировала в СССР. Маркус учился в Москве.

Уже в годы Второй мировой войны начал сотрудничать с советской разведкой. После войны семья Вольф возвратилась в Германию, сознательно поселившись в той части страны, которая контролировалась советскими войсками и затем стала Германской Демократической Республикой.

В качестве журналиста Маркус Вольф освещал Нюрнбергский процесс. В книге «Из блокнота Долгополова», вышедшей в 2020 году, помещено фото моего отца — специального корреспондента «Известий» на суде народов. Вскоре раздался звонок человека из СВР, книгу прочитавшего или пролиставшего: «А что, разве ваш отец знал Маркуса Вольфа?» Я удивился: «Откуда?» — «Да вот Маркус — совсем молодой парень. Сидит прямо за вашим папой». И, присмотревшись, я увидел: да, точно Вольф, только совсем юный. Впрочем, уверен, они с моим отцом не знали друг друга.

Когда с карьерой журналиста было, может, и не по своей воле, покончено, Маркус Вольф работал в министерстве госбезопасности ГДР. Затем возглавил службу внешней разведки. По его собственным словам, эта работа длилась 34 года. После объединения ГДР и ФРГ преследовался новыми властями, однако практически доказал свою невиновность: суд приговорил Вольфа к условному сроку заключения.

Вольф занимался в основном литературным трудом. Его книги, вышедшие в Германии, стали бестселлерами. Издавались они и в России, а Вольф приезжал в Москву на их презентации. В один из таких визитов мы и познакомились. После беседы стало понятно, что безымянных героев, трудившихся на ведомство генерал-полковника, было даже гораздо больше, чем я себе представлял.

Встречался с Маркусом, говорившим на русском почти без акцента. Переписывался с ним. Он ушел в ноябре 2006-го в свои достойно прожитые 83 года, но в моем бумажнике до сих пор хранится его визитная карточка с берлинским адресом. Маркус был исключительно, как мне кажется, везучим, и потому ношу эту карточку «на счастье».

Маленький Маркус, он же Миша, оказался с отцом-коммунистом и братом Конрадом (будущим знаменитым режиссером) в Москве в 1934-м. Бежали от фашистов. И попали в непростую ситуацию. Социализм, индустриализация — и ежовские чистки. Борьба с фашизмом и культ

Сталина. Желание помочь родной Германии, Великая Отечественная и, наконец, приход в разведку новой страны под названием ГДР. Вернее, и службы такой еще не было.

И здесь Вольф совершает великую революцию в одной из древнейших профессий. Его судьбой стала разведка. Он созидает ее на абсолютно новых принципах. Тут и коммунистическая идея, и абсолютное понимание того, по каким законам живут в соседней очень богатой стране под названием ФРГ. Знание психологии противника, да, именно противника.

А насколько велико и свято понимание Маркуса Вольфа: только в союзе с СССР и ее спецслужбами, особенно с внешней разведкой, можно добиться успеха в титанической битве с богатейшими соперниками из другого мира. История Вольфа — это и о том, как рождается верность, как воспитывается преданность. Ведь даже в трудные годы после разрушения Берлинской стены агенты Вольфа не предали своего генерала. Боролись за его освобождение. Это и их усилиями удалось доказать: Вольф не может сидеть в тюрьме, ибо он никому не изменял, а боролся за независимость и существование своего государства, которому и присягал.

Он не отступил, не выдал — выдержал. И даже когда в сложнейший момент смены формаций в нашей стране его не решились поддержать, Вольф не обиделся, не порвал связей с Москвой, которая его воспитала. А обижаться было за что. Он бежал из Германии, добрался до России. Надо было отдохнуть, лечь на дно, на время исчезнуть. Но когда о большом нашем помощнике и друге доложили президенту Ельцину, тот не внял ни просьбе генерал-полковника Маркуса Вольфа, ни мольбам российских генералов. Полный отказ от предоставления возможности хотя бы ненадолго задержаться в Москве. Решение настолько же безоговорочное, насколько и глупое. Кого и чего боялся Борис Николаевич? Его ближайшее окружение уверяло, будто он не хотел портить отношения с канцлером ФРГ Гельмутом Колем.

И Вольф нашел выход, уехал.

Еще более трагическая история могла бы произойти с другим другом — не Ельцина, а нашей страны — Джорджем Блейком. По настоянию ближайших советников типа Березовского его были готовы отдать англичанам. Те увидели вопиющие слабости человека, возглавлявшего чужую державу, начали жать, настаивать на выдаче Блейка. К счастью, Ельцин предался одной из своих любимых пагубных забав, и как-то само собой утихло, угомонилось.

А Маркус Вольф бежал из ельцинской России. Был взят под стражу. Предстал перед судом. Получил условный срок и вышел на свободу.

Когда время, отпущенное временщикам, прошло, генерал-полковник Маркус Вольф снова стал наведываться в Москву. На квартире в ста пятидесяти шагах от Красной площади мы тогда впервые и встретились.

— Ну что же, о чем вы хотели меня спросить? Ведь я уже немало писал и рассказывал о конкретных оперативных делах.

— *Но все равно остается немало белых пятен...*

— ...Может, пусть они и остаются, чтобы никого не подставить? Я сознательно называю некоторых своих героев только по именам, не упоминая их фамилий.

— *Понятно, традиция.*

— Тут дело не только в конспирации. Так, в моей книге «Друзья не умирают» для меня было не столь важно раскрыть какую-то новую документальную истину о конкретном политике или близком человеке. Я стараюсь поведать о моих искренних, часто товарищеских взаимоотношениях с такого рода людьми. Одного моего героя именую сэром Вильямом.

— *Это, случайно, не наш разведчик Рудольф Абель — он же Вильям Фишер?*

— Нет-нет. Просто звали моего героя действительно Вильямом, а внешне он напоминал английского лорда. Был одним из лидеров Свободно-демократической партии Западной Германии. В 1972-м как старейшина открывал заседание вновь избранного бундестага. А до этого мы с ним обсудили текст его выступления.

— *Он понимал, что обсуждает текст с генерал-полковником разведки ГДР?*

— В то время я, по-моему, был еще генерал-майором. Да, в отличие от некоторых других западных политиков, с которыми мы поддерживали отношения под прикрытием и какими-то легендами, Вильям прекрасно знал, с кем имеет дело. Сознательно шел на контакт — не изменяя своей политической позиции либерала.

— *Если он оставался либералом, то что же заставляло его сотрудничать с гэдээровской разведкой?*

— История установления контакта с ним такова: Вильям не принимал проамериканизма канцлера ФРГ Аденауэра, отвергал политику вооружения Западной Германии и считал, что сближение двух немецких государств послужит делу мира. Ни в какой степени он не был марксистом, оставаясь человеком, весьма далеким от коммунистического мировоззрения. Однако полагал, что его убеждения могут принести пользу, и шел на контакты с моей Службой. Мы обменивались мнениями по политическим вопросам, и Вильям, естественно, получал от меня информацию о наших взглядах на эти проблемы.

— *Генерал, а этого вашего сэра Вильяма не разоблачили? Ведь пост-то занимал такой, что западногерманская контрразведка наверняка за ним приглядывала.*

— Что вы! Вильям скончался в уже очень преклонном возрасте, за девяносто. И тогдашний президент ФРГ фон Вайцеккер дал высокую оценку его деятельности в этом... Ну, что... забыл это слово по-русски, публикуют после смерти?

— *Некрологе.*

— О том, что Вильям был связан с нами, стало известно после событий 1990 года, когда произошло присоединение ГДР к ФРГ. Иногда, до этого, возникали подозрения, и мы предлагали ему прервать работу. Но он говорил: ничего подобного и ничего страшного — я с вами. Мужественно держал контакт. Да, многое с ним связывало, у нас были результаты. Но не менее важны и наши личные отношения. Не сразу, конечно, даже не после первых лет, но на последнем этапе сотрудничества я действительно считал его своим другом, а он меня — своим. Полное взаимное доверие. Необычный, своеобразный человек, и к тому же он был... что-то забываю это слово по-русски, кажется, масон.

— *Есть такое слово и понятие.*

— Вильям считал необходимым сохранить свои человеческие качества, собственное видение мира.

— *Сэра Вильяма так и не раскрыли. А вот Гюнтера Гийома, вашего суперагента — советника канцлера Вилли Брандта, западногерманская контрразведка все-таки разоблачила. Канцлер был вынужден подать в отставку, Гийом попал в тюрьму. А ведь источник из Первого главного управления КГБ СССР предупреждал, что вашему человеку в окружении Брандта угрожает опасность и он на грани разоблачения. Информацию передали вашему руководству, но почему-то никаких мер не приняли и Гийома из игры не вывели.*

— Подождите-подождите. Давайте разберемся. Сейчас, годы спустя, общепризнано, что отставка Вилли Брандта произошла не из-за раскрытия Гийома. Причины здесь другие, и они подробно описываются в выходящих на Западе аналитических книгах. Хотя, не отрицаю, дело Гийома повлияло на карьеру канцлера. И во-вторых, о провале Гюнтера. Тут нами допущен серьезный просчет. Фамилия «Гийом» — своеобразная, она французская, для Германии не типичная. Под этой своей настоящей фамилией он и попал по нашей линии в Западную Германию. Сделал карьеру. Его не могла не заметить контрразведка. Время от времени попадал под проверки. Но все обходилось благополучно. Как-то арестовали одного человека, в записной книжке которого обнаружили фамилию Гийома, его телефон. Федеральная служба защиты конституции ФРГ установила, что общались они с арестованным совершенно официально. Но заметки, конечно, остались. У одного из контрразведчиков были какие-то подозрения, слабые намеки на то, что в Социал-демократической партии действует агент, имя и фамилия которого начинаются на «Г».

— *Откуда же взялись эти данные? Не думаю, что таких на букву «Г» вокруг канцлера были десятки.*

— Прямо с этого и начну. Мы упустили важный момент: начальный период вывода Гийома — 1956, 1957, 1958 годы. Он не занимался тогда никакой большой работой, вкалывал в магазине своей тещи. Мы, собственно, посылали его как резидента для взаимодействия с другими

агентами. К более ответственным делам он только готовился. А мы в тот период пользовались шифром, полученным от советской службы. Посылали агентам односторонние радиogramмы из Центра с указаниями, заданиями... Иногда использовали шифrogramмы для поздравлений с праздниками, приятными датами. В деле Гийома пагубным оказался день рождения сына.

— *При чем здесь сын с его днем рождения?*

— Не только сын — сыграло роль и поздравление его жене. Мы аккуратно поздравляли наших агентов и их родственников.

— *Понял, в чем тут загвоздка. Радиogramмы расшифровали?*

— Сейчас расскажу. Уже в конце 1950-х годов мы получили информацию: советский шифр, перенятый нами, разгадан англичанами, и западные немцы в курсе. Дешифровки находятся в Службе по защите конституции. Они имели опознавательные номера, группы цифр. То есть эти расшифрованные радиogramмы уже можно было разложить, что называется, по папкам получателя. Мы совершенно изменили шифр, и с того времени никаких новых дешифровок не было.

— *Но почему вы оставили Гийома в самом пекле? Ведь он ходил уже по лезвию...*

— Мы проанализировали все радиogramмы, посланные разным агентам. Решили, что для Гийома они опасности не представляют. Да и в деле его, которое мы просматривали, не было никаких пометок о посланных поздравлениях. Прошло почти двадцать лет, время работало на нас. Но работник западногерманской контрразведки, который обнаружил в телефонной книжке фамилию Гийома и знал, что существуют какие-то подозрения по поводу действующего в Социал-демократической партии агента с фамилией на букву «Г», однажды обратился к своему коллеге из другого отдела. У того имелись разложенные по папкам расшифровки, но фамилия получателя еще не была установлена. Сравнили поздравления с датами рождения сына и жены Гийома. Тут все и стало ясно. В апреле 1973 года начальник ведомства по защите конституции уже знал точно: Гийом и его жена — наши агенты. И 29 мая 1973 года доложил об этом в присутствии начальника бюро Клауса Кинкеля своему министру Дитеру Геншеру.

— *Забавное сочетание — оба занимали впоследствии пост министра иностранных дел.*

— Но в юридическом плане, перед судом это вряд ли послужило бы доказательством принадлежности Гюнтера Гийома к нашей разведке. И тогда было решено оставить Гюнтера у Вилли Брандта.

— *Зачем? С какой целью?*

— Чтобы затем оперативными методами получить доказательства его шпионской деятельности.

— *Контрразведчики сурово подставляли своего канцлера.*

— Согласен. И держали Гийома в советниках целый год. А когда Гийом с братом поехал в отпуск в Скандинавию, то там они и задержали

Гюнтера с секретными документами. Во время судебных разбирательств как раз они фигурировали на его процессе. Между прочим, на моем тоже. Но истинная причина провала — наш недосмотр по расшифрованным радиограммам.

— *Быть может, я ошибаюсь, но этот же разгаданный англичанами шифр в последние годы Второй мировой войны вывел американцев на сеть советских атомных агентов.*

— Шифр в разведке — это важнейшее. Не углубляясь сейчас в подробности, я все же замечу, что и антифашисты из «Красной капеллы» были схвачены из-за дешифровки радиосообщений. А Гийому поначалу пришлось в ФРГ сложно. Как наладить семейную жизнь так, чтобы она не вызывала подозрений у окружающих. У него возникали конфликты с женой, не всегда она его понимала. А сколько упреков он услышал от сына. Парню было уже шестнадцать-семнадцать лет: он крайне левый, входил в Союз этой левой молодежи. И больше того: считал отца правым консерватором, предателем и так далее.

— *А нельзя ли раскрыть в этой беседе и еще одного вашего выдающегося сотрудника под оперативным псевдонимом «Топаз»? О нем в последнее время все больше вспоминают, называя гением разведки.*

— Время «Топаза» еще не настало. Да и настанет ли? Боюсь, что если и настанет, то очень, очень не скоро.

— *Что ж, отложим на следующую пятилетку.*

— Или гораздо дальше.

— *Согласен. Расскажите, ведь это можно: как все-таки ваши разведчики-нелегалы проникали в чужие страны?*

— По-разному. Давайте о случае совсем не типичном. Наш нелегал ушел из ГДР на Запад под своей фамилией. Вот у кого необычайная судьба. Этот человек, будем именовать его В., служил в войсках СС.

— *Ничего себе!*

— Совсем в юные годы. Потом уже в ГДР работал редактором профсоюзной газеты. И мы использовали легенду: будто бы, узнав о бывшей принадлежности В. к СС, в Восточной Германии его стали прижимать, вот и рванул в Германию Западную. В ФРГ он не скрывал: да, редактировал газету профсоюзов, а во время войны служил в СС. Пробиваться ему оказалось сложновато. Устроился, если не ошибаюсь, в журнал «Шпигель» где-то в Гамбурге. А ему — и нам — нужен был все же Бонн, который гораздо ближе к политическому центру. Но В. — журналист эрудированный, интересовался внешней политикой, хорошо писал. И попал, как и сэр Вильям, в руководство партии Свободных демократов. Его отдел занимался вопросами внешней и военной политики.

— *Прямо в точку. Вы, наверное, о таком и не мечтали.*

— Мы не мечтали, мы его к этому готовили. В. стал для нас если не ведущим, то одним из серьезных источников информации. Он

устанавливал контакты с коллегами по НАТО, с политическими партиями, выезжал в составе официальных пресс-групп в другие страны. Так познакомился со своей будущей женой.

— *Готов спорить, что она работала в интересующей вашу службу партии или министерстве.*

— А что тут спорить — именно так. Они поженились. Она — чистейшая западная немка, и при всяких вероятных проверках не возникало никаких сложностей. Поначалу трудилась в одном из отделов министерства обороны Западной Германии. И уже давала информацию мужу.

— *Он, видимо, поначалу работал с ней втемную, вряд ли афишировал, что трудится на разведку ГДР?*

— Я не помню, в какой период он перед ней раскрылся — сразу или нет. Наверное, на первых порах внушал, что, работая в пресс-службе ведущей партии, не может не интересоваться и оборонной политикой страны. Полагаю, начиналось так, и, признайте, выглядело логично. Но затем он привлек ее политически, сознательно. Когда начальник этой дамы перешел в ведомство канцлера, то она последовала за ним. Судьба В. необычна, а использованную нами разработку такой не назовешь.

— *Генерал, но признайте, что ваши агенты частенько использовали подобный прием. Ведь очень помогали ГДР, да и не только, бедные, порой уже не первой молодости секретарши, сблизившиеся с красавцами из вашего ведомства.*

— Это трафарет, который приклеили моей службе на Западе. Мы, мол, использовали любовные связи, совращали бедняжек, заставляли работать на нас и в конце концов бросали.

— *Разве не похоже на правду?*

— На самом деле бывали разные ситуации. Действительно, в отдельных случаях наш вербовщик, ну, иногда и нелегал, привлекал женщину к работе на базе личных взаимоотношений. Под разными легендами, не раскрывая себя, склонял ее к тому, чтобы она давала информацию, доступные ей документы. Но, поймите, тут не было трафаретов. Во многих случаях люди женились. Я и сейчас поддерживаю с ними контакты. Знакомились на началах необычных, а потом — счастливые браки, дети. Признаю: бывало и по-иному — расходились. Или еще более трагично — агентов раскрывали, и мужчину приходилось отзывать назад. Иногда вывезти супругу не удавалось, и тогда арест, суд, изредка, очень редко — даже тюремный приговор. Но обычно до такого не доходило.

— *А как же тогда с Габриэлой Гаст? Ее, вашего агента и по совместительству одного из лучших аналитиков БНД — Федеральной разведывательной службы Западной Германии, занимающейся внешней разведкой, посадили именно за шпионаж. И завербовали Габриэлу,*

гражданку ФРГ, члена партии Христианско-демократического союза как раз ваши ребята-красавцы.

— Да, по-моему, вербовку провели таким образом. Но поймите, в будущем ее становлении как нашего агента, в готовности Габриэлы работать на нас, в ее последующем внедрении в руководство БНД это существенной роли уже не играло. Она оказалась способной и исключительно амбициозной — употребляю это слово без всякого негативного оттенка.

— А как вы все-таки ее отыскали?

— Габриэла из крайне религиозной семьи христианских демократов. Приехала в университет Карл-Маркс-Штадта в ГДР работать над темой о правах женщины в ГДР. Ей оказали помощь.

— Уже зная, что привлекут в ваше ведомство?

— Сначала с ней установили хороший психологический контакт, помогли получить материалы для научной работы. В тамошнем окружном управлении ребята были активные. Наверное, они просматривали немало кандидатов и кандидаток. Остановились на Гаст: еще до окончания учебы в Западной Германии она работала на политической и идеологической основе.

— А если отвлечься на минутку от Габриэлы. Обычно вы, наверное, платили своим агентам?

— Очень по-разному. В основном к нам шли по идейным соображениям. Но я придерживался принципа: человек трудится помимо своей работы, тратит силы и время, рискует — значит, он должен за это что-то иметь. Но тут возникал вопрос: а сколько же своих расходов он сможет прикрыть? Серьезная проблема безопасности. И не с самого начала, а годов с 1960-х или с начала 1970-х мы завели систему личных счетов, не раскрывая, понятно, наших агентов. Часть они получали в марках ГДР. Мало ли что могло случиться. Вдруг вынужденный вывод из другой страны. Или возвращение в случае ареста. Они должны были понимать, что мы поддержим их и морально, и материально. У работавших за границей достаточно долго росли в ГДР солидные счета. Иногда мы выплачивали валюту, тоже соблюдая меры безопасности: фамилия получателя не указывалась, только номер. Но и этот номер, этот бюрократизм, проявленный нашим министерством госбезопасности, тоже сыграл свою отрицательную роль. После событий 1990 года некоторые из наших агентов были все же установлены, и именно из-за номера.

— Увлечшись финансовыми проблемами, мы позабыли про вашу Габриэлу Гаст. Итак, она начала работать на разведку ГДР.

— Она вернулась в Мюнхен. И мы подсказали, с кем из преподавателей ей надо бы пообщаться.

— Тоже были вашими агентами?

— Да нет. Мы хотели, чтобы ее серьезные научные работы писались под опекой известных ученых. Тех, кто мог бы рекомендовать Гаст после

университета на работу в министерство иностранных дел ФРГ. В Мюнхене преподавал один профессор, автор многих книг. В общем, к нему Габриэла и обратилась. А профессор подсказывал не только способной студентке, но и БНД. По его рекомендации брали на аналитическую работу в западногерманскую разведку.

— *По-русски говорят: «подыскивал кадры».*

— Вот-вот. В БНД женщин в ту пору почти не брали. А Габриэла уже успела написать солидную диссертацию по Восточной Германии, и благоприятный отзыв видного профессора был очень кстати. Так Гаст попала в школу БНД. А все остальное — результат ее личных качеств, способностей и амбициозности.

— *Гаст была советником канцлера Гельмута Коля?*

— Нет-нет. Она работала в БНД в разных отделах, больше по линии информации и ее анализа. Получала данные из разных отделов, но мы, естественно, ориентировали Габриэлу на все то, что ближе к нам, к Советскому Союзу, к другим странам Варшавского договора. И она исключительно грамотно и толково делала анализы на эти темы. Для БНД и для нас тоже. В БНД есть представительство при канцлере, тогда оно находилось в Бонне. Его работники готовят информацию, поступающую из БНД, уже непосредственно для канцлера.

— *Тогда им был Коль?*

— Он получал подготовленные Гаст информационные сводки. Да, она определенное время этим занималась. И из всех женщин, сотрудниц БНД, у нашей Габриэлы был самый высокий чин, соответствующий начальнику отдела министерства.

— *Хорошо известно, что арестовали эту даму-суперагента лишь после падения ГДР.*

— Давайте расскажу о женщине, но не завербованной, а нашей разведчице, внедренной в Западную Германию с использованием двойниковой биографии.

— *Что это такое?*

— Биографии другого человека. Она приняла биографию западноберлинской гражданки.

— *Каким образом можно взять обличье другого человека, если он жив?*

— У той женщины было психическое заболевание. Она все время находилась под контролем. Профессия той, двойниковой, дамы — парикмахер. Это не слишком подходило, и мы использовали легенду, объясняющую, почему она не может продолжать эту работу. Начинала исключительно скромно, с позиции секретарши страховой компании.

— *Многие ваши кадровые работники или с самых низов и затем добивались до важных постов. Кое-кто, как, например, Гийом, дослужился до должности советника канцлера ФРГ Вилли Брандта.*

— У нас был не только Гийом. А старт из глубин, снизу — обычный вариант и в научно-технической, и в других видах разведки, которым

пользовались большинство наших сотрудников. Мы брали студентов, аспирантов, окончивших высшую школу, как правило техническую, но использовать их с документами, полученными в ГДР, было нельзя. Им приходилось начинать в ФРГ с нехитрой рабочей профессии. Некоторые раньше действительно занимались каким-нибудь ремеслом, другие его осваивали уже на новом месте.

— *Извините, что отвлек от рассказа о женищине-парикмахерше. Но ведь придумать столько легенд для ваших нелегалов, найти множество людей с двойниковыми биографиями — невозможно.*

— До закрытия границ ГДР в 1961 году большинство шли в потоке беженцев и официально переселяющихся на Запад. Конечно, в их легендах не было и намека на членство в партии или принадлежность к нашей службе: уходили якобы по тем же причинам, что и другие жители. Недовольны режимом, ущемляются права...

— *И не попадали под колпак западногерманской контрразведки?*

— Через фильтрационные лагеря проходили десятки тысяч. А я все-таки возвращаюсь к нашей разведчице и, как условились, называю лишь ее имя — Иоханна. Итак, страховая компания, потом переезд в Гамбург. По нашему указанию она дала в боннской газете объявление, что ищет место секретарши. К тому времени уже обладала соответствующей квалификацией. Получила несколько писем-предложений, в том числе — бывают же совершенно невероятные совпадения — от уже упоминавшегося в самом начале беседы нашего источника Вильяма. Он, естественно, и не догадывался, кто она, а Иоханна не могла предполагать, кто же на самом деле Вильям. Вот уж угораздило! Нас это никак не обрадовало, и возникла задача как-то их развести. Пришлось мне лично проводить с ней встречу. После этого Иоханна ушла от Вильяма и поступила к генеральному секретарю партии Свободных демократов. Они тогда были Социал-демократами под эгидой Вилли Брандта и проводили так называемую новую восточную политику. А после смерти этого генерального секретаря она попала к севшему на его место. И уж этот человек занял высокий пост в большой европейской политике. Так наша Иоханна стала частенько навещать в Брюссель. Представляете, какие это открывало нам возможности?

— *Еще бы.*

— Затем ее шеф стал министром экономики ФРГ. И она была при нем не просто секретаршей. Ее пост я бы по-русски обозначил как помощница министра, который одновременно находился и в главном руководстве партии Свободных демократов. Вот какой путь пройден — от парикмахерши до высшего руководства. Левая или правая рука министра и одного из руководителей правительственной партии!

— *Позвольте спросить: отношения у этой пары оставались чисто служебными или зашло чуть дальше?*

— Сугубо деловые, но через какое-то время он предложил ей перейти на «ты». На Западе это кое-что значит. Она познакомилась с семьей

министра, общалась с его женой. Иоханна умела себя подать, да и внешне она женщина приятная.

— *И как же сложилась ее судьба?*

— Получилось так, что, возвращаясь с явки из Рима в Берлин, она случайно оставила в такси сумку — а в ней фальшивые документы с ее фотографиями. И мы долго взвешивали, как быть: идти на риск, оставлять ее там или нет? Иоханна уже двадцать лет проработала на Западе...

— *Двадцать? В каком же это было году?*

— В 1985-м. У нас в это время произошло несколько других провалов, и хотя она могла еще работать, я все же решил: хватит. Мы ее отозвали и устроили в небольшом городке возле Берлина. Случайно оказалось, что рядом с моей дачей. Естественно, я знал Иоханну. А после того как ГДР не стало, ее и меня привлекли к суду: у нее судебный процесс, и у меня тоже. Иногда она обращалась ко мне, и у нас сложились дружеские отношения. Мы с моей женой Андреа постоянно общаемся с Иоханной.

— *Вы заговорили о процессе. Тогда это выглядело серьезно. Посадить вас могли — и надолго.*

— Это было в 1993 году. Вызывали целый ряд свидетелей, с которыми я лично работал. Прокуратура исходила из того, что меня обвиняют не за работу в разведке, а за то, что я лично склонял людей к государственной измене и шпионажу. И Иоханна сыграла важную роль на моем процессе, рассказывая, как все было на самом деле. Это было выступление человека высочайшего интеллектуального уровня. Рассказала, что пережила и что осознала в 1945-м. Тогда она, восемнадцатилетняя девушка, готовилась стать учительницей. И однажды, выйдя на шоссе, увидела колонну заключенных Освенцима, которую безжалостно, будто скот, гнали эсэсовцы. Задумалась и со временем постигла причины войны, познала, в чем суть нацизма, и поклялась, что постарается сделать всё, чтобы такое не повторилось. Иоханна не рвалась в разведку. Но когда на нее вышли, попросили согласия, она стала нелегалом исходя из сугубо политических убеждений. Не отрекается от них и по сей день, о чем слышали и на процессе.

— *И для вас, и для Иоханны эти суды, длительные процессы закончились. Теперь все благополучно.*

— Да, и сегодня мы не просто встречаемся с ней, а дружим, часто рассуждаем, не прожили ли мы эту жизнь напрасно.

— *И к какому выводу приходите?*

— Типичный журналистский вопрос, меня об этом часто спрашивают ваши коллеги на Западе, да я и сам его себе задаю сегодня, когда дела, которому мы служили, сейчас вроде бы нет. По крайней мере, у меня. Страна ГДР ушла, о социализме как-то нет и разговора. Может быть, все действительно было зря? Этот вопрос я тоже задаю Иоханне. Мой друг по-своему отвечает «нет», считая, что жизнь у нее была крайне

интересна и она смогла спокойно пройти все эти преследования, допросы, зная, что вершит хорошее дело.

— *И вы, догадываюсь, разделяете ее точку зрения?*

— Я ее подхватываю, говоря, что мои чувства совпадают с теми, которые излагает Иоханна. Но, конечно, больно, что то, чему мы служили, чему отдавали энергию, силы, — ушло. Причем ушло таким вот образом. И больно осознавать ошибки, которые мы совершали.

— *Вы одним из первых предупреждали о грядущем крахе социалистической системы. И все-таки, чего бы вы не сделали, зная, как все обернется?*

— Я бы не отнес этот ваш вопрос к своей разведывательной службе. За то, что мы делали, можно отвечать, это можно в полной мере отстаивать. Конечно, допускались ошибки, нормальные, человеческие. Нет такой спецслужбы, где бы без них обходились. Но крупных ошибок, я думаю, не было. Разведку, которую я возглавлял, на Западе считают одной из самых успешных в мире. Мне запомнился документальный фильм, где один из работников ЦРУ признается: «Да, они были лучше нас. Однако финальную игру все же проиграли».

— *Можно ли было избежать такого финала? Или он был исторически предрешен?*

— Исторически предназначен. Но не в том, что касается деятельности разведки, — тут уж ни в коей мере. Нельзя, по-моему, винить ни советскую, ни нашу разведку в этом уходе от социалистической системы. Тут глубокие политические причины. Мы только называли систему, которой служили, социалистической. Но во многих отношениях она далеко не дотягивала до тех идеалов социализма, в которые верили мои родители и которые мы считали своими. Если говорить о внутрипартийной системе, то мы назубок выучили все постулаты демократического централизма. Но что у нас было на протяжении всей моей сознательной жизни, не говоря уже о временах Сталина? Никакого демократизма внутри партии. Все вопросы решали сверху, никого не спрашивая. А экономическая система — чисто административная. Какой социализм? Требовались глубокие перемены на демократических началах. И мое твердое убеждение: они могли быть чисто демократическими. Но их не было. В то же время на Западе существует заученное трафаретное представление о жизни в СССР, особенно довоенной: сплошные репрессии и ужасы.

— *Но вы же сами прожили у нас больше десятка лет. Ваша семья бежала от фашизма, и с 1934-го вы твердо обосновались в Москве. Вам ли не знать, что тогда творилось.*

— Жизнь была очень противоречива. Мы жили, как любая молодежь. У меня столько друзей на Арбате, где в одном из переулков была наша квартира. Может, повезло со школой — 110-я, в Мерзляковском переулке, около Никитских Ворот. Теперь там, если не ошибаюсь, музыкальное училище. Вот где царил культ, но — культуры. Всеобщая

атмосфера образованности. Нам преподавали не только русскую, но и мировую литературу на высочайшем уровне. На Западе этого не понимают, хотя до таких высот не поднимались. Уверены, будто мы росли в узких рамках курса ВКП(б) и сталинских директив.

— *Но, кроме культа культуры, существовал и другой культ.*

— Репрессии коснулись и многих моих одноклассников: и немецких эмигрантов, и русских. Но нельзя перечеркивать и хорошее. Скажу вам, что всё намного сложнее и требует глубочайшего осмысления.

— *Товарищ генерал-полковник, а нельзя ли коснуться в нашей беседе темы вашего сотрудничества с советской разведкой? Так и хочется спросить: вы не общались с Путиным, когда он служил в Дрездене?*

— Нет. У нас с ним тогда был разный служебный уровень. Да и в Дрездене я почти не бывал. А если и заглядывал, то, по-моему, встречался с их генералом — был там такой представитель. И к тому же я в те годы уже свертывал свою деятельность. С 1983 года готовился к уходу на пенсию, а распрощался с разведкой в 1986-м.

— *Позвольте слегка отойти от проблем действительно глобальных и исключительно противоречивых. Хочу задать вам, возможно, и не самый серьезный вопрос. Просто для разрядки. Правда ли, что любимица публики, многократная чемпионка по фигурному катанию Катарина Витт была агентом Штази? Многие западные издания на это намекают.*

— По-моему, нет. Во-первых, я знал не всю агентуру своей службы. Во-вторых, если кого-то из таких известных людей и вербовали, то занималась этим не внешняя разведка, а контрразведка. В-третьих, что она могла бы нам принести? Пожалуй, ничего.

— *Генерал, вы ответили на несерьезный вопрос с полной серьезностью.*

— И хочу продолжить дальше. Вы спрашивали об ошибках. Надо признать: контрразведка чересчур увлекалась количеством вербовок. Я иногда спрашивал их: зачем вам, например, сельское хозяйство? Ну при чем тут министерство безопасности? Если даже плохо работают тракторы и страшно много аварий, то на это есть их собственное министерство, свои контролеры. А вербовали агентуру в массовом порядке, что мне казалось и кажется абсолютно ненужным.

— *А почему все-таки соглашались на вербовку? Почему так много людей сотрудничали — заставляли, загоняли?*

— На вербовку требуются мотивы. Они, конечно, самые разные. Беда в том, что в нынешней Германии считают: был агентом, значит, шпик, предатель, выдавал коллег, товарищей. Но это же не так.

— *Быть может, не всегда так?*

— Я еще раз о мотивах. Главный, который принимали многие: люди были уверены, что служат своему государству и делают для его защиты нужное дело.

— Скажите, генерал, а чем вы сейчас занимаетесь? Оперативная работа осталась в социалистическом прошлом. Нападки на вас, кажется, прекратились...

— Но до этого пришлось выдержать немало испытаний. В сентябре 1991-го меня арестовали: одиннадцать дней в одиночной камере. И только благодаря друзьям, собравшим деньги, меня отпустили под залог. Потом следствие и процесс, о котором я уже немного рассказывал. Как можно было предавать суду офицеров, совершенно законно действовавших в интересах своего государства — официального члена ООН? В конце 1993-го огласили приговор: шесть лет лишения свободы, но меня отпустили под залог. Я не собирался ни скрываться, ни бежать из Германии. И только через два года приговор отменили. Федеральный конституционный суд Германии вынес решение: офицеры разведки ГДР больше не преследуются за измену и шпионаж. Вместе с Андреа, моей верной и любимой супругой, мы ведем спокойную и размеренную жизнь. Много пишу, вышло уже несколько моих книг — и не только о разведке. Много разъезжаю по Германии. И по Восточной, и по Западной. Такая у нас традиция: авторы представляют читателям свои книги. Обычно аудитория — человек сто, ну сто пятьдесят. Ко мне приходят по четыреста.

— *И хорошо покупают?*

— Одна больше полугода находилась в списке бестселлеров, а «Шпигель» даже поставил ее на третье призовое место. Планов много. Хочу напомнить людям об общечеловеческих ценностях, поразмышлять о своей судьбе и судьбе моей страны, которая ушла с исторической арены, и объяснить, постигнуть причины этого ухода.

Последнее интервью

Волею судьбы Маркус Вольф в своем последнем интервью отвечал на мои, присланные ему из Москвы, вопросы.

А предыстория такова. Московская студия «Лавр» снимала фильм о Герое России Алексее Михайловиче Козлове. В его интереснейшей биографии, которой вряд ли суждено быть до конца раскрытой, есть очень непростая, тяжелая глава. Арестованного в 1980-м в ЮАР советского разведчика удалось обменять в 1982 году с помощью коллег из ГДР. Наверняка Вольфу, в начале 1980-х начальнику разведки, было, что рассказать о полковнике Козлове. И я, как сценарист, подумал: кому, как не Маркусу, припомнить детали обмена.

Еще задолго до этого, встречаясь с Вольфом в Москве, понял, почему за три десятилетия гэдээровская разведка превратилась в одну из мощнейших спецслужб мира. До чего же силен и, что главное, прозорлив был ее шеф. Несколько опубликованных бесед в газете, подробный рассказ о Маркусе в изданиях с твердым переплетом, и отношения, что называется, сложились. Мы перезванивались, Вольф с совершенно разными, порой неожиданными случаями присылал мне свои книги,

получая в ответ мои. Осенью 2006 года перед съемками фильма о Козлове я через съемочную группу, отправившуюся в Берлин, передал Маркусу список вопросов, на которые он твердо пообещал ответить, «но, Николай, не выходя за рамки». И ответил — за несколько дней до своей внезапной кончины 9 ноября. Тихо умер во сне на 84-м году жизни. Так что после этого интервью других, похоже, быть не могло.

— *Оглядываясь назад, вспоминая историю и зная теперь, чем она закончилась, многие высказывают сомнения: а нужна ли была вообще вся эта борьба разведок, затеянная после Второй мировой?*

— Я отвечу вам так. Холодная война разворачивалась уже на очень быстрых оборотах. Позади были события в Германии и путч в Венгрии. Как тут было обойтись без разведки? В том числе и нелегальной.

— *А что вообще входит в задачу разведчика, живущего в стране под чужим именем?*

— Нелегал может иметь разные задания. Выделю первое: это руководить другими агентами, источниками, которые на него работают, и организовать связь с ними и Центром, что весьма важно. То есть фактически руководить так называемой нелегальной резидентурой. Возможна и другая задача: нелегал в одиночку устанавливает контакты для добычи информации.

— *То есть вербует агентов?*

— Ну, вербовать или не вербовать источники — уже зависит от очень конкретных условий. Как правило, это делается с санкции Центра. Но обычно, действуя на свой страх и риск, нелегалы не всегда придерживаются такой строгой дисциплины и решают многие вопросы самостоятельно.

— *А как вы оценили бы деятельность советской нелегальной разведки?*

— Я вообще с гордостью смотрел на русских нелегалов. Очень трудно полностью стать, к примеру, немцем. Это касается и языка с его диалектами, и знания обычаев, нравов страны. Есть целый ряд признаков, по которым западногерманская контрразведка устанавливала чужих. И знаете, эти признаки работали. Так что я порой восхищался смелостью и русских нелегалов, и советских людей другой национальности, которые успешно выполняли эту свою работу.

— *Маркус, сам Козлов рассказывал мне, что его обменяли на офицера армии ЮАР, который попал в плен в Анголе, и еще на десять западногерманских разведчиков, шпионов — называйте как угодно, — которых отдала ГДР. А тогдашний начальник Алексея Михайловича, генерал Дроздов, с улыбкой добавил, что «если бы они знали о Козлове всё, то запросили бы еще больше». Не припомните, как готовилась та операция?*

— Можно по-разному отзываться о личности бывшего министра госбезопасности ГДР Эрихе Мильке, иметь о нем свое мнение. Но что касается борьбы за освобождение разведчиков, которые попали в беду, то

он делал абсолютно всё. И готов был отдавать как эквивалент значительно большее количество западных агентов. Я знал через Мильке, что довольно длительное время готовился крупный и сложный обмен советского разведчика, который сидел в тюрьме Южной Африки. Да, это было темой наших разговоров.

Сначала к Козлову, уже находившемуся в ФРГ, приехал доктор Фогель. Это был известный в ГДР адвокат, он часто выполнял поручения нашей Службы. Спросил Козлова, согласен ли он перейти на территорию ГДР. И Алексей удивился вопросу, спросив: «Зачем же я вообще сюда приехал?» Фогель сразу сообщил нам о решении.

Это было в тридцати километрах от города Айзенаха. Мы в нашей разведке эту точку использовали, и даже с любовью. Это был объект прикрытия для нашего атомного бомбоубежища. Близ холмов. Там был целый ряд домиков-коттеджей.

Там мы и ждали Козлова. Надеялись, все займет минут десять, а растянулось чуть не на полтора часа. Сначала мы привезли тех одиннадцать, на которых обменивали. И вдруг на той стороне, не у нас, что-то остановилось. Предполагаю, что должен был испытывать нелегал. Вдруг сорвалось, обмен отложен или вообще отменен.

Наконец Алексей вошел, и было сразу видно: настоящий русский мужик. И это было удивительно, потому что позже я узнал, что многие годы он выступал в качестве немца. Поэтому освобождение Козлова мы считали тоже своим большим успехом.

После возвращения на родину, после тюрьмы еще раз выехать за кордон для выполнения нелегального задания, как сделал Козлов, — это меня, надо сказать, весьма удивило. Хотя мы тоже использовали некоторых наших арестованных или засвеченных нелегалов после освобождения или после отбытия наказания или обмена. Конечно, не таким рискованным образом, а на своей территории или на территории дружеских стран. Например, в Болгарии, где на черноморских пляжах было много западных туристов, особенно западногерманских отпускников. В том числе секретарш из ведомств, которые могли нас интересовать. Но использовать разоблаченных нелегалов для работы в странах НАТО или в других государствах, которые представляли для нас интерес, таких случаев я не помню.

А Козлов после всего с ним случившегося работал, как сам мне рассказывал, еще десять лет — до 1997 года. И это мне понятно. Он — разведчик, который много лет выполнял такого рода задания, и делал это с увлечением, а с увлечением это делает не каждый, у Козлова это была составная часть крови. И его будет всегда тянуть к этому делу.

... Всегда тянуло к этому делу и генерала Маркуса Вольфа.

И ОДИН «ТОПАЗ» ПРОТИВ НАТО — ВОИН:

РАЙНЕР РУПП

Повезло. Я встретился с «Топазом» — самым ценным агентом иностранной державы, в данном случае ГДР, когда-либо проникавшим в НАТО. Его настоящее имя — Райнер Рупп.

Место встречи не изменить

Столько слышал об этом доме, хотя никогда здесь не бывал. О нем, спрятавшемся в улочках исконной Москвы, еще давно рассказывал мне старейший чекист России Борис Игнатьевич Гудзь, доставлявший сюда в начале 1920-х годов секретные донесения от агента ЧК Опперпута. Шла знаменитая теперь операция «Трест», и юный Гудзь был связным между Опперпутом, будущим предателем, и жившим как раз в том самом доме Артуром Христиановичем Артузовым — основателем Иностранного отдела ВЧК, предтечи внешней разведки.

Место для встреч очень удобное — совсем близко от Лубянки. К тому же в старинном особняке помимо парадного хода есть, как тогда говорили, и ход черный: вниз по лестнице — и сразу в извилистые московские дворики.

Предполагают, будто этажом выше жил ненавистный Ягода, возглавивший после смерти Менжинского мощнейшую спецслужбу. Какой трагедией это закончилось — знают все. Сколько чекистов было истреблено — спорят до сих пор.

Артузов с семьей прожил в трех просторных комнатах до 1935 года. Потом наступило тривиальное, житейское — развод с женой, и он съехал, по-честному оставив квартиру семейству. Так что брали его уже не отсюда. Расстреляли, обвинив в преступлениях, которые не совершал. Еще раньше такая же участь постигла Ягodu.

О нем теперь забыли. А Артуру Артузову последователи установили памятную доску, правда, не на фасаде, а внутри, на лестничной площадке — чтобы не светиться. В квартире скромная выставка, посвященная Артуру Христиановичу: фото с семьей, небольшой бюст, стенд.

Бытует легенда, а может, и не легенда, что подвал дома прочно замурован. Раньше отсюда начинался подземный ход. Несколько сотен метров — и руководители ЧК добирались прямо из своих квартир до Лубянки. Что ж, очень практично, ведь работали днем и ночью.

В этом доме мы и встретились.

Смотрите, кто пришел

— «Бирюза», — представилась худенькая, неброско одетая женщина.

— «Топаз», — протянул руку ее бородатый спутник.

Так началось наше путешествие в относительно недалекое прошлое, в котором 73-летний бородач Райнер Рупп был одновременно и агентом «Топазом» разведки ГДР, и ведущим экспертом НАТО в штаб-квартире в Брюсселе, допущенным ко всем секретам военного альянса. А его жена англичанка Энн Кристиан, оперативный псевдоним «Бирюза», на первых

порах помогала мужу, работая секретаршей в том же серьезнейшем учреждении до 1980 года, когда родился первый ребенок, и с разведкой для нее было закончено.

Немец из Саара Рупп отлично говорит по-английски. Пригодилось: в беседе затрагивались чисто технические термины, использовались разведывательные жаргонизмы, и «Топаз» спокойно растолковывал мне их значение.

Иногда среди историков спецслужб разворачиваются споры: кто же принес в годы холодной войны наибольшую пользу странам Варшавского договора (или нанес наибольший урон НАТО): «Топаз», завербованный в 1968 году и арестованный в 1993-м, или другой разведчик из ГДР — Гюнтер Гийом, трудившийся с 1972 по 1974 год помощником у канцлера ФРГ Вилли Брандта, раскрытый, арестованный и обменный? На мой, сугубо мой, взгляд, десять тысяч переданных разведке ГДР суперсекретных документов и долгие годы работы склоняют чашу весов в пользу «Топаза».

Маркус Вольф не собирался уходить

Сначала мы с «Топазом» вспомнили Маркуса Вольфа, как раз и создавшего восточногерманскую разведку, которую именуют Штази. Самому Вольфу это словечко не нравилось, он его не употреблял, да и мне советовал избегать неверных терминов. Но все же название иногда в разговорах прорывается.

Райнер Рупп лично познакомился с Вольфом, уже отсидев семь лет в одиночной камере за шпионаж. До этого «Топаз» никогда не видел своего руководителя и даже не представлял, кто именно направляет его работу. Конспирация у Вольфа была на уровне высочайшем.

А Маркус Вольф, в 1958—1986 годах начальник Главного управления разведки министерства государственной безопасности ГДР, выйдя из тюрьмы, занимался литературным трудом. Книги генерал-полковника, в которых почти вся правда о созданной им организации по добыванию секретов и выверенные рассказы о работавших на МГБ агентах, становились, как вы уже узнали из предыдущей главы, бестселлерами.

Единственное, что беспокоило 83-летнего Вольфа, так это ноги: он жаловался Руппу на постоянную боль в коленях, сокрушался, что придется делать операцию на коленных суставах. Но как выбрать для этого время, которое у него на месяцы вперед расписано? Много планов, бьющая ключом энергия, поразительный оптимизм, поражающий даже не страдающего от отсутствия онога «Топаза». Маркусу долго, с остановками приходилось взбираться на верхний этаж в снимаемую им квартиру: лифта в доме не было, как не было у него самого и загородной дачи с удобными низкими ступеньками. Нашлись люди, такие, как выяснилось из рассказа Райнера Руппа, в ФРГ по-прежнему есть, предложившие за свой счет установить лифт для генерала, но владелец дома отказался. А Маркус Вольф, которого Райнер

привычно для русского уха называл «Миша», принял окончательное решение: расправиться со срочными делами, а уж в будущем году заняться второстепенными проблемами типа коленок и, возможно, чтобы не тратить драгоценного времени, сделать операцию сразу на двух суставах. И Рупп, понимая чувства товарища, шутил, что пока в распоряжении Миши остаются две накачанные мускулами руки, тот может с коленками подождать.

Маркус радовался жизни и особенно новым книгам. С удовольствием встречался с друзьями. Его, как всегда, поддерживала молодая и любимая жена Андреа. На здоровье не жаловался, если бы не ноги...

И мне посчастливилось познакомиться с генерал-полковником во время одного из его приездов в Москву уже во второй половине 1990-х. Никакого зла на Россию Вольф не держал. Но неприятные воспоминания — да, остались. Он хранил их при себе. Ушел неожиданно.

И Райнер разузнал все о последних часах Маркуса. Тот всегда с удовольствием принимал приглашения посольства России. Вот и осенью 2006-го был на ноябрьском приеме. Вернулся в прекрасном настроении. Лег спать.

И больше не проснулся. Его лучший агент «Топаз» полагает, что эту легкую смерть друг заслужил всей своей жизнью, отношением к коллегам, добротой и вечной верой в то, что плохое пройдет, отступит.

А ведь этого плохого было немало. Конечно, генерал Вольф тяжело пережил падение Берлинской стены. Ему отказали в убежище в Москве. И Вольф вынужден был отправиться в Австрию, где, конечно, его арестовали и экстрадировали в ФРГ.

Рупп точно знает: второго такого руководителя разведки в ГДР не было. Немного жаль, что еще в 1982 году, как считает «Топаз», генерал Вольф отошел от чисто оперативной работы. Занимался скорее даже не политическими проблемами, а морально-нравственными, философскими.

Арестованного Вольфа в ФРГ допрашивали, ему угрожали. На допросах он не назвал ни единого имени, не выдал никого из агентов. Райнер Рупп знает это абсолютно точно. Благодаря мужеству Вольфа и некоторых других людей «Топаз» продержался исключительно долго — до 30 июля 1993 года.

Арест неминуем

Арест любого разведчика — беда для него и для Службы, на которую он работал. Райнер Рупп испытал это сам. В любой стране разоблачение чужих разведчиков, шпионов, агентов воспринимают болезненно.

Но из всех спецслужб мира Штази, противники называют ее только так, и сегодня не просто одна из наиболее преследуемых и гонимых. Она больше не существует, а за ее сотрудниками по-прежнему ведется настоящая охота. Поймать, посадить, привлечь к суду человека из Штази

в Германии, США, да везде, и в наши дни считается особым успехом. Именно ее агенты десятилетиями водили противника за нос. Западным немцам возмездие видится именно таким. Само понятие «Штази» усилиями прессы и общественного мнения превратилось едва ли не в ругательство. Но кто скажет, дожил бы мир до XXI века, если бы внешняя разведка ГДР не добиралась до секретов, способных разорить, стереть с лица земли государства из другого лагеря. Может, установившийся в холодную войну относительный паритет между Востоком и Западом как раз и есть главная заслуга министерства государственной безопасности ГДР.

— Не хочу сейчас сравнивать восточногерманскую и советскую разведки, да и западные спецслужбы. Не принесут пользы все эти ассоциации. Каждая выполняла свои задачи. Методы — разные. И на этом фоне разведчики из ГДР выглядят хорошо. Что бы о них ни говорили и как бы ни проклинали.

— *Райнер, а давайте все же обратимся конкретно к вашей деятельности. Маркус Вольф, конечно, рассказывал мне о вас еще в конце 1990-х. К сожалению, не так много, как хотелось бы, в детали не вдаваясь. Говорил, что время «Топаза» еще не настало, да если и настанет, то очень, очень не скоро. Я пошутил: «Что ж, отложим на следующую пятилетку». И Вольф не согласился: «Или гораздо дальше, и пока надо подождать».*

— Может, период ожидания подходит к завершению. То, о чем промолчал Миша, разрешено раскрыть мне. — И мы оба дружно рассмеялась. — Гийом, как вы знаете, скончался в 1995-м. Как и удачливая Габи. А Гизелла, еще одна исключительно результативная разведчица, жива, но совсем отошла от политики. Никаких встреч, отказ от любых интервью, ничего, ни слова.

Альянс под нашим микроскопом

— *Вы работали на ГДР с 1968 года и, возможно, благодаря конспирации оставались вне подозрений.*

— Для этого делалось всё. На встречи с курьерами выезжал в третьи страны.

Уловив, что я не совсем понял, о каких курьерах речь, «Топаз» пояснил:

— Курьер — это связник. Брюссель небольшой город, напичкан кем и чем угодно. Рисковать нельзя. Разве если приходилось передавать курьерам что-то необычайно срочное. К примеру, документы, только что принятые на совещании министров стран НАТО. Такое случалось, приходилось проводить мгновенные личные встречи. Я фотографировал секретные бумаги хорошо освоённой мини-фотокамерой, закладывал кассеты в банки от пива — они у меня были с двойным дном, передавал курьеру. И всё — никаких объяснений и разговоров. Никогда не использовал почтовые ящики — это точки, в которых оставляют

информацию. Не было и рации, по которой выходил бы на связь. Мой обычный радиоприемник всегда настраивался на определенную волну. И в оговоренный заранее час передавались условные, лишь мне понятные сигналы. Часто именно так давали знать, в получении каких секретных данных заинтересована моя служба.

— *Не представляю, как вы доставали эти секретные документы.*

— Они в НАТО тоже разные. Есть грифы «Секретно», «Совершенно секретно» и «Космик» — то есть абсолютно и строжайше секретно. Третья категория — важнейшая. Добраться до документа с грифом «Космик» — честь для любого разведчика. За ними я и охотился. Часто — довольно успешно. Есть и четвертая категория. Два-три руководителя обмениваются информацией исключительно между собой, не доверяя никаким носителям информации — ни бумажным, ни компьютерным, не говоря о подчиненных.

Скажу, что прочитать документ под грифом «Космик» при моей должности в НАТО было в принципе можно. Но запомнить многостраничный текст — нельзя, нереально. Заснять его микрофотоаппаратом, когда рядом может оказаться хоть кто-то, — неоправданно рискованно: вдруг привлеку чье-то внимание? Однако я эти документы доставал, переснимал, передавал по назначению. А как доставал — тоже расскажу, но только при вашем выключенном диктофоне.

Последовало довольно откровенное описание процесса. Исключая какие-либо подробности, замечу: основную роль играли настойчивость, смелость «Топаза» и, конечно, все тот же человеческий фактор. Умение воспользоваться представившимся случаем и превратить его усилиями разведчика из отдельно взятой благоприятной ситуации в сложившуюся и потому повторяющуюся закономерность.

Так в ГДР, а вскоре и в Москве появился подробнейший документ «космик топ секрет» под литерой «МС-161». В нем детально и исключительно профессионально натовцы анализировали все попадавшие к ним сведения о Варшавском договоре. Становилось понятно, что знает о нас потенциальный противник. И, что тоже важно, о чем не имеет представления. Документ каждый год обновлялся. В его составлении участвовали от сорока до сорока трех комитетов и подкомитетов НАТО. Особенно заметную роль в постоянном совершенствовании «МС-161» играли военные комитеты.

Но не только. Ценность «МС-161» была бы не так высока, если бы в работе над ним не принимали участие эксперты, специализирующиеся в самых различных областях — не только в военной, но и в политической, экономической, научной... Они собирались вместе, анализируя данные по «своим» странам — Советскому Союзу, Польше, Румынии, ГДР...

Например, как под микроскопом в НАТО изучались малейшие перемены в советской военной доктрине. Внимательнейшим образом и

со всех сторон обсуждались перестановки в военном руководстве стран Варшавского договора. Любое становившееся известным натовцам усовершенствование в вооружении не только живо раскладывалось по полочкам в комитетах НАТО, но и доводилось до сведения его экспертов, высказывавших затем свое мнение по эффективности внедряемых СССР и его союзниками новинок. Огромное внимание уделялось ракетам пока неизвестного еще типа, поступавшим в распоряжение армий Варшавского пакта. Разрабатывались планы по их дальнейшей оценке, рассчитывались сроки, когда страны Договора смогут применить их на практике. А потом эксперты давали еще один прогноз: как, в какой степени достоверны выводы, предоставленные тем или другим комитетом и подкомитетом и привлеченными ими специалистами.

Советский Союз считался наиболее важным объектом изучения. Каковы намерения противоборствующей стороны, на что она способна, как обучают применению новейших вооружений, как среагирует СССР с союзниками на то или иное действие НАТО. В чем слабость СССР и правильно ли нащупано разведкой западных стран то, что выдано за слабость пакта или рассматривалось таковой. Но и ни одна другая страна Варшавского договора не была обделена вниманием.

Наибольшую лепту в составление и обновление «МС-161» вносили США с их разветвленной разведывательной системой. Никто из союзников по НАТО и близко не приближался к Штатам по глубине погружения в дела противника.

Документы «МС-161» позволяли СССР понять, как противодействовать НАТО. Заставляли работать на то, чтобы предотвратить утечку информации. Давали возможность проанализировать, что натовцы знают и чего не знают о Варшавском договоре. Как осуществляются сотрудничество и обмен данными о пакте внутри НАТО. Какие районы обороны СССР и его союзников натовцы рассматривают как наиболее уязвимые. Обладание «МС-161» открывало если не все, то многие натовские козыри. Я бы даже решился предположить, что практически все.

И еще немаловажный аспект. Расходы министерства госбезопасности ГДР на содержание разведчика были минимальными. Не приходилось ничего покупать или кого-то подкупать. «Топаз» работал за идею.

Но как же удалось разведке ГДР разгадать в 23-летнем парне будущего суперагента? Райнер Рупп отвечает на этот вопрос коротко:

— Это случилось еще в 1968 году. Старшее поколение, возможно, не забыло о молодежных волнениях, потрясших тогда Европу. Я был среди демонстрантов. Однажды после очередной манифестации, сидя с приятелем за кружкой пива, горячо, и уж точно громко, обсуждал грядущую революцию, возможно, и мировую. А когда пришло время расплачиваться с официантом, на первый план вышла проза жизни: мы с другом слишком увлеклись, для расплаты не хватает пфеннигов

пятьдесят-шестьдесят. И тогда сидевший в углу пивной человек вежливо попросил записать наши ничтожные расходы на его счет и заказал всем еще по кружке. Мы обсуждали с ним приближение революции.

Потом снова встретились. Спорили. Я не соглашался с чересчур радикальными взглядами нового знакомого. Меня, в отличие от него, нельзя назвать твердым приверженцем коммунизма. Но в том, что обществу нужно меняться, мы точно сходились. Это сближение и привело меня в том же 1968 году в школу разведки: наш собеседник оказался офицером министерства государственной безопасности ГДР. Я не назвал бы это вербовкой. Скорее произошло некое не полное, однако совпадение политических взглядов. Потом я попал в Брюссель.

— *Как же вам повезло: сразу в НАТО.*

— Какое там сразу. Я в Бельгии с 1969-го, а в штаб-квартире НАТО работал с 1977-го. Прошел долгий путь. В 1972 году женился на моей Энн Кристиан (тут прислушивавшаяся к разговору молчаливая «Бирюза» сделала приветственный жест рукой). А в 1977-м меня приняли в политический отдел управления экономики НАТО. Я правильно именуую свое место работы? — обратился Рупп к Энн Кристиан, переводя ей название на немецкий.

И та поправила:

— Возможно, не «управление», а «директорат», что в принципе совпадает.

«Бирюза» очень редко вставляла реплики. В основном кивала головой. Иногда, переводя по просьбе мужа какой-то технический термин с немецкого на английский, задумывалась. Кажется, родной английский она подзабыла.

Но продолжу рассказ о «Топазе».

— *Как же вы попали в штаб-квартиру НАТО? — Вот что было мне искренне непонятно. — Повезло?*

«Топаз» снова улыбнулся:

— Не в одном везении дело. На это престижное место претендовало еще шестьдесят девять человек. Пришлось пройти собеседования, которые можно приравнять к экзаменам. Видимо, я оказался подготовленным лучше остальных, и НАТО интересовало меня больше других кандидатов. По крайней мере, последнее на двести процентов верно. Меня и жену проверили. Ей было легче: отец Энн Кристиан — майор британской армии, и супругу тоже приняли в одно из управлений НАТО секретаршей. В 1980 году у нас родился ребенок, и ее работа в содружестве со мной на этом завершилась. А я вгрызался в заинтересовавшую меня, и не только, как вы понимаете, профессию эксперта, аналитика НАТО.

Как разгадали ребус СОИ

— *Райнер, ответьте на вопрос: как вы распознали, что Стратегическая оборонная инициатива — СОИ — это, как сказали бы*

сегодня, фейк? СОИ, «Звездные войны» были выдуманы США, чтобы заставить СССР тратить миллиарды и миллиарды на вооружения, на защиту от американских смертельных игрушек, в реальности не существовавших. А советская казна и без того трещала к тому времени по всем швам.

— Вы несколько упрощаете ситуацию, смотря на нее из сегодняшнего дня. А тогда у СОИ была своя цель. И я бы сказал, что подкинутая Америкой СОИ, с точки зрения США, поставленную задачу в определенной степени выполнила.

— *План президента США Рейгана до конца сработал?*

— Скорее план неоконсерваторов, входивших в ближайшее окружение этого «Принца тьмы». Тут придется потратить на объяснение несколько наших с вами драгоценных минут. Чрезвычайно сложно распознаваемая инициатива. Она ввела в определенное заблуждение и союзников по НАТО. Американцы ее проталкивали. И в некоторых государствах Западной Европы всерьез начали размышлять, какое влияние окажет СОИ на мировой стратегический баланс сил. В ФРГ над инициативой особенно задумались. Ведь в случае чего именно эта часть старого континента подвергалась бы сокрушительному военному воздействию. Потому западноевропейцы подталкивали Штаты к взаимодействию, им бы хотелось превратить СОИ в некий совместный проект. Это давало бы возможность быть в курсе, по существу следить за продвижением развития СОИ. А американцам этого как раз и не нужно было.

Но все же решили в целях координации создать подкомитет, занимающийся только этим вопросом. Он бы находился под крышей управления оборонительной поддержки НАТО. А я, напомню вам, работал в НАТО по политическим проблемам.

В штаб-квартире было принято, чтобы каждый заместитель генерального секретаря курировал свое направление. А за этим новым наблюдал американец, приближенный к администрации Рейгана. Мультимиллионер или даже миллиардер, он как только мог поддерживал СОИ, хотя, являясь сугубо политическим протее администрации, не слишком понимал, что она из себя в действительности представляет. Я же к тому времени был хорошо известен в натовских кругах.

— *Сколько лет вы уже там проработали?*

— С 1977-го, как я вам говорил, а все это активно закрутилось в 1982-м. Пять лет позволяли уразуметь, что такое НАТО и как именно организация функционирует. И американец, пригласив меня раз-другой на ланч, убедился, что я неплохо разбираюсь в натовских делах, да и СОИ меня интересует. Он не ошибался ни в том, ни в другом, а если бы он еще и догадывался о мотивации этого интереса... Действительно, я погрузился в проблемы НАТО исключительно глубоко. Американец выяснил, что я работаю добросовестно, не так, как некоторые другие, отсиживающие положенное время и поскорее смывающиеся домой.

Поэтому он логично предположил, что в новый подкомитет хорошо бы включить такого, как я, с задачей изучать политическое влияние создания СОИ.

— *Но это существенно расширяло круг ваших обязанностей. Могло и отвлечь от чисто политической работы.*

— Тут все удачно совпало. Моим непосредственным начальником был немец в ранге посла. И ему, представлявшему в определенной степени интересы любопытствующей Германии, как раз и требовался свой человек в этом подкомитете. Да и его самого как моего шефа туда тоже допустили, что добавляло необходимого лично ему престижа.

Он позвонил мне и познакомил с предложением заместителя генсека, американца. Понимая, к чему идет, пришлось сразу заупрямиться: «Ведь я ничего не знаю о СОИ. И без этой стратегической инициативы работы у меня достаточно. Чтобы не подвести вас, шеф, и свой отдел, требуется, чтобы кто-нибудь подробнее ввел меня в курс проблемы».

Все было логично. И меня отправили в двухнедельную хорошо оплачиваемую командировку в Вашингтон, где знающие люди просветили, ответив на многочисленные вопросы. Дошло до того, что я читал личные послания президента Рейгана, касающиеся СОИ. А я был настойчив, прося американских разработчиков свести меня то с тем, то с другим отцом-разработчиком СОИ.

Вставлю две фразы, не выходявшие из головы на протяжении всего долгого рассказа. Только представьте себе, уважаемый читатель, сколько же по силам сделать одному талантливому разведчику. Райнер Рупп — «Топаз» передал около десяти тысяч секретных материалов.

А «Топаз» продолжал:

— Один рабочий завтрак в Штатах следовал за другим, переходя в деловые обеды. Я и правда поначалу знал о СОИ лишь по весьма приблизительным описаниям газет. Но уже через неделю в Вашингтоне неожиданно осознал: да я имею почти полное представление об инициативе в отличие от щедро информирующих меня специалистов в отдельных ее областях. А в конце второй недели пришло понимание, что я, пожалуй, осведомлен о стратегической оборонной инициативе лучше, чем любой из моих американских собеседников, даже наиболее высокопоставленных. Итогом командировки явились доклады — в НАТО и, как догадываетесь, в еще одну организацию.

Стало понятно техническое программирование СОИ. И если в наши дни программированием занимаются компьютеры, то в те годы программы писались собственными руками, их печатали на машинках. Тут исключительно важно понять: если в программе будет хоть одно малейшее несоответствие — лишняя запятая или ее отсутствие, неправильная буква, опечатка — всей гигантской СОИ никак не сработать.

Возникал вопрос: а как вообще может функционировать система, если вы лишены возможности протестировать ее в реальности? И, в таком

случае, можете ли вы вообще положиться на СОИ, которая не прошла ни единого непосредственного испытания? Если идти дальше, считая, что на СОИ нельзя до конца положиться, то как же вы сможете использовать ее в качестве средства настоящего политического давления на другие страны?

Было ясно, что реальная ситуация с СОИ совершенно отличается от предполагаемой, запланированной. Подтверждение этим выводам: даже сегодня СОИ не сможет сработать. А провести тестирование невозможно. Допустим, вы запустите свою ракету откуда-то с Гавайских островов. Программное обеспечение сработает, проквакав ква-ква-ква. И что? (Здесь мы с Руппом вдались в технические подробности, для понимания которых читателю потребовалась бы, как и мне, сложнейшая, насыщенная техническими терминами лекция. — *Н. Д.*) Суммировав все изученное, сказанное и в деталях обсужденное, я представил свой уже упоминавшийся отчет. Если коротко, то мой доклад был полон критических замечаний. Чтобы не вступить в противоречие с американцами, я не писал: СОИ практически не сработает. Однако мой доклад наводил именно на эту мысль. В таком случае, как же тогда НАТО сможет политически надавить на Советы, если они не воспримут эту инициативу всерьез? И в СССР не стали тратить миллиарды, чтобы противостоять Штатам с их СОИ.

— *Райнер, а вы знали, что разведка ГДР предоставляет Советскому Союзу всю полученную информацию?*

— Еще бы, конечно. Прекрасно понимал: мы делимся с Москвой всем, что хоть как-то может ее заинтересовать. Обо всем первостепенно важном и не очень важном. А уж что СССР интересуется СОИ, было понятно и глупцам, к коим себя не отношу.

— *Вы встречались с русскими связниками?*

— Никогда. Но, что удивительно, мы вместе с женой побывали в Ленинграде, в туристической поездке. Да, точно, в конце 1970-х, потому что в 1980-м у нас родился первый ребенок и вместе нам уже было никуда не выбраться. Потом, в двухтысячные, мы с дочкой однажды отдыхали в Сочи.

А 1980-е годы были напряженными. Тогда с благословения Рейгана Штаты решились в ноябре 1983-го на рискованную, провокационную операцию. Как же она называлась? Кажется, «Опытный лучник».

«Лучник» промахнулся

— Не совсем понятно, причем здесь был «Лучник», — слегка ухмыльнулся «Топаз». — Но на всех границах, контролируемых НАТО, началось некое бурление. В движение пришли войска. Дороги, словно намеренно, забила военная техника. Американские самолеты появлялись на самых северных окраинах Советского Союза. Турецкая граница кишела диверсантами. Все это делалось единым скоординированным усилием, узлы затягивались все туже. В печати поднялась бешеная

антирусская кампания. И надо же, чтобы в эти же месяцы не вдруг запланированных маневров советская ракета сбила южно-корейский пассажирский «боинг» с 249 пассажирами на борту. Все погибли. Это еще больше накалило страсти.

— *Но полет был явно шпионским. Да американцы просто подставили корейцев, усложняя международную обстановку. Как сейчас помню последние строки в сообщении ТАСС: самолет ушел в сторону моря...*

— Не слишком удачная фраза, исключительно сложный эпизод холодной войны, использованный американцами в своих целях. А тут уже вскоре, в ноябре, эти проклятые маневры.

В СССР заволновались. Некоторые ваши руководители пришли к неверному выводу: НАТО во главе с США готовит по Советскому Союзу необъявленный и мощный ядерный удар. Как я узнал уже в этом, XXI веке, положение сравнивали с Карибским кризисом 1962 года. Ждали войны.

И нам удалось несколько успокоить друзей. Я тогда работал в Ситуационном центре НАТО. Сюда стекалась вся информация, исходя из которой вырабатывались решения. В тот раз НАТО пыталось сыграть на нервах всех членов Варшавского пакта: как раз во время учений «Опытный лучник» противнику пытались внушить, что силы альянса готовы нанести ядерный удар без всякого предупреждения.

— *К чему было так нагнетать страсти? Чего хотели добиться?*

— Это был тщательно проработанный план. Искали бреши в обороне. Прикидывали, можно ли устраивать акты саботажа на чужой территории. Анализировали, как Варшавский пакт готовится ответить на явную угрозу. Координировали действия армий разных государств — членов НАТО. Мы часто вспоминаем Карибский кризис 1962 года и только недавно до конца поняли, чем грозил он миру. «Лучник» был тоже крайне опасен. Представьте, что у какой-то американской сорвиголовы возникает желание нанести настоящий ядерный удар. Ведь люди на взводе, они готовы на всё. А если у армий на той стороне в ответ на это тоже пробудится инстинкт прощупать противника и кто-то чересчур нервный также бросится к ядерной кнопке?

В Брюсселе создали две группы: постоянной разведки и постоянных оперативных действий. Я возглавил обе.

Предполагалось, что пик учений с получением ложного приказа о нападении должен наступить в самое неудобное для любого из нас время суток.

— *Это когда же?*

— В пять утра, когда обычная работа еще не началась, привычный ритм не набран. Наши две группы должны были держать ситуацию под контролем, отдавать приказы, следить за их выполнением. Нас было совсем немного — четыре-пять человек. Старались быть в курсе передвижения всех русских войск, местонахождения их подводных лодок. Особое внимание уделялось здесь Норвегии. Информация,

в основном поставляемая натовской разведкой, постоянно взвешивалась, оценивалась. Разведка и военные действовали в полном контакте.

Но, как вы понимаете, мы успели предупредить советских друзей, что все это — не подготовка к нанесению ядерного удара без предупреждения, а провокация, прощупывание намерений противоборствующей стороны. В НАТО многого не знали, не имели представления о нахождении командных пунктов Советской армии. Они именовали такое балансирование на грани «выяснением возможностей гибкого ответа» со стороны противника. Конечно, средства для этого были выбраны негодные, опасные для всего человечества.

Но мы в нашей постоянной группе поняли и иное. Извините, что употребляю специальные термины. Американцы попутно выясняли возможности «победы в ограниченной ядерной войне». Для этого, считали они, надо «обезглавить командные пункты противника», что парализует сопротивление армии врага, то есть Советского Союза. Советы даже не успеют направить свои ядерные ракеты в сторону США: приказы отдавать будет некому. Разрушив коммуникации, сразу уничтожив командный состав и партийную верхушку, они вынудят СССР капитулировать, перережут еще оказывающих сопротивление как цыплят в курятнике. В Вашингтоне пытались убедить меня: в случае неожиданного нападения с конкретно обозначенными целями уничтожения и точечными бомбардировками НАТО сумеет избежать крупных потерь. А в СССР, где благодаря лимитированным ударам по его территории не все население будет уничтожено, приход натовских войск выжившие встретят восторженными криками.

Ядерные бомбы меньшего разрушительного потенциала помогут сохранить личный состав натовских сил. И к тому же потери гражданского населения в странах западного альянса хотя и неизбежны, но тоже «лимитированы».

— *Неужели верхушка США сама в это верила?*

— Верила. Она жила своими представлениями и своей жизнью. Эти маневры совпали, полагаю не случайно, с последующей модернизацией ядерного вооружения.

А в штаб-квартире НАТО в Брюсселе в закрытом для посторонних глаз помещении была установлена сотня специальных щитов. На них отражались три цвета — зеленый, желтый, красно-оранжевый. И каждый цвет соответствовал ситуации, сложившейся на том или ином участке расположения сил противника. Например, красно-оранжевый обозначал, что, по мнению разведки и наших военных, ядерные ракеты, например в Восточной Германии, приведены в положение боевой готовности к пуску. Или около штаба, где заседают руководители Варшавского пакта, даже ночью припаркованы два десятка лимузинов и почти во всех окнах горит свет — в этом случае у нас на щите — желтый. И чем отчетливее опасность, тем больше красного и оранжевого цвета.

Полагаю, если в КГБ существовал такой же Ситуационный центр, положение в стане НАТО отмечалось похожим образом. Когда в Брюсселе возникало общее понимание того, что в чужом Ситуационном центре происходили некие изменения, в НАТО немедленно реагировали, отдавая соответствующие команды, быстро доводившиеся до руководства войск.

Я знаю, что в СССР это вызывало немалое беспокойство. Потом НАТО начало свои маневры, беспокойство перешло в тревогу, которая достигала пика: в последние два года противостояния между блоками такого еще не было.

— *Райнер, поверьте, но мы, жившие в СССР, всего этого не знали, напряжения, которое было при Карибском кризисе, не испытывали.*

— Вас берегли. Но каждый раз при встрече со связником меня стали спрашивать, как я оцениваю все происходящее. С советской стороны считалось, что ситуация постепенно превращается в более опасную, близкую к критической.

Мое положение в Ситуационном центре давало основание успокаивать русских. Что-то совсем непредвиденное, роковое, несущее угрозу всему миру, могло произойти только в одном случае. Если бы американцы плюнули на НАТО и принялись действовать только по собственному усмотрению. Я понимал: такое очень и очень маловероятно. Да они просто не решатся. И я давал понять: серьезность положения нельзя недооценивать, и все же оно не угрожающее, одним оранжево-красным цветом не окрашенное.

Тут было очень важно ни в коем случае не ошибиться. И мне приходилось следить за положением дел денно и нощно. Чтобы не сбиться, снимал все документы на пленку.

— *Позвольте перебить вас, Райнер. Как это удавалось? Наверняка поток секретных бумаг шел огромный.*

— И работа моя превращалась в такую же. Каждые шесть недель приходилось смотреть, какие изменения произошли, и сообщать о них. Надо было все время находиться в офисе, внимательно анализировать, что же нового появляется в Ситуационном центре, сравнивая результаты с теми, что были отражены до того. И как проводить сравнительный анализ? Держать под рукой мой отчет шестинедельной давности? А если кто-то заметит, как я смогу это объяснить? Приходилось рисковать. Не стану вдаваться в подробности, как мне все это удавалось. И даже вам здесь не откроюсь.

Очень и очень сложно! Понятно, не я один трудился в этом центре. За мной могли наблюдать. Кто-то мог и предположить, догадаться, какие аспекты меня явно интересуют. И прийти к определенному выводу. ГДР и Москва нуждались в непрерывно обновляемой информации. Иногда даже я не мог представить весь тот риск, которому подвергался.

Пик поджидавшей опасности пришелся на осень 1983 года — все на те же маневры «Опытный лучник».

Впервые, по крайней мере на моей памяти, американские баллистические ракеты «Першинг», расположенные в Европе, были выведены в конце осени — начале зимы 1983 года из укрытий и отправлены для развертывания в боевых условиях.

Высшее военное руководство ГДР пришло, как я и боялся, к неверному выводу: мир на грани. И попыталось убедить в этом советских коллег по оружию.

Тут я вынужден был использовать некоторые методы связи, которые позволялось приводить в действие лишь в чрезвычайной ситуации. Она, как полагали в Восточном Берлине, и настала. Каждый день я выходил на связь. Докладывал: в Ситуационном центре Брюсселя ничто не свидетельствует о приближающемся нападении.

И в это же время поток обмена информацией между Брюсселем и Вашингтоном превратился в необузданный водопад. В Москве полагали, что все это связано с уже закончившимися учениями «Опытный лучник». И мне, к счастью, удалось сообщить, что это не так. Продолжалось бряцание ядерным оружием. А нападать на СССР — побоялись.

Знаю, что председатель КГБ СССР Крючков годами позже поведал об этом в интервью одному из крупнейших телеканалов ФРГ. В СССР знали, что войны на этот раз не будет. Но вот Рейган об этом и не подозревал, думал, будто американцам и НАТО удалось ввести Москву в заблуждение.

Впоследствии и в США согласились: да, осенью 1983 года мы были на грани войны. Подтверждением тому и документы, хранящиеся в Национальном архиве Соединенных Штатов. Директор архива написал об этом в своей книге. Но, естественно, перевернул все на американский лад, назвав опасения СССР «советской военной паранойей». А его соотечественники лишь «играли в войну».

И потом в Германии, после двух документальных фильмов на эту тему, поднялась небольшая дискуссия: действительно ли благодаря усилиям разведчика из ГДР была предотвращена третья мировая война?

— *Можно считать и так.*

— В те годы о подобных глобальных вопросах геополитики я не задумывался. Делал то, что, как был уверен, и нужно было мне делать.

Нашелся предатель

— *Дорогой Райнер, из всего сказанного напрашивается еще один вывод. За все годы, начиная с 1968-го и заканчивая вашим арестом в 1993-м, вы не допустили ни одной ошибки, не сделали ни единого промаха. Но как же получилось, что контрразведка БНД все-таки на вас вышла?*

— Самый трудный вопрос из всех сегодня заданных. У меня нет на него абсолютно точного ответа. Есть лишь предположения, размышления, выводы, близкие к истине. Полагаю, выдал меня полковник, доктор Буш, перешедший на ту сторону.

— В некоторых трудах по истории разведки также называют имя одного генерала из Штази, продавшего американцам списки своих бывших агентов. Говорят, генерал стал богаче на полтора миллиона долларов.

— И ошибаются. Этот человек, не хочу даже упоминать его фамилию, ни при чем. У доктора Буша была высокая репутация в Штази. Иначе бы его не послали в командировку в Москву, где он проработал три года. Он был действительно хорошим военным аналитиком. Весной 1989 года вернулся в Берлин, где во многом занимался тем же, что и в Москве. Вполне объяснимо, что ему пришлось работать и с документами, переданными человеком, известным лишь под оперативным псевдонимом «Топаз». Да, Бушу и в Берлине попадалось это имя. Но выяснить, кто это, лишь по псевдониму было невозможно. В моем регистрационном номере имя не значилось. Прошло месяцев шесть — девять после возвращения Хайнца Буша. И под Рождество, числа 23 декабря, он с разрешения руководства отправился на некую важную встречу — круглый стол в Восточном Берлине. Участвовали в ней и представители оппозиции. Но вместо круглого стола Буш рванул в Западный Берлин и сразу в БНД — разведку ФРГ. Никаких документов при нем не было. Все, что он знал обо мне, — это оперативный псевдоним. Ему был также известен и регистрационный номер — именно мой. Но чей он, кому принадлежал, Буш не догадывался. Зато знал, что где-то там, на западной стороне, долгое время действует разведчик, предположительно работающий в брюссельской штаб-квартире НАТО и передающий оттуда «чувствительную информацию».

— Тогда непонятно, каким же образом предатель смог вас идентифицировать.

— В то время — никак. Все развивалось медленно, но развивалось. Сначала Бушу не поверили. Какой может быть суперагент в штаб-квартире НАТО, в самом ее сердце? Наверное, перебежчик хочет показать свою осведомленность, вот и выдумывает. Но Буш сумел убедить новых хозяев, что не врет. Полгода настаивал, приводил доводы, ссылался на опыт работы в Москве.

Начался поиск «Топаза». В НАТО создали специальную группу расследования. В нее вошел и достаточно квалифицированный западногерманский эксперт по внешней разведке ГДР. Другой аналитик занялся дотошным изучением информации, которая, как предполагали в Брюсселе, могла быть передана именно «Топазом». Слились воедино усилия нескольких спецслужб: военной разведки, западногерманской контрразведки, криминальной полиции, государственной безопасности ФРГ, офиса генеральной прокуратуры, экспертов НАТО... И уж не помню, чего и кого там еще. Между прочим, моего начальника назначили заместителем руководителя всей этой группы, что мне совсем не вредило. Хотя сведений о «Топазе», казалось, набралось немало, это никак не ускорило ход расследования. Напрашивался вывод: вряд ли

одному человеку под силу передавать столько документов. Расследователи предположили, что под псевдонимом «Топаз» скрывается разветвленная разведывательная сеть. Эту догадку подтверждало и то, что «чувствительная информация» касалась самых разных направлений деятельности НАТО. Было точно подмечено, что с течением лет поток секретной информации нарастал. Мне трудно было не согласиться с этим выводом, о котором я узнал еще тогда. Ведь приходилось с каждым годом работать все больше, все быстрее, охватывая разнообразные направления.

А расследование словно зависло. Ближе всех к разгадке находился все тот же Буш. Как военный аналитик он преуспел в анализе именно секретных военных материалов. Но и он избрал ошибочный путь. Раскрылось еще одно имя агента из Штази — «Мозель».

— *Так это же ваш первый оперативный псевдоним.*

— Именно. В 1979 году все документы о деятельности «Мозеля» уничтожили. Он исчез вместе с моим оперативным псевдонимом. Его изменили на «Топаз», который мне не сразу понравился: какой-то слишком громкий. Потом привык. Думаю, о том человеке, «Топазе», точно знал лишь Маркус Вольф, может, еще двое-трое. А «Мозель», видно, запутал расследователей, даже Буша.

Впрочем, я понимал, что развязка близится. После падения ГДР некоторые документы из нашего архива были захвачены БНД. Я был в курсе. Но еще больше материалов из архивов министерства госбезопасности ГДР попало в руки американцев. Для этого они провели операцию «Розенхольц».

— *Это что такое? Как переводится?*

— По-английски — «Rose Wood».

— *Понятно — «Розовое дерево».*

— На ветках которого, так полагают некоторые, образно говоря, нашли листочки с именами полутора тысяч наших агентов. Я слышал, за это деревце ЦРУ выложило миллионы долларов. Кому — неизвестно, даже не хочу строить догадок на эту тему. Американцы всегда неохотно делились с западными немцами своими секретами. Боялись, что все тайны уплывут в ГДР. Но после падения стены немцы настаивали, и им дали взглянуть на списки. Расследование велось несколько лет.

Некоторые перекупленные документы попадали в штаб-квартиру НАТО. И коллеги, в основном американские, убеждали меня, что вскоре этому «Топазу» конец. Да, колечко сжималось.

— *Спрошу прямо: в декабре 1989 года вы узнали, что ГДР перестала существовать, как и Штази. Вас арестовали летом 1993-го. Почему не бежали? Тем более, если говорите, «развязка близится».*

— А куда было бежать?

— *Ну, хотя бы к нам.*

— Это после того, как Маркуса Вольфа в Москве не приняли, а тяжелобольному Эриху Хонеккеру, бывшему руководителю ГДР,

отказали в убежище и он уехал в Чили, потому что его дочь была замужем за чилийцем? Вспомните, что и как было в России в первые годы после распада Советского Союза. Кому было доверять?

Допустим, что я все-таки попытался бы скрыться. Но не мог я бросить жену, детей. А взял бы их с собой, меня быстро раскрыли бы.

Я уничтожил всё, что могло навести на мысль о сотрудничестве с нашей разведкой и с СССР. Но архив Штази по-прежнему под микроскопом изучался спецслужбами ФРГ и США. Цепочка не то что должна была, а могла где-то порваться. И порвалась. Меня арестовали 30 июля 1993 года прямо на дне рождения моей мамы.

Я не решаюсь сказать со стопроцентной точностью, кто и как сумел, сопоставив все факты, доказать, что «Топаз» — это я, Райнер Рупп. Уверен: никто из бывших коллег по службе меня не предал. А винят в этом многих — и бывших коллег, и генерала министерства госбезопасности. Не думаю. Меня уверяли, что кое-какие подробности всплыли после предательства перебежчика из КГБ. Наиболее вероятно иное: расследователи натолкнулись на некие данные из той части картотеки, что не успели сжечь наши и что попала сначала американцам, а потом от них — моим соотечественникам.

— *Вы полагаете, время было безжалостно? Двадцать пять лет службы — и арест.*

— Но и с арестом возникли сложности. В Бельгии, где я постоянно жил, более демократичные законы, чем в Германии. В Брюсселе арестовывать меня было никак нельзя. Улик, что имелись, не хватало, только косвенные доказательства, а в Бельгии они не принимаются во внимание. И меня арестовали в маленьком немецком городке Саарбурге, куда я приехал на юбилей мамы — ей исполнилось семьдесят лет. В дверь постучали. Вошли двое. Предъявили ордер на арест.

— *Сурово. Могли бы хоть денек подождать.*

— Прокурор — вот кто был суров. Его раздражало, что я все отрицал. И он потребовал пятнадцать лет тюрьмы. Судопроизводство в Германии устроено так, что для обвинения не требуется прямых доказательств. Достаточно и косвенных. Суд пришел к заключению, что я делал то, в чем меня обвиняют. Приговорили к двенадцати годам, так и не представив доказательств. Признался — и получил бы меньший срок. Психологически я был готов к этому. Принял приговор спокойно — не только внешне, но и внутренне.

— *Вы отсидели семь лет. В одиночке. Как выдержали?*

— Как выдержала моя бедная жена! А, «Бирюза»? Ей дали двадцать два месяца условно.

«Бирюза» вздохнула:

— Тяжело было. Столько всего вылилось. Как я переживала за Райнера.

— Да, я сидел в одиночке. Что тут расскажешь? Все же не называл бы условия невыносимыми. Даже процентов восемьдесят охранников

относились ко мне с сочувствием. Тюремщики знали, что я боролся за доброе дело. Хотел, как и многие, предотвратить ядерную войну и использовал для этого средства, находившиеся в моем распоряжении, не получая все долгие годы ни доллара. Это понимали даже меня судившие. Мне разрешали читать, не ограничивали в переписке.

— *Кто вам писал?*

— Люди со всей Германии, не одной Восточной. Я даже составил нечто вроде картотеки писем и ответов. Не поверите, но в тюрьму присылали не только пожелания выдержать, но и подкрепляли их продуктами. Это очень скрашивало жизнь.

— *А кто-то из тех, на кого вы четверть века работали, на вас выходил?*

— Друзья этого делать не могли. Нашей разведки больше не существовало.

— *А из России?*

— Тяжело говорить. Но никто и никогда на меня не выходил. Ну совсем ничего. После семи лет, в 2001-м, выпустили. К тому времени умерла мама, так меня и не дождавшись. Никакой пенсии, как понимаете, не положено. Я занялся журналистикой, документалистикой. Увы, в последнее время две газеты, в которых я писал, перестали отличаться от всех остальных изданий. И они теперь видят главного врага в России. Нет, это не для меня.

Кремлевские звезды над нами горят

Райнер Рупп устал. Беседа шла долгая. Непростая. И, за это я особенно благодарен Руппу, откровенная.

Отправились на прогулку. Спустились в метро, объяснения о котором супружеская чета слушала прилежно.

Поднялись на Тверскую. Полюбовались кремлевскими звездами. Побродили в шумном и нарядном, как всегда бывает только в центре, праздничном потоке.

Пришло время расставания. Еще заранее обменялись координатами. Поцеловал руку «Бирюзе», затем мы крепко обнялись с «Топазом». И расцеловались не так, как принято у них, а как у нас — троекратно. Какая же человеку выпала трудная судьба. Сколько он сделал для ГДР, для нас, для мира. Как трагически все закончилось, и как с каким достоинством мужественный Райнер Рупп — «Топаз» вынес все невзгоды.

Встретиться бы с ним еще.

**ОЛЬГА ЧЕХОВА НИКОГДА НЕ БЫЛА НАШЕЙ
РАЗВЕДЧИЦЕЙ:**

ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ КОРОТКОВ

Миф о знаменитой немецкой киноактрисе, якобы на СССР работавшей, лопнул. Его развеял полковник внешней разведки в отставке Виталий Викторович Коротков. На момент написания этой книги — он старейший чекист России.

В пятнадцать с половиной лет, девятиклассником, ушел на фронт — и сразу в пекло Курской дуги. После войны — учеба, внешняя разведка, командировки в страны, где говорят по-немецки. Этот язык молодой офицер Коротков освоил так, что выдавал себя за немца из одной страны Восточной Европы, выведывая, как говорят в разведке под «чужим флагом», важные сведения якобы у соотечественника.

В свои далеко за 90 лет полковник Коротков поражает не только цепкой памятью и элегантностью, но и исключительным дружелюбием. Как это у него получается? Не знаю, но только располагает к себе моментально. Может, потому что искренен? Необычное сочетание — закрытость разведчика и в то же время готовность к общению.

Немецкий Ким Филби

Именно Коротков долгие годы работал в ФРГ вместе с нашим другом Хайнцем Фельфе, которого называют «немецким Кимом Филби». Вот уж у кого необычная судьба. Бывший оберштурмбаннфюрер СС изменил свои взгляды и ушел из жизни кавалером орденов Красного Знамени и Красной Звезды, да еще и «Почетным сотрудником КГБ».

Работал не за деньги, а за идею. Прозрение началось после безжалостно-бессмысленных бомбардировок в феврале 1945-го американцами и англичанами Дрездена — родного города Хайнца. А через несколько недель Фельфе узнал о сепаратных переговорах, которые вели в Швейцарии генерал СС Конрад Вольф с главой американской разведки Даллесом. Нет, не был тогда Фельфе никаким антифашистом. Но сомнения зародились, бередили душу.

И когда после войны внимательно присматривавшаяся к нему советская разведка вышла через одного из своих немецких агентов, приятеля и земляка-дрезденца, на Фельфе, он согласился встретиться с русскими. Внутренне уже был готов к вербовке. Задачу Фельфе, работавшему тогда журналистом, поставили сложную. Надо было проникнуть в БНД — западногерманскую разведку.

Это удалось сделать в 1951-м. Началось сначала медленное, а затем и стремительное карьерное продвижение Фельфе, оперативный псевдоним Курт, по служебной лестнице. Вот тогда молодому советскому разведчику Виталию Короткову и был передан на связь Курт.

Курт-Фельфе, что было особенно ценно для Москвы, возглавлял русский отдел западногерманской разведки. Он также согласовывал планы работы БНД с американской резидентурой ЦРУ. Не правда ли, напрашиваются аналогии с судьбой англичанина Филби? Секретные планы операций против СССР Фельфе чаще всего передавал Короткову из рук в руки.

Фельфе и Коротков предпочитали действовать именно так. Курт не любил никаких тайников. Опасался, что могут, пусть даже случайно, засечь закладку контейнера или выемку из тайника. Предпочитал личные встречи еще и потому, что безгранично верил в своего русского связника. У Фельфе и его друга Виктора портфели были одинакового коричневого цвета, и обменивались они ими моментально, с грациозностью фокусников. Привыкли друг к другу, подружились. Понимали друг друга с полуслова и полувзгляда.

Конечно, Короткову приходилось нелегко. Но он приспособился к Фельфе, освоил его нестандартные методы. Подчас встречи проходили не только в Берлине, но и в третьих странах. Немец стремился во все вникнуть, задавал много вопросов. А наградой для Короткова и внешней разведки стали порой детальные пояснения Фельфе к добытым документам. Их количество измерялось уже даже не сотнями. Ценность — неизмерима. Так, перед важнейшими переговорами на высшем уровне советская сторона точно знала, на чем канцлер Аденауэр будет настаивать, а в чем готов и уступить. Понятно, переговоры прошли для СССР триумфально.

В результате предательства Фельфе арестовали в 1961 году. Вел он себя мужественно, и в 1969 году его обменяли на целый автобус натовских шпионов.

А Коротков был вынужден покинуть Германию. И хотя его вины в аресте ценнейшего агента, настоящего друга, не было никакой, некоторые коллеги сочли дальнейшую работу Короткова в Службе бесперспективной.

Но не знаменитый генерал Агаянц, который после нескольких долгих и откровенных бесед пригласил его в свое новое управление, проводившее важнейшие оперативные мероприятия. О деятельности в нем Короткова известно пока немного. Однако о том, что Виталий Викторович потрудился на славу, говорит хотя бы то, что после определенного срока «карантина» он вновь отправился в зарубежье уже под новой крышей.

Сейчас он отдыхает. Хотя трудно назвать отдыхом подвижническую работу Виталия Викторовича Короткова. Он — один из авторитетнейших и открытых консультантов во внешней разведке. Получить от него комментарий — значит узнать истину в последней инстанции. И сколько выступлений перед молодыми разведчиками и теми, кто только мечтает ими стать!

В Службе внешней разведки есть свой жаргон. Так, сотрудников, находившихся в разных странах, называют в зависимости от географической принадлежности «немцами», «англичанами», «американцами»... Виталий Коротков, долгие годы служивший под дипломатическим прикрытием в Австрии и ФРГ, конечно, «немец». И тут, на этом направлении, для него, пожалуй, не осталось белых пятен. В нашей беседе полковник Коротков буквально растоптал устойчивый

миф о государственной актрисе Третьего рейха Ольге Чеховой, считавшейся агентом советской разведки.

Звонок от Короткова

Виталий Викторович — внимательнейший читатель книг, посвященных его профессии. Оценки — не комплиментарны, а точны, лаконичны. Поэтому так ценны.

— Прочитал ваших «Гениев разведки» с первой до последней страницы и сразу звоню, — раздался в трубке знакомый глуховатый голос, который ни с каким другим не спутаешь. — Заканчивается главой «Миф или реальность: была ли Ольга Чехова агентом советской разведки?». Вы приводите много «за» и немало «против».

— *Виталий Викторович, так была?*

В трубке раздался вздох:

— Вынужден вас обрадовать. Или огорчить: не была. Приезжайте, расскажу.

С документами не поспоришь

В знакомой квартире Виталия Викторовича, как всегда, идеальный порядок. Правда, хозяин признается, что навел его только после выхода в отставку. Зато теперь — бумажка к бумажке, файл к файлику.

Пьем чай с шоколадками, спокойно беседуем. Полковник не из тех, кто торопится.

— *Виталий Викторович, вы меня своим звонком огорошили. Неужели не была?*

— Точно нет.

— *Вы говорите об этом с несвойственной вам категоричностью.*

— Я в 1952 году окончил нашу 101-ю школу.

— *Альма-матер советской разведки — сейчас Краснознаменная академия имени Юрия Андропова.*

— Это было начало сентября. После отпуска пришел работать в Комитет информации МИД СССР. Он размещался тогда за ВДНХ в здании бывшего Коминтерна. Я попал в немецкий отдел. Как молодому работнику, только пришедшему с учебы, передали мне сейф, наполненный делами, для того, чтобы понял, что к чему, освоил свой участок. Ведь я должен был работать в Германии. Стал читать материалы из папок, что хранились в сейфе.

И среди них вот такой толстенный, сантиметров в семь-восемь, том: дело-формуляр на Ольгу Чехову. Естественно, меня эта фигура очень заинтересовала.

— *Все же напомним читателям кто это. Племянница актрисы Ольги Книппер-Чеховой — жены великого писателя Антона Павловича Чехова и бывшая супруга его племянника Михаила. В 1920 году уехала в Германию, где, этническая немка, снялась в десятках фильмов. Государственная актриса Третьего рейха, такой титул носили*

единицы, вращалась в высших нацистских кругах. На одном из раутов Гитлер усадил ее рядом — в первом ряду. Существует версия, что на протяжении долгих лет Ольга Чехова была агентом нашей разведки и очень ценным.

— А я внимательно, от корки до корки, прочитал фолиант. Мне надо было решить, что делать с этими папками.

— *Вы помните, о чем говорилось в деле Чеховой?*

— Да, помню его содержание. Речь шла о том, что после того, как наши войска разгромили немцев и вошли в Берлин, стали разбираться с теми, кто там остался. Выясняли, кто есть кто. Начали искать людей, интересных для нас в плане и политическом, и разведывательном, и контрразведывательном.

Ольга Чехова действительно была нам интересна. Относилась, как мы говорим, к творческой интеллигенции. По рассказам очевидцев установили: была вхожа в ближайшее окружение Гитлера, он к ней благоволил. Постоянно общалась не только с ним, но и с другими лицами из фашистской верхушки. Это, естественно, привлекло внимание. И с ней установили контакт, стали приглашать на беседы.

— *До или во время войны?*

— После. С Чеховой беседовали наши оперативные работники. Причем если начинали практически рядовые, то потом дошло до того, что беседы с ней проводили в Германии наши руководители.

— *На уровне полковников, генералов?*

— Конечно — представители и контрразведки, и разведки. Естественно, о контактах докладывали в Центр, который заинтересовался ее фигурой. И Чехову вывезли на самолете в Москву.

— *Когда это было?*

— После войны, в 1945-м. Поселили на конспиративной квартире. И какой-то более или менее продолжительный срок, я уже не помню, две недели или два месяца, но что-то двойка мне запомнилась, она здесь находилась. С ней постоянно разговаривали, беседовали. Причем и высокие чины.

— *А кто?*

— Руководители органов госбезопасности. Может, это был Абакумов — комиссар государственной безопасности второго ранга, или кто-то другой. Точно фамилии сейчас вспомнить не могу. И, судя по документам, беседовали о Гитлере, его окружении и нравах, о лицах, к фюреру близких. После того как любопытство, если можно так назвать, этих товарищей было полностью удовлетворено, ее вернули в Берлин на самолете.

— *Не было никакой вербовки?*

— Ничего не было.

— *Но почему?*

— Очевидно, сочли, что она не нужна. Гитлера нет, фашистская Германия разрублена. В деле даже намеков нет, что Чехову склоняли к

сотрудничеству или что-то ей предлагали, что она — наш агент. Нет такого. Это нейтральный человек, абсолютно нейтральный. Я, кстати, прочитал в вашей книге, что генерал Судоплатов направил к Чеховой, уже возвращенной обратно в Германию, Зою Рыбкину (известную разведчицу. — Н. Д.) для беседы.

— *И Рыбкиной, сообщившей шефу об установлении контакта и договорившейся о встрече, вдруг по приказу того же Судоплатова было приказано прибыть в Москву первым же самолетом.*

— Да. У меня единственная по этому поводу мысль: вполне допускаю, что Судоплатов в ходе пребывания Чеховой в Москве тоже с ней познакомился, беседовал. Когда возникла идея объединения Германии и Берия принялся ее продвигать, то, вполне возможно, решил прибегнуть к помощи Судоплатова. Прозондировать через генерала отношение к этой проблеме неких немецких кругов, в которые вхожа Чехова.

— *Снова вхожа или по-прежнему вхожа?*

— Снова. Или по-прежнему. А почему Рыбкину немедленно вернули, сказано у вас в книге: Берия был арестован.

— *Уважаемый Виталий Викторович, но я столько читал о подвигах героической разведчицы Ольги Чеховой и в нашей прессе, и в зарубежной. Смотрел многосерийный фильм. Якобы указания она однажды получила от наведывавшегося к ней из СССР брата — известного композитора Льва, он же Лео Книппер. А Лев Константинович действительно, это подтверждено и доказано, работал на советскую разведку. И 16—18 октября 1941 года, когда фашисты были совсем близко от столицы, должен был со своей диверсионной группой уйти в подполье, чтобы потом, может и при помощи сестры Оли, убить Гитлера.*

— Такие группы были. И я тоже работал в отделе вместе с одной женщиной, получившей приблизительно схожее задание. Насчет брата вы, думаю, правы. Но при чем тут сестра Оля? Об этом ничего нет.

— *Но как же тогда не с одним, а с тремя радистами, передававшими в Центр из рейха все, что добывала Чехова?*

— Какие три радиста! Если брат приезжал к ней из Москвы, мимо их службы безопасности это пройти никак не могло. Да ее бы при малейшем подозрении взяли в разработку.

— *Хорошо, а поездка к ней во время войны боксера Миклашевского, получившего задание совершить акт возмездия — убить Гитлера? Тоже миф?*

— Ничего такого в деле нет.

— *Что, она вообще никогда нашим не помогала?*

— Из ее формуляра это хорошо видно. Доложил своему руководству, что, по моему мнению, Чехова нам не пригодится. Из дела не следует, что человек на нас работал, давал какие-то материалы, что Чехова перспективна для разведработы. Ничем нам не помогала, никакого отношения к советской разведке не имела. Нет даже намека на то, что

она с нами сотрудничала, что давала во время войны какие-то материалы, была агентом. Нет этого, и не было. Но! Чехова — фигура заметная. Была же вхожа к Гитлеру. Ну как не попытаться показать, что наш агент там был. В духе некоторых начальников того времени. А остальное — мифы, и только лишь. Я очень внимательно читал это дело. Даже помню числа, когда еще раз принялся его просматривать.

— *Это через столько лет...*

— Как раз в те первые дни марта «Правда» начала печатать медицинские сводки о состоянии здоровья Сталина. Да, 4 или 5 марта 1953 года. Умер он 5-го. О смерти сообщили 6 марта рано утром.

— *А не подумывали, что, когда вы в Германию поедете, может быть, как-то выйти на Ольгу?*

— Но зачем? Вокруг разведки немало легенд. Сейчас мы с вами одну из них опровергли. Я, проработав весь материал, предложил сдать дело Ольги Константиновны Чеховой в архив. И начальство, ознакомившись с моими выводами, согласилось.

В ГОСТЯХ У АГЕНТА 007:

СЭР ФИЦРОЙ МАКЛИН

В Шотландии все уверены: именно бригадный генерал, разведчик сэр Фицрой Маклин и стал прообразом Джеймса Бонда.

Мы собрались на прощальный ужин в лучшем ресторане Глазго. Глаза горели у всех — даже у официантов. В Шотландии знают своих героев. А тут с нами восседала сама народная гордость — сэр Фицрой Маклин, только на (тех) днях увенчанный Ее Величеством королевой Елизаветой II званием «Рыцарь Шотландского ордена».

Не все обожают шпионов

Конечно, его усадили по строгому протоколу во главе стола. Именно сэр Фицрой, кто же еще, произнес первый спич, осушив бокал за успешную стажировку группы российских журналистов в университете Страфклайд.

И тут произошло непредвиденное. Слово, не по чину, самовольно, взял наш преподаватель мистер, скажем, Хейли. «Да, мы рады, что среди нас присутствует Фицрой Маклин. Мы же знаем — он настоящий спук (англ. *spook*), с которого вылепили Бонда. Я же не ошибаюсь, сэр?» — выдохнул профессор еще только после первой.

За столом повисло тягостное молчание. Ведь именно спуками, в переводе «шпиончиками» или «шпионишками», презрительно именуют в Британии шпионов.

Лицо сидевшего рядом со мной Маклина налилось краской, и совсем не от виски. Такого оскорбления он не ждал. Как бы пропустил гадкие слова мимо ушей. Отсидел с нами из вежливости еще минут десять, пожелал приятных воспоминаний об учебе в Глазго и ретировался в своем килте.

Устроители ужина зашипели на профессора, но тот держался твердо: «Разве я сказал неправду? Спук он и есть спук». Торжество было скомкано и закончилось быстро. Из чего мы поняли, что в Британии своего собственного Джеймса Бонда и других героев шпионского эпоса любят не все.

Как Флеминг вылепил Бонда

Очень просто. Они вместе с Фицроем служили в разведке. В биографии Флеминга прежняя его профессия нарочито выдвигается на первый план: ну как же, писатель знает, о чем пишет. На самом деле разведчик из Флеминга получился совсем слабенький, а по отзывам некоторых членов знаменитой «Кембриджской пятерки» вообще никакой.

А вот в биографии аристократа чуть не королевских кровей Маклина известный факт многолетней работы в разведке всячески обходится. Но секрет Полишинеля открыт для всех.

И для нас тоже, ибо Фицрой Маклин еще перед Второй мировой войной попросил Форин-офис перевести его из скучнейшего Парижа в непредсказуемую Москву, где он под дипломатической крышей и прошпионил с 1937 по 1939 год. А с началом войны уехал в Британию, но и там долго не засиделся.

Лишь кратко упомяну об уже военных миссиях будущего Джеймса Бонда, с которыми он, как всегда, удачно справился. К примеру, в очень нужной Великобритании и СССР Персии. Кстати, там, на вокзале в Тегеране, с ним случился некий казус. Маклина никто не встретил, и он уселся в такси, указав адрес в богатой северной части иранской столицы. Водитель глянул на седока с уважением: «Мидунам, мидунам — знаю, знаю. Это там, где живут английские шпионы». И без всяких традиционных таксистских петляний по городу быстренько доставил пассажира в нужное место.

Если бы ронанде, то есть шофер, только знал, кого он вез. В Персии разведческий талант Маклина развернулся по полной. Так, во втором по значению городе страны Исфагане он лично похитил командующего фронтом генерала Захеда, работавшего на немцев. Тот старательно и в полной тайне готовил правительственный переворот. Но какие-то неведомые агенты сообщили об этом Маклину, и он ринулся в Исфаган. Генерал Захеда не сразу понял, что попал в лапы британской разведки. Фицрой доставил его в аэропорт, запихнул в самолет, и только после приземления Захеда понял, что он в Палестине и война для него завершена.

Затем приблизительно то же самое Фицрой Маклин несколько раз проделывал и в Ираке, нейтрализуя тайных и явных прислужников Гитлера.

Прошло время, и в оккупированной немцами Югославии появилось множество партизанских отрядов. И кто только в них не сражался.

Премьеру Черчиллю предстояло понять, за кем из командиров реальная сила. Сведения до Лондона доходили противоречивые.

И тогда Фицрой Маклин вместе с еще одним соратником были сброшены на парашютах к югославским партизанам. Черчилль хотел знать, какую из многочисленных ветвей сопротивления на Балканах поддерживать. И Маклин дал точный ответ: только Броз Тито и его людей. Как доказала история, он не ошибся.

Флеминг, служивший в разведке в тот же период, об этом знал. И срисовывал Джеймса Бонда прямо с натуры. Оба — агент 007 и Фицрой — шотландцы. Оба — бесстрашные авантюристы. Маклин, хотя и прожил до самой смерти в 1996-м в единственном браке со своей, знакомой мне, супругой Вероникой, был большим ходоком.

Увлеченность дамами унаследовал и Бонд. Оба метко стреляли. С парашютом эта пара — Джеймс и Фицрой — общалась будто с добрым другом, не раз прибегая к его помощи. Оба специализировались на похищении разного рода злодеев. Но главное, некоторые книжные и киношные подвиги агента 007 словно взяты из секретного досье Маклина, дослужившегося к концу войны до звания генерал-майора и отмеченного высшими королевскими наградами.

Еще бы, ведь Маклин сполна воспользовался правом докладывать обо всем им лично разведанном и добытом непосредственно премьер-министру Уинстону Черчиллю. Это ли не высшая степень доверия, которой может похвастаться и Джеймс Бонд. Сохранились документы, напечатанные лично Маклином в одном экземпляре и адресованные только премьеру. На родине реального героя в 2008-м издана книга с красноречивым названием «Сэр Фицрой 007». Но почему ее изъяли из продажи и библиотек в 2010-м? Кто-то с чем-то поторопился?

Пусть это и покажется вам сюжетом из несколько другой оперы, но и первый — лучший исполнитель роли Бонда шотландец Шон Коннери хорошо знал Маклина. Наезжал к нему, наверняка присматривался, что-то заимствовал. Их замки находятся неподалеку. Не хочу перебарщивать, но, пытаясь вникнуть в детали, я докопался до того, что шотландские историки приписывают актеру родство с его героем. Девичья фамилия матери Коннери — будто бы Маклин. Кстати, именно так и назывался замок, в котором в Средние века обосновались предки Коннери. А принадлежал он, сами догадываетесь, родственникам Фицроя Маклина.

Что он делал в СССР? А в России?

Тут с первого взгляда все яснее ясного. Выпускник Кембриджа (опять-таки по совпадению, о котором мы говорили в главе о Павле Ангелове), он окончил университет в одно время и фактически по схожей специализации с несколькими членами знаменитой «пятерки». В книге Маклина «Восточные подступы» подробно описываются его похождения в СССР. Он побывал на Кавказе и в Средней Азии. За ним пытался следить НКВД.

Но если следили, то каким же образом проникал дипломат-разведчик-путешественник в наглухо закрытые для всех иностранцев запретные регионы Советского Союза? Однажды осенью 1937 года его, похитившего коня и невзначай заскочившего в секретный пограничный район, все-таки арестовали. Но Маклин спокойно предъявил чекистам дипломатический паспорт. Те сделали вид, будто не понимают, о чем говорит шпион на своем английском, и тогда задержанный тут же перешел на довольно приличный русский, объяснив: конь занес не туда, и он заблудился. Добился освобождения.

И вскоре вновь отправился в путь. На сей раз на поезде на север. И как же теперь его опекали на протяжении всего пути по Транссибирской магистрали! Но где-то неподалеку от Новосибирска он незаметно покинул вагон, обманув наружку. Ухитрился сесть в поезд, двигавшийся в сторону Барнаула. Там совершенно неожиданно увидел толпы китайцев. Их впахивали в вагоны для перевозки скота, которые прицепляли к их поезду. Приглядевшись, «дипломат» понял, что это корейцы. Став свидетелем этой депортации, перебросился несколькими фразами с говорившими по-русски. Корейцы были счастливы: с холодного Русского Севера их везли на юг, где они должны были заняться привычным делом — работой на хлопковых полях.

Дотошный Маклин, уже вернувшись в Москву, выяснил, что около двухсот тысяч корейцев были вывезены с Дальнего Востока не случайно. Советские власти боялись, и не без оснований, нападения Японии, а чтобы обезопасить себя, на всякий случай выселяли тех, кто, как казалось, мог стать союзником японцев.

Что он делал в закрытых для иностранца городах Сибири? Или в Средней Азии? У него были агенты? Сообщники?

НКВД с такими не шутил, а уж в 1937—1939 годах не церемонились и с дипломатами, держа их под колпаком. Но как тогда в 1938-м он, совсем не журналист, ухитрился проникнуть в Колонный зал на Третий московский процесс над членами так называемого антисоветского «Право-троцкистского блока»? Как сумел более чем на сорока страницах рассказать в книге о поведении бывшего главы Коминтерна Бухарина и снятого с председательства Совнаркомом Рыкова?

И очень тонко поведать о реакции на это Сталина. Разведчик разглядел вождя в маленьком оконце, находившемся высоко над сценой, где разыгрывалось судилище. Пишет, что туда случайно попал луч прожектора. Сталина никто не заметил. Кроме английского шпиона Маклина.

Еще одно, оставшееся для меня загадкой. Понятно: специальная миссия Маклина по разработке Тито в годы войны прошла успешно. Но почему он, Фицрой Маклин, не только допустил к Тито советских разведчиков, но даже, если верить британским источникам, организовал их доставку в труднодоступные районы? Англичане пишут, что представители СССР добрались до партизан на планерах, которые

прикрывали специально вызванные Маклином британские самолеты. Правда ли это? Зачем было сводить с Тито каких-то русских, которые могли навязать тому свою волю? Да еще дружить потом с майором НКВД, возглавлявшим советскую миссию?

И напоследок еще одно, самое непонятное. Участвовал ли Фицрой Маклин в событиях, перевернувших всю новейшую советскую историю? Давайте прямо: приложил ли руку к развалу Союза? Вот где совсем темно. Дотянется ли сюда луч прожектора, который помог Маклину в 1938-м в Колонном зале?

Английские историки спецслужб уверены, будто Фицрой Маклин в конце 1980-х и в самом начале 1990-х беседовал (или вел переговоры) с нашими не первыми лицами, но вторыми — точно.

Называют и человека, помогавшего Маклину добраться почти до самого пика нашей верхушки. Англичане пишут, будто это был Геннадий Янаев, бывший председатель Комитета молодежных организаций (КМО) при ЦК ВЛКСМ. Ко времени знакомства с Фицроем он стремительно продвигался по служебной лестнице. Янаев, по мнению британцев, и свел Маклина с молодыми советскими партийными руководителями, рвущимися в политбюро. Британец проводил, пока только для себя, некий отбор кадров, как делал это в военные годы, находясь у Тито. Смотрел, оценивал, составлял некие характеристики. Они были точны.

Выводы Фицроя Маклина подтвердила жизнь. В наиболее перспективные он определил Михаила Горбачева. А на Янаева смотрел лишь как на помощника, третий номер, что и проявилось в дни августовского путча 1991 года, когда председатель ГКЧП Геннадий Янаев запомнился народу, тогда еще советскому, разве что трясущимися на пресс-конференции руками. Не ослабевала у Фицроя Маклина твердая хватка разведчика.

Многолетний член британского парламента, выполнив это поручение Маргарет Тэтчер, доложил о своих предпочтениях «железной леди», как докладывал в свое время другому премьеру-консерватору — Уинстону Черчиллю. И Тэтчер с его подачи сделала выбор: поставила, как утверждают бритты, на Михаила Горбачева.

Когда в 1991-м власть в СССР сменилась, Фицрой Маклин вновь появился в Москве. Виделся с новыми руководителями молодой России. О чем говорили — не знает пока никто. А ведь сэру Фицрою в 1991-м уже исполнилось восемьдесят. Но снимки Маклина с российскими вождями я видел в Шотландии в его родовом замке собственными глазами. Он что, внушал что-то нашим новым лидерам? Манил и переманивал на чью-то сторону?

Естественно, допускал и ошибки. В 1988 году приехал на свой любимый Кавказ, чтобы уже на практике осуществить свои восточные подходы. Считал, что начать «отрывать» куски от СССР лучше в Грузии. Здесь он повстречался с теми местными, которые были готовы

предложить ему свои услуги — не какие-то шпионские, до такого Маклин уже не опускался, а политические. Перебрав так и рвавшуюся ему в руки колоду, многоопытный Фицрой Маклин остановился на Звиаде Гамсахурдия. Вроде все было при нем, чтобы возглавить Грузию на проступающем в ближайшем будущем посткоммунистическом пространстве. И диссидент, и националист-прозападник, он был хорош и по возрасту, не то что стареющая плеяда антисоветских ворчунов.

Ставки сделаны, и Гамсахурдия, пересаживаясь с кресла на кресло, добрался до президентского. На котором из-за вздорного, взбалмошного характера и неумения ладить ни с друзьями, ни с недругами был выброшен из Грузии. Но до этого успел наделать столько нерасхлебанных и по сей день дел. Изгнан и то ли убит-отравлен, то ли сам лишил себя жизни. Но не все же выигрывать разведчику Фицрою Маклину.

Здравствуйтесь, агент 007

В 1993 году мы с ним и встретились. Фицрой Маклин стал председателем шотландско-российского Фонда Святого Эндрю. В числе прочего фонд отобрал из нескольких сотен претендентов-журналистов двенадцать наиболее продвинутых и отправил на учебу на аспирантские курсы университета Страфклайд в Глазго.

Сэр Маклин предстал перед нами в первый же день приземления в Шотландии. Национальная одежда, вызывающие уважение седины, совершенно разборчивая и полная глубокого смысла речь о необходимости взаимодействовать и сохранять хрупкий мир выдавали в почтенном рыцаре дипломата. Он виделся мне милейшим и приятнейшим. О Фицрое как о прототипе Бонда знала вся Британия, и мы тоже.

Мечтал побеседовать с ним поподробнее. И после приглашения посетить сэра в его далеком от Глазго поместье мечта была близка к осуществлению. Но в автобус с российскими журналистами, отправлявшийся в деревушку Страчюр, где в своих огромных хоромах жил Маклин, влезли двое незнакомцев, чья профессия перестала быть тайной с первых же минут наставительного разговора. Один грубо, а второй, как и полагается, вежливо попросили-потребовали не использовать диктофон и вообще не тревожить сэра на девятом десятке его лет интервью и разными вопросами.

Но все же как было не пообщаться с загадочным человеком. Он встретил нас, тяжело опираясь на специальные костыли. Его заботливо поддерживал юный секретарь, писавший диссертацию о тайной жизни сэра Маклина. А сэр подшучивал над своими недугами, извинялся, что сегодня ему никак не сыграть с нами в гольф на идеально ровной зеленой лужайке.

Разум его был светел. Лишь раз удивил меня вопросом:

— Вы понимаете мой сербский?

— Сэр Маклин, вы же сейчас прекрасно говорите по-русски.

— Да, страны, в которых ты бывал и особенно жил, становятся частичкой твоей жизни, тебя самого. Они же — твоя биография. Мечтал бы снова заглянуть в Москву. Но когда тебе за восемьдесят, сложно загадывать дальше ланча.

Но Фицрой Маклин продержался еще несколько лет — до 16 июля 1996 года и ушел в восемьдесят пять.

Наверняка поддерживала его и любящая жена Вероника. Светские дамы бывают холодны к пришельцам с Востока. Но Вероника Маклин была и мила, и приветлива, и остроумна. О чем рассказать этим русским? Конечно, о князе Юсупове, которого принимала еще до войны в отцовском доме. Она расспрашивала, правда ли, что это он покончил с Григорием Распутиным. Князь улыбался, предлагал перейти к более веселой теме. Тогда в разговор вмешался отец Вероники: хватит. И все заговорили о погоде. Еще бы, ведь отец был не только добрым папой, но и 16-м лордом Лаватом, советником короля.

Очень мне хотелось спросить милейшую Веронику Маклин, в курсе ли она, что Юсупов с великим князем Дмитрием и депутатом-монархистом Пуришкевичем прикончили Распутина по наущению британской разведки. Но спрашивать об этом в доме разведчика, ставшего прототипом агента 007, не решился.

Джеймс Бонд или не Джеймс Бонд, но дипломат Маклин работал в СССР на британскую разведку. И тем не менее привязанность его к нашей стране на склоне бурных лет показалась искренней. Не превратился он в русофоба. Делал свое дело, однако сохранил уважение к тем, с кем соперничал. Разведчик высочайшего полета превзошел вымышленного Джеймса Бонда.

Разведчиком он и остался. Но для нас, русских, против которых работал, все же и шпионом тоже. Именно шпионом, а не каким-то шпионишкой-спуком.

Легендарные разведчики-3

В ТЕННИС СО ШПИОНОМ

Это может случиться с каждым. Особенно с работающим за границей. Случилось и со мной. Человек, которого я знал лет пять, оказался английским шпионом.

Даже среди выхоленных дипломатов посольства СССР в Париже он отличался особой элегантностью. Всегда в модном костюме, казалось, только что умелыми руками выглаженном. Ботинки обязательно до блеска начищены. Спортивная фигура скрывала груз наваливающегося полтинника. Да и держал он себя в потрясающей форме, регулярно выкраивая время, несмотря на многотрудные (и никто

даже не мог представить, насколько разнообразные) обязанности, на любимый теннис.

Игроком был классным. Уверенная подача, что редко бывает у любителей, легкие передвижения по корту. Удары не слишком сильные, зато обводящие, летящие точно в цель, им заранее намеченную. С таким «ватником», как я, ему и делать было нечего. Но он терпеливо встречал не равное ему по классу теннисное присутствие и в знак джентльменства, как это принято у хороших игроков, с незаметной деликатностью позволял брать по гейму в сете, чтобы уж совсем не гвоздить позорным сухим счетом.

Когда в Париж приехал наш общий друг по теннису с капризной молодой женой и двумя маленькими детьми, тогда еще не обремененный высокими постами, он тактично разделил наши обязанности. Сам встречал, провожал в аэропорт, гоняя туда со своими дипломатическими номерами. Заказал гостиницу, сбросив на меня лишь мелкие повседневные заботы о товарище.

В нашей колонии он был не то что любим, но уж точно уважаем. Ни с кем ни панибратства, ни общих, что тоже сближает, застолий. Ровные отношения, взвешенный взгляд на происходящее в СССР в эпоху слома и перемен. Лишь однажды после партийного собрания, которое в целях глубочайшей и известной всему миру конспирации называлось профсоюзным, подошел ко мне с искренним рукопожатием. Понравилось, что я предложил не бежать впереди паровоза, отдавая симпатии и голоса бывшему секретарю Свердловского обкома товарищу Ельцину, известному тогда разве что сносом исторического дома Ипатьева, куда поместили до уничтожения семью императора Николая II.

А он, когда многие заграничные в знак вдруг проснувшегося протеста выходили из КПСС, вообще высказался за строгую партийную линию. Да, явный ортодокс.

Был образцовым семьянином. Жена, две дочери. Супруга работала. Причем не где-нибудь, а в посольстве. И, как говорили, на весьма ответственном участке, скрытом от посторонних глаз непроницаемой для прослушки и наблюдения специальной защитой. Тоже была проста в общении, всегда заботливо осведомлялась о здоровье моего маленького часто болевшего сына и давала советы.

Посольская школа гордилась его детьми. Старшая училась блестяще, собиралась поступать или уже поступила, конечно, в институт, где готовят таких же дипломатов, как ее отец.

Впрочем, в замкнутом, годами складывавшемся коллективе всем (или почти всем) всё (или почти всё) друг о друге известно. Я не очень-то верю работавшим под посольским прикрытием разведчикам, будто никто из коллег не подозревал о главной цели их пребывания в зарубежье. В небольшой, закрытой и постоянно вынужденной общаться между собой группе посольских многое тайное невольно вылезает наружу. Лишнее

слово, жест, личная просьба сослуживца, иногда кажущаяся далекому от дел разведки необычной, настораживает. Направляет мысли в определенное русло. Та же замкнутость белки в колесе порой невольно заставляет кому-то довериться, что-то рассказать, поделиться необычной новостью, подчас предназначенной только для сугубо внутреннего пользования.

Да и до какой было бдительности в разгар перестройки. И в Кремле-то не понимали, что происходит и к чему катится. Что говорить о сидевших вдали от родины. Пересуды, обсуждения. Порой потеря элементарной сдержанности, не пишу бдительности, в разговорах.

Некоторые догадывались, даже точно знали, что уважаемый дипломат, долгие годы до этого отработавший в Великобритании, хорошо знавший английский, выполнял и несколько иные функции. В посольстве занимался политикой, новыми технологиями, был специалистом в сложных областях науки. А молва называла его чуть ли не руководителем — или замом руководителя — этого важнейшего для СССР направления. Короче, наверное, относительно понятно, кем был этот мой знакомец-теннисист.

В июле 1992 года наступила пора его отъезда. Подошел, искренне признался, что было приятно со мной общаться и читать статьи, особенно о теннисе и знаменитом турнире «Ролан Гаррос», где мы порой пересекались. Оставил свой телефон. И мой срок проститься с Францией волею судьбы и главного редактора приближался, поэтому предложил он встретиться вскоре по приезду в нашу Москву и втроем: он, я и наш общий теннисный друг, достигший к тому времени высот не только в спорте.

Почему-то сообщил, что уже отправил домой почти все вещи и машину, на которую копил все эти годы. Особо выделил: накопил на «Волгу». В первые годы после падения советской власти это было уже необычно. Все стремились купить хоть что-нибудь французское. А он — вот такой патриот и молодец. По понятиям отечественного заграничника, отправка машины домой означала, что сцена прощания близко-близко.

Но она оказалась еще ближе, чем кто-либо мог предположить. Наш коллега-дипломат и теннисист пропал. По всем законам жанра это произошло в выходные. Вроде бы собирались они с женой поздним пятничным вечером поехать напоследок отдохнуть в какой-то недалекий французский городок. Или поплавать на парходике, заглянуть в замки Луары. В субботу и в воскресенье никто и в ус не дул. В понедельник, в принципе, тоже. Жаркий во Франции июль, время сплошных отпусков, когда все важные и не важные парижские офисы пустуют, встречаться не с кем, а на улицах так безлюдно, что можно припарковаться чуть ли не у Елисейских Полей. Во вторник поднялось некоторое беспокойство. Официально осведомились у вежливых французов, не знают ли они о

местонахождении дипломата. Те, вроде бы искренне, ответили, что понятия не имеют. Начались поиски, новые запросы, снова поиски.

Через неделю полиция обнаружила его служебный «рено» с нашим дипномером по одним сведениям — на мосту, по другим — в недалеком от Парижа аэропорту «Орли». Погиб? Может, утонул? Провокация чужих спецслужб?

Все было проще. Виктор Ощенко, так звали предателя, сбежал. А целехонькую посольскую машину оставил в знак того, что совсем не намерен попадаться на возможные обвинения в краже чужого имущества.

Тут кое-что многим припомнилось. Ведь работал вторым секретарем в посольстве в Великобритании вместе с точно установленным шпионом Олегом Гордиевским. Тот, находясь под подозрением и обманув приставленную к нему охрану, был дерзко вывезен заботливыми иностранными опекунами прямо из Москвы в одном тренировочном костюме. Может, этот подлец Виктора и завербовал? Или наоборот? Кто знает, вероятно, Гордиевский изучал своего коллегу в Англии еще в 1970-е, а в 1985-м, когда сослуживец по посольству и разведке прибыл в Париж, подал сигнал англичанам о подходящем объекте вербовки. Ощенко пробыл в заграничной командировке семь лет. Сколько же и кого предавал, какой вред мог нанести.

И нанес. Стали понятны некоторые неудачи коллег Ощенко по основной, не дипломатической, работе. Вскоре после бегства шпиона англичане поделились с французскими коллегами результатами деятельности перебежчика, и кое-кому из местных ученых среднего звена были предъявлены обвинения, для некоторых закончившиеся гуманно короткой тюремной отсидкой.

Исчезновение дало ответы и на некоторые другие вопросы.

Вскоре проводили на родину — подальше от греха — нескольких сотрудников посольства, только недавно приступивших к работе на берегах Сены.

Это дело не получило широкой огласки. Было не до того. 1992 год — рассыпалась огромная страна. Столько всего свалилось, не до предателя было. Да и кто скажет, сколько их в ту пору смуты оказалось?

Появились сомневающиеся. Ведь так хорошо трудился Ощенко на наше благо, что перевели его в посольстве из секретарей в советники. Сразу после бегства кто-то говорил, а кто-то даже и написал, будто верного ленинца сломали перемены на родине. Не смог пережить, впал в тяжелую депрессию и в знак протеста покинул всех нас. Это — выдумки, что подтвердили и последующие события.

Ощенко скрылся в английских туманах и на предложение российской стороны встретиться с консулом ответил категорическим отказом, он остался в Англии.

Почему рванул? Чувствовал надвигающееся разоблачение? Ясно, из Парижа переправиться через Ла-Манш было проще, чем вырваться в Лондон из Москвы. Боялся возвращения и что-то почуял?

Работая на англичан, выслужил их гражданство и покровительство. Или все это болтовня и живет Виктор с семейством где-то по ту сторону океана? Чего гадать... Даже о судьбе его старшей дочери мне неизвестно: дома или дали воссоединиться с родителями и младшей сестренкой?

Точно, что британская «Сикрет интеллидженс сервис» объявила кадрового советско-российского разведчика Оценко своим. А наши признали его английским шпионом, занимавшимся промышленным шпионажем в пользу Соединенного Королевства.

Вместе с Гордиевским выступал свидетелем на суде, перед которым предстала семейная английская пара. Этих ученых Оценко, кажется, завербовал еще в Великобритании в 1970-е. А арестовали Майкла и Памелу Смит, какая же банальная фамилия, гораздо позже. Видимо, не хотела СИС засвечивать советского крота, был он им важнее в действии, в разрушительной своей работе, чем две мелкие научные сошки. Которые тем не менее схлопотали свой срок, несравнимый с щадящим французским. С таким свидетелем, как русский экс-полковник, никак не поспоришь.

Никогда бы не поверил, что такой со всех сторон правильный и никак судьбой не обиженный человек пошел в предатели. Ну ни малейшего подозрения. А что, другие типа того же Пеньковского или Гордиевского публично подавали какие-то знаки: еще немножко попредаю всех вас и сейчас сбегу?

Долго ломал голову, и припомнилась мне лишь одна теннисная штучка, засевшая в памяти. Этот теннисист на каждом турнире «Ролан Гаррос» просил меня покупать ему мячики. Отыграют великие игроки сколько-то геймов на земляных кортах, и судьи меняют мячи, чтобы лучше отскакивали, не садились и не впивались после мощных подач в красный грунт. А мячи, почти новенькие, потом продавали публике за гроши. Можно и сэкономить.

Неужели шпиона можно было вычислить по этому некоему признаку жадности? Да никогда!

НАПОСЛЕДОК: ДАВАЙТЕ БЕЗ МИФОВ

Вокруг героев-разведчиков много легенд — правдивых и не очень.

Начну с мифа очевидного, но все равно живучего, постоянно всплывающего, да еще и доказывающего некую историческую правоту. Итак, в годы Второй мировой войны на самом-самом немецком верху были у нас свои люди — не только агенты, но и внедренные разведчики.

Был немец Вилли Леман, а не Штирлиц

С появлением телефильмов типа «Исаева» рассказы о том, что «действительно был у нас свой разведчик, конечно, не Штирлиц, но был», становятся на время все громче. Добрались даже до гестапо, где занимали ключевые посты. Ничего похожего. А в гестапо был лишь не раз описанный агент «Брайтенбах», он же гауптштурмфюрер СС Вильгейм — Вилли — Леман, чье звание соответствовало воинскому, капитанскому — гауптмана.

Накануне войны со здоровьем уже немолодого Лемана, сотрудничавшего с советской разведкой с 1929 года, стало совсем неладно: замучил диабет. Хорошо, в свое время наши подкинули денег на лечение, а появление тогда значительной суммы было легендировано выигрышем на бегах. Иногда агент передавал выходявшим с ним на связь советским разведчикам Зарубину, Короткову важные секретные документы.

Но в 1941-м сильно постаревший Вилли Леман занимался в основном проверкой лиц, которым предстояло охранять важнейшие германские военные заводы. Последняя информация датирована 19 июня. Вызвав на экстренную встречу «оперативного работника Николая, сообщил ему следующее: 22 июня после трех часов ночи германские войска начнут военные действия против СССР. Гестапо приведено в состояние повышенной боевой готовности. Прощайте, товарищи!».

Связь с Леманом была прервана на полтора года. Никаких данных и никаких важных шифрограмм. До подвигов Штирлица-Исаева и прочих вымышленных персонажей было далеко. На «Брайтенбаха» попытались выйти лишь в декабре 1942 года. Но заброшенного в Германию нашего агента поймали. Под Рождество три дня «мельницы», так называемого трехдневного непрерывного допроса под пытками, и бывший военнопленный, перевербованный людьми генерала Судоплатова Альберт Барт, не выдержал. Назвал всё: адрес, пароль, телефон... И старейшего сотрудника гестапо замучили в подвалах. Чтобы избежать позора, суда, следствия... для всех, включая жену Лемана Маргарет, гестаповец Мюллер придумал относительно правдоподобную версию. Леман умер в поезде Берлин — Варшава. Во время приступа тяжелейшего диабета впал в кому, выпал из вагона, разбился насмерть. Мюллер сумел уговорить и Гиммлера, и Шелленберга, у которого служил Леман, замять дело.

В 1969 году Маргарет Леман получила в ГДР ценный подарок от Президиума Верховного Совета СССР. На золотых часах — гравировка: «На память от советских друзей». А как бы все же хотелось предположить, что вручил их Маргарет Леман доживший до этого светлого дня Максим Максимович Исаев. А что, по возрасту вроде подходит. Если в Гражданскую войну ему было лет двадцать пять, то мог бы и дотянуть. Но если и дотянул, то только на уровне любимой мифологии.

Шпионаж — это вам не стриптиз

Если говорить честно, то в нашей по-прежнему читающей и весьма любознательной стране наиболее известны два идола разведчика. Первый, и вполне заслуженно, это полковник Рудольф Иванович Абель, он же полковник Вильям Генрихович Фишер. Вторая в коротком списке — Мата Хари. Имя вошло в поговорку. Зайдет разговор о шпионаже, о знаменитых женщинах-разведчицах, как сразу начинается: ну прямо Мата Хари. Или: из нее не получилась Мата Хари, а хотите — наоборот: настоящая Мата Хари. И когда я пытаюсь со всей свойственной мне деликатностью (шутка!) объяснить оппонентам, что они сильно заблуждаются, на меня смотрят как на незнайку-дилетанта.

Но еще в конце прошлого, XX века я не торопясь изучил все имевшиеся в открытом доступе крупной парижской библиотеки документы, касающиеся этой блестящей, бедной, сумасбродной и несчастной авантюристки. И попробую, не отнимая слишком много времени и книжного места, развеять въевшиеся в наше сознание легенды.

Мату Хари, которую незаслуженно провозгласили легендарной, а то и самой выдающейся шпионкой прошлого столетия, с таким же, и даже большим, основанием можно назвать и куртизанкой, и стриптизершой, и танцовщицей, а главное — трагической неудачницей.

15 октября 1917 года французы расстреляли ее недалеко от Венсенского леса.

Судья был несправедлив, присяжные чересчур суровы, однако их приговор страна восприняла с воодушевлением. Военные дела Франции шли неважно. Требовалось успокоить общественное мнение, и тут очень кстати подвернулась заезжая знаменитость.

Да, та самая голландка Маргарет Гертруда Зелле, которую еще сравнительно недавно так боготворил Париж. Танцовщицу и обольстительницу, псевдоним для которой придумал ее покровитель месье Гиме — богач и владелец и по сей день ломящегося от туристов Музея восточных искусств (Музей Гиме).

Мата — по-малайски «глаз», а хари — «день». В марте 1905 года она, танцуя, впервые и прямо в музее сотворила то, что нынче зовется стриптизом. Разделась на глазах у мужской в основном толпы, оставшись лишь в бусах и прочих прикрывавших грудь украшениях. Эта часть тела была у Маты Хари настолько плоской, что художники не хотели брать ее даже натурщицей. Вот и пришлось, по совету Гиме, скрывать изъяны и, оголяясь, обвешиваться побрякушками. Успех был потрясающий. Женщина под именем Мата Хари затем проделывала свои номера в уже тогда престижнейших театрах «Ла Скала» и Опера Монте-Карло, в парижском зале «Олимпия».

По современной терминологии разведки то, что вытворяла Мата Хари со своими высокопоставленными и, бесспорно, знавшими немало военных секретов клиентами, могло бы именоваться «медовой ловушкой». Заманивала в постель, пытаясь выведать секреты. На первых

порах сообщала всё любовниками — или клиентами — разболтанное немцам, которые быстро поняли, что фантазия легкодоступной (но только за большие деньги) дивы оперативной ценности не представляет. Платили совсем немного, подкидывали так, на всякий случай, держали на поводке: вдруг действительно понадобится?

А когда началась Первая мировая война, ее без труда завербовали за франки и французы. Хотя и вербовки, по сути, не было. Денег Мате никогда не хватало, так что ею играли так же легко, как легко играла она со своей высокопоставленной мужской клиентурой.

Есть в деле Маты Хари и русский след. Кажется, она по-настоящему влюбилась в красавца штабс-капитана царской армии Вадима Маслова, очень кстати отдохавшего на французском курорте Виттель — между прочим, находящемся тогда в запретной прифронтовой зоне. Но есть ли преграды для любви? Заветный пропуск туда Мата Хари, конечно, достала. И этот чисто любовно-похотливый эпизод изредка дает повод предполагать, будто Мата Хари работала на немцев, французов и даже немножко на нас. Была не двойным, а тройным агентом.

Лучше всего ее роль и добытые сведения оценил английский разведчик Берни Ньюмен: «...Мата Хари не совершила сотой доли того, что приписывалось ей в романтических произведениях, или одной тысячной части из того, что говорилось в якобы более серьезных книгах».

С этим трудно не согласиться. Передаваемое ею чаще всего оказывалось вторичным, мало значащим или вообще смахивало на подсунутую ей профессионалами от разведки дезинформацию.

Слишком яркая и слишком болтливая, Мата Хари ввязалась в серьезные мужские шпионские игры, чересчур нагло требовала от всех разведок, ладно бы от любовников, огромных сумм за услуги. Ремесло соблазнительницы она освоила тонко, но дальше этого не пошла, убедив себя в том, что легкие деньги можно получать, не оказывая серьезных услуг разведке.

Но не зря ее держали на поводке и французы. И увядающая под грузом лет и выпитого алкоголя Мата Хари была умело «подставлена», принесена в жертву. Французы поймали знаменитую «шпионку», выданную им союзниками-англичанами в нужный момент. Плюнули даже на то, что шпионы, находящиеся в деле, по законам разведки не имеют права быть знаменитыми. Хари ни в чем не призналась присяжным. Хотя и представить сложно, в чем она могла бы признаться. А вот эпизод с заездом в прифронтовую зону по официально выданному с громким скандалом пропуску превратился в один из пунктов обвинения. Подозрения мог бы развеять вызванный адвокатом в качестве свидетеля защиты Вадим Маслов. Что стоило ему рассказать об истинной цели приезда, не вдаваясь в постельные подробности. Но главная любовь жизни на процесс не явился, и Мата Хари впала в депрессию.

Наверное, только получив отказ от французского президента Пуанкаре о помиловании, поняла, что разведка — это совсем не стриптиз. Хотя проявила мужество при расстреле, отказавшись от повязки на глаза.

Ну что? Доказал я, что к разведке Мата Хари если и имела отношение, то далекое, косвенное и никаких подвигов в ней не совершила? То есть вы мне верите, однако и теперь считаете, будто все же была двойным, тройным, каким хотите, но агентом? Знаете, что скажу вам на это? Каждый вправе оставаться в плену собственных убеждений и заблуждений. Но в таком случае хотя бы сравните совершенное героинями этой книги с тем, что абсолютно не получилось у Маты Хари. И переставьте ее, пожалуйста, в самый конец длинного списка женщин, добывавших настоящие секреты.

Люба Шевцова из «Молодой гвардии» и НКВД

Только не надо ни в чем винить Александра Фадеева — талантливое писателя с трагической судьбой, в 54 года добровольно ушедшего из жизни. Когда он создавал свой лучший роман «Молодая гвардия», о том, что несколько членов этой организации учились во время войны в специальной школе НКВД, секретарю правления Союза писателей СССР не докладывали. Среди слушателей — и Любовь — Любка, как все ее звали, — Шевцова, вскоре благодаря Фадееву ставшая легендарной.

Вылепленный литературный образ несколько отличался от реального. Любка была девчонкой задиристой. Дисциплинки ей не хватало. Даже в комсомол не принимали, да она туда не слишком и рвалась. Но началась война, и Любовь Шевцова почти сразу оканчивает курсы медсестер.

Работая в госпитале в Краснодаре, узнала о наборе в школу НКВД, в которую семнадцатилетнюю Любовь Георгиевну рекомендовал Краснодарский райком комсомола. Люба написала заявление и прошла собеседование у начальника районного отдела НКВД. В 1942 году — она уже член ВЛКСМ, в заявлении светлые и искренние слова с просьбой принять курсантом Ворошиловградской школы подготовки партизан и подпольщиков: «...так как я желаю быть радистом нашей Советской страны... и смело выполнять задания в тылу врага и на фронте».

И ей, совсем не пай-девочке, поверили. Шевцова освоила радиодело, шифровку, неплохо стреляла. Летом 1942-го враг под Ворошиловградом, и ее решают оставить в городе. Радистка под оперативным псевдонимом «Григорьева» одной из подпольных групп, кажется, звавшейся «Бурей», должна осуществлять связь между подготовленным к работе подпольем оккупированного Ворошиловграда и Центром.

Но «Бури» не получилось, потому что сразу как-то не заладилось. Пришли немцы, и тут же Любу с рацией выгнал из своего дома трусивший подпольщик. Она поместила рацию в печь избы, где жил начальник группы, дважды в день выходила на связь, но ей никто не отвечал. Затем, испугавшись и не предупредив «Григорьеву», сбежал,

забился в глухое село непосредственный начальник из «Бури». Сколько же раз она рисковала, ездила потом к нему из Краснодона в Ворошиловград за рацией. И записки писала, и с родственниками командира говорила, прося сообщить, что она к работе готова или чтобы отдали хотя бы рацию. И, нарушая все инструкции, оставляла свой точный адрес в Краснодоне. Знала бы Люба, что рация уже давно разбита начальником, коды и шифры уничтожены.

Но Любка времени даром не теряла. К тому времени в Краснодоне она уже была членом штаба «Молодой гвардии». Сдружилась с ее руководителем Олегом Кошевым, билась с немцами, как и рассказано в романе Фадеева. Быть может, чересчур яркая, иногда острая на язык Любка и привлекала излишнее внимание абвера. Однажды ее арестовали: стукнул один знакомец, что училась в спецшколе НКВД, однако Шевцова отговорила: училась, но только на курсах медсестер. Все же 1 января 1943 года ее арестовали — как и других ребят из «Молодой гвардии». Для немцев Любовь Шевцова была несколько иным материалом, чем остальные молодогвардейцы. С тех что взять — молодые мстители, их с первого дня истязали нещадно. А Любу хотели перевербовать, затеять с ее помощью радиоигру, и начали фашисты с посулов. Но Люба держалась твердо. Никого не выдала. Вынесла пытки жутчайшие. И еще поддерживала слабых. Вот где дала себе волю, оскорбляя фашистов. В записке, чудом переданной матери из тюрьмы, нацарапано: «Мама, прощай! Твоя Любка уходит в сырую землю».

Любови Шевцовой, как и нескольким другим молодогвардейцам, присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно. Она не дожила и до девятнадцати лет. И разве, в конце концов, важно, закончила Любовь Григорьевна Шевцова школу НКВД — не закончила... Она превратилась в символ преданности и силы женской воли.

Немцы пробрались в Генштаб

Об этом во время войны несколько раз предупреждал Сталина сам Уинстон Черчилль. Действительно, английская разведка относительно регулярно доносила премьеру, что именно в советском Генеральном штабе действует немецкий агент. Причем передает по рации сведения стратегического характера. Миф совсем «разгулялся» после войны, когда это же доверительно сообщили в своих мемуарах немецкие разведчики разного ранга.

Никаких свидетельств этого мне разыскать не удалось. И я обратился к правнучке маршала Рокоссовского Ариадне, которая неустанно собирает материалы о тех временах, постоянно общается с родственниками наших полководцев времен Великой Отечественной. Привожу ее мнение дословно:

«Никогда об этом не слышала.

Я знаю, что Александр Михайлович Василевский, будучи главой Генштаба, жил в постоянном страхе. Его сын Игорь Александрович

рассказывал мне в интервью: “Сталин был требователен, не прощал никаких ошибок, даже мелочей. Обстановка была напряженная. ‘Стены слушали’, вездесущие глаза и уши приучили нас не высказывать мысли вслух. Отец все время находился на грани, один раз даже прощался с нами. В середине войны в загородном доме в Волынском, который находился рядом с ‘ближней’ дачей Сталина, отец признался, когда мы были одни, что не знает, что его ждет. Он не мог ничего сказать вслух, но по выражению его лица, по тону, по жестам я понял, что он со мной прощается. И дело было не в военных действиях, хотя он работал с чудовищной моральной и физической перегрузкой, и бывали моменты, когда он на секунду отключался над картой. Угроза исходила от Берии и НКВД. Все без исключения люди из нашего окружения занимались тем, что следили и проверяли, даже мои игрушки проверялись каждый день. К тому же с нами все время ездила охрана — люди с музыкальными инструментами. У них были футляры от скрипок, ну а внутри... соответствующий инструмент. Когда отец бывал дома, этот ‘музыкальный квартет’ дежурил в подъезде. Главный из них ежедневно писал отчеты.

Система была очень жесткой. Она предписывала, каким должно быть окружение, с кем можно дружить, а с кем нельзя водить знакомство. Мне просто указывали, с кем общаться, а с кем нет. Не исключая, что это сам Верховный говорил отцу, мол, ваша семья находится не в том окружении. Фильтровались мои и мамины друзья, родня. Активно не поощрялась дружба между семьями полководцев”».

Ответ, по-моему, исчерпывающий. Как можно было проникнуть немецким шпионам в самое сердце Генштаба, если даже сам начальник Генштаба Александр Михайлович Василевский находился под таким тяжелейшим сталинским колпаком.

Однако природа слухов понятна. Немцы были уверены: в Генштаб внедрился их агент Макс. В советской разведке Макс действовал под псевдонимом Гейне и носил имя Александр Петрович Демьянов. В нескольких моих книгах я рассказал о нем относительно подробно. Макс, которому немцы безгранично доверяли, гнал дезинформацию. Но какую: выверенную, высшими чинами Генштаба же и подготовленную. Иногда специально передавались действительно точнейшие сведения, чтобы у фашистов не возникало никаких подозрений. Эта радиоигра вошла в историю советской разведки под названием «Монастырь», затем была переименована в «Березино». Последняя радиограмма, отправленная немцами из Берлина, была принята уже после капитуляции Германии в мае 1945 года.

Жену оставьте дома

Ну а если вернуться к Штирлицу и трогательной его встрече с женой «В семнадцати мгновениях весны», то сцена эта вышибала слезу из многих. Тут всё сошлось: лаконична музыка, мужествен Штирлиц — Вячеслав

Тихонов, трогательна его жена — актриса Театра имени Вахтангова Элла Шашкова, которую даже десятилетия спустя Служба внешней разведки поздравила за этот маленький киношедевр с юбилеем.

Только жен разведчикам не привозили. Не было такой практики. А уж тем более в годы Второй мировой войны.

Вот что рассказала мне дочь Юлиана Семенова Ольга, которую я попросил прочитать эту мою главу:

— Вы абсолютно правы относительно встречи Штирлица с женой. Все выдумки! Но дело в том, что Юлиан Семенович как раз был категорически против этой сцены в фильме. В книге она отсутствует, в литературном сценарии, написанном отцом, ее тоже нет. Этот эпизод придумала и буквально с боем включила в фильм Татьяна Лиознова. Женщина-режиссер, и что тут поделаешь. Отец до последнего сражался с ней, но женские эмоции и упрямство победили мужскую логику и устоявшуюся практику контрразведки. Папа называл эту сцену «розовыми соплями» и очень на Татьяну Михайловну сердился.

Мой добрый знакомый Юрий Сергеевич Соколов был интеллигентнейшим человеком, изумительным рассказчиком, хорошим поэтом, большим руководителем в Международном агентстве по атомной энергии в Вене, где дослужился до высоких чинов. А еще Соколов — полковник разведки и связник легендарного Абеля.

— Однажды мы уехали из Нью-Йорка, остановились на берегу океана, — вспоминал, царствие ему небесное, Юрий Сергеевич. — Чувствовалось, Абелью не только хотелось поговорить со мной по-русски, а это для нелегала праздник и роскошь — иногда непозволительная, но и что-то мне поведать. И тогда на пустынном пляже суровый и аскетичный нелегал вдруг попросил меня обратиться к начальству в Центр и привезти в США жену. «Но как?» — Я был обескуражен. И Абель, видно, все хорошо продумавший, предложил устроить свою жену Елену Степановну в какое-нибудь советское представительство. В глазах — вера, в голосе — надежда. Потом подошел к воде, задумался: «Нет, не надо. Сначала вы мне покажете ее издалека. Потом увидимся где-нибудь в кафе. Через неделю встретимся с Элей в мотеле, а еще через две — нас всех арестуют. Забудь».

И юный лейтенант Соколов увидел в первый и в последний раз, как скатилась по лицу сурового нелегала крупная слеза. Юрий Сергеевич решил просьбу все-таки выполнить, обо всем написал в Центр подробнейше.

Полковник Соколов искренне полагал, что именно это донесение и вдохновило писателя Юлиана Семенова на создание того самого эпизода встречи Штирлица с женой. Писателю, как точно знал Соколов, дали ознакомиться с этой частью секретного архива.

А вот другой эпизод ни в какие фильмы о разведчиках-нелегалах не вошел. Именно в тот день молоденький связник должен был выполнить по приказу руководства и совсем неприятную миссию:

деликатно выяснить у Абеля, не появилась ли у него в Штатах знакомая, подруга. В общем, понятно. Краснея, Соколов спросил. И Абель ответил просто, без обид: «Нет, у меня никого нет. И не было. Очень люблю Элю».

И уже садясь в автомобиль, вдруг осведомился у связника: «Скажи, а что, в Центре сменилось начальство?» Смущенный и не понимающий Соколов подтвердил, что да, сменилось, и что? «Да просто, когда начальство меняется, меня об этом каждый раз спрашивают связники», — грустно улыбнулся Абель.

Ходят слухи по домам

В последние несколько лет замечаю упорное желание пересмотреть историю. В том числе и историю разведки. В принципе, понимаю и причину. Всё прочно устоялось, подтверждено и действующими лицами, и документами. Но славные действующие лица ушли, а о документах можно забыть. И так хочется подкинуть нечто новенькое, все прежнее опровергающее, несведущих читателей и телезрителей шокирующее. А заодно рейтинг рассказчика-сказочника поднимающее.

Вижу эти стремления и в дилетантских книгах, и в телевизионных передачах. Стараюсь опровергать пущенные слухи о гитлеровском прихвостне Бормане: «Что вы, Николай Михайлович, ведь это наш разведчик, боевой генерал, похоронен на Новодевичьем». Смеюсь, но про себя, когда в телепрограммах невзрачный персонаж называет популярную и убиенную киноактрису Зою Федорову заслуженным чекистом Советского Союза. Иногда отвечаю на телефонные звонки с предложением встретиться с совсем молоденькой дочкой полковника Абеля, а на мои напоминания о кончине героя еще в 1971 году получаю нагловатый ответ: «Ну и что, а про искусственное оплодотворение не слышали?»

Как-то в открытом эфире небольшого телеканала, одним названием своим призванного быть хоть немного компетентным в истории спецслужб, полчаса со всей твердостью, на которую только и был способен, опровергал бредовые идеи красавицы-ведущей. Но под конец прекрасная дама ошарашила меня и зрителей кошмарной выдумкой. Успел рассмеяться, но не ответить. Милая телеведущая тут же попрощалась со зрителями.

В примерке, где все неловкости, случившиеся перед телекамерой, с облегчением забываются и даже Зюганов мирно беседует с Жириновским, милейшая красотка меня подковырнула: «Ну, как я вас. Вы и слова не смогли сказать». Не смог, потому что был вырублен, не успел. А спросить, стирая грим, спросил:

— Кто вам наплел эту чушь?

— Моя бабушка. Она была народной артисткой еще РСФСР.

— Можно узнать, откуда она такое узнала?

— Конечно. У бабушки был хороший знакомый. И его отец перед смертью поведал обо всем сыну.

— Но от кого обо всем этом узнал сам отец? Служил в органах?

— Да нет. Ему об этом рассказал дворник их дома, попросив никому не говорить. Вы же помните, какие были тогда времена. Но все тайное становится явным.

Какие еще мне были нужны аргументы?

Рыцарь пера, а не плаща и кинжала

И последняя легенда: многие читатели уверены, будто Юлиан Семенов, отец-прародитель Исаева — Штирлица, и сам был разведчиком. Якобы даже служил когда-то в Германии.

Да, служил, но собственным корреспондентом. Как рассказал мне бывший коллега Юлиана Семеновича журналист Валентин Запевалов, тогда заместитель главного редактора «Гудка», Семенов в конце 1970-х — начале 1980-х несколько лет проработал в Бонне от «Литературной газеты». Много ездил, особенно на север страны, писал о поисках Янтарной комнаты. Он отлично говорил на пушту, но не на немецком. Однако приехал в ФРГ и как человек, талантливый во всем, язык тоже схватил на лету. А попал в страну, для простых советских людей в ту пору закрытую, благодаря своим обширным связям. Выбил финансирование для корреспондентского пункта, поселился в тихом местечке, работал, не чурался пива, шнапса, дружеского общения. Абсолютно не выпендривался, писательством не кичился...

Да, создав свои первые произведения о чекистах еще в 1959-м, был любимцем разведки, имел доступ к архивам, но сам там не был, не служил, не участвовал. Его талант в ином — в воспевании не совсем понятной тогда советскому человеку профессии.

И снова обращусь к любезно предоставленному мне Ольгой Юлиановной Семеновой рассказу об отце:

«Я написала в моей книжке о папе в молодогвардейской серии “ЖЗЛ” и опубликовала его архивы в двухтомнике “Неизвестный Юлиан Семенов” (издательство “Вече”). Но если коротко, то.... Папа мне запомнился человеком-оркестром, который создавал вокруг себя атмосферу творчества и праздника. Вставал рано, ложился поздно, был неисправимым трудоголиком.

Говорил, что не отречется ни от одного написанного им слова, и был в этом абсолютно искренен. В отце очень гармонично уживалось на первый взгляд несовместимое и парадоксальное. В его кабинете в правом углу стояла икона Богородицы со Спасителем, а в левом — фотографии Ленина и Дзержинского. Он был крещен русской бабушкой Евдокией Федоровной, не вступил в компартию, но был убежденным социалистом. Увлекательно и серьезно писал о революции, ВЧК, нашей контрразведке, дотошно изучал труды Ленина, а настольной книгой у него была Библия.

Ярый космополит, он проводил долгие месяцы в зарубежных командировках, но мучительно тосковал по русскому языку и ликовал, когда возвращался домой: “Какое счастье, все кругом по-русски говорят!” Убежденный западник, он уважал и ценил наших писателей-деревенщиков и встал на защиту Василия Шукшина, когда того стали травить. Написал прекрасный, на мой взгляд, четырехтомник “Горение” о Ф. Э. Дзержинском и создании ВЧК, гордился добрым к нему отношением Ю. В. Андропова, дружил с В. К. Бояровым и В. И. Кеворковым (известные советские, российские разведчики. — *Н. Д.*), но добился возвращения на родину ковра с изображением Николая Второго, государыни и наследника. Это был подарок шаха Ирана к 300-летию дома Романовых, который пропал из Ливадийского дворца в годы революции и был обнаружен отцом на аукционе во Франкфурте в начале 1980-х. Он уговорил купить ковер своего друга барона Эдуарда фон Фальц-Фейна (знаменитого мецената с русскими корнями. — *Н. Д.*) за баснословную сумму, и ковер вернулся в Россию и теперь украшает Ливадийский дворец. Отец также уговорил Сергея Лифаря (выдающийся французский танцовщик и балетмейстер, выходец из России. — *Н. Д.*) подарить нашей стране уникальные письма Пушкина Наталье Гончаровой.

Все эти факты биографии писателя кажутся противоречивыми лишь на первый взгляд. Дело в том, что отец по-настоящему, не делая различий между происхождением или убеждениями тех или иных исторических персонажей, любил российскую историю. Поэтому, кстати, в своих произведениях о Штирлице — тринадцати романах и одной повести (!) он “дает слово” самым разным персонажам. Так, например, в романе “Бриллианты для диктатуры пролетариата” у него прекрасно и убедительно говорят и чекисты, и аристократы, и белогвардейские журналисты, и “мятущийся” писатель, и даже вороватый ювелир имеет право высказаться.

По своему внутреннему складу отец, как мне думается, был не только писателем, но и серьезным историком. Тут сказались обучение в Московском институте востоковедения в 1949—1954 годах и сильное влияние мамы-историка. Галина Николаевна Ноздрина (племянница революционера и поэта Авенира Ноздрина из Иванова) свою профессию любила и любовь эту передала папе еще в детстве. Отец часто говорил, что писатель, для того чтобы ему поверили в большом, должен быть предельно точен в деталях. Оттого он и работал так увлеченно в архивах. И эта работа помогла ему при написании не только романов о Штирлице, но и серии исторических романов под общим названием “Версии” о Гучкове, Столыпине, Маяковском, Петре Первом и Иване Виткевиче (востоковед, первый российский посланник в Кабуле. — *Н. Д.*).

Несмотря на дружбу с заместителем начальника контрразведки В. К. Бояровым и генерал-майором КГБ В. И. Кеворковым, Юлиан Семенов разведчиком не был. Хотя в юности мечтал им стать, побывав

в Берлине весной 1945 года: взял с собой отец Семен Александрович. И позднее он выбрал своим главным героем Штирлица не случайно: с одной стороны, тут был интерес к истории, с другой — к разведке.

Вот что писал об этом сам отец: “Когда я задумал первую книгу из цикла политических хроник о Штирлице, я больше всего думал о том, как организовать исторический материал. Я считал, что сделать это можно, лишь пропустив события сквозь героя, сплавив воедино категорию интереса и политического анализа, исторической структуры и судьбы человека, оказавшегося в яростной круговерти громадных событий прожитого нами пятидесятилетия. История нашей Родины такова, что человек, родившийся вместе с двадцатым веком, должен был пройти через события революции, Гражданской войны, испанской трагедии, Великой Отечественной войны. Как быстротечен — с точки зрения исторической ретроспективы — этот пятидесятилетний миг и как он насыщен событиями, поразительными по своему значению. ‘Кирпичи’ фактов истории обязаны быть накрепко смонтированы сюжетом, который не только развитие характеров, но — обязательно — интерес, заключенный в личности, которая пронизывает все повествование. Такой личностью оказался Максим Исаев, он же Всеволод Владимиров, он же Макс Штирлиц”...

Папин герой Штирлиц начался с маленькой записочки Постышева Блюхеру, которую он нашел в начале 1960-х годов в хабаровском архиве. Постышев писал, что переправил во Владивосток “чудесного молодого товарища”. Об этом молодом человеке, работавшем журналистом в белогвардейской прессе, говорил папе и писатель-разведчик Роман Ким. А когда Меркуловы были изгнаны, этот молодой человек появился в форме ВЧК вместе с И. Уборевичем. На основании этих фактов папа написал первый роман о Штирлице “Пароль не нужен”. Привожу слова отца: “Увы, у нас еще бытует слащаво-мещанское представление о работе разведчика. Иногда наталкиваешься на пожелание: ‘Вы ведь пишете детектив, придумайте какие-нибудь лихие повороты! Ваш разведчик бездействует, не проявляет себя’. По-моему, такое мнение рождено детской привязанностью к ‘Трем мушкетерам’ с одной стороны и презрением к литературным поделкам о манекенах с ‘седыми висками и усталыми, добрыми глазами’ — с другой. Пожалуй, нет спора, что важнее: похитить — со многими эффектными приключениями, погонями, перестрелками и таинственными перевоплощениями — ‘ключи от сейфа’ — или же, находясь в стане врага, внешне ничем себя не выделяя и никак ‘героично’ не проявляя, дать серьезную оценку положения, высказать свои предположения о настоящем и будущем... Максим Максимович Исаев, работая во Владивостоке в стане оккупантов, должен был ‘пропустить’ через себя, понять и выверить информацию о настроениях в ‘Черном буфере’, которую он ежедневно получал как газетчик, легально, не прибегая к ‘бондовским’ сверхэффектным трюкам. При этом следует учесть, что контрразведка

белых во главе с опытным офицером охраны Гиацинтовым сугубо внимательно относилась к газетчикам, имевшим широкий круг знакомств среди самых разных слоев общества. Только благодаря тому, что друзьями Исаева были настоящие люди, предпочитавшие смерть предательству, он смог выиграть поединок с начальником белой контрразведки. Солдатам ставят памятники, об их подвиге пишут, подвиг же разведчика молчалив и безвестен, и чем более он неприметен, тем он весомей”.

“Майор Вихрь” был написан на основании материалов о деятельности в Кракове группы “Голос” — резидент Е. Березняк, заместитель по разведке А. Шаповалов, бесед с польскими товарищами Зайонцем и Очкошем и бесед с генералом Бамлером, в прошлом одним из ближайших сотрудников адмирала Канариса. А произведение “Семнадцать мгновений весны” родилось после того, как отец нашел в переписке Сталина с Рузвельтом и Черчиллем его утверждение, что советскому руководству известно о сепаратных переговорах Гиммлера — Даллеса. Сталин написал, что узнал это от своих информаторов... “Это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо. Эти люди многократно проверены нами на деле”.

Роман “Бриллианты для диктатуры пролетариата” начался с ленинского тома, где была приведена его записка члену Коллегии ВЧК Глебу Ивановичу Бокию по поводу хищений драгоценностей из Гохрана РСФСР. По словам отца, драматизм этой записки был сам по себе законченным сюжетом для романа.

Ю. В. Андропов как-то посоветовал папе чаще прибегать к работе с информацией из открытых источников — мемуаров и исторических изданий. Папа следовал его совету, но когда он писал “ТАСС уполномочен заявить”, КГБ предоставил в его распоряжение три тома дела Огородника! Эти внушительные папки папа пролистал весьма быстро — за 40 минут — в кабинете у Кеворкова и ушел, сказав: “Остальное я выдумаю”. Об этом, кстати, очень смешно вспоминает сам Кеворков.

Мне радостно, что книги отца по-прежнему пользуются успехом в России и во Франции (там сейчас живет О. Ю. Семенова. — *Н. Д.*) и что в списке книг, рекомендованных поступившим в Академию ФСБ России, есть несколько его произведений — мой отец плохому не учил.

Отец умел работать и зарабатывать, но деньги никогда не стояли для него на первом месте. Основав газету “Совершенно секретно”, он распределил ее доли между всеми сотрудниками. Одним из первых занялся благотворительностью и перечислил большие средства афганцам; пострадавшим от землетрясения в Армении; в Детский фонд. И, что важно, дал слово на страницах своего издания православному священнику Александру Меню, чтобы тот попросил власти открыть храмы для народа. Когда в начале 1990-го понял, что грядут тяжелые

годы, сказал моей старшей сестре Дарье (художнице): “Если ты хочешь поехать поработать пару лет за рубежом, то я не против”. Она спросила его: “А ты, папа?” И отец ответил: “Я остаюсь. Автор Штирлица уехать из страны не имеет права”.

Хотя сейчас слово “патриот” затерли у нас до невероятия и звучит оно почти как ругательство, но мой отец был настоящим патриотом, и я им бесконечно горжусь.

В Крыму уже давно открыт дом-музей отца. И в книге отзывов в последние годы все чаще появляются эпитеты “прекрасный сын Родины”, “настоящий гражданин”, “великий писатель”, что тоже очень радует. Папа, кстати, всегда говорил мне, что читатели наши российские внимательные и благодарные. Он был абсолютно прав».

Вряд ли о Юлиане Семенове можно поведать точнее, чем это сделала дочь, благодарно хранящая память о нем.

А умер писатель рано — не дожив двух недель до 63 лет. Зато его героям здравствовать и будоражить умы еще долго. Именно Юлиана Семенова считаю прародителем жанра, ставшего сегодня таким популярным.

Шаг в разведку

К 100-летию создания отечественной внешней разведки перед зданием штаб-квартиры СВР открыта скульптурная композиция, посвященная разведчикам. Ее вы и видите на обложке этой книги.

Задумано и исполнено здорово. Молодая семейная пара покидает главное здание Службы внешней разведки. Они вдвоем, и никого рядом. Но они и не одиноки: за ними, пусть и вдали, за спиной, вся разведка, готовая прийти на помощь. А им, уже сделавшим первые шаги, сейчас предстоит преодолеть важный рубеж. Еще миг — и они войдут в огромную арку, начнется вхождение в профессию. Но уже не здесь, где все знакомо, а там, вдали от родины, им выпала честь выполнить задание, которое поможет обеспечить безопасность страны. Так, как это делали их предшественники.

И на стороне арки, обращенной к новичкам, отлиты в бронзе эпизоды из славной истории отечественной разведки и ее герои. Это Геворк Вартамян, Алексей Ботян, Алексей Козлов, Александр Феклисов, Владимир Барковский, Рудольф Абель... А на обратной стороне пилонов — изображения далеких и близких столиц мира. Новички выходят, как говорят в разведке, «в поле», начинается жизнь разведчика, полная тревог, риска и, будем надеяться, успеха.

Директор СВР Сергей Евгеньевич Нарышкин поздравил всех сотрудников разведки — и молодых, и ветеранов — с открытием композиции. Это они отдают все силы «служению Родине на острие невидимого фронта». Заметил: «Для сложной и опасной работы нужен свой источник силы». Таким и станет эта композиция, к которой и до,

и после выполнения своей сложнейшей работы будут приходить разведчики.

Ее автор — народный художник России Андрей Николаевич Ковальчук, лауреат премии СВР, который создал немало скульптурных образов героев разведки. Но именно эта композиция, открывшаяся в год 100-летия создания отечественной внешней разведки, наиболее монументальна. Она созвучна девизу Службы внешней разведки: «Отечество. Доблесть. Честь».

ПРИМЕЧАНИЯ

Вот перевод этого документа с английского: «Государственный департамент Соединенных Штатов Америки. Вашингтон. 18 января 1955 года. Специальное распоряжение. В соответствии с решением государственного секретаря и службы иммиграции, разрешено поселиться в США на постоянное жительство в соответствии с законом № 110 указанным лицам: Борису Я. Наливайко, второму секретарю, консулу посольства СССР в Вене; Янине А. Наливайко, жене; Светлане Наливайко, дочери. Сопровождать указанные лица поручено полковнику армии США Мэннингу. На этого офицера возлагается ответственность за соблюдение процедур, предусмотренных законом № 110, которым он обязан неукоснительно следовать. Главе миссии США в Австрии, равно как и главнокомандующему Вооруженными силами США в этой стране, предписывается оказывать полковнику Мэннингу всяческое содействие для успешного выполнения им возложенной миссии. Специальный помощник Роджер Д. Форксварт».

Документы такого рода имеют несколько степеней секретности. Например, позже в НАТО они подразделялись на: «Сикрет» («Секретно»), «Топ сикрет» («Совершенно секретно»), «Космик топ сикрет» обозначал «Суперсекретно». И наконец, «For eyes only» — дословный перевод: «Только для глаз», а в специальной литературе эта высшая форма секретности именуется как «После прочтения — сжечь».

НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ

Редактор Е. В. Смирнова

Художественный редактор А. С. Козаченко

Технический редактор М. П. Качурина

Корректоры Т. И. Маляренко, Г. В. Платова

Издательство АО «Молодая гвардия»